

Перекрёстки N 3-4 / 2007

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет
Центр перспективных научных исследований и образования (CASE), проект «Социальные трансформации в пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2007
Журнал исследований восточноевропейского пограничья
ISSN 1822-5136

Редакционная коллегия:
Владимир Дунаев (Минск)
Светлана Наумова (Минск)
Павел Терешкович (Минск)
Игорь Бобков (главный редактор) (Минск)
Валентин Акудович (редактор) (Минск)
Татьяна Журженко (Харьков)
Людмила Кожокари (Кишинев)

Научный совет:
Анатолий Михайлов (Беларусь), доктор филос. наук
Наталка Черныш (Украина), доктор социол. наук
Ярослав Грицак (Украина), доктор ист. наук
Виржилию Бырлэдяну (Молдова), доктор ист. наук
Дмитрий Карев (Беларусь), доктор ист. наук
Димитру Молдован (Молдова), доктор экон. наук

Журнал выходит с 2001 г.
Периодичность: ежеквартально

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Kražiū str. 25, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: office@ehu.lt

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «GaramondBookNarrowC».
Усл. печ. л. 28. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius

Авторы статей несут ответственность за предоставленную в статьях точку зрения.

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

- © Европейский гуманитарный университет, 2007
- © Центр перспективных научных исследований и образования (CASE)
- © М. Анемподистов. Дизайн обложки, 2004
- © М. Шматова. Илл. для обложки

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Александр Филатов

БЕЛАРУСЬ КАК ПОГРАНИЧЬЕ: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О СУДЬБЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ..... 5

Сергей Харитонович

СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОГРАНИЧЬЕ:
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ СИНДРОМ..... 25

Ольга Бреская

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «2-Б ТЕОРИИ»:
ФРОНТИРЫ ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛАРУСИ..... 32

Ольга Баженова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА
КАК КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ..... 54

ПЕРЕВОДЫ

Ядвига Станишкис

ОТ «ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА»
К «ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАПИТАЛИЗМУ БЕЗ ГОСУДАРСТВА»..... 62

ИССЛЕДОВАНИЯ

Александр Пелин

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ НЕПОЛНОЙ ИСКРЕННОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ..... 95

Ирина Олтонина

ПОНЯТИЕ «ДОЛИ» В УСТНЫХ РАССКАЗАХ
ЖЕНЩИН ВОСТОЧНОГО ПОГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ 102

Ирина Кауценко

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ СВОЙ ПУТЬ..... 123

ЭССЕ

Александр Артеменко

УКРАИНА: TERRA AD MARGINEM..... 152

РЕКОНСТРУКЦИИ

Дипеш Чақрабартти

ОБИТАЛИЩА МОДЕРНОСТИ:
ЭССЕ ПО СЛЕДАМ SUBALTERN STUDIES 166

ИССЛЕДОВАНИЯ

Сергей Токть

БЕЛУРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XIX ст. 202

Владимир Мисюк

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ
ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921-1939 гг.) 231

МОНОГРАФИЯ

Юрий Матиевский

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В УКРАИНЕ:
ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ..... 247

Сергей Глебов

ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ПОГРАНИЧЬЕ..... 267

РЕЦЕНЗИИ/ОБЗОРЫ

Франц Корзун

СТРАСТИ ПО УКРАИНСКОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ..... 305

Франц Корзун

ПО СТРАНИЦАМ НОВЫХ ИЗДАНИЙ..... 308

НАШИ АВТОРЫ..... 314

БЕЛАРУСЬ КАК ПОГРАНИЧЬЕ: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СУДЬБЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В достаточно показательном и репрезентативном сборнике материалов семинара «Национальная идентичность Беларуси», опубликованном в Минске в 2004 г. Фондом им. Ф. Эберта, предисловие издателя начинается со следующего пассажа: «Даже через двенадцать лет после объявления независимости белорусская нация еще не консолидирована. Государственный язык, внешнеполитическая ориентация и даже флаг и гимн все еще остаются спорными темами. Беларуси труднее, чем большинству других трансформационных стран, найти четкий национальный автопортрет» (1, с. 4). Речь здесь идет о национальной идентичности – том самом образе себя, который объединяет некое общество в нацию, в государство и одновременно отличает его от всех других.

Следует признать, что данная точка зрения уже достаточно укоренилась в научной среде и действительно имеет под собой ряд оснований. Среди них наиболее наглядным обычно называют существование весьма массовой и жестко настроенной политической оппозиции, которая противостоит действующей власти не только (а по факту не столько) политически, сколько на символическом уровне – от национальной символики до геополитической ориентации. Более подробно об этом еще будет повод поговорить далее, а сейчас лишь зафиксируем то, что конкуренция на рынке национальной белорусской идентичности не завершена и борьба между различными политиками национальной идентичности все еще продолжается. На этом фоне достаточно интересным представляется обращение к возникшему в нашем регионе всего несколько лет назад исследовательскому направлению, связанному с проблематизацией Пограничья¹, как новому игроку, претендующему на участие в борьбе за наполнение конкретным содержанием идентичности Беларуси.

В статье «Проблема идентичности в постколониальной теории» я уже показывал, как идея Пограничья формируется в рамках исследований выхода из колонизированного состояния. Понимая постколониализм как своего рода политику идентичности, дискурс, нацеленный на формирование, проговаривание и отстаивание своего своеобразия, становится возможным и идею Пограничья интерпретировать как способ экспликации некой формы «постколониальной идентичности». Насколько такой подход применим к белорусским исследованиям в данном направлении, в какой мере «Беларусь как Погранижье» – это не только научно-исследовательский способ описания региона, но и формирование [собственной] идентичности по постколониальному типу – вот тот вопрос, который стоит адресовать современным «теоретикам Пограничья».

Предпосылки становления вопроса

В уже упомянутом выше сборнике «Национальная идентичность Беларуси» в статье Ирины Бугровой «Молодое белорусское государство: альянс или мезальянс?» как нельзя более ясно и отчетливо проговаривается суть той проблемы, которая и позволяет констатировать необходимость поиска и формирования белорусской идентичности. По мнению автора, одновременное существование в Беларуси на данный момент ряда национальных проектов (нескольких политик идентичности) обусловлено тем, что в отличие от соседних государств после распада Советского Союза «к строительству самостоятельного государства она (Беларусь. – Ф.А.) не была готова. Тем не менее ко времени распада СССР контуры собственного проекта угадывались в стратегии ее основных политических сил, как тех, кто стоял у власти, так и тех, кто стал ее оппозиционером» (2, с. 8). Как далее отмечает Бугрова, в советский послевоенный период существования в Беларуси возникли «реальные перспективы идентификации в рамках региональных экономических систем и трансграничного пространства» (2 с. 9): С этой точки зрения рассмотрим то, что привело Беларусь к этой «неготовности» строительства нового государства:

- лишь после Второй мировой войны страна из «приграничного буфера», слабо модернизированного и по ряду аспектов отсталого провинциального региона, в качестве которого существовала несколько веков, стала зоной приоритетного интереса властей сверхдержавы;

- сама территория современного белорусского государства окончательно сложилась только при советской власти во второй половине XX в., впервые за долгое время обретя стабильность очертаний;

- стратегическая важность региона и послевоенная разруха потребовали огромных инвестиций, создания ряда промышленных гигантов и научно-исследовательских институтов, переноса в Беларусь многих объектов военно-

промышленного комплекса, что означало увеличение привлекательности и значимости республики в целом.

Однако далее автор отмечает и ряд специфических особенностей, выступавших в качестве негативного фактора для формирования национальной идентичности:

- активная модернизация экономики структурно была нацелена на привязывание к российской и общесоюзной, Беларусь становилась «сборочным цехом» СССР, что усугубляло ее разрыв с Западом;
- значительную часть населения Беларуси составляла еврейская диаспора, нейтрально относившаяся к идее белорусского национального возрождения;
- изменение демографической картины в республике помимо всего прочего проявилось в вытеснении белорусского языка из разговорной сферы, чему немало поспособствовала и общегосударственная ориентация на формирование «советского народа»;
- космополитизм городской среды формировался как ориентированный на усредненные «советские» практики, ценности и представления;
- успехи белорусской модернизации никак не были связаны ни с конкуренцией, ни с индивидуальной активностью личности. Скорее они ассоциировались с успехами СССР и предполагали:
 - приоритет промышленного над сельскохозяйственным;
 - идеологического над практическим и рациональным;
 - советского над национальным;
 - коллективного над индивидуальным.

Такого рода «приобретения и утраты Беларуси» (2, с. 10), по мнению Бугровой, и сформировали определенный тип самоидентификации населения в республике. За свою индустриализацию и наиболее высокие показатели уровня жизни в СССР Беларусь заплатила потерей собственного языка, который сохранился преимущественно лишь в сельских районах или у отдельных групп творческой интеллигенции. Она не сумела модифицировать свои этнические ценности в современные национальные и государственные конструкции, которые стали важным фактором идентификации для других народов СССР. В то же время ценностью для белорусов стала относительно стабильная и благополучная жизнь с возможностью достижения сравнительно высоких по меркам СССР социальных стандартов.

Получение независимости 27 июля 1990 г. положило начало активным поискам будущего Беларуси. Согласно Бугровой, в эти процессы было вовлечено по меньшей мере две основные силы: 1) партийно-государственная номенклатура, «напуганная происходящими процессами» и «не имевшая реформаторской силы», вынужденно участвовала в дискуссии и выжидала момент, чтобы вернуть все в привычное русло; 2) ее оппонентами выступали реформистские силы, среди которых наибольшей поддержкой пользовался созданный в 1988 г. Белорусский Народный Фронт во главе с З. Позняком, а также первые политические партии, объединявшие «сторонников различных концепций демократии, от либералов до социал-демократов» (2, с. 10).

Последние во многом отражали настроения народа – «протест против имперского централизма, закрытости власти и перерождения коммунистическо-советской бюрократии, приведшей к преступлениям против народа» (2, с. 11), под которыми понимались обнародованные разоблачения сталинизма и скрытые ранее факты чернобыльской катастрофы.

В результате консолидации вокруг появившихся после распада Советского Союза политических сил в Беларуси было предложено три основных национальных проекта, понимаемых автором как способ «объединения народа, проживающего на территории конкретного государства в государство-нацию на основе ценностей, доступных для большинства населения» (2, с. 11):

1. Национал-демократы БНФ делали акцент на независимое белорусское государство с дистанцированием от России и ставкой на национально-этническое культурное возрождение.

2. Либеральные демократы, представляемые председателем Верховного Совета БССР С. Шушкевичем, декларировали создание независимого правового государства с парламентской формой правления и развитыми институтами демократии.

3. Прокоммунистически настроенные силы, объединившиеся вокруг премьер-министра В. Кебича, отстаивали советский традиционализм с элементами прагматизма (союз с Россией, номенклатурная приватизация, ограниченное участие общества в перераспределении ресурсов, умеренный авторитаризм в виде института президентства).

Дальнейшее развитие ситуации Бугрова описывает весьма подробно, но вполне предсказуемо. Белорусское общество, сформированное достаточно комфортным существованием в советское время, оказалось не готово терпеть издержки ухудшения уровня жизни во имя национальной независимости и свободы, как это делали Литва, Польша и Украина. Как не была она готова терпеть это и во имя демократии с ее утомительными парламентскими процедурами. На фоне нестабильности и утраты благополучия, связанных с началом эпохи независимости, сама идея независимости подверглась быстрой девальвации. При этом ни одна политическая сила не смогла убедительно гарантировать повышение благосостояния при реализации именно ее проекта Беларуси. Наоборот, война компроматов подорвала доверие как к самим политическим группировкам, так и к тем идентичностям, которые они продвигали.

Поэтому на президентских выборах 1994 г. победу одержал А. Лукашенко, «который потом справедливо заметил, что "власть валялась под ногами" и он ее поднял» (2, с. 14). В его фигуре сошлись ожидания и реформаторов (желавших реформ и недовольных избирательной приватизацией Кебича), и консервативной номенклатуры (мечтавших о возвращении прошлых времен и прежнего стиля управления). Каждая из этих сторон считала А. Лукашенко «своим», а народ – достаточно честным и незапятнанным, чтобы отдать в его руки судьбу страны. И Президент достаточно

быстро определил будущий образ Беларуси. Как констатирует Бугрова, основными чертами данного образа стали следующие:

- политическая система, склонная к президентализму и персонифицированному авторитаризму;
- принцип клиентизма в основе организации власти, предполагающий первичность жестких иерархических зависимостей перед рациональностью, эффективностью и т.п.;
- интеграция с Россией как исключительный вектор внешнеполитической, культурной и социальной ориентации.

Иными словами, официально насаждаемая белорусская идентичность предполагает покорность высшему авторитету, полагание на него в формировании мировоззрения, несамостоятельность в принятии решений, а также отождествление себя и своей истории с «братским народом» России при отрицании культурно-исторической общности с Европой. Такая форма самоопределения диаметрально противоположна той, которую предлагал ряд политических и общественных агентов в начале 1990-х, что и привело к возникновению устойчивого раскола в обществе, затрагивающего не только политические взгляды, но и целостное представление о самих себе, генезисе, истории страны, наборе культурных ценностей и т.д. «Национальная консолидация осталась в ранге отложенного проекта», констатирует Бугрова (2, с. 19). В результате белорусская идентичность формируется как противоречивая и конфликтная, характеризующаяся отсутствием четких пространственных ориентаций. Представления общества до сих пор оказываются разделенными и пространственно, и ценностно, и когнитивно между СССР (по характеру политической системы), Союзом России и Беларуси (в качестве виртуального «строящегося» государства) и Европой (как экономической перспективой и образцом благополучия). Причем раскол происходит не в обществе как таком, а в самой идентичности («расколота́я идентичность»).

Соглашаясь с таким описанием сложившейся ситуации, отечественные исследователи с неизбежностью наталкиваются на дилемму: как все-таки интегрировать идентичность (соединить «расколотое сознание»). Формирование двух очевидных вариантов – официозного пропрезидентского и оппозиционного – могло бы теоретически привести к формированию двух соответствующих политик идентичности. Однако, как уже было отмечено выше, раскол лежит не в обществе, а в каждом отдельном сознании. Причем в первую очередь в сознании самих «политиков» идентичности. И это приводит к тому, что пропрезидентские силы и оппозиция оказываются не в состоянии предложить ни в рамках идеологии, ни в форме партийной программы или культурного продукта достаточно гомогенное и непротиворечивое по содержанию описание белорусской национальной идентичности. Госчиновники, декларируя превосходство белорусского и близость к российскому, предпочитают курорты, товары и культурные образцы Запада. Политические и социальные «вольнодумцы» в своем стремлении принести на земли Беларуси ценности свободы

и демократии Запада и возродить «национальные традиции», включая язык, используют те же методы, стиль менеджмента и безапелляционность суждений, что и их противники. «Ностальгический» и «возрожденческий» проекты белорусской идентичности оказываются в той или иной мере лишь декларацией намерений, поэтому за последние два десятилетия они так и не смогли реализоваться для сколь-нибудь значимых групп населения.

Признание инаковости

Неудивительно, что, осознавая так сложившееся положение дел, ряд интеллектуалов в последние годы поставили перед собой задачу выйти за рамки этих двух проектов, которые чаще всего формулируются как выбор между Востоком и Западом. Теория Пограничья – как раз одна из таких попыток. В ее основе лежит стремление осознать себя не как часть чего-то иного, а как некую самодостаточную целостность, признать свою инаковость по отношению к другим. Но, прежде чем это стремление нашло себе соответствующую форму и начало реализовываться, необходимо было провести определенную подготовительную работу.

Во многом попытки такого рода кристаллизировались благодаря начатой в 2001 г. работе междисциплинарного методологического семинара «Белорусское мышление: контекст, генезис, перспективы», которым совместно руководили кандидат философских наук, заместитель директора Института социологии НАН Беларуси (на территории которого и проводился семинар) Владимир Абушенко и философ Игорь Бобков.

Основой подхода к концептуализации Беларуси, предложенного Абушенко, являлось приложение опыта Латинской Америки к белорусским реалиям. Абушенко указывает, что общим для постсоветского региона и стран Южной и Центральной Америки является пребывание в «состоянии некоторой раздвоенности» (3). С этой точки зрения и Беларусь, и Латинская Америка – это периферия, о которой можно говорить в терминах колониализма и преодоления «тяжелого имперского наследия». Осознание свое близости и вместе с тем несовпадения с бывшей империей в обоих регионах проявляется не только в проблемах самоидентификации, но и в том, что перенесенные и заимствованные институты и практики хотя и принимаются, но фактически не функционируют так, как это ожидается.

Программный текст упоминавшегося выше семинара, «Мицкевич как «креол»: от «тутэйшых генеалогий» к генеалогии «тутэйшасты» представляет собой как раз такую попытку ответственно применить концептуализированную проблематику Латинской Америки к белорусской ситуации. Ключевым понятием здесь было именно «креольство», стремлением прояснить которое, как отмечает Абушенко, и продиктовано его исследование. Точнее, статья была вызвана тем, что достаточно узкие и исторически обусловленные понятия «креол», «креольство» и т.п. стали ак-

тивно использоваться в белорусской журналистике и публицистике для описания современной белорусской социокультурной ситуации, чтобы подчеркнуть ее «пост-колониальный (и/или постимперский) характер», что «только затемняет суть дела и хабиитуализирует (деконцептуализирует и “заигрывает”) реальные содержания, заключенные в этих понятиях, а это ведет к потере их эвристической ценности» (4). Обращаясь к изначальному значению понятия «креол», Абушенко констатирует, что оно одновременно и этническое и социокультурное, относится и к определенным этническим группам Латинской Америки, и к самому латиноамериканскому пространству со всеми, кто его населяет. Ключевая характеристика «креола» – его двойственность. Такой индивид никогда «не оказывался равен самому себе, а если он этого не замечал или не хотел замечать, то находилось множество ситуаций, проявляющих эту нетождественность, как и множество путей, средств и желающих напоминать ему об этом» (4).

Ситуация действительно близка к той, которую стремятся преодолеть многие интеллектуалы современной Беларуси. Но опыт Латинской Америки показателен тем, что способен продемонстрировать возможности преодоления раздвоенного сознания через своего рода усвоение и переработку «креольства», а не через различные варианты «интеграции» с той или иной целостной идентичностью и ее носителями. «Рефлексия различий-различений как “иногое” внутри европо(испано)-центрированной целостности привела к конституированию “инакового” (латиноамериканского) по отношению к этой целостности» (4). Абушенко старается подчеркнуть именно этот аспект: латиноамериканцы обрели целостность самосознания не благодаря тому, что убедили себя и европейцев в том, что они на самом деле европейцы, и не потому, что признали себя туземным населением Америки, которое должно принимать уроки модернизации от любого, кто вызовется быть учителем. Они перевели дискурс пространства в дискурс культуры, концептуализировали «суть “латиноамериканского”» через решение задач не только политического, но и культурного освобождения. Схематично Абушенко описывает эту стратегию следующим образом: «Дискурсивное производство креольских “тутэйших генеалогий” сменилось созданием текстов, репрезентирующих генеалогию “тутэйшасты” (“латиноамериканскости”), оказавшуюся “интересной” бывшему “центру”, который сам стал теперь “инаковым” по отношению к латиноамериканскому как равновеликому себе (и/или во всяком случае сравнимому с собой)» (4).

Дальше в своей статье Абушенко склоняется к задаче более точного схватывания сути «креольства», для чего фокусируется на изучении возможности универсализации этого понятия (то есть применения его вне рамок случая Латинской Америки) и рассматривает проблему возникновения «креольства» вообще в контексте производства Европой своего «иногое». Возвращаясь в конце текста к Беларуси, он заявляет, что для изучения креолизации Беларуси необходимо в первую очередь обратить внимание на «линии российскости» в белорусском социокультурном пространстве. По мнению автора, именно «критическая экспертиза» самого контекста, который

и представляет собой животворную основу для креолизации Беларуси, способна определить процесс артикуляции идентичности в направлении, отличном от изначально тупикового креольского дискурса «а мы не хуже, мы такие же, как вы».

В развитии данной работы, в статье «Креольство как Ино-модерность Восточной Европы» (2004) Абушенко уже более конкретно (в отношении белорусского дискурса) определяет «креольскость» как «первичное осознание своей инаковости (в отличие от «моего иного» как «помимо меня учтенного» и наделенного сниженным содержанием – «креол» как «варваризированная форма») в условиях навязанного и принятого (сконструированного) пространства тождественности с его/моей («принимаемой мной») и чужой мне («не учитывающей меня») модернистской универсальностью в условиях отсутствия и/или утраченности изначальных содержательных критериев для конструирования собственного контекстуального пространства и вписывания его в универсальность при отрефлексированности необходимости-желания спродуцировать такого рода идентификацию» (5, с. 147).

Собственно, три года, разделяющие эти статьи (причем последняя отличается от первой только дополнительным разделом и наличием подробных примечаний), позволили констатировать Абушенко лишь одну новую концептуализацию: Беларусь по-прежнему методологически верно рассматривать как креольский регион, несмотря на то что за последние две сотни лет данный социокультурный контекст уже вполне «созрел» для того, чтобы отбросить «тутэйшую генеалогию», сформировать «до-оформленную» и «актуализированную» национальную элиту, «до-проявить» генеалогии «тутэйшасти» и преодолеть ее. Иными словами, по мнению Абушенко, креолизация Беларуси не «изжита изнутри» и «задача теперешнего времени – суметь их (предпосылки к изживанию. – Ф.А.) реализовать» (5, с. 150). Судя по всему, реализация предпосылок – это критическое проговаривание механизмов креолизации/колонизации, нацеленное в итоге на формирование равноположенного другим национальному государству Беларусь, имеющего возможность заявить и быть поддержанным в своей инаковости.

В определенном смысле подобных взглядов придерживается и соруководитель бывшего семинара «Белорусское мышление» Игорь Бобков. Но прежде всего сходство имеет место в отношении энтузиазма по использованию опыта постколониализма для анализа белорусской ситуации (И. Бобков – признанный специалист по постколониальным исследованиям, он является автором соответствующей статьи в авторитетном «Новейшем философском словаре», ведет курсы по этой теории у студентов). С позицией этого исследователя необходимо познакомиться более пристально еще и потому, что именно он в большинстве случаев являлся движущей и идеологической силой ряда проектов «реализации теории Пограничья», о чем еще будет сказано ниже.

Уже в ранних своих эссе (а это основная форма творчества данного автора) Бобков констатировал, что динамика белорусского культурного пространства «сегодня определяется не фронтальными наступлениями и новыми «общегражданскими

идеологиями», а скорее индивидуальными и групповыми культурными проектами. Культурное пространство перестает быть однородным, гомогенным, обязательным и по-советски унылым» (6, с. 30)². Мы не можем договориться ни о какой общей идеологии, поэтому единственное, на что мы способны, по мнению Бобкова, – это на некий «нулевой вариант», который предполагает: «1) что мы все являемся персонажами белорусского культурного пространства (вне зависимости от языка, самосознания, национального происхождения); 2) незнание, пренебрежение, отвержение белорусскости – это такое же белорусское явление, которое имеет свои корни в белорусской культурной традиции (хотя и со знаком минус); 3) впереди есть свет» (6, с. 31). На этом консенсус, по мнению автора, должен заканчиваться и далее каждый может развивать ту «белорусскость», которую считают верной. Этот центр, консенсус или общее основание делает возможным Беларусь как явление мультиэтническое, полилингвистическое и многоконфессиональное, то есть такой, какая она есть, но боится в этом себе признаться. Бобков определяет такой подход как «стратегию белорусского фундаментализма» (6, с. 33).

Проговаривание «белорусскости» в ее альтернативных возможностях ставит перед Бобковым задачу мыслить Беларусь вне рамок дилеммы Восток – Запад. К примеру, как часть «цивилизации Межморья». По его мнению, Украина может рассматриваться как основной партнер по диалогу о самоопределении Беларуси в контексте «спора Юга и Севера, околпонтийской и околбалтийской культурных зон» и т.п. (7, с. 84). Украина и Беларусь представляются чем-то подобным и неинтересным друг другу, если их рассматривать в горизонтальной системе координат, то есть по линии Запад – Восток. Тогда действительно, обе страны, каждая сама по себе, делают на протяжении долгого времени более или менее удачные попытки «самоидентификации вопреки»: российским неокOLONиальным практикам доминирования и исключения, западным стратегиям «ориентализации» культур, геополитическому статусу «постсоветских призраков» и даже внутренней ситуации фрагментированности и распада «общества», вызванной действием указанных сил. Или же, прибегая к литературному языку Бобкова, «на оси Запад – Восток мы всегда имеем post-colonial story про гадкого утенка, которому никогда не удастся стать лебедем» (7, с. 85). Однако если обратиться к оси Север – Юг, то возникает понимание того, что отношения между Украиной и Беларусью скорее не «подобие», а «взаимодополнение». Бобков призывает актуализировать возможности «идентификации навстречу», раскрывающейся в «совместной утопии Цивилизации Межморья» как единственной возможности выйти из неразрешимой дилеммы совокупности колониальных зависимостей и встать на путь позитивного самоопределения.

Своеобразие идей Бобкова заключается в том, что ценностно важным оказывается не сам миф или «утопия», которые выдвигаются для преодоления логики колониальности, а критическое усилие, выводящее за пределы этой логики и порождающее тот или иной миф. Прочитав это эссе, легко утвердиться в том, что проект проговаривания Беларуси как части некой «Цивилизации Межморья», а не «Речи

Посполитой», «Евросоюза» или «Великой России» является для автора концептуальной задачей. Но уже в следующем эссе Бобков формулирует новый концепт, отсылающий к совершенно другой перспективе для молодого государства. Он предлагает понимать «Среднюю Европу» как «странствующую идею, которая актуализируется в различных временных и пространственных контекстах на широкой территории между атлантической, средиземноморской и околбалтийской культурными зонами с одной стороны и российско-евразийской с другой» (8, с. 89). Смысл этой идеи не в том, чтобы выявить на неких территориях «еще одну Европу», а, скорее, в обнаружение другой, иной Европы, оставшейся в тени западноевропейской модерности и отсутствующей в ее нарративе, Европы «утраченных возможностей, забытых наследий, неактуализированных посланий» (8, с. 89).

При этом «Средняя Европа» здесь видится не как некая конкретная локальность, регион, а как новый тип модерности. Речь идет о том, что возникнув как периферия западноевропейского Центра, Средняя Европа изначально существовала «между», которое было лишь тенью Центров модерна. Однако в результате становления «ситуации постмодерна» это «между» оказалось поставленным перед вопросом способности определения себя в ситуации отсутствия центра. Бобков подчеркивает, что специфичность роли бытия «между» заключалась в невозможности полностью соответствовать требованиям Просвещения, фиксации в ситуации поликультурного общества (а не монокультурного, как того требует западноевропейская модернизация), которая закреплялась «колониационными стратегиями» тех империй, в состав которых и входили в то или иное время государства Центральной и Восточной Европы. В результате, констатирует Бобков, специфичность средневропейского модерна определяется через «культурную полиглосию», которая «является следствием ситуации поликультурности и основывается на одновременном присутствии в рамках одного пространства нескольких типологично различающихся культур, вступающих между собой... в сложные отношения взаимодополнения/контрастности, диалога/враждебности и т.д.» (8, с. 96). Здесь автор уже употребляет и понятие «культурного пограничья». По его мнению, оно должно дополнять «культурную полиглосию» указанием на то, что Средняя Европа ограничена культурными границами, которые «могут проходить не только и не столько в местах географического столкновения культур, но и в самых различных пространствах» (8, с. 96). Осознание этой полиглосии и ситуации культурного пограничья в качестве определяющей характеристики собственной идентичности с данной точки зрения и определяет успешность реализации такого проекта.

Как очевидно, для Бобкова не стоит принципиальной задачи «открыть» Беларусь «как она есть». Его цель – в практике мышления, не связанного логикой колониальности, навязываемой нарративами [большого] модерна. Именно поэтому «мифы» о Беларуси (и не только о ней) имеют столь разнообразный вид с точки зрения содержания. Вместе с тем все они опираются на концептуализацию данного региона, как чего-то пограничного, занявшего пространство «между». Неудивительно,

что именно этот момент становится у Бобкова терминологически определяющим и формирует проблематику «Пограничья».

В своей статье «Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт» Бобков предлагает сделать вынесенные в заголовок понятия значимыми в нашем мышлении. «Пограничье» здесь задается как некая топика, парадоксальная в своей сущности: «пограничье приобретает определенную целостность через факт собственной разделенности, т.е. через динамическое событие разграничения, встречи и перехода Своего и Чужого, или Единого и Иного» (9, с. 128). Такое пограничье является невидимым для классического центра «онтологии западноевропейского модерна», оно существует лишь как механическое соединение двух периферий, разделенных границей. Чтобы увидеть пограничье, оказывается необходимым изменить «свою эпистемологию», отказаться от современного различения центра и периферии. Пограничье, говорит Бобков, вообще не является периферией, оно существует не благодаря получению неких руководящих импульсов из центра, но само актуализирует импульсы различных центров, осуществляет событие сталкивания, разграничения и различения сущностей. Другими словами, это иной тип современности, делающий акцент не на производстве и распространении сущностей, а на их сталкивании, сравнении, сопоставлении, критической проверке или, по большому счету, исторической и пространственной локализации. Именно поэтому для пограничья актуальной является не борьба за независимость, как это предполагается классическим модерном, а «стратегия неотделения себя *от* и невыбора *между* своим и чужим, существование в туманном пространстве, где свое отчуждено, а чужое – все-таки свое: существование между Отчизной и Чужбиной, которые на самом деле оказываются двумя сторонами единого целого» (9, с. 129). А значит, и личностная идентификация в пространстве пограничья характеризуется не способностью слиться с неким целым, а возможностью находиться «всегда между» различными целыми и определять себя в процессе игры, а не завоевания.

Отличительная черта Пограничья – транскультурность, «присутствие в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» (9, с. 133) – это не обязательно некое позитивное или преимущественное отличие такого способа существования. По мнению Бобкова, транскультурность белорусской ситуации вызывает скорее печаль, чем радость, ибо по сегодняшний день трактуется в терминах слабости, недоразвитости и культурного отсутствия. Выход, который предлагает автор в данной ситуации – это «не присоединение, а выделение: это попытка опознания и прочтения действительности, которая последние три-четыре века оставалась незамеченной, хотя и присутствовала как молчаливая предпосылка большинства культурных практик» (9, с. 133). Конечно, пафос этого подхода не может не вызвать сомнения в виде вопроса, а в чем специфика такого рода попытки прочтения действительности? Некоторая попытка ответа на этот вопрос, которая разворачивается на следующих страницах эссе, принципиально не отличается от того, что было описано

в тексте Ирины Бугровой, как и у многих других современных аналитиков. Преимущественно это констатация «войны культур», происходящая в ситуации перманентной транскультурности. Бобков не углубляется в данном (да и в прочих) текстах анализ фактологии и диспозиций в этой войне. Для него принципиально то, что целостность и полнота белорусской культуры в сегодняшних условиях не может быть достигнута в том или ином возрожденческом или интегративном проекте. Беларусь может состояться только как «культура пограничья, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей» (9, с. 136).

Политика Пограничья

Активно используемое в современной социальной теории понятие «политика идентичности» можно употреблять в узком и широком смысле. В получившей известность статье для Стэнфордской энциклопедии философии Кресиды Хейс говорит о том, что в каждом случае, когда мы упоминаем о политике идентичности, то речь идет прежде всего об «анализе форм подавления меньшинств с целью выработки рекомендаций по реабилитации, переосмыслению места и роли этих, ранее униженных групп, в обществе. При этом сами группы в процессе их идентификации трансформируют собственное мнение о себе и своей роли в обществе, в том числе и через рост самосознания» (10). В качестве основных сфер и наиболее типичных примеров политик идентичности обычно упоминаются гендер и феминизм, переход от движений геев и лесбиянок к единому фронту исследований и защиты квира (Queer), вопросы нетрудоспособности, а также разнообразные и многочисленные проблемы расы, этничности и мультикультурализма. Однако в более широком смысле данное понятие вполне может быть применено и к попыткам формирования (или формулирования) идентичности в условиях выхода из-под той или иной логики колониальности, своего рода реализации «суверенитета идентичности» и ее реабилитации через переосмысление. Причем речь здесь идет одновременно и о национальной (коллективной) идентичности, которую можно «просто теоретизировать», и об аппликации этой теории в практике самотолкования на уровне индивидуальной идентичности.

С этой точки зрения формирование в Беларуси широкого «научно-исследовательского направления толкования самих себя» в рамках институализации теории Пограничья, которое во многом опирается и на рассмотренные выше тексты, можно рассматривать как такую политику идентичности в широком смысле этого слова. Среди основных центров, вокруг которых в среде белорусских интеллектуалов стал в это время кристаллизоваться интерес к Беларуси как Пограничью, можно назвать научно-исследовательский Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE),

известный также своим журналом «Перекрестки», региональный исследовательский проект «Пограничье Центрально-Восточной Европы в контексте новой гуманитаристики» (а также научные стажировки в рамках аспирантских программ Европейского гуманитарного университета).

Центр CASE (распространившаяся аббревиатура от англоязычного названия центра Center for Advanced Studies and Education) является признанным и известным научно-исследовательским учреждением в среде отечественных и зарубежных специалистов в области современных гуманитарных знаний и в особенности постколониальных исследований и теории Пограничья. Прежде всего стоит отметить рабочие семинары и многочисленные конференции организуемые Центром – благодаря такого рода работе данное направление исследований получило достаточно широкую известность в экспертном сообществе как Беларуси, так и других стран региона. Большая часть мероприятий Центра консолидирована в рамках проекта «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)». Последний, как сказано на официальном сайте, «действует с целью содействия обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развития профессионального сообщества в регионе, установления научных связей, мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье, включающем такие страны, как Беларусь, Украина, Молдова» (11).

Отметим, что в данном случае речь идет уже о несколько другом Пограничье, чем это было заявлено в текстах Бобкова. Первое отличие заключается в том, что «Пограничье» задается как некоторый регион, возникший в результате «социальных, экономических, политических и культурных трансформаций» лишь в последнее десятилетие. Далее в тексте поясняется, что речь идет о возникновении некой формации в западной части бывшего СССР после распада коммунистического блока. Специфика региона задается в рамках геополитической постановки вопроса, то есть как обнаруживающего себя в «зоне притяжения» как европейского, так и постсоветского пространства. Вместе с тем интересы Центра ограничиваются тремя республиками этого региона – Беларусь, Украина и Молдова, – которые и предлагается понимать как собственно «Пограничье» (The Land Between). Вторым отличием является временная характеристика: Пограничье «возникает» в последнее десятилетие, до этого, следует понимать, данный регион не обладал какой-либо заметной спецификой. А именно особенность процессов социальных трансформаций в данных республиках и является, как явственно следует из описания проекта на его официальном сайте, первоочередным предметом исследований Центра.

В доказательство тезиса о своеобразной политике идентичности, стоящей за исследованиями Пограничья, говорит и то, что в числе задач Центра указаны интенсификация научных исследований, накопление и распространение информации, координация научных исследований и организация диалога между исследователями региона, а также создание сети партнерских образовательных и исследовательских

учреждений в Беларуси, Украине, Молдове (11). Иными словами – способствование распространению в научных кругах той перспективы, которая позволяет увидеть за происходящими в странах региона процессами изменений особенность и уникальность, а не, к примеру, более или менее удачное повторение пути модернизации западных обществ или более или менее успешное преодоление колониальной зависимости от бывшей метрополии по примеру африканских государств. Таким образом, эта «пограничная идентичность» распространяется путем популяризации среди преподавателей и исследователей гуманитарного профиля (именно они составляют фокусную группу активностей Центра) в качестве научно-исследовательской парадигмы, предполагающей особый взгляд на совокупность процессов, происходящих в тех обществах, в которых они же и проживают. Как показывает анализ соответствующих списков на официальном сайте (12), большая часть индивидуальных и коллективных исследовательских проектов, реализованных при поддержке Центра CASE, имеет следующую направленность:

- проблематизация вопросов идентичности в регионе Пограничья (к примеру, «Идентичность в “зеркале Другого”: тексты Пограничья», «Пограничье и национально-культурная идентичность», «Конструирование национальной идентичности стран Восточно-европейского Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова) в сети Интернет» и пр.);
- изучение отдельных феноменов либо институтов в регионе Пограничья (к примеру, «Индивид и корпорация в Пограничье Центрально-Восточной Европы: социо-культурный контекст стратегий презентации», «Восточная Галиция второй половины XIX – начала XX в. как феномен поликультурного пограничья» и пр.);
- погружение Пограничья как концепта либо его отдельных аспектов в более широкий контекст теории глобализации (к примеру, «Глобализационные процессы и новое религиозное сознание в современной Беларуси», «Глокализация как фактор интеграции Центрально-Восточной Европы» и пр.).

Реальное количество исследований, вероятно, больше, чем сообщает официальный сайт, однако даже из представленных можно сделать определенные выводы. В первую очередь бросается в глаза практически отсутствие работ, посвященных прояснению и изучению Пограничья как такового, как некой целостности. В большинстве случаев деятельность Центра оказывается фактически направлена на исследования в достаточно узкой, привычной и традиционной области с акцентом на специфичность и исключительность исследуемого объекта для «региона Пограничья». Вместе с тем немалое количество исследований обращается к Пограничью и отдельным процессам, его составляющим, в широком контексте глобализации, отвечая на вопрос о том, что же в данный момент формирует определенные ситуации в регионе и с чем Пограничью как таковому приходится взаимодействовать. Значительная часть исследовательских работ (которые не только поддерживаются Центром, но и являются предметом обсуждения на многочисленных семинарах и конференциях) непосредственно или косвенно обращена к проблемам идентично-

сти. Таким образом, анализируя деятельность Центра, можно было бы сказать, что вопрос о «Пограничье как таковом» не является чем-то, с одной стороны, проясненным до конца, но, с другой стороны, оказывается по умолчанию понятным всем, вовлеченным в данную научно-исследовательскую деятельность. Именно поэтому зачастую создается впечатление, что речь идет лишь о еще одной форме регионалистики (наподобие Европейских исследований) или американистики.

Прояснение того, как можно/нужно смотреть на Беларусь (точнее, на все три республики) происходит в рамках конференций, рабочих встреч и семинаров, организуемых Центром (для чего зачастую приглашаются специалисты разных сфер гуманитарного знания из различных стран), а также на страницах журнала «Перекрестки». Последний, появившись практически одновременно с самим Центром, во многом является артикуляцией и обоснованием положений, легших в основу всего проекта. В первом номере, датированном 2004 г., главный редактор журнала Игорь Бобков и фактический руководитель Центра Павел Терешкович следующим образом характеризует новый журнал: «трансдисциплинарный научный журнал, посвященный политическим, социальным и культурным проблемам восточноевропейского пограничья (Беларусь, Молдова, Украина)» (13, с. 5). Таким образом, задачи журнала формулируются тождественными задачам Центром. Далее из вступительного текста становится ясно, что вся теория Пограничья, предлагаемая в подходе исследователей, выдвигается как альтернатива и противопоставление «транзитологии» – проблематизации «перехода/ухода (transition) от коммунизма» (13, с. 6). Транзитология линейно предполагает во временном аспекте модернизацию, а в геокультурном/политическом аспекте европеизацию или вестернизацию и при этом тяготеет к политическим, экономическим и правовым исследованиям. Осознавая узость такого подхода, создатели Центра и журнала выдвигают на передний план исследования Пограничья, как трансдисциплинарного дискурса, позволяющего использовать достижения «широкого спектра социальных наук, и особенно новой гуманистики (исследования пограничья, постколониальные теории, кросс-культурные исследования, гендерные исследования, исследования глобализации и др.)» (13, с. 6). «Новой гуманистике» не хватает, согласно Бобкову и Терешковичу, активных исследователей для того, чтобы адекватно и продуктивно определить суть происходящих сегодня в Беларуси [а также Украине и Молдове] процессов.

По их мнению, «исследования пограничья могут выступать [...] как общая рамка в контексте *политики* (выделено мной. – Ф.А.) знания всего региона» (13, с. 7). «Политика» здесь – ключевое слово. Во введении авторы открыто выдвигают аргументы в пользу «конструирования региональности», которая объединяет Беларусь, Молдову и Украину. Таким образом, программа исследования центрально-восточноевропейского Пограничья, осуществляемая Центром, оказывается политическим (в терминах социальной теории) проектом конструирования новой *региональности* и соответствующей ей *идентичности*, которые в своем содержании могли бы противостоять колониционному (и «оккупационному») – если есть желание раз-

личать стремления Запада и России) влиянию, выражающемуся в различного рода попытках интеграции и гомогенизации. За теоретический фундамент данного проекта берутся, в первую очередь, попытки белорусских интеллектуалов адаптировать опыт интерпретации, не совпадающий с мейнстримом западного модерна, которые, в свою очередь, во многом опираются на изучение образцов теоретического разрыва с западным модерном у иностранных авторов.

Данная политика знания и идентичности обрела свою реализацию в рамках программы поддержки научных стажировок аспирантов Европейского гуманитарного университета, которая началась в 2005 г. с целью «изучения социальных и иных трансформаций в регионах пограничья» (14). В качестве тематики поддерживаемых исследований – практически все те же дескрипции социальных, политических правовых и культурных трансформаций в «регионе Восточноевропейского пограничья (Украина, Беларусь, Молдова и др.)», «исторические и этнокультурные проблемы формирования Восточноевропейского пограничья» и т.д. Хотя, стоит признать, к рассмотрению принимаются и темы исследовательских проектов, в которых нет никакого указания на «Пограничье» – «философско-антропологические и социально-теоретические проблемы глобализации», «глобализация и интернационализация высшего образования» и т.п. Тем не менее общая идея здесь та же, что и в Центре CASE – артикуляция процессов с определенной теоретической позиции, задающей этот регион как некое особое Пограничье. Такой подход должен быть признан в равной степени политикой знания и идентичности, как и, к примеру, деятельность гипотетического центра поддержки исследований истории, культурного наследия и политической организации Великополесской нации.

Отдельного упоминания заслуживает еще один проект – стартовавший в 2003 г. региональный семинар содействия преподаванию «Пограничье Центрально-Восточной Европы в контексте новой гуманистики», организованный в рамках программы поддержки высшего образования Института открытого общества и завершившийся в 2006 г. Изначально он носил название «Пограничье Центрально-Восточной Европы в контексте Европейских исследований», но впоследствии название было изменено, поскольку уже первый год работы показал, что Европейские исследования (будучи сконцентрированными вокруг проекта европейской интеграции) как академическое пространство одновременно слишком широки и слишком узки как в дисциплинарном, так и в методологическом смысле. Поэтому участники проекта признали необходимость расширения методологии и идеологии путем принятия во внимание новой гуманистики. Сам проект был построен как серия зимних и летних семинаров, в которой летние семинары носили преимущественно исследовательский характер в интенсивном диалоге преподаватель–слушатель, основываясь на идеологии «преподавание как коллаборативное исследование», а зимняя сессия имела дидактический характер, будучи посвященной вопросам современных методов преподавания и обсуждению индивидуальных проектов участников семинара. В число последних входили преподаватели высших учебных

заведений Беларуси, Молдовы, Украины, но также и России, работавшие в различных сферах гуманитарного знания: от философии до международных отношений. Организаторы, в число которых входил уже неоднократно названный И. Бобков, известный политолог, один из руководителей Центра CASE С. Наумова и, в начале проектной деятельности, проректор ЕГУ В. Дунаев, ставили перед собой две основные формальные цели: 1) привнесение в преподавание гуманитарных дисциплин, особенно тесно связанных с изучением региона Центрально-Восточной Европы, новых методологий, трансдисциплинарных подходов, расширение привычных дисциплинарных рамок; 2) трансляцию содержательных наработок новой гуманистики.

Для достижения этих целей в рамках летних и зимних школ проводились интенсивные семинарские занятия с известными представителями различных областей знания, которые могли бы репрезентировать новую гуманистику (постколониальные исследования, посткоммунизм, теорию национализма, гендерные и визуальные исследования) или же более широкое понимание традиционных дисциплин (политология, история, экономика), в число которых входили как иностранная профессура (В. Миньола, Я. Станишкис, А. Миллер, Д. Чакробарти), так и отечественная (И. Бобков, Е. Гапова, В. Абушенко, А. Усманова). Характерно, что основной задачей, которую ставили организаторы проекта его участникам, было либо создание новых курсов, методологически и содержательно построенных на материалах школ, либо внесение изменений в уже существующие курсы, читаемые в своих университетах. В целом работу данного проекта формирования политики знания и идентичности от остальных, рассмотренных выше, отличало 1) стремление активной трансформации содержания высшего образования, учитывающей представление региона в качестве Пограничья и необходимость включения в академический курс нетрадиционных и новаторских исследовательских направлений; 2) привлечение известных и значимых персоналий новой гуманистики в качестве приглашенных лекторов.

Пограничье как исследовательское направление

Анализ становления и институционализации научно-исследовательского направления, обнаруживающего своим объектом Беларусь (а также Украину и Молдову) в качестве Пограничья, позволяет, таким образом, сделать следующие выводы.

1. Изначальная постановка вопроса обусловлена стремлением выйти за узкие рамки дискурса западного модерна и, в частности, транзитологии, в поисках нового способа концептуализации ситуации в Беларуси, не связанного с необходимостью делать выбор в пользу *принадлежности* республики к европейскому или российскому геополитическому центру.

2. Такая возможность была обнаружена в ходе обращения к постколониальным исследованиям, и в частности к исследованиям ситуации в Латинской Америке.

Особенно здесь значима роль В. Миньолы, который своей статьей в «Перекрестках» и циклом лекций в рамках одной из летних школ, вызвавших широкий резонанс (и влиянием на активного участника и организатора большинства научно-исследовательских и образовательных инициатив И. Бобкова), во многом определил концептуально и терминологически идею Пограничья.

3. Последняя призвана указывать на уникальность социально-культурной ситуации Беларуси, связанной с длительным существованием «между», на границе различных сил имперского характера, что вызвало внутреннюю фрагментированность, транскультурность и мультивокальность, проявляющихся в том числе и в процессах трансформации, начавшихся после распада СССР и получения республикой независимости. Специфика идеи Пограничья заключается в том, что «проблемы» перехода от коммунистического общества к национальному государству классического современного типа кажутся таковыми лишь из-за ложной методологической оптики транзитологии, не учитывающей исторический контекст региона. По идее инициаторов данного научно-исследовательского направления только осознание этой специфики в качестве существования Пограничья может дать возможность преодолеть комплекс неполноценности белорусскому обществу.

4. Задача «изучения Беларуси как Пограничья» требует привлечения методологического и содержательного багажа новой гуманистики, трансформации традиционных дисциплинарностей, а также, что более значимо, активной политики знания и идентичности, отстаивающей необходимость понимания Беларуси как Пограничья, а населения страны – как «жителей Пограничья». Также необходимо принять во внимание тот факт, что эта концептуализация производится самим «предметом исследования», иными словами, речь идет о формировании устойчивой и уникальной по своей содержательной перспективе практики интерпретации себя и своего жизненного мира, которая осуществляется и распространяется открытой группой исследователей, экспертов и работников сферы образования.

5. При этом в некоторых важных аспектах концепт Пограничья в институционализированных проектах, имеющих место в Беларуси, существенно отличается от классических постколониальных исследований. В первую очередь отличие здесь заключается в преувеличении значимости региональности и недостаточном внимании к тому, что представляют из себя постколониальные исследования в своем обращении к идентичности. Если от Ф. Фанона и до Х. Бхабха с В. Миньолой постколониализм постепенно уходил от того, чтобы говорить о «людях, проживающих в таком-то регионе» к тому, чтобы говорить об отдельном человеке с его конкретным опытом, который и формирует постколониальную (у Миньолы – пограничную) идентичность³, то в статьях «Перекрестков», исследовательских проектах Центра CASE и ЕГУ, работе школ регионального семинара в основном речь идет о «конструировании региональности» (И. Бобков). Проще говоря, фактический акцент ставится на том, что Беларусь, Украина и Молдова образуют некий общий регион в своих политических, культурных и социальных конфигурациях... Еще необходимо

заметить, что далеко не во всех опубликованных белорусских работах по данной тематике можно обнаружить заявленный изначально отказ от линейной логики модерности, иерархичных противопоставлений, свойственных логике колониальности, и т.д. Зато сразу бросается в глаза, что тот или иной процесс/феномен в Беларуси сравнивается с ситуацией в Украине или Молдове, а не в России или Польше.

Оценивая на основании вышесказанного перспективность направления исследований Беларуси как Пограничья, сложно избавиться от двойственного впечатления. Как политика знания и идентичности такой подход, судя по всему, имеет все шансы состояться в качестве самопонимания этого поколения специалистов-гуманитариев. Чему способствует помимо всего прочего и наличие существенной зарубежной поддержки исследований в данной области. Вместе с тем, новая по содержанию регионализация сама по себе вряд ли сможет стать достаточно сильной и заманчивой перспективой (по сравнению с существующими с конца 1980-х гг.) личной идентификации, особенно вне сравнительно узкого круга специалистов-гуманитариев. Поэтому снижение внимания к изначальной идее Пограничья, предложенной еще в рамках постколониальных исследований и позволяющей обратиться к ситуации Беларуси как выгодной, а не ущербной, может в достаточно скором времени лишиться привлекательности и все исследовательское направление. Вместе с тем обратим внимание, что И. Бобков в своих программных текстах, во многом обусловивших возникновение рассматриваемой парадигмы, прямо заявляет о необходимости проговаривания всех возможных содержаний понятия Пограничье, а точнее, «белорусскости» как таковой, отказываясь от формирования «теории Пограничья» в качестве непосредственной идеологии данной политики знания и идентичности. Быть может, это действительно верный путь – не спешить с формированием единого и целостного проекта, более естественного скорее политическим партиям, чем сообществу исследователей, и позволить Пограничью «выговорить» самому себя в поисках своей уникальности и самоценности. А «пограничная» идентичность – это и в классическом постколониализме удел отдельных людей, выделенных скорее случаем и биографией, чем деятельностью какого-либо исследовательского центра.

Примечания

- ¹ Здесь и далее я намеренно использую заглавную букву в понятии «Пограничье», чтобы отличить его употребление от аналогов в исследованиях приграничных территорий. Теория Пограничья в любом ее проявлении будет говорить о том, что некий регион в силу своего «пограничного» состояния или местоположения обладает специфическим способом самоидентификации, особенностями существования и взаимодействия с Другими [регионами], вызванными определенной общностью с этими Другими.
- ² Здесь и далее перевод с белорусского языка мой. – Ф.А.
- ³ См. об этом подробнее мою статью «Проблема идентичности в постколониальной теории».

Литература

1. Курт, Г. [ред.]. *Национальная идентичность Беларуси: Материалы семинара / Г. Курт*. Минск, 2004.
2. Бугрова, И. Молодое белорусское государство и общество: альянс или мезальянс? / И. Бугрова [ред.] Гельмут Курт // *Национальная идентичность Беларуси: Материалы семинара*. Минск, 2004.
3. Абушенко, В. Интервью «Латинская Беларусь» / В. Абушенко // *Наше мнение*. [В Интернете] 12 11 2004 г. http://www.nmnby.org/pub/081104/latin_bel.html.
4. Мицкевич как «креол»: от «тутэйшых генеологий» к генеологии «тутэйшасты». // *Фрагменты*. [В Интернете] <http://knihi.com/frahmenty/sem-abuszenka.htm>.
5. Креольство как ино-модерность Восточной Европы (возможные стратегии исследования) // *Перекрестки*. 2004. 1–2.
6. Бабкоў, І. Пра Адраджэнне (2) / І. Бабкоў. *Вытлумачэнне ру[і]наў*. Мінск, 2005.
7. Беларусь – Украіна: падарожжа на край. // *Вытлумачэнне ру[і]наў*. Мінск, 2005.
8. Сярэдняя Эўропа – новая мадэрнасць. // *Каралеўства Беларусь. Вытлумачэнне ру[і]наў*. Мінск, 2005.
9. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков *Перекрестки*. 2005. 3–4.
10. Heyes, C. Identity politics / C. Heyes. // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [В Интернете] <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/>.
11. О проекте // *Проект «Социальные трансформации в Пограничье»*. [В Интернете] [Цитировано: 12 12 2007 г.] http://case-ehu.org/?page_id=2.
12. Стажеры Центра // *Проект «Социальные трансформации в Пограничье»*. [В Интернете] [Цитировано: 12 12 2007 г.] http://case-ehu.org/?page_id=62.
13. Бобков, И. Вместо предисловия/ И. Бобков, П. Терешкович *Перекрески*. 2004. 1–2.
14. Конкурс стипендий на научный стажировки аспирантов // *Официальный сайт Европейского гуманитарного университета*. [В Интернете] [Цитировано: 12 12 2007.] <http://ehu.lt/news/notice/0008073/>.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОГРАНИЧЬЕ: ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Объединенная Европа еще находится в процессе формирования своей новой идентичности, обретение которой оказалось несколько сложнее, нежели чеканка евро. Пока странам Европейского континента еще сложно вырабатывать согласованные позиции по ключевым проблемам современного мира. И все же **пространство старых демократий**, где доминируют закон и гражданские свободы, имеет общее основание для геокультурного единства.

Базовая для европейской культуры концепция свободы личности закрепила и право на свободу отдельных наций. Не случайно в международном конкурсе на девиз для новой Европы был и слоган «In libertate coniuncti» («Объединенные свободой»).

В 1991 г. Беларусь, Украина и Молдова с энтузиазмом смотрели на Европу, а Европа с надеждой всматривалась в новые суверенные государства. Однако и через полтора десятка лет мы все еще не можем сдать экзамен на идентичность с объединенной Европой. Возможно, потому, что укрепляли суверенитет на принципах сугубо национальной идентичности (в ее этническом и политическом контексте), а не выстраивали эффективно действующие механизмы гражданского общества – то самое основание, на котором объединилась Европа.

Между тем национальная идентичность не исключает других, наднациональных или постнациональных (в терминах Э. Смита), идентичностей. Можно ощущать себя украинцем, славянином и европейцем в одно и то же время. К тому же в этот «комплект» вполне естественно входит как региональная идентичность (гуцул, киевлянин), так и глобальная – «гражданин мира».

Наличие и «столкновение» большого количества идентичностей, которые возникли исторически из всевозможных проектов экспансии и «окультуривания» определенного пространства, обычны для феномена Пограничья. Но в СССР (кроме собственно экспансии и «окультуривания») межэтнические взаимоотношения еще деформировались и ксенофобской ненавистью. Неприятие «другого» распространялось не только на «классовых врагов» (внешних и внутренних), но и на «националистов», к которым причислялся каждый, кто пытался сохранить свою идентичность, противясь советско-русской унификации.

Ксенофобия (дословно – боязнь чужого и, соответственно, неприязнь к чужому, незнакомому) – лишь частное проявление инстинкта самосохранения. Но как и любой «слепой» инстинкт, ксенофобия может сознательно использоваться во всякого рода идеологических манипуляциях, а порой и становится основой целых ксенофобских «проектов»: ненависть к «классовым врагам» в большевизме, ненависть к другим этносам в нацизме, ненависть к иноверцам в религиозном фундаментализме и т.п.

В статье «От «Малороссии» к «Индоевропе»: украинские автостереотипы» М. Рябчук раскрывает механизм колонизации Украины сначала Российской империей, а затем СССР. Но предложенный им подход можно использовать при анализе процессов колонизации всего пространства Пограничья.

«Украина, как и любая колония, находилась под огромным влиянием метрополии, одним из следствий (и целью) этого влияния было навязывание «аборигенам» отрицательного self-image, негативного представления о самих себе. Фактически происходила своего рода инверсия стереотипов: колонизированный этнос под давлением колонизаторов вынужден был принимать – и усваивать как свою собственную – чужую систему стереотипов, и не просто чужую, но откровенно враждебную и унижительную. Представление колонизаторов о колонизированных как о «варварах», «недолюдях», носителях «хаоса» разными методами навязывалось колонизированным и постепенно становилось их собственным представлением о себе, крайне негативным и разрушительным автостереотипом. Таким образом, колонизированный народ не только вынужден был нести на себе теньевую часть доминирующей культуры, но и действовать в ее границах.

Наиболее распространенной проекцией с русской стороны стали образы «поющей и пляшущей провинциальной Малороссии», «хитрого малоросса» (простоватого, необразованного, но прыткого, жуликоватого и неверного) и «хохла» (что-то наподобие прозвища «нигер» в США).

Этот стереотип формировался русскими колонизаторами на протяжении многих столетий и с определенными коррективами был унаследован и развит большевистскими идеологами. Согласно ему, украинский народ представлялся как результат «внешней интриги» (польско-немецко-австрийско-венгерско-еврейской), тогда как россияне оказывались едва ли не единственными, по крайней мере, настоящими наследниками Киевской Руси, «великим народом» («богоносцем» в царские времена,

«оплотом мировой революции» во времена советские), то есть народом с особой исторической миссией – объединения вокруг себя всех славян («славянофильство»), европейцев и азиатов («евразийство»), наконец, всего мира (большевистская «мировая революция»)» [1].

В русле этой идеологемы украинцам преподавалась соответственно проинтерпретированная история (своя и российская, а точнее – российская с примесями своей), объяснялась современность (колониальная зависимость как счастливое «братство») и очерчивалось будущее (вернее – отсутствие будущего, т.е. «слияние» как высшее благо для химерической «недонации»). Советские переводчики сознательно перевели **название территории Украины с артиклем**, потому что так оно звучит как название части страны [2].

«На повседневном, нерелективном уровне этот стереотип функционировал в виде простодушных формул, произносимых обывателем: «а какая разница – русский или украинец, это ведь то же самое» или «а мне все равно, как разговаривать – по-русски или по-украински».

Механизм умственного порабощения («умственного подчинения», в терминах Вернадского, «ментального колониализма», по Э. Саиду) имел довольно утонченный и неочевидный для большинства характер. Украинский язык в СССР (в отличие от царской России) формально не запрещался, однако совершенная система образовательных, пропагандистских и административных мероприятий успешно маргинализовала функционирование этого языка, максимально ограничивая возможности проявления национальной идентичности, минимизировала процесс национального самосознания» [1].

Следствием такой умелой и целенаправленной политики стал впечатляющий феномен «национальной бессознательности» (термин О. Забужко) 50-миллионного европейского этноса, который входит в XXI ст. с национальным самосознанием поры феодализма. «В большинстве случаев сегодня значительная часть украинского населения идентифицирует себя как «местных» («Мы не русские и не украинцы, мы одесситы, мы донбассцы, мы киевляне» – такой ответ довольно часто можно услышать в разных регионах Украины)» [1].

Преодоление крайне негативного автостереотипа, привитого миллионам обрусевших украинцев колониальной властью, не выглядит таким легким и быстрым делом, как это казалось многим в первые дни независимости.

Несколько лет назад украинский культуролог А. Гриценко предпринял довольно интересную попытку перенести классические фрейдистские составляющие психической личности («ид», «эго» и «супер-эго») на коллективное сознание этноса. При этом под «ид» он понимал «ранний, первично-материнский, неосознанный элемент, спонтанные порывы которого определяются не сознательным “патриотизмом”, но “нутряным” стремлением к “своему, родному”».

Само по себе наличие «ид» еще не делает человека украинцем или «малороссом», но лишь «местным», укорененным в украинской *почве*. Многие, наверное, замечали,

что даже неукраинцы, выросшие в Украине, подсознательно считают «своими» именно украинские народные песни, украинские пейзажи, в конце концов, – украинские вареники и сало.

Затем следует русифицированное «эго» – следствие мощного влияния русской культуры и русскоязычного образования. Взаимоотношения «украинского ид» и «русифицированного эго» полностью укладываются в классическую фрейдистскую схему: «эго» должно «гасить» все подсознательные или полусознанные устремления «ид» к «родному, украинскому», чтобы не навлечь на своего носителя серьезные неприятности. Именно активность «русифицированного эго» спасла жизнь многим украинцам... А судьба тех, кто имел сильное «сознательно-украинское супер-эго», сложилась трагически.

В сущности, теперь сами украинцы генерируют ту ненависть, которой зарядили их колонизаторы, используя стереотипы, оставленные им в наследство колониальной властью. Одно из наибольших достижений колониальной администрации – укоренение в сознании восточных украинцев российской ненависти к западным украинцам (наиболее устойчивым к отрицательным автостереотипам). Сегодня у восточных украинцев, кажется, нет большего врага, чем «западенці», «бандерівці», которые «стремятся прибрать к рукам всю Украину».

В этом контексте уместно привести слова известного в России геополитика А. Дугина накануне третьего тура выборов Президента Украины: «Ющенковская Западная Украина – типичный санитарный кордон. Единая Украина под умеренно проевразийским президентом могла бы стать очень перспективным геополитическим пространством с большой степенью различных возможностей, что обеспечило бы ей особый геополитический статус в отношении и Евразии, и Европы, и Ближнего Востока через Черное море. Поделенная Украина отойдет отчасти к Евразийскому Сообществу, отчасти станет принудительным и малоинтересным довеском Европы, впаренным ей американцами, чтобы поскорить всех со всеми, т.е. будет чисто санитарным кордоном... У Януковича нет шансов стать президентом всей Украины. Теперь у него есть только игра в Восточную Украину, которая должна стать протекторатом России...» [3]. Как говорится, без комментариев.

В отличие от полноценной культуры, которая функционирует как единый организм с развитой системой внутренних и внешних взаимосвязей, колониальная культура не является диалогической системой, а скорее набором монологических элементов, довольно слабо или вообще не связанных между собой. Поэтому на уровне целого колониальная культура обнаруживает склонность к стагнации, а на уровне сегментов – разбалансированность и тенденцию к гипертрофированию событий и фактов. Этнокультурные «гетто», как правило, гиперболизируют второстепенное и недооценивают существенное.

Перечислим типы идентичности, возникшие в процессе «политической» колонизации Украины (характерные и для всего Пограничья):

1) «украинцы» как члены украинской политической нации, которая уже вышла из «эпохи национализма»; они не обязательно представляют этнических украинцев и даже могут не быть украиноязычными, но к украинскому языку и культуре относятся с уважением и признают свою украинскую идентичность;

2) «россияне» как члены русской политической нации; они не обязательно являются этническими россиянами и даже могут не быть русскоязычными, но всегда относятся к украинскому языку и культуре пренебрежительно, а главное – идентифицируют себя с Россией, с русской нацией (или ее имперским субститутом – «советским народом»);

3) «малороссы» («хохлы») – этнический субстрат, который не стал современной нацией; он не выделяет себя из определенной местности («одессит», «киевлянин», «донбасец»), то есть пребывает в состоянии средневековой этнической массы, не пережившей еще «эпохи национализма», законсервированной на феодальном этапе развития.

Помимо «политической» колонизации можно обнаружить и иные основания для формирования разнообразных типов идентичностей в Пограничье. Прежде всего это разнообразные конфессиональные дискурсы. В этой проекции сравнение белорусской и украинской идентичностей (в типологическом отношении близких славянских культур) выявляет значительные отличия.

А. Окара утверждает, что только великая эсхатологическая идея придает существованию народа некий высший универсальный смысл. В статье «Беларусь в отсутствие третьей альтернативы» он пишет: «Антиэлитаризм является обстоятельством, из-за которого византийская тема, предельно эзотеричная и эсхатологичная, не способна пока что стать особо значимой для белорусского сознания» [4].

В свое время (XIV–XV вв.) византийские императоры и патриархи, предвидя неизбежный конец своей империи, выбирали между Русью Московской и Литовской путь отступления Константинополя (направление для *translatio imperia*). Выбор пал на Москву прежде всего из-за отсутствия там католической альтернативы: татарские поработители Московии византийцев пугали меньше, чем латинские «цивилизаторы» Литовской Руси. Именно тогда Великое княжество Литовское сошло с византийской орбиты, впредь византийская тема никогда больше не будет актуальной для белорусского сознания. Даже современный белорусский панславизм и москвоцентризм не апеллируют к образу исторической Византии, к модели «Византии-после-Византии».

Антиэлитаризм или отсутствие полноценной национальной элиты жреческого типа выделяется всеми исследователями в качестве основной черты белорусов, предопределившей многие психологические особенности и зигзаги национальной истории этого народа.

«Белорусская национальная идентичность сложилась достаточно поздно, уже в рамках СССР – именно поэтому современная Беларусь является едва ли не самой «советской» из всех республик бывшего СССР. Раньше белорусы считали себя то

недо-поляками, то недо-русскими, иначе говоря – “тутэйшымі”, то есть местными. “Тутэйшыя” – это этнические белорусы без “консолидирующей” идеи, с низким национальным самосознанием; если раньше это были необразованные белорусские селяне, то в последнее время – денационализированные и урбанизированные жители городов» [4].

Белорусская идентичность складывалась исключительно как крестьянская или производная от крестьянской, белорусов называли – то с гордостью, то с презрением – «мужицким народом».

Крестьянское мышление по определению неэсхатологично – оно ориентировано на календарный год, на цикличность и повторяемость. Отсюда и антиэлитаризм белорусской культуры, которая по своей структуре принадлежит к типу «неполных» культур.

Именно антиэлитаризм объясняет отсутствие глобальной белорусской национальной идеи, утверждающей общемировую уникальность белорусов, их место в мистической истории человечества. Беларусь никогда не ощущала себя «центром мира», «серединной землей», но всегда лишь «передним краем». В составе Великого княжества Литовского или Речи Посполитой – передним краем Запада на восточном направлении, в составе Российской империи, СССР, СНГ или Российско-Белорусского союза – оборонным краем «большого пространства». Беларусь – это «коридор», «транзит», «мост» между цивилизациями, страна, находящаяся на «стратегическом перекрестке», «культурное пограничье». Знаковые для белорусской литературы, кино и общественного сознания темы Великой Отечественной войны, Брестской крепости и партизанского сопротивления (а в последние десятилетия еще и Чернобыля) также разрабатывают архетип Беларуси, как «переднего края».

«Украинство» же, в отличие от «малороссийства», – это альтернативная идентичность, противопоставляющая русскому москвоцентризму или петербургоцентризму иное (и вовсе не обязательно враждебное), киевоцентристское видение исторической перспективы, иную славянскую версию Апокалипсиса. Украина помимо прозападного курса (интеграция в «цивилизованное мировое сообщество») и курса промосковского (от просвещенного «малороссийства» вплоть до полной ассимиляции украинцев) имеет еще и «третью альтернативу» – собственную метаисторическую уникальность, осознание Киева как сакрального центра поствизантийского культурного пространства и возможного грядущего геополитического лидера Восточной Европы [4].

Идентичность – это условие для включения Пограничья в современные интеграционные процессы. Хочется надеяться, что полифоничность и многообразие культурологических компонентов, составляющих феномен Пограничья, станут фундаментом для диалога и сотрудничества.

Литература

1. Апология Украины: М. Рябчук. От «Малороссии» к «Индоевропе»: украинские автостереотипы // <http://www.regnum.ru/allnews/46968.html>
2. Украина: спор вокруг арктикля – «The Guardian» (Великобритания) // http://www.ufg.com.ua/wu/print.php?module=Country&func=displaynew&_id=2607
3. Дугин, А. «При Ющенко остаток Украины выйдет из СНГ, обнищает и о нём все забудут...» / А. Дугин // http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/36.html
4. Окара, А. Беларусь в отсутствие третьей альтернативы / А. Окара // www.russ.ru/politics/20011114-oka.html

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «2-Б ТЕОРИИ»: ФРОНТИРЫ ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛАРУСИ

*То, что удаляется, обращается к человеку
более сущностно и, взыскую, затребывает
его глубже, чем любое существо, которое его
касается и к которому он отнесен.
... Поэтому этот уход, самоудаление того,
что должно осмысляться, быть может,
в настоящее время современнее
как событие, чем все актуальное.*

М. Хайдеггер «Разговор на проселочной дороге»

*Идея фронта сопровождается идеей территории...
Нет границ – нет территории.*

Ч. С. Майер «Нужен ли Европе фронтир?»

Введение

В Восточной Европе в связи с трансформационными процессами 90-х гг. XX в. появилось множество новых проблем, не предусмотренных социальными теориями, но требующих адекватного осмысления. Участие Церкви в публичной жизни – одна из них. Конечно, Церковь и в СССР принимала участие в формировании средств Фонда мира, выступала с заявлениями, издавала журнал, редко, но открывала новые храмы и т.п. Расширение присутствия Церкви в этих сферах само по себе новой ситуации не образует, поскольку ее функции не поменялись. Однако если поинтересоваться содержанием процесса, то не сложно заметить, что в нем, безусловно, происходили и качественные трансформации.

Можно утверждать, что главные изменения, произошедшие в Восточной Европе в последнее время, связаны с поиском адекватных форм публичного порядка в новых условиях и существования в этом порядке разнообразных субъектов. Еще одно изменение, которое необходимо учитывать, – это возникновение области свободы личности и ассоциаций, как и области их ответственности. Этот процесс можно назвать *осубъечиванием*. Он связан с приобретением новых статусов теми, кто этими статусами раньше не обладал, и проведением границ, обозначающих зону ответственности субъектов (а также позволяющих субъектам быть представленными в публичном пространстве).

Когда же сегодня мы обращаемся к социологической традиции описания религиозной сферы, то обнаруживаем, что для анализа этой ситуации нам не хватает адекватных понятий и подходов.

В рамках социологии религии Церковь традиционно воспринимается как некая *ассоциация*, общность верующих, объединенных по интересам, что позволяет рассматривать ее только в плане *социальных проявлений и последствий*, влияющих на социализацию личности. Очевидно, что в этом случае «религиозное» оказывается детерминированным социальными отношениями, оно предстает только одной из форм этих отношений, причем социология изначально ограничивает область исследования религиозного приемом «методологического атеизма»¹. При таком подходе Церковь является *лишь случайной формой, определяемой социальной функцией*. Не преодолевается данный тренд и постмодернистскими теориями. К примеру, классик современной социологии П. Бурдьё, создав универсальную теорию «социальных полей», в рамках которой использовал взаимодействие понятий «поля» и «габитуса», примиряя таким образом объектно-субъектные отношения, применил ее и к анализу религиозной сферы. Бурдьё продолжил традицию социологизма Э. Дюркгейма в работе «Социальное пространство: поля и практики», где относительно Церкви писал следующее:

«Управление резервом религиозного капитала (или святости), являющегося плодом долгого религиозного труда, и работа, направленная на сохранение этого капитала посредством консервации или реставрации символического рынка, на котором он имеет обращение, могут осуществляться лишь таким аппаратом бюрократического образца, как Церковь, который способен на протяжении долгого времени совершать непрерывную, т.е. рутинную, деятельность, необходимую для обеспечения его собственного воспроизводства» [2, с. 42].

П. Бергер, классик социологии религии, подобным образом делал анализ религии в плюралистичном социальном пространстве:

«Ключевой характеристикой всех плюралистических ситуаций, каков бы ни был их исторический фон, является то, что бывшие религиозные монополии уже не могут твердо и безапелляционно рассчитывать на приверженность обслуживаемого ими населения. Теперь приверженность является добровольной и тем самым, по определению, не гарантированной. В результате религиозная традиция, которая раньше могла навязываться сверху, должна сама себе находить сбыт. Ее нужно “продать” клиентам, которых уже никто не принуждает “покупать”. Плюралистическая ситуация - это, прежде всего, ситуация рынка. В этой ситуации религиозные институты становятся деятелями рынка, а религиозные традиции – потребительским товаром. Во всяком случае, большая часть религиозной деятельности определяется в этой ситуации логикой рыночной экономики» [9, с. 134].

Представленные подходы упрощают предмет исследования: религия лишается связи с субъектом, становится внешним фактором – обеспечиваемым либо религиозной монополией (воображаемой, поскольку никогда еще не существовало подлинной религиозной монополии), либо рыночными механизмами. Подобный язык, заимствованный в первую очередь из экономической теории, производит определенную вульгаризацию социальных исследований Церкви и религии, поскольку такие понятия как «святость» и «личность» не могут быть полностью конвертированы в категории «капитал», «религиозный продукт», «потребитель верований», «рынок религиозных услуг» и пр. без потерь или искажений собственного смысла². Всегда образуется некий остаток, который можно игнорировать, но который, вполне вероятно, исказит результат исследований. В этом остатке – личность, ее свобода, укорененная в религиозную жизнь Церковь, которые не обусловлены ситуацией на рынке. В конце концов даже экономическая теория признает необходимость учитывать человеческое измерение рынка. Н. Мэнкью в учебнике по экономике пишет:

«Говорим ли мы об экономике Лос-Анджелеса, США или мира в целом, экономика – всего лишь группа взаимодействующих друг с другом в процессе своей жизни людей. Поведение экономики есть отражение действий индивидов, ее образующих...» [4, с. 25]

П. Бурдые также объясняет личное действие, используя понятие «доксы» – фундаментальной, глубоко укорененной, принимаемой в качестве самоочевидной универсалии, которая сообщает, как действовать и мыслить агентам в конкретном «поле». Детерминизм Э. Дюркгейма, продолжаемый в работах П. Бурдые и П. Бергера, помогает создать представление о том, как работают механизмы социального порядка и структурного воспроизводства, но не дает целостного представления о субъектах полей и их характеристиках. Столь же неоднозначны утверждения о по-

лях и капиталах, которыми располагает Церковь, коль мы не можем обозначить причастность субъекта к этим полям, а также не способны представить Церковь как самостоятельный субъект в таких отношениях.

Поэтому в социальной теории назрела потребность в развитии специального языка и категориального аппарата, с помощью которых возможно было бы описывать социальное действие Церкви в современном обществе, с учетом ее природы и особенностей репрезентации в социальном ландшафте, а также взаимодействия Церкви и личности.

В этой связи вспоминаются слова Дж. М. Кейнса относительно современной ему классической экономической теории:

«Анализ экономики на длительных отрезках времени только дезориентирует нас. Он так же тривиален, как утверждение о том, что все мы, если рассматривать жизнь в долгосрочном периоде, когда-нибудь умрем. Экономисты, рассматривающие экономику в долгосрочном периоде, пытаются решить слишком простую задачу, ответ на которую никому не нужен. Мы находимся в эпицентре урагана, а они твердят, что когда шторм закончится, океан успокоится» [4, с. 538].

В Восточной Европе сегодня не столь важно знать о том, что происходит с «полями» и символическими системами, – гораздо важнее получить ответы на вопросы устройства справедливого общества, основания индивидуальных свобод, формы участия Церкви в публичной жизни, а также способы и приемы распространения принципа плюрализма. Можно объединить все эти вопросы под именем поиска человеческого измерения в публичном. И это не абстрактное понятие – речь идет об оформлении публичного пространства и приобретении статуса в этом пространстве многочисленными субъектами, которые до этого времени подобного статуса были лишены.

Таким образом, принцип «методологического атеизма», который был необходимым в контексте сохранения эмпирического метода исследования, принципиально важного для науки Нового времени³, приводит к невозможности описания Церкви одновременно как уникального субъекта, репрезентирующего сакральную реальность, и как определенного сообщества. Поэтому для более адекватного описания феномена Церкви автором вводится понятие «квази-социальный институт»⁴, характеризующееся:

- а) репрезентацией,
- б) общностью членов,
- в) системой обязывающих норм и ценностей [1].

Так, существование Церкви представляется не обусловленным необходимостью оформления сакральных отношений, но берущим свое начало в формировании

особых связей между членами социума и сакральными объектами, выступающими в этом случае как реальные члены социума, определяющие систему его норм и ценностей. Потому Церковь в полной мере нельзя отнести к социальному институту в традиционном понимании; она в первую очередь является репрезентацией сакральных субъектов, и лишь во вторую – социальной проекцией этой репрезентации. Именно потому всякие описания Церкви как социального института и Церкви как ассоциации являются частичными и ограниченными, что может быть оправдано в областях специальных исследований, но не имеет оправдания в исследованиях общего характера. Именно в такой перспективе социальные трансформации в Восточной Европе можно связать не с механическим расширением действия Церкви, но с возможностью построения новой системы коммуникации и появлению новых границ, обозначающих ее присутствие в современном обществе. Поэтому одним из интереснейших вопросов становится взаимодействие Церкви и личности, а также нормативной системы Церкви и национальной правовой системы (как и общей этической системы). Во всяком случае, трансформации вызывают появление новых границ:

- Церкви как субъекта, обладающего собственными полномочиями и сферой ответственности, выступающего как субъект публичных отношений;
- личности, обладающей свободой, а также публичной сферой (публичным порядком);
- публичного порядка, взаимодействующего с субъектами и индивидуальными свободами.

Репрезентация оказывается одним из важнейших понятий, позволяющих изучать данные процессы.

Два подхода к понятию «репрезентация»

Репрезентация – «многозначное понятие, широко употребляется в философии, психологии, социологии, социальном познании в целом. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как «представление одного в другом и посредством другого» [6]. Репрезентация – понятие, которое употребляется в связке с понятием презентация. Репрезентация указывает на факт отсутствия в данный момент субъекта артикуляции. Примерами такого взаимодействия понятий «презентация» и «репрезентация» может быть издание научной статьи, создание сайта и его функционирование для пользователей, чтение и-мейлов, когда человека нет рядом и т.д. Презентация является определенной формой артикуляции субъекта в настоящем времени. Репрезентация указывает на непосредственное отсутствие субъекта в данный момент, но определенные артефакты свидетельствуют, что субъект реален. Таким образом, можно выделить следующие черты репрезентации:

- наличие Субъекта – «автора», который проявляется через артефакты, символы, знаки как свидетельства;
- направленность на других в ситуации отсутствия Субъекта в настоящий момент;
- представленность знаков, указывающих на реальность существования субъекта и формирование определенного смыслового поля, связанного с Субъектом.

Именно благодаря таким чертам репрезентация очень тесно связана с христианством и правом. Для права репрезентация выражается в понятии титула (например, печати, векселя, земельной собственности), который указывает на субъекта права; без подобных репрезентаций не существует как такового и субъекта в публичном порядке. Человек без документов, актов владения землей, подписей и пр. не может быть полноправным участником политической и социальной жизни. Именно в этом, как считают либеральные экономисты, заключается сложность в развитии экономики стран постсоветского региона. Иначе говоря, корень проблемы в непонимании того факта, что без легитимации репрезентации субъекта не может быть и его деятельности (презентации) в экономической сфере (а также в религиозной сфере).

Христианская теология тесно связана с понятием репрезентации. «Христианство, основанное на идее воплощения, по-новому проинтерпретировало отношение того, что представляется, к тому, что представляет. Представительство репрезентации раскрывается, таким образом, через проблематику соотношения и онтологического статуса первообраза и отображения, разработанного философией Платона и далее неоплатонизмом и христианской теологией. Соотнесенность объекта с идеей, одним из возможных воплощений (через это и знаком) которой он является, преобразовалась в западной философской традиции в проблематику возможности познания общего посредством связи общего и единичного» [6, с. 827]. Таким образом, первоначальное толкование репрезентации связано с движением от первообраза к отображению. Однако нельзя сказать, что презентация является первичной, а репрезентация вторичной. Когда мы размышляем о событии или человеке, мы хотим найти определенные репрезентации – знаки, символы, которые помогли бы нам понять содержание и смысл данного факта или субъекта. Именно благодаря наблюдениям за репрезентацией мы переносим свои заключения на субъекта. И здесь становится сложно разделить репрезентацию и презентацию. Т. Лукман, П. Бергер, П. Бурдые осмысливали соотношение этих понятий, предлагая три основных значения понимания «репрезентации»: а) представление или образ; б) репродукция презентации или повторение; в) замещение.

«Во-первых, репрезентация как представление и есть собственное место идеальности. Во-вторых, репрезентация с необходимостью участвует в структуре повторения: означающее должно быть узнаваемым, но, так как достижение

идеальной идентичности нереально, “простой” акт повторения одного и того же заменяет презентацию репрезентацией. Сохранение (условие “научности”) дискурсов тождественности и идентичности, в которых факт определяется как равный себе, чем и задается возможность его “объективности”, инициирует игру различия презентации и репрезентации. Таким образом, второе занимает место первого и претендует на его статус в социальной онтологии. То есть репрезентации, по определению опосредованные и сконструированные (представляют собой артефакт), занимают место презентации, по определению непосредственной и естественной. В-третьих, замещение как еще одна функция репрезентации вовлекается в процесс бесконечной репрезентации, освещая неполное присутствие с различных сторон или перспектив. В определенном смысле, разрыв отношения презентация – репрезентация уничтожает понятие “репрезентация” как таковое, поскольку определение Р. и ее значения в круге “бесконечной Р.” переводит неоднородность презентации и Р. на уровень номинации феномена в качестве одного или другого. Перевод такого рода не только подрывает исторические корни и традицию употребления обоих понятий, основанных на принципиальном (различие онтологического статуса) разведении указанных феноменов, но и снимает само “различение” Р. и презентации» [6, с. 827].

Таким образом, два подхода к пониманию феномена репрезентации в социальной знании указывают на то, что это понятие существует неразрывно с понятиями «презентация» и «знака» и теснейшим образом связано с существованием Церкви в трех аспектах:

- Церковь сама создается как репрезентация Христа;
- Церковь для общества выступает и как непрерывная презентация, осуществляя свою миссию через различное служение;
- Церковь, осуществляя такую презентацию, оставляет определенные «следы» в обществе в целом, создает формы, образы о себе самой, иногда закрепляя или разрушая определенные сложившиеся стереотипы, формируя новые знаковые системы.

Репрезентации Церкви

Социальная репрезентация Церкви может измеряться на нескольких уровнях:

- индивидуальном – и тогда мы исследуем религиозность;
- корпоративном – и тогда мы исследуем Церковь как организацию и корпорацию;
- институциональном – в таком случае мы изучаем социокультурное взаимодействие Церкви в обществе на макро-и микроуровнях.

Если обратиться к индивидуальному уровню социальной репрезентации Православной Церкви в Беларуси, то мы получаем следующую картину динамики религиозной самоидентификации населения. (табл. 1) Как показывает опрос Национальной академии наук [5, с. 48] рост числа верующих (идентифицирующих себя как верующие в Бога) в структуре населения продолжается с 1998 г. и составляет 11,4% за последние 8 лет.

Таблица 1 . Динамика религиозной самоидентификации населения в Беларуси.

Тип мировоззрения	1998	2004	2006
Верующий в Бога	47,5%	52,5%	58,9%
Верующий в мистику	8,1%	4,2%	4,9%
Колеблющийся	31,2%	34,2%	23,9%
Не верующий	13,2%	7,8%	12,3%

Мы можем также наблюдать рост конфессиональной самоидентификации: в 1998 г. идентифицировало себя с православием 62,8% респондентов, в 2006 г. – 72,6%. Для исследователя уровень индивидуальной религиозности визуализирует одну из границ социальной репрезентации Церкви, что делает возможным сравнение данной границы с другими.

Репрезентация и типы границ в религиозноведческом исследовании

Репрезентация создает эффект границы Субъекта в социальном пространстве. Мне представляется уместным предпринять попытку описать социальное церковное действие через призму теории Пограничья в ее многообразном значении, поскольку эта теория позволяет увидеть направленность движения субъекта и учитывает его способность создавать незапланированные границы в публичном пространстве.

Интерпретация понятия «граница» в социогуманитарном знании сегодня тесно связана с развитием новой трансдисциплинарной области – теории Пограничья. Адекватное описание и эмпирический анализ границ социальной деятельности Церкви требует изначально определиться с типами границ, их характеристиками и возможными вариантами взаимодействия между собой.

В рамках теории Пограничья⁵ возникают исследования различного рода границ – **«frontier studies»**, **«border studies»** и **«boundary studies»**. Каждая категория переводится как «граница», но при этом имеет разный смысловой оттенок. Подробное описание различий между указанными теориями можно найти в предыдущем

номере «Перекрёстков», нам же важно определиться с использованием данных подходов при описании социальной репрезентации Церкви.

«Бодер-граница», которая концептуализируется не только как физическая линия, но и как «демаркационная линия, символизирующая власть включать и исключать субъектов из определенных отношений» при изучении Церкви как социального института позволяет анализировать правовые и канонические основания ее деятельности в обществе.

«Баундари-границы» помогают анализировать процессы культурной диверсификации, а относительно изучения феномена Церкви позволяют описывать Церковь как социальный институт, который имеет определенные области взаимодействия с другими институтами общества – культурным, политическим, экономическим, образовательным, семейным и т.д. Баундари-граница Церкви может рассматриваться на персональном уровне – при изучении социальной деятельности отдельных христиан, репрезентирующих Церковь.

Фронтирные исследования способствуют концептуализации характера взаимодействия бодер- и баундари-границ между собой. В работе Ч. Майера «Нужен ли Европе фронтир?» [11] выделяется два типа фронта:

а) *фронтир как «окончание поселения»*, он может быть окончанием цивилизации, скорее больше походящий на устанавливаемую бодер-границу. Такой фронтир указывает на отсутствие единых механизмов равноправного обмена, а также на односторонний характер его продвижения. Он подтверждает, что между Церковью и обществом могут устанавливаться полностью закрытые, непроницаемые границы. Примером может служить ситуация, когда Церковь исключается из области взаимодействия с другими социальными институтами, вытесняется на периферию социальной жизни, колонизируется;

б) *фронтир* может быть *разделительным столбом* – буферной зоной, отделяющей взаимно признающие друг друга национальные государства или иные субъекты. Тогда он становится открытым коммуникативным пространством, в котором могут обмениваться различными ценностями субъекты. Подобная система построена на урегулировании правовыми средствами различных процессов и конфликтов в зоне фронтиров. А еще он указывает на открытый характер взаимодействия Церкви и общества.

Преимуществом теории Пограничья (использующей в своем словаре все три типа границ) в социологии религии является то, что она всегда описывает конкретных субъектов, которые сами выстраивают (или не могут выстраивать) собственные баундари-границы в определенном бодер-пространстве. Теория Пограничья помогает увидеть характер взаимодействия различного рода границ, создаваемых конкретными субъектами. Поэтому ее субъектами являются «реальные участники социальных процессов»: город, Церковь, община, корпорация, семья.

Если мы обнаруживаем такую взаимосвязь феноменов, то это означает, что ошибки Субъекта по созданию собственной репрезентации, баундари-границ и фронтиров или ошибки в восприятии Субъекта в одном из указанных звеньев будут приводить к конфликту интерпретации Субъекта. Можно также прийти к следующему выводу – нет Субъекта, нет репрезентации, нет баундари-границы, соответственно нет и фронта как области взаимодействия Субъекта с Другим.

Субъектоспособность⁶ выступает в данном случае основным свойством Субъекта, свидетельствующим о его способности создавать открытые коммуникативные границы собственной репрезентации в публичном пространстве. В этой статье данные теоретические положения будут рассмотрены на примере выставки-ярмарки «Брест Православный», которая прошла летом 2006 г. в г. Бресте.

Баундари-границы и фронтиры Церкви на выставке-ярмарке

Выставка-ярмарка как форма социальной репрезентации Церкви является сравнительно новым феноменом для Беларуси. Первая выставка-ярмарка состоялась в 2003 г., к концу 2007 г. их общее количество составит 22 ярмарки. По географическому критерию локализация ярмарок в Беларуси распределяется следующим образом (табл. 2):

Таблица 2. Количество ярмарок и их локализация в Беларуси.

Год	Минск	Брест	Гумель	Орша	Пинск
2003	Рождественская, Вербная, Покровская				
2004	3				
2005	3	1			
2006	3	1	1	1	
2007	3		1	1	1

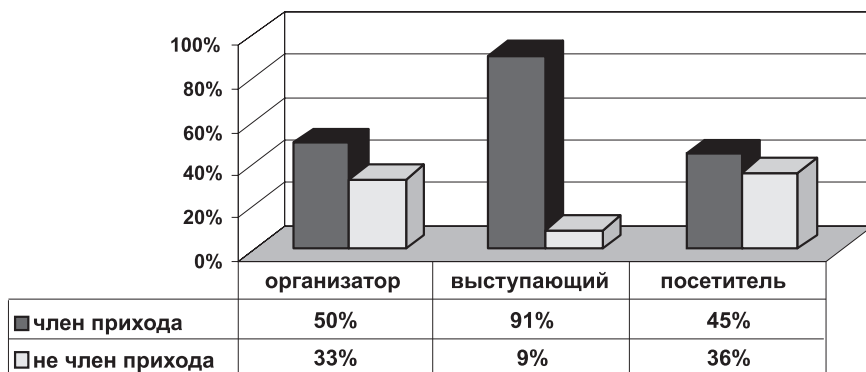
Результаты исследования, проведенного в 2006 г. на выставке-ярмарке «Брест Православный», интересны не только в силу новизны социальной репрезентации Церкви в конкретно-исторических условиях Беларуси, поскольку Церковь всегда в той или иной мере участвовала в социальных процессах. Цель кейс-стадии – осуществить анализ процесса: *кто* и *как* представляет Церковь в социальном ландшафте, какие *качественные* характеристики репрезентации мы можем обнаружить. Также

нам важно было получить ответ на вопрос о том, стоит ли за этой репрезентацией конкретный субъект и каковы черты этого социального субъекта.

Православная выставка-ярмарка работала в Бресте на протяжении 10 дней. Из 28 интервью, взятых у участников, было опрошено 6 «организаторов» (сотрудников «ЭКСПО-Сервиса»), 11 «выступающих» (представляющих различную продукцию и информацию) и 11 «посетителей». Такая типология – «организатор», «выступающий», «посетитель» – появилась в процессе включенного наблюдения за ярмаркой. Разделение всех участников на три категории помогает, во-первых, разобраться с вопросами, кто кого представляет и как представляет, во-вторых, понять, насколько самоидентификация респондентов в процессе ярмарки реально связана со статусами внутри церковных бодер-границ (приходов как организационных единиц БПЦ). Опросный лист состоял из 20 вопросов, по большей части открытого и полукрытого характера. Анализируя включенность всех участников выставки в церковную бодер-границу, их функции внутри бодер-границ (приходов) и видение целей такой формы, как выставка-ярмарка, а также динамичность форм церковной жизни, которые необходимо развивать в современном белорусском обществе, мы получили следующие результаты.

Самоидентификация респондентов по конфессиональному признаку была следующей – православными назвали себя 27 из 28 респондентов. Диаграмма 1 показывает, что членами приходов Белорусской Православной Церкви являются 91% «выступающих», 50% «организаторов» и 45% «посетителей». «Не членами приходов» назвали себя 36% «посетителей», 33% «организаторов» и только 9% «выступающих».

Диаграмма 1. Статус на ярмарке во взаимосвязи с членством в приходе. Доли внутри групп

Отсюда напрашивается вывод, что самой включенной в церковную структуру является группа «выступающих», одновременно в этой группе самый низкий показатель по не-членству в приходах. Объяснение такому факту можно найти в том, что благословение на участие «выступающие» получают согласно Положению о

выставке-ярмарке⁷ у архиерея своей епархии. Такое положение, объясняющее практически полную взаимосвязь позиций «выступающий» – «член прихода», подтвержденное также и самоидентификацией «выступающих», помогает интерпретировать полученные данные по интересующим нас вопросам социальной репрезентации Церкви в современном обществе и ее характере.

Наименее включенной в приходские структуры оказалась группа «посетителей», тех людей, на кого направлено данное событие. Таким образом, именно группа «выступающих» репрезентирует Церковь и представляет ее *баундари-границу*, одновременно будучи включенной в *бодер-пространство* Церкви.

Анализ социально-демографического блока позволяет сформировать целостное представление о статусных группах участников ярмарки, а также дать характеристику самим приходским структурам (табл. 3).

Таблица 3. Социально-демографические черты респондентов.

% доля в группе	Организаторы	Выступающие	Посетители	Члены прихода	Не члены прихода
Образование					
Неполное среднее	16	0	0	0	14
Среднее специальное	17	9	46	30	14
Среднее	17	9	0	0	29
Неполное высшее	0	18	27	10	29
Высшее	50	64	18	60	0
Ученая степень	0	0	9	0	14
Возраст, лет					
До 20	33	9	18	0	71
21–30	0	55	36	40	29
31–45	50	36	27	50	0
46–60	17	0	18	10	14
Пол					
Мужчины	83	46	46	50	57
Женщины	17	55	55	50	29

Данные табл. 3 позволяют охарактеризовать уровень образования участников. Можно сделать выводы о том, что наибольшая доля респондентов с высшим образованием было в группах «выступающие» – 64% и «члены прихода» – 60%. Среди

организаторов выставки высшее образование имели 50% и 50% – среднее. В группе «посетители» с высшим образованием было 18% респондентов, а со среднеспециальным – 46%.

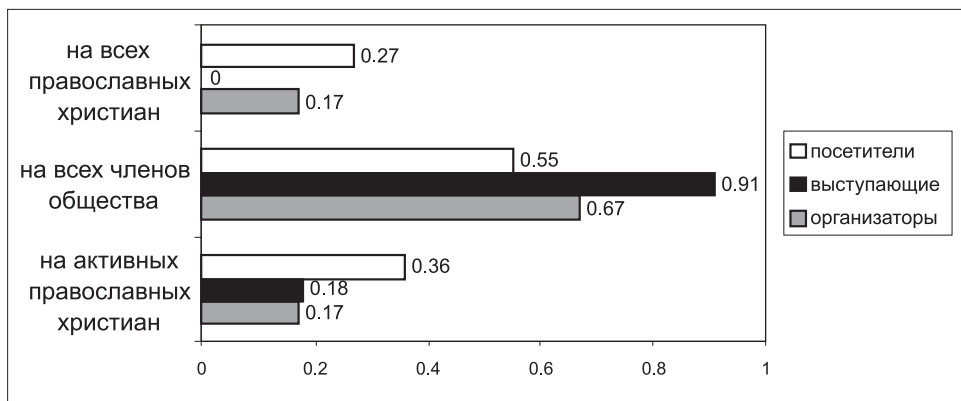
«Члены прихода» продемонстрировали наибольший разброс в характере образования: 30% – среднее, 60% – высшее, «не члены прихода» – наименьший разброс, но высшее образование – 0%. Последняя цифра во многом объясняется возрастом группы «не члены прихода».

Возрастная характеристика представлена следующим образом: самой молодой (до 20 лет) оказалась группа «не члены прихода». Среди «членов прихода» наиболее многочисленной была возрастная группа от 21 до 45 лет.

«Члены прихода» одинаково представляли женщины и мужчины, «не члены прихода» в большей степени были мужчинами.

Как изменяется направленность такой формы социальной деятельности Церкви, как выставка-ярмарка в зависимости от статуса участников ярмарки? Результаты ответов на этот вопрос показывают достаточно интересную тенденцию (диаграмма 2):

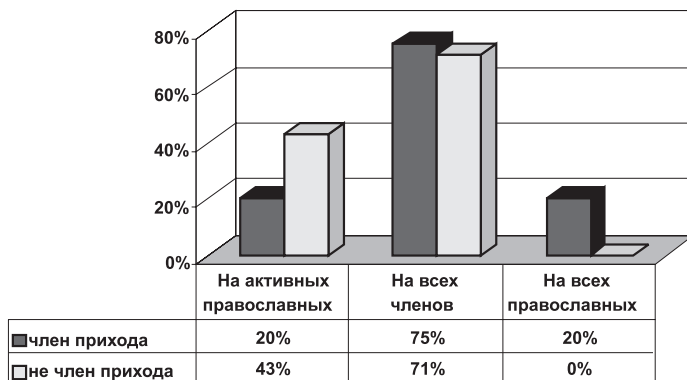
Диаграмма 2. Направленность данной формы социальной репрезентации Церкви. Доли внутри групп.

Так, 91% «выступающих» и 67% «организаторов» считают, что данная форма социальной деятельности Церкви направлена на всех членов общества, «посетители» в меньшей степени придерживаются такого мнения – 55%. В то же время именно «посетители» отмечают, что эта форма деятельности Церкви во многом направлена исключительно на активных православных христиан – 36%. Это в два раза превышает арифметические значения ответов «организаторов» – 17% и «выступающих» – 18%. Отсюда можно сделать вывод, что ожидания участников относительно видения баундари-гранци Церкви во многом различны. Более открытым взглядом обладают «выступающие» и «организаторы».

Как видится направленность такой формы социальной деятельности Церкви, как выставка-ярмарка, «изнутри» и «снаружи» бодер-границ Церкви (диаграмма 3)?

Диаграмма 3. Направленность данной формы социальной репрезентации Церкви. Доли внутри групп.

Среди «членов приходов» большая часть (75%) высказала мнение, что деятельность выставки-ярмарки направлена на всех членов общества. «Члены приходов» считают, что эта форма одинаково направлена на активных христиан и на всех православных. Интересно, что группа «не члены приходов» рассматривает выставку как форму, направленную либо на всех членов общества, либо на активных христиан. Отсюда напрашивается вывод, что православные христиане, представляя Церковь на персональном уровне, видят ее фронтиры более открытыми в сравнении с той категорией людей, которые не репрезентируют бодер-границы. Данные в табл. 4 показывают, насколько совпадает видение задач и целей ярмарки для ее участников. Первые четыре варианта ответов были сформулированы для респондентов, остальные пять предложили сами респонденты в ходе интервью.

Таблица 4. Цели выставки-ярмарки. Доли внутри групп.

Цель выставки ярмарки	Члены прихода, %	Не члены прихода, %	Организаторы, %	Выступающие, %	Посетители, %
Познакомить не православных с деятельностью Церкви	45	29	50	45	27
Представить христианскую культуру современному обществу	75	71	83	73	73
Поиск новых форм взаимодействия общества и Церкви	30	71	33	36	45

Поиск коллег для сотрудничества в экономической сфере для Церкви	25	43	67	27	9
Миссионерство – просвещение – проповедь Христа	35	29	33	45	18
Создание атмосферы праздника	10	0	0	18	0
Изменение стереотипов	5	14	0	18	0
Экономическая выгода	0	14	0	9	0
Общение	5	14	17	0	9

Все группы участников данного события считают, что целью такой ярмарки является, в первую очередь, представление христианской культуры современному обществу. Для «выступающих» на втором месте – миссионерство и просвещение (45%) и знакомство не православных с деятельностью Православной Церкви (45%), на третьем – поиск новых форм взаимодействия Церкви и общества (36%), на четвертом – поиск коллег для сотрудничества (27%). Несмотря на малое процентное выражение, нужно отметить еще несколько факторов, которые выделили «выступающие». Выставка-ярмарка – это праздник, возможность изменить стереотипы во взглядах на Церковь, считает 18% «выступающих», и определенная экономическая выгода для организаций, представляющих продукцию, – 9%. Скорее всего, эту категорию участников можно назвать своеобразной экспертной группой, поскольку «выступающие» наблюдают за выставкой еще и со стороны. Именно эта группа профессионально работает на ярмарке и проводит на ней большое количество времени.

Для «организаторов» на втором месте стоит поиск коллег для сотрудничества (67%), на третьем – знакомство не православных с деятельностью Православной Церкви (50%), на четвертом – нахождение новых форм взаимодействия Церкви и общества (и миссионерство) (33%).

Для «посетителей» на втором месте поиск новых форм (45%), на третьем – знакомство не православных с деятельностью Церкви (27%). Интересно отметить, что последний показатель в этой группе в два раза ниже, чем у «выступающих» и «организаторов». Можно сделать вывод, что христианская культура для этой группы существует отдельно от деятельности Церкви, они не наблюдают ее «присутствие» в общей культуре. Необходимо отметить, что наиболее активной группой ярмарки были «выступающие», те, кто по большей части представлял бодер-границу Церкви, являясь членами приходов, а также то, что характер фронта, выстраиваемый Церковью на персональном уровне (через отдельных христиан), имеет более открытый характер в отличие от тех, кто в меньшей степени идентифицирует себя с приходами Церкви (например, «участники»).

Чтобы проанализировать социальную репрезентацию Церкви не только через призму бодер-границ, но и баундари-границы, нам необходимо глубже рассмотреть характер активности прихожан и их функции в приходах (табл. 5).

Таблица 5. Функции в приходе во взаимосвязи со статусом на выставке-ярмарке. Доли внутри групп.

Функции в приходе	Организаторы, %	Выступающие, %	Посетители, %
Прихожанин	16,7	9,1	9,1
Материальная помощь приходу	0	0	9,1
Чтец, продавец книг, сестра милосердия, певец в хоре	0	36,4	0
Помощь в строительстве, издательской деятельности, фотовыставках, просвещении, проведении детских праздников	16,7	18,2	9,1
Никаких, не знаю	33,3	27,3	27,3
Не являюсь членом прихода	33,3	9,1	45,5

Вопрос о функциях в приходской жизни был открытого типа. Пятая часть прихожан участвует в приходской жизни в соответствии со своей профессиональной деятельностью. Третья часть не имеет и не определяет своих функций в приходе, что свидетельствует о достаточно невысоком уровне включенности в баундари-границы Церкви. В то же время эти данные помогают понять, что статус «член прихода» не имеет отчетливой баундари-границы, а статус «прихожанина» не определяет четких социальных ролей и обязанностей внутри прихода. Это может быть объяснено исходя из положений теории функциональной дифференциации Никласа Лумана, согласно которой все сферы жизни современного общества существуют отдельно друг от друга и одна функциональная структура не может выполнять функции другой. Таким образом, только тот, кто «профессионально» или функционально вовлечен в социальную структуру Церкви, имеет четкий статус внутри ее бодер-границ.

Диаграмма 4 показывает распределение функций в приходе для всей категории респондентов «члены прихода». Пятая часть прихожан (20%) связана с приходской жизнью профессиональными интересами.

Как «члены приходов», представляя бодер-границы Церкви, одновременно репрезентируют баундари-границы Церкви? 85% респондентов из группы «члены приходов» ответили утвердительно на вопрос «имеется ли община в вашем приходе?», 10% затруднились ответить на этот вопрос.

Диаграмма 4. Функции в приходе.

Данные в табл. 6 демонстрируют различные уровни репрезентации и включенности респондентов в баундари-границы Церкви для тех, кто идентифицируют себя в качестве «членов прихода».

Таблица 6. Членство в общине прихожан.

От 1 до 5 лет	От 6 до 10 лет	Более 10 лет	Не являюсь членом общины
20%	30%	5%	45%

Два критерия типологии, связанные не только с самоидентификацией, но и с объективно-наблюдаемым поведением (воцерковленность как участие в таинствах Церкви, а также участие в жизни общины) наиболее активной части прихода, которая в наибольшей степени репрезентирует Церковь как человеческий организм, позволяют увидеть баундари-границы Церкви, способствуют лучшему пониманию черт статусных групп на ярмарке(табл. 7).

Группу «члены прихода» можно описать как воцерковленную. 90% респондентов ответили, что участвуют в таинствах Церкви, но только 55% считают себя принадлежащими к общине, хотя идеальным вариантом является ситуация, когда приход является и общиной. Однако данные свидетельствуют, что лишь немногим больше половины членов приходов считает себя принадлежащими к общине.

Таблица 7. Членство в общине во взаимосвязи с периодом воцерковленности.

Длительность	Воцерковленность %	Членство в общине %
До 5 лет	10	20
От 6 до 10 лет	45	30
От 11 до 17 лет	20	0
От 18 лет и более	15	5
Не воцерковлен/ не член общины	5	45
Затрудняюсь ответить	5	0

На вопрос «Почему Вы считаете себя членом прихода?» респонденты дали следующие ответы (табл. 8):

Таблица 8. Почему Вы считаете себя членом прихода?

	Организатор, %	Выступающий, %	Посетитель, %
Постоянно хожу в Церковь	17	27	27
Интересуюсь делами прихода	17	18	18
Активно участвую в жизни прихода	1	46	9
Это круг моего общения, я живу жизнью прихода	0	27	0
Благодаря вере (дети крещенные и верующие), потребность ходить в Церковь, потребность души	17	9	27
Не думаю об этом	17	0	0

Данные в табл. 8 свидетельствуют о различном понимании членами прихода своей связи с бодер-границей Церкви: приход в первую очередь выступает как структурно-организационное образование внутри Церкви и не всегда совпадает с церковной баундари-границей, т.е. группой людей, обладающих осознанно-репрезентационной диспозицией.

На вопрос «Что бы Вы могли делать, но не делаете в приходе?» члены приходов ответили следующим образом: «готов быть максимально занят в приходе» – 5%, «участвовать в богослужении, петь в хоре, помогать в монастыре, оказывать физическую помощь, выпускать газету, вести переписку, работать с детьми, ходить в больницу, организовывать благотворительную помощь» – 45%, «нет времени на деятельность в приходе» – 20%, «ничего не могу делать, не думаю об этом» – 50%.

В качестве необходимых форм церковной жизни и деятельности, которые следует развивать Церкви в современном белорусском обществе, респонденты самостоятельно выделили следующие виды деятельности:

Таблица 9. Формы Церковной деятельности.

	Организа- тор, %	Высту- пающий, %	Посети- тель, %	Член прихода, %	Не член прихо- да, %
Просвещение, взаимодействие с институтом образования, паломничество, более доступная информация о Церкви	17	27	36	25	43
Ярмарка, концерт, выставка	17	27	18	20	29
Здравоохранение, тюрьма, силовые структуры	0	9	9	5	14
Специальный предмет в школе	17	18	0	10	14
Юношеские лагеря, отдых молодежи, грамотная молодежная политика	17	9	18	15	14
Детские дома, благотворительность, милосердие, патронаж, работа с инвалидами	17	18	9	20	0
Общение, диалог, беседа, просмотры фильмов	33	27	18	30	0
Не знаю, на местах решают священники	33	9	9	10	29

Можно сказать, что ответы на этот открытый вопрос очень ярко выявляют необходимость более активной и широкой социальной репрезентации Церкви в социальном ландшафте Беларуси по всем позициям и для всех групп, особенно в области образования, развлечения и коммуникации. Не члены прихода демонстрируют при этом наибольшую заинтересованность по первой позиции (табл. 10).

Таблица 10. Необходимые качества христианина в современном обществе. Доли в группах.

Качества	Организа- торы, %	Выступаю- щие, %	Посетите- ли, %	Члены прихода, %	Не члены прихода, %
Профессионал, добросовестный	17	46	9	30	14
Миссионер	33	45	18	45	0
Социально активный	33	27	45	35	43

Открытый к контакту	67	82	9	65	71
Личные этические качества	50	18	9	25	14
Чуткость, гуманность, понимание, милосердие, любовь к ближним	50	55	46	55	43
Должен иметь представление о смысле христианства	0	18	0	10	0
Живущий учением Христа	17	9	9	10	0
Нравственные поступки	0	0	18	0	14
Широкий кругозор, современный, общительный	0	9	9	10	0

Ответы в табл. 10 иллюстрируют различие в понимании необходимых качеств христианина в современном обществе. Первые четыре позиции ответов были заданы, остальные предложены респондентами самостоятельно. Быть профессионалом важно для «выступающих» – 46% и «членов прихода» – 30%, но менее существенно для «организаторов» – 17%. Миссионерские черты значимы для «членов приходов» – 45% и совсем не имеют значения для «не членов приходов» – 0%. Социальная активность, напротив, более важна для «посетителей» – 45% и «не членов прихода» – 43%. Гуманистические ценности рассматриваются в качестве необходимых для всех групп.

Что думают участники ярмарки о фронтах Церкви, наиболее ярко демонстрируют их ответы на вопрос о необходимости создания альтернативного социального пространства Церковью – собственных школ, благотворительных учреждений, различных социальных структур. 55% «членов приходов» считают, что Церковь не должна создавать такие структуры, а 35% – должна, в то время как «не члены приходов» ответили: «должна» – 71% и «не должна» – 14%. Таким образом, те, кто представляют бодер-границы Церкви, репрезентируют церковный фронт как «пограничный пост» в большей степени, чем «окончание поселения» (табл. 11).

Таблица 11. Должна ли Православная Церковь создавать альтернативное пространство в социальном пространстве Беларуси?

	Организаторы, %	Выступающие, %	Посетители, %	Члены прихода, %	Не члены прихода, %
Должна	17	36	73	35	71
Не должна	50	55	27	55	14
Должна + необходимо использовать то, чего нет	33	9	0	10	14

Выводы

Приведенные данные подтверждают теоретические положения о существовании фронта как динамической области взаимодействия границ разной природы. Эмпирическое исследование четко обозначает существование линии разделения и взаимодействия между членами и не членами прихода, обозначаемой как различие в их видении целей и форм социального действия Церкви в обществе. Фронт, выступая механизмом взаимодействия бодер- и баундари-границ, указывает, что выставка-ярмарка является действительно новой и пока нестабильной зоной «встречи» репрезентаций социальных Субъектов. Наиболее важное качество – способность создавать и продвигать репрезентации через баундари-границу – зависит от такой черты, как субъектоспособность (это ярко иллюстрируют ответы «выступающих» и «членов прихода»). В силу того что фронт имеет свойство изменяться в социальном времени и пространстве, «2-Б теория» изучения фронтальной динамики видится перспективным направлением исследований в религиоведении, поскольку помогает описывать и выявлять реальных субъектов публичных отношений.

Литература

1. Бреская, О. Роль Православной Церкви в процессе социализации в период трансформации (на материалах Республики Беларусь) / О. Бреская М., 2004.
2. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005.
3. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия. М., 2000.
4. Мэнкью, Н.Г. Принципы Экономикс / Н.Г. Мэнкью. СПб., 2003. С. 25.
5. Пирожник И.И. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. № 6 2006. С. 48.
6. Радионова, С.А. Новейший философский словарь/ С.А. Радионова Минск, 2003. С. 826–828.
7. Флоренский, П. Сочинения / П. Флоренский М., 1996. Т. 2. С. 539.
8. Barker, E. We've got to draw the line somewhere: an exploration of boundaries that define locations of religious identity. / E. Barker Social compass. 53(2). 2006. P. 201–213.
9. Berger, P. The Social Reality of Religion / P. Berger. London, 1967. P. 127–154. (Неприкосновенный запас. 6(32). 2003. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.htm>)
10. Lunden, T. On the Boundary. About humans on the end of territory. / T. Lunden Stockholm, 2004.
11. Maier, Ch. Does Europe need a frontier? From territorial to redistributive community / Charles S. Maier // Jan Zielonka. Europe Unbound: Enlarging and Reshaping the Boundaries of the European Union. Routledge, 2002. P. 17–37.

Примечания

- ¹ Принцип, который Э. Дюркгейм сформулировал следующим образом: «Социальные феномены должны получать объяснение в социальных категориях». (цит. по: Гараджа, В.И. Социология религии. / В.И. Гараджа. М., 1996. С. 15.
- ² В литературоведении такой прием называется «остранением». См. Л. Толстой «Холстомер», Свифт «Путешествия Гулливера» и пр.
- ³ «Это свойственное всей культуре Нового времени познание себя через отрицание: *omnis determinatio est negatio*. Новое время познает не симпатическим проникновением в реальность, а через враждебное реальности утверждение себя самого, упирающееся в непроницаемую ему препопу, реальность». (Флоренский, П. Сочинения / П. Флоренский. М., 1996 г. Т. 2. С. 539.
- ⁴ Е.А. Земская, опираясь на категорию «приставка», пожалуй, впервые указывает на существенные различия в семантике и сфере употребления псевдо- и квази-: «псевдо- содержит компонент 'обман, лживость', тогда как квази- <...> содержит компонент 'недоведение до необходимого предела', 'почти' <...> слова с псевдо- содержат субъективную оценку лица, тогда как слова с квази- характеризуют состояние именуемого объекта. [3, 115]. Таким образом, понятие «квази-социальный» не используется в смысле «псевдо-социальный», но в смысле «не только, не до конца социальный», расширяя социологическое понимание феномена Церкви. Подробнее см.: Бреская, О. Православная Церковь в процессе социализации личности в период трансформации (на материалах Республики Беларусь) / О. Бреская М., 2004.
- ⁵ Подробно о типах границ и формах их взаимодействия см.: Бреский, О., 2-Б модель Пограничья / О. Бреский., О. Бреская // Перекрестки. № 3–4. 2007; Бреская, О. Введение в пограничную теорию ...
- ⁶ Понятие, введенное в «2-Б модели Пограничья» О. Бреским и О. Бреской.
- ⁷ Положение о Структурном подразделении Белорусской Православной Церкви «Оргкомитет духовно-просветительских выставок-ярмарок «Беларусь Православная» [Электронный ресурс] / Сайт Белорусского Экзархата. – раздел.– Режим доступа: <http://www.church.by/resource/Dir0009/Dir0048/Page1065.html>

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА КАК КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ

Понятие «белорусское искусство» было впервые определено и артикулировано в работах немецкого искусствоведа А. Иппеля (1918 г.)¹.

Включение А. Иппелем белорусского искусства в европейскую культуру предполагало конструирование его истории как истории развития форм и стилей, редуцированных к известным европейским художественным направлениям. Вопрос своеобразия белорусского искусства не был задан, но при этом априорно полагалось, что если есть отдельная страна Беларусь, значит, и в искусстве Беларуси XIII–XVIII вв. обнаружатся какие-то своеобразные формы, которые можно будет назвать специфически белорусскими.

Белорусские памятники определялись «in situ» как связанные происхождением и местонахождением с белорусской землей, или, другими словами, само место происхождения должно было удостоверить факт их отнесения к истории белорусского искусства.

Задача изучения искусства Беларуси как «белорусского искусства в своей специфике» впервые была сформулирована Н. Щекотихиным в 1928 г.² Для этого предполагалось выделить значительные произведения искусства и начать изучение творчества белорусских мастеров. Но общепринятая в искусствоведении методика «великой наррации» (поиск стилистических изменений от средневековья к Новому времени, от византийской или западноевропейской манеры к барокко, классицизму и т.д.) привела к тому, что белорусское искусство стало тенью культур великих народов.

Традиционные представления об истории белорусского искусства как о некоем целостном процессе, стилистически норма-

тивном и имеющем телеологические цели, привели к хаотичному и неадекватному описанию явлений белорусской культуры в многотомной «Гісторыі беларускага мастацтва» (Мінск, 1987–1994).

К тому же белорусским искусством здесь оказывалось лишь территориально определенное как таковое, но не по сути национальное. Для выявления феномена белорусского искусства встает вопрос о необходимости поиска иных методов исследования.

Давайте попробуем рассмотреть несколько примеров белорусского искусства в его реальной самобытности, связанной с ситуацией Пограничья.

Крест Евфросиньи Полоцкой. Выполнен по раннему византийскому образцу киевским ювелиром Лазарем Богшей в 1161 г. по заказу полоцкой княжны-монахини³. Функционально является воздвиженским крестом, который получил распространение в новгородских землях Киевской Руси и в Западной Европе. После своего изготовления не повторялся, т.е. не создал традиции.

Икона пинского резчика отца Анания начала XVI в.⁴ Представляет сюжет редкой иконографии «София Премудрость Божия». Возможно, композиция была составлена самим резчиком, который имел священнический сан. Для XVI в. оригинальная иконографическая работа – исключительное явление (канонически основой произведения должен быть какой-то известный первообразец). Исследователи середины XIX в. считали икону Анания повторением неизвестной старовизантийской композиции. Однако и после ошеломляющих открытий в XX в. византийских иконографий подобный извод обнаружен не был. Икона открывает тему Софийности на восточноевропейских землях. Но так же, как и крест Евфросиньи Полоцкой, эта самобытная резная икона из Пинска не была закреплена традицией.

Будславский алтарь XVII в. (1649)⁵. Он появился значительно раньше знаменитой Скала Реджиа Бернини в Риме (1667). Здание храма в Будславе строил Андрей Кромер из Полоцка «фиде рутенус» («русской веры»), алтарную скульптуру и декор создавал резчик Петр Грамель. Чеканили раму чудотворного образа монахи бернардинцы Плавский и Росман. Архитектурным прототипом перспективной конструкции алтаря был проект итальянца Джованни Монтана, а непосредственным проектантом мог быть королевский архитектор Джованни Гислени. Кажется, вся Европа собралась здесь, создавая этот памятник барокко.

Исторические координаты памятника – дата и пять имен – всего лишь одна строка каталога. Но это потребовало десятков лет труда ученых: Н. Высоцкой и А. Ярошевича из Беларуси, М. Каламайской и Е. Ковальчика из Польши.⁶ То, что алтарь «in situ» стоит на белорусской земле, никто не спорит, но то, что он белорусский, пока не сказал ни один ученый. Для этого требуется перевести его изобразительный язык на тот иконический, в котором будет присутствовать соотношение между уставом ордена, желанием заказчиков и конкретной ситуацией в стране. Форма скульптуры, ее сдержанная сарматская пластика еще ожидают своего прочтения. Ведь алтарь необходимо возник здесь и существует до сих пор именно по-

тому, что своим содержанием укоренен в культуре нашей земли. То есть стиль не исчерпывает понимание его места в истории белорусского искусства – требуется содержательный иконологический анализ.

Еще пример – *костел Божьего Тела в Несвиже*. Храм был построен в 1596–1605 гг. по заказу князя Николая Радзивилла Сиротки итальянским архитектором Джованни Бернардини. Архитектура постройки соответствует структуре храма Иль Джезу в Риме, который принято считать эталоном барокко. Пропорции несвижского храма не повторяются в других сооружениях Дж. Бернардини на землях Великого княжества Литовского и Короны Польской. В дальнейшем архитектор предпочитал удлиненные, вытянутые, как бы мы сказали, «готизированные» формы.

Иль Джезу находится среди городской застройки, для него важен только фасад, насыщенный очень крупными и рельефными деталями декора, собственно объем не читается, вся суть отражается в интерьере. А несвижский храм стоит на открытом месте, он виден со всех точек зрения и впечатляет своим кубическим объемом.

Постройка в Несвиже возникает как волевой акт фундатора и гораздо раньше ратификации в Великом княжестве Литовском (Речи Посполитой) постановлений Тридентского собора, разрешивших барочный иллюзионизм храмовой службы и декора. Поэтому в Речи Посполитой только после декретов Краковского церковного собора 1624 г. можно отметить появление стилистических изменений, соответствующих стилю барокко. До 1630-х гг. Несвижский собор – единственный памятник нового направления в Восточной Европе. И появление на наших землях пионера архитектурного барокко определила не логика развития стиля, а воля заказчика. Несвижский памятник становится белорусским в белорусском контексте. Однако еще ярче процесс конституирования или обретения нового смысла может быть показан на примере ансамбля росписей того же Несвижского костела Божьего Тела.

Росписи интерьера были выполнены в 1750–1753 гг., через 150 лет после постройки. На первый взгляд стиль росписей отсылает нас к римскому барокко конца XVII в. Однако присмотримся к деталям. Декоративные элементы – болонское барокко и немецкое рококо. Иконография – фламандская и итальянская (в передаче немецких гравюров 1749 и 1751 гг.). Кажется, опять вся Европа собралась для создания этого ансамбля. Но выполнялся он местными мастерами, что подтверждают архивные документы. Поэтому проблемой становится раскрытие взаимоотношений иезуитского ордена, которому принадлежал храм, заказчика росписей князя Михаила Казимира Радзивилла Рыбоньки и культурного контекста эпохи. Интерпретация содержания росписей позволяет увидеть их белорусскую стилистику (барочный аллегоризм, по сути, и не скрывает своего местного содержания). В программе росписей сказано, что они должны иллюстрировать слова гимна Фомы Аквинского на праздник Божьего Тела «Рожденный стал нам братом, на Тайной вечере хлебом стал, умирая, дал нам искупление, царствуя, наградил нас»⁷. Текст затрагивает проблему Евхаристии, которая и нашла свое воплощение в тематике стенописей храма. Но для нашей темы важно рассмотрение росписей не только в их теологическом

значении, но и в контексте культуры того времени. Фундаментальное содержание раскрывает ассоциативно-аллегорические темы нравственных оснований земного бытия человека и, конечно же, фамилии Радзивиллов: семья, сыновний долг, отечество, дворянское братство.

Росписи Несвижского костела Божьего Тела являются белорусскими в своей тематической направленности и особом смешении художественных элементов из различных формальных приемов европейской живописи. Это уникальное смешение можно назвать виленским барокко.

Ансамбль росписей Несвижского костела Божьего Тела важен для нас как памятник культуры, позволяющий обрести смыслы белорусской культурной идентичности. Его уникальность обусловлена особым социально-культурным взаимодействием, а именно личностью заказчика, работающего с синтонным исполнителем, т.е. такой творческой личностью, которая чувствует и может исполнить требования патрона и представляемой им культурной среды.

Ситуация Пограничья делала возможным появление в белорусском искусстве любых достижений европейской культуры, порой самых невероятных с точки зрения регламентированных канонов. Отсюда и наличие уникальных явлений, неповторимых как в местной культуре, так и культуре европейских стран. Но возникновение подобных феноменов еще не означало нового художественного направления.

Более того, существование уникальных феноменов в контексте конкретной социально-культурной ситуации и не предполагало развития стилистической нормы и «de facto» возникновения традиции. Белорусские памятники выявляют не развитие определенных художественных форм, столь привычных для русского искусствознания, а внутреннюю идеологию социума, идеи необходимые и важные в данной ситуации и в конкретный исторический момент. С точки зрения всемирной истории искусства это нонсенс, который в лучшем случае может быть рассмотрен как пример экспорта художественных стилей. Но на самом деле это ситуация существования высокого искусства в пространстве Пограничья, где обращение к различным художественным системам складывается в собственное повествование.

В этой связи для нас дополнительной целью (своеобразным проверочным вариантом исследования) стал вопрос автопортретирования художника в культуре Пограничья. К концу XVIII – началу XIX в. автопортреты художников сделались обычным явлением, но до этого времени они создавались чрезвычайно редко. Поэтому мы должны оценить сохранившейся в нашей культуре *Автопортрет художника* 1750 г. из Национального художественного музея Беларуси⁸. Именно этот автопортрет, как претендующий на свободу изображения жанр живописи, показал, что социальный статус мастера и его соотносительность со своим заказчиком («скрытым автором») были тогда чрезвычайно важны.

Художник и заказчик как бы отождествляли себя друг с другом. Безусловно, это не рационализированное отождествление. Художник визуально как бы утверждает себя в социальном пространстве своего патрона и тем самым выстраивает свое второе я, он видит себя зеркальным отражением этого пространства. Поэтому автопортреты художника и его патрона композиционно близки друг другу.

Архивы показали, что портрет может быть отнесен к культуре земель, центром которых был Несвиж. Иконологическое исследование позволило определить датировку произведения (середина XVIII в.), совпадающую с созданием росписи Несвижского костела Божьего Тела, и предположить возможное имя художника – Ксаверий Доминик Геский. Стилистический анализ позволил выявить знаковый характер произведения, что вписало автопортрет в рамки культуры Беларуси XVIII в.

Портрет как бы распадается на множество значимых деталей. В этом можно увидеть процесс напряженного и пристального рассматривания себя художником, медленную торжественную представительность, но вместе с тем здесь выступает и особая «неклассическая» документированность, хорошо нам известная по сарматским портретам или традиционным портретам семейных фамильных галерей дворян (магнатов, шляхты) того времени. Собственно, такой символично-знаковый характер изображения еще раз подтверждает укорененность портрета именно в белорусской (Великого княжества Литовского) культуре. Если мы сравним это изображение с автопортретами художников Франции, Италии или Англии XVIII в., то увидим в белорусском произведении акцент на презентацию значимости социального статуса художественной личности. Этот парадный портрет сродни тем, которые мог заказывать патрон художника для своей резиденции. Наш художник явно гордится своими творческими заслугами и своей профессией (карандаш и альбом рисунков, незаконченное полотно сзади на мольберте). Мастер бывал в Италии, родине всех художников, и данный момент своей биографии подчеркивает. Он в парике, как придворный художник, а значит, человек, занявший достаточно высокое место в социальной структуре общества того времени.

Для европейского художника середины XVIII в. это не совсем традиционное решение. В основном мастера хотели видеть себя просвещенными гуманитариями и поэтому чаще представлялись в образе частного лица (автопортреты Гейнсборо, Жоржа де Латура, Менгса, Хогарта), в тишине мастерской, в халате без парика, в платке (Шарден) или оторвавшимся от работы (Антуан Пен). Гравер Чесменский изобразил себя в профиль, в форме мемориального знака римских времен. Президент Берлинской академии художеств Антуан Пен (1728) предстает в резком ракурсе выдвинутого по диагонали плеча, с карандашом в руке. Автопортреты художников Речи Посполитой А. Мириса, С. Чеховича, Р. Молитора середины XVIII в. также акцентируют скорее их внутренний художественный опыт, чем социальный статус. Среди портретов этой галереи более всего близок нашей композиции портрет А. Менгса, известного мастера, прославившегося в Германии и Испании, президента тамошних Академий художеств. Близка сама поза с поворотом головы на-

право и альбом с карандашом в правой руке. По иконографии произведение, так же как и белорусский автопортрет, может быть сравнимо с композицией Н. Пуссена. Среди названных трех холстов (Пуссена, Менгса и белорусского) только последний презентует социальную значимость художника, удовлетворенность автора общественным положением придворного живописца.

Подобная нашему автопортрету иконографическая схема изображения присутствует и в портрете предполагаемого патрона художника князя Михаила Казимира Радзивилла (1702–1762). Атрибуты социального статуса и власти, детали героического мифа в виде металлической кирасы, в которую «закована» грудь князя и которую он, видимо, «одел» только на время позирования как дань мифологии рыцарского магнатско-шляхетского предназначения. Портреты художника и патрона явно тождественны, они своеобразное зеркальное отражение друг друга и могут быть поняты как совмещение креативной и социальной значимости патрона и художника в образе «другого». Мы можем сказать, что художник желает быть адекватным своему патрону, как бы отождествляет себя с ним. В середине XVIII в. в восточноевропейском искусстве заказчик видит в художнике иллюстратора своих общественно-политических и историко-религиозных представлений о мире. Патрон и художник как бы вместе создают общий текст, который визуализирует отношение заказчика с миром и презентует его в социальном пространстве этого самого мира. Документ «пишется» рукою живописца и в тех художественных формах, которые были известны европейской культуре XVI–XVIII вв. Искусствоведы могут увидеть в этих произведениях стилистику барокко, рококо, классицизма, но в то же время они не сводимы ни к одному из них. С точки зрения «музейных» правил стиля последние существуют в «беспардонном» смещении. Но зато патрон понимает язык художника, а общий текст патрона и художника обращен к тому сообществу, которое принимает это послание как документальное свидетельство. Созданное произведение рассчитано на общественное восприятие, если угодно – на определенную «рекламную» обращенность к социальной аудитории, оно расширяет пространство идеологического утверждения патрона-заказчика в структуре сообщества и, в конце концов, в структуре власти того времени. Поэтому в оценке искусства художественного двора князя М.К. Радзивилла не работают те традиционные представления об авторстве, которые получили права «de jure» в конце XVIII – начале XIX в.

XIX в. сформулировал, как пишет М. Фуко в своем размышлении об авторе, удостоверение идентичности создателя согласно критериям истинности священного текста, которое было предложено еще Святым Августином в раннем средневековье⁹. Автор (или авторство) предполагает стилистическое единство ряда творений, к тому же автор как единое целое существует в нейкий исторический момент и у него есть определенная биография, как дискурс творящего индивида. В белорусском художественном поле эти четыре критерия не совсем действенны. Да, автор – это определенная биография, которую можно восстановить по ряду архивных документов, в основном связанных с оплатой заказов, это упоминаемая в хозяйственных

документах личность. Но остальные критерии подлинности можно подвергнуть сомнению – нет стилистического единства и нет определенным языком манифестируемого дискурса. Художественный дискурс белорусского автора может быть сформулирован следующим образом: художник, как воспроизводитель социального порядка княжеского рода. По существу автором является сам Князь, ведь именно его биографию, его понимание исторического момента, его авторство – изображение по его замыслу – мы видим в работах художника. Поэтому для историка белорусского искусства возникает необходимость конструировать иную модель автора или согласиться, что в культурном дискурсе Беларуси XVIII в. он отсутствует. По сути этот дискурс сам исключает автора, как создателя своей определенной авторской позиции – дискурсивности. Художник XVIII в. ориентируется в написании портретов на определенные композиционные схемы и порядок репрезентации изображаемой личности. Если речь идет о создании галереи предков, то более предпочтительным оказывается копияный (повторяющий уже существующий образец) вариант изображения. Автор в этом случае как бы не является индивидуальностью, которая задает новые дискурсы обществу или, говоря языком искусства XIX в., выходит в область пророческих потенций.

Рассмотренная нами система взаимоотношения художника и патрона предполагает конструирование истории белорусского искусства через социальное поле культуры. В этом контексте художественные характеристики произведений искусства оказываются опосредованы «скрытым» авторством патрона-заказчика и акцентируют те темы и проблемы культуры, которые заявляет патрон. Поэтому именно содержательно-культурная наполненность и выражает местный колорит, тем самым заявляя феномен белорусского в искусстве XVIII в. Но выявление подобного текста предполагает иные методы исследования.

Таким образом, история искусства Пограничья требует новых подходов, которые заменят привычные методологические постулаты нынешнего искусствознания. С другой стороны, явление, фиксированно представленное памятниками искусства XII–XVIII вв., позволяет увидеть варианты конструирования культуры Пограничья.

Примечания

- ¹ Ippel, A. Wilna – Minsk. Altertuner und Kunstgewerde Fuhrer durch die Ausstellung der Zeitung der 10 Armee /A. Ippel. Wilna, 1918. Іпэль, Беларускае мастацтва / А. Іпэль // пераклад з нямецкае мовы З. Гарбаўца і М. Касьяровіча // Спадчына. 1996. № 3. С. 273–277.
- ² Шчакаціхін, М.М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М.М. Шчакаціхін. Менск, 1928. Т. I С. 7.
- ³ Алексеев, Л.В. Крест – краса церкви. История создания и воссоздания креста преподобной Евфросиньи Полоцкой / Л.В. Алексеев, Т.И. Макарова. Минск, 1998; Пуцко, В. Крест Евфросиньи Полоцкой и воздвижальные кресты 12–13 ст. / В. Пуцко // Полацк. 1992, № 4. С. 12–17.

- ⁴ Плешанова, И.И. Два резных деревянных образка в собрании Русского Музея / И.И. Плешанова // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1980. С. 209–217.
- ⁵ Kowalczyk, J. Ołtarz perspektywiczny w Budslawiu i jego włoska geneza / J. Kowalczyk // *Artres atque humaniora studia Stanislas Massakowski sexagenario dicata*. Warszawa, 1998. S. 257–269. (+ библиография).
- ⁶ См. библиографию в статье Е. Ковальчика.
- ⁷ Баженова, О. Ученый богослов Я. Пошаковский и программа росписей Несвижского костела Божьего Тела / О. Баженова // *Наша Вера*. Минск, 2002.
- ⁸ Высоцкая, Н.Ф. Живопись барокко Беларуси / Н.Ф. Высоцкая. Минск, 2003. С. 108.
- ⁹ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М., 1996. С. 10.

ОТ «ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА» К «ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАПИТАЛИЗМУ БЕЗ ГОСУДАРСТВА»*

Определения «раскрепощенная номенклатура» и «политический капитализм» уже стали привычными для обыденного сознания. Однако в 1991 г., когда я употребила их впервые¹, они еще не были известны. В то время я описывала различные формы «властной ренты» (т.е. экономических выгод в силу прежней позиции в структурах коммунистического государства). Тогда, в первой фазе трансформации, речь шла, прежде всего, о первоначальном накоплении капитала, связанном с *redemployment* – перемещением финансовых средств и недвижимости из государственного сектора в частные руки.

Более поздние эмпирические исследования подтвердили тезис о «конверсии власти», т.е. о превращении «политического капитала» в «экономический капитал»². Я. Василевский подсчитал, что половина представителей элит бизнеса 1998 г. прежде активно поддерживала коммунистическое государство и партии. «В целом можно сказать, что примерно половина представителей нынешней элиты [политической, административной и предпринимательской. – Я.С.] за десять лет до этого, в 1988 г., занимала руководящие (в том числе высшие) посты, а треть были специалистами. Профессиями, располагавшимися в последний год господства государственного социализма ниже в социальной иерархии, обладали лишь около 11% исследованных, а около 7% еще не начали профессиональной карьеры или по разным причинам прервали работу [...]. В новой элите преобладают люди, происходящие не из «низов», а из «второго эшелона» прежней системы (руководящие работники) и из числа высококвалифицированных кадров (специалисты)»³. Эта, как я

* Глава из книги: *Postkomunizm: Próba opisu*. Gdańsk, Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2001.

ее называю вслед за Д. Бёрнхемом, «революция менеджеров» сопровождалась значительным воспроизводством старых элит. Как свидетельствуют исследования, показатель сохранения позиций в элите (не обязательно прежней) составляет 26,4%⁴.

Можно поэтому повторить вслед за А. де Токвиллем⁵, хотя он написал это о Французской революции, что социальная революция (в смысле радикального изменения социальной структуры) окончилась, не успев начаться. Политическая революция и свержение «феодального строя» произошли тогда, когда в недрах старого режима возникли зачатки нового строя. Актеры прежней системы – привилегированный класс – нашли себе в нем место, позволяющее воспроизводить прежние позиции на вершине иерархии. Осуществлялось это уже с помощью новых (как сказали бы сейчас – гибридных) механизмов, соединяющих раннекапиталистические и феодальные «сети», что сделало возможным *redemployment* средств и воспроизводство статусов.

Анализируя сегодняшнюю формулу «политического капитализма», невозможно ограничиться общими утверждениями о «ренте власти» и воспроизводстве позиций в социальной иерархии. Наше знание требует уже более точного описания. Так, говоря о феномене «революции военных» как важнейшем факторе отхода от коммунизма, можно сформулировать тезис, что каждый раз тот сегмент коммунистической номенклатуры, который контролировал в данной стране развитие «революции военных», овладевал также финансовыми институтами, обеспечивающими структурную власть в возникающей посткоммунистической системе. Быстрота, с которой восстанавливались международные связи бывшего коммунистического аппарата (уже в новой, облегчающей формирование капитала роли), зависела от существования (либо отсутствия) институциональной «корреспонденции» между сегментами заинтересованных элит и теми, кто контролировал «революцию верхов». В Польше и Румынии (здесь сегментом, осуществившим «революцию верхов», были спецслужбы, связанные с армией) налаживать подобные связи оказалось труднее (к счастью для нас!), чем в Болгарии, Словакии и даже Венгрии, где, как и в бывшем СССР, режиссером этой революции были гражданские спецслужбы, связанные с КГБ.

В своих последних анализах «политического капитализма» я показываю его следующие стадии, которые отличаются друг от друга механизмами накопления, способами мобилизации и циркуляции финансовых средств, а также характером связей между экономикой и государством. Описывая эти формулы на примере Польши, я буду апеллировать к тем характеристикам, что использовались ранее.

Чтобы понять нарождающийся вариант посткоммунистического капитализма, нужно вернуться к его институциональным началам еще внутри системы производства «реального социализма». Последний по достижении очередной стадии неравновесия (и в поисках его преодоления) ввел в действие п а р а м е т р ы : поощрение «серой зоны», разрешение на деятельность традиционного частного сектора, наконец, неформальное «раскре-

пощение номенклатуры». Это «раскрепощение» стало началом последнего этапа процесса, который можно охарактеризовать как д е а р т и к у л я ц и ю коммунистического способа производства⁶. Система, основанная на государственной собственности, прибегла к решениям другой (и даже конфликтующей с ней) логики, что, однако, сделало возможным создание дополнительного фонда товаров и услуг и в результате стабилизировало (и одновременно воспроизвело) всю конструкцию «реального социализма».

«Политический капитализм» перешел в той самой ранней фазе (середина 1980-х гг.) к неформальному введению принципа разделенной собственности. Это напоминало способ владения землей при феодализме, когда на один и тот же участок земли имели право король, вассал, крестьянская община и непосредственный пользователь. Ранние менеджерские и рабочие организации трактовали как свои собственные машины и оборудование государственного предприятия, хотя не инвестировали в них и не несли основных издержек по их использованию.

Политический фактор выявился тогда двояким образом:

– во-первых, ситуация «разделенной собственности» породила двойственный статус директора государственного предприятия (т.е. члена коммунистической номенклатуры), который одновременно был владельцем частной компании при этом предприятии. Это облегчало переброску издержек частного накопления на государство;

– во-вторых, международные контакты некоторых сегментов коммунистического государства (армия, спецслужбы, приграничное сотрудничество локальной номенклатуры, аппарат молодежных организаций) стали политическим связующим звеном рынков (действующих по различным принципам), которые в противном случае не могли бы найти друг друга. Это относится, например, к обращенной на Запад и имеющей доступ к твердой валюте системе номенклатурной «серой зоны» в Польше или к достаточно замкнутому и изолированному рынку в СССР. Как известно из экономической истории, такие встречи пространств, действующих по разным правилам, позволяют обогащаться уже на самой разнице *terms of trade*.

Едва ли не первая крупная номенклатурная компания («*Agrotechnika*», созданная в 1984 г. аппаратом Союза сельской молодежи и технократами из Военно-технической академии), обогатилась, используя предназначенный для других целей (модернизация молочного производства) кредит Всемирного банка, а также каналы частного импорта высококлассных компьютеров (включая те, на которые было наложено эмбарго, поэтому смонтированные лишь частично). Это оборудование было в больших количествах доставлено на территорию Российской Федерации и Украины, между прочим, для компьютеризации их спецслужб. Банковский кредит был отдан, а значительная прибыль (образовавшаяся от встречи рынка, основанного на относительно либеральных принципах, с рынком, где доступ к валюте и высоким технологиям был ограничен) осталась, давая возможность осуществлять последующие операции.

Постепенное «самораскрепощение номенклатуры» напоминало на ранней стадии меркантилизма в описании М. Вебера⁷ (когда государство поощряет новые экономические механизмы или, по крайней мере, не мешает им исходя из их ценности с политической точки зрения). В историческом меркантилизме речь шла о дополнительных финансовых средствах на армию, выплаты государственным служащим и территориальную экспансию. В позднем коммунизме – о снятии напряжения через поставку большого количества потребительских товаров, а также о снижении фрустрации в исполнительном аппарате власти, администрации государства и государственных предприятий. Предшествующим «раскрепощению номенклатуры» механизмом коммунистического меркантилизма были государственные учреждения, действовавшие как акционерные общества (например, *Bank Pekao SA*). Это также напоминало известную со времен зарождения капитализма западноевропейскую формулу «государства как предпринимателя» и описанные Джоном Хиксом⁸ первые формы торгового капитализма – создание государством «торговых домов», функционировавших как акционерные общества, но с разницей выплат (если предприятие, например торговая экспедиция, удалось), обусловленных традиционной иерархией статусов.

Динамика институциональных форм (разделенная собственность, экспансия на рынок СССР проникшей туда с помощью спецслужб торговой «серой зоны» или созданные государством акционерные общества с правом торговли) привела к двум ключевым для дальнейшей структурной трансформации моментам не постоянства еще до символического перелома 1989 г. Первый – это переход от меркантилизма к настоящему политическому капитализму, когда раскрепостившаяся номенклатура – выполнявшая, в соответствии с ожиданиями государства, стабилизационную функцию – начала использовать свои позиции в государственной администрации для реализации собственных целей. Другими словами, «рента власти» ускорила формирование частного капитала. Начался отход от действий, направленных, главным образом, на достижение системного равновесия, и переход к фазе экспансии. А дальше развернулась борьба за институциональные решения, обеспечивающие преодоление очередного барьера. Таким способом – эволюционным – кристаллизовался экономический интерес к преодолению институциональных границ коммунизма.

Второй момент не постоянства – это возникновение в реальном социализме не существовавшего раньше измерения метаобмена – операций, в которых источником прибыли является одновременное функционирование в рамках различных правил игры на трансграничных или транссистемных принципах (например, на рынках с разными курсами, процентными ставками или оценками долговых расписок). Предметам метаобмена являются сами *terms of trade*, а не конкретные товары. В отличие от простого обмена товаров и материальных услуг, метаобмен функционирует на так называемых *futures markets* (рынках, где прибыль отстоит от непосредственной ситуации во времени

и – зачастую – в пространстве). Здесь обязательно существует твердое право собственности, а также формальные основания контрактов (но не только они – еще неписанные гарантии в виде «ренты власти» или локальных персональных соглашений). Экономический интерес в преодолении барьеров, блокирующих выход на *futures markets*, находился в равновесии с интересом в продвижении правовых институтов, окончательном открытии экономики, оформлении прав собственности (и отходе от формулы «разделенной собственности» из первой фазы раскрепощения), наконец, в стабилизации национальной валюты и ее конвертируемости хотя бы на местном уровне. Выполнение этих условий связывалось с выходом за институциональные рамки и идеологические положения коммунизма. Дальнейшее функционирование раскрепощенной номенклатуры лишь в качестве своеобразной «серой зоны» стало препятствием для полнокровного использования экономических возможностей, созданных метаобменом. И на этом этапе реформ «пионерами» были главные функционеры спецслужб. Ибо именно они действовали в центрах внешней торговли, ключевых банках международного масштаба или во «фронтových» фирмах разведки, расположенных на Западе.

Появление измерения метаобмена в коммунизме 1980-х гг. означало также выход последнего в круг зависимости от логики, определяемой через циклическое накапливание напряжения между сферой метаобмена и обычного обмена. Эти циклы связаны с постепенной автоматизацией той сферы, которая начинает развиваться спекулятивным способом (*bubble economy*). Она не только деформирует параметры обычного материального обмена, но также оказывает на него давление из-за нехватки оборотных средств (пример – российский кризис). Согласно М. Веберу и Р. Коллинзу, такие напряжения исторически ответственны за динамику и преобразования институциональной структуры рынка⁹. Коллинз прямо утверждает, что сила воздействия этих циклически возвращающихся напряжений значительно больше, нежели влияние тенденции к спонтанному отбору (подчеркиваемой Д. Нортон¹⁰) и утверждению тех институциональных форм, которые снижают издержки и уменьшают разрыв между общественной и индивидуальной выгодой.

Возникновение моментов непостоянства стало поворотным пунктом и ускорило крах коммунизма, хотя и было невольным следствием техник стабилизации коммунистической системы. Так постепенно наступил переход от фазы равновесия к фазе экспансии, когда нарождающийся «политический капитализм» начал эксплуатировать государство, а не только служить его целям. Возникшие новые интересы прежде всего были связаны со сферой метаобмена, что стало – наряду с «революцией военных» – главным двигателем трансформации. Локальный эффект (противоречия коммунизма и протесты снизу) переплелся с глобальными процессами. Метаобмен снова вовлек страны коммунистического блока в международное разделение труда (кредиты 1970-х гг.), а «революция военных» была следствием глобаль-

ных процессов в сфере безопасности. Если бы не воздействие глобального, самым правдоподобным концом коммунизма была бы не «революция верхов», а коллапс и взрыв с последующей деинституционализацией и анархией.

От «политического капитализма» к «государственному капитализму без государства»

Ведущей функцией первых лет посткоммунистической экономики было формирование капитала в условиях глобализации с сохранением структур «политического капитализма» как базовым условием, обеспечивающим изменение институциональных связей. Поэтому только формула «политического капитализма» (немного модифицированная – по мере роста и стабилизации) гарантировала прежней номенклатуре (все еще имеющей значительный ресурс структурной власти) сохранение статусных состояний и удержание за собой занимаемых в период коммунизма положений в иерархии.

П о л и т и ч е с к и й к а п и т а л и з м в Польше прошел три фазы. Сейчас он находится в четвертой, для которой характерна самая малая мера политизации. Здесь можно говорить об ослаблении его олигархического характера и о возникновении новой формулы – «капитализм общественного сектора» или «государственный капитализм без государства». Этот последний поддается постепенной сегментации и лишается центра власти.

Эти фазы (и соответствующие им стратегии формирования капитала) сменяли друг друга в соответствии с макроэкономическими условиями, преодолением «раскрепощенной номенклатурой» очередного барьера экспансии, исчерпанием одних резервов и обращением к другим.

П е р в а я ф а з а – это, прежде всего, перемещение (*redemployment*) средств и капитала из государственного сектора в частные руки (1984–1989 гг.). Здесь нужно обратить внимание на следующие четыре момента:

- создание придатков к государственному предприятию с использованием второго статуса его директора – владельца частной компании, что позволяло перебрасывать часть издержек деятельности на государственное предприятие, а также управлять – в интересах частного накопления – «разделенной» собственностью. Стоит отметить, что подобная двойственность статусов (сидение «верхом» на двух способах производства) способствовала также *redemployment* при рождении капитализма в Западной Европе;

- создание наднациональных «сетей», позволяющих обогащаться аппаратам обеих сторон на разницах *terms of trade*;

- приватизация имущества политических и общественных организаций (здания, транспортные средства), связанная с политикой «больших денег»;

- подготовка финансовых институтов к следующей фазе трансформации. С 1987 г. из фондов государственных предприятий и их институтов возникали ком-

мерческие банки и фонды, а также созданный сверху летом 1989 г. Фонд обслуживания внешнего долга. Совершались интенсивные валютные переводы за границу. Там были образованы так называемые фасадные («фронтные») фирмы, опирающиеся на польский капитал, но выдаваемые за иностранные.

Сформировались также правовые рамки для гибридных решений, облегчающие ускоренное перемещение средств в частные руки (см. закон о хозяйственной деятельности от 23 декабря 1988 г. или закон о коммерциализации государственных предприятий от 31 января 1989 г.).

Похоже, что роль *blue-print* для этих практических манипуляций сыграли выводы из дискуссий о «капитализме после коммунизма», проведенные в СССР специалистами, исследующими развитие зависимых стран (главным образом, Латинской Америки). Политический генезис, значительная роль институционального фактора (в том числе исключительного доступа к институтам, обеспечивающим снижение издержек и функциональных рисков), сокращенная фаза капитализма свободной конкуренции со стремительным переходом к фазе организованного капитализма (с элементами государственного капитализма) – это лишь некоторые гипотезы, сформулированные в ходе тех дискуссий и в определенной степени подтвержденные позднейшей практикой посткоммунистической системы.

В первой фазе «политического капитализма» наиболее интенсивно развивался торговый капитализм, преимущественно в сфере трансграничного обмена (импорт). Главным условием и первым шагом в создании инфраструктуры посткоммунистического рынка были связи внутри одной статусной группы (прежний аппарат власти). Они заменили не существовавшие еще институты (экспортные и кредитные гарантии), снижающие риски.

Вспомним, что и в других исторических ситуациях и географических регионах социальные статусы становились предпосылкой формирования капитала в условиях глобализации¹¹. Там также обращались к компактности и лояльности и искали в них гарантии прав собственности. Однако постепенно, вместе с территориальной экспансией, выходя за культурно-политические границы, в пределах которых эти статусные показатели были узнаваемы и уважаемы, начинались поиски более формализованных рамок хозяйственной деятельности. Так начался переход ко второй фазе «политического капитализма».

В Польше первая фаза закончилась с парламентскими выборами 1989 г., формированием правительства с премьером от «Солидарности» и принятием обеспеченного правовыми механизмами плана стабилизации экономики. На тот момент действовало около трех тысяч компаний, в большинстве своем (75%) созданных на базе крупных государственных предприятий¹². Среди руководителей обществ были директора этих предприятий (1/4), главы воеводств (38 из 49), высокие чиновники партийного аппарата (более 80) и менеджеры низшего звена.

Вторую фазу (1990–1993 гг.) составляли три стратегии.

Первой был своего рода «большевистский либерализм», призванный сконструировать правила так называемого плана стабилизации (введенного в действие с 1 января 1990 г.), чтобы сделать более динамичным формирование финансового капитала в коммерциализированных (и полностью захваченных номенклатурой) банках и одновременно ускорить процессы увеличения долгов и банкротств в государственном секторе (создавая таким образом возможности для импорта или приватизации через их несостоятельность). Эта идеологически и политически детерминированная префигурация шансов удержания на рынке и накопления капитала основывалась, если говорить кратко, на вынужденном «продуцировании» погрязшего в долгах государственного сектора и возмещении этих, прежде всего «плохих», долгов государством (см. решение премьера Тадеуша Мазовецкого в марте 1990 г., подтвержденное распоряжением министра финансов Лешека Бальцеровича в ноябре 1990 г.).

Административное создание спирали задолженностей в государственном секторе было обусловлено не столько рыночными механизмами, сколько навязанными сверху административными решениями¹³. Таким образом:

– с 1 января 1990 г. был введен обязательный перерасчет стоимости основных фондов. В сравнении с 1982 г. они выросли: для зданий электростанций в 141 раз, для котлов и энергетических машин в 122 раза, для транспортных средств (даже в некоторой степени амортизированных) в 133 раза. Это вызвало колоссальную инфляцию стоимостей. И не только в энергетике, где больше 80% имущества составляли основные фонды, но и во всей экономике;

– начался пропорциональный рост авансов на так называемых дивидендах, введенный законом от 31 января 1989 г. (авансовые выплаты в размере 22% от так называемого уставного фонда, установленного в размере 25% от стоимости основных фондов);

– был введен «попивок» (параналог на увеличивающиеся зарплаты на государственных предприятиях). На основании закона от 27 декабря 1989 г. зарплата могла увеличиваться в отдельные месяцы в пределах 0,2–0,6% на каждый 1% увеличения цен (независимо от финансовых условий предприятия). Штрафы по этому закону доходили до 200% за первые 3% превышенной квоты, а за дальнейшее повышение зарплат сверх лимита – даже до 500%. Эти ограничения, в совокупности с другими, блокировали шансы адаптации государственных предприятий и приводили к колоссальным задолженностям;

– ключевым для нарастания спирали задолженностей было сочетание навязанного Польским национальным банком уровня кредитов рефинансирования (в январе 1990 г. 432%, в 1991 и 1992 гг. в среднем на уровне 45%, что резко – на 20–30% – увеличило кредитные уровни в коммерческих банках) с наложением Министерством финансов обязательства покрытия предприятием 70% стоимости оборотных фондов из кредитов (даже если имелись собственные средства). На лавинообразном росте долгов обогащались – в очередную волну «одолживания» – но-

менклатурные коммерческие банки. Задержки зарплат в значительной степени дезорганизовали государственный сектор, ускоряя упадок большинства предприятий или их приватизацию за символическую стоимость. Касалось это, прежде всего, передовых предприятий, которые в 1970-х гг. модернизировали оборудование за долгосрочные кредиты;

– 70%-ный налог на экспорт угля сделал его нерентабельным и вынудил шахты влезть в новые долги. В 1998 г. потери польской горнодобывающей промышленности составили около 13 млрд злотых. (Из подсчетов вытекает, что, не будь административного обесценивания, прибыли составили бы около 7 млрд.)¹⁴

Вторая стратегия этой фазы «политического капитализма» была связана с интенсивным использованием «политическими капиталистами» финансовых институтов (типа Фонда обслуживания внешнего долга), созданных в предыдущую фазу с целью «мягкого финансирования» стабилизации. Она разворачивалась, между прочим, на уже опроцентованных кредитах или скупке (у экспортирующих предприятий) валюты по завышенному курсу. Это помогло номенклатурным компаниям в сохранении и спекулятивном умножении капитала.

Третьей стратегией было индивидуальное использование «ренды власти» для получения информации, лицензий или исключительных (привилегированных) условий функционирования. Широко известна серия тогдашних «афер», за которые до сих пор никто не понес наказания, так как они сводились скорее к максимальному использованию системных «дыр», нежели к открытому нарушению закона. Здесь стоит вспомнить так называемую рублевую аферу (потери государственной казны – 1,5 млрд злотых), «папиросную» (1,5 млрд) или «топливную» (1 млрд), в которых прибыль обеспечивалась доступом к информации о предстоящем изменении цен и правил импорта.

Вопреки ожиданиям того, что «политичность» рождающегося капитализма постепенно будет уменьшаться, в его второй фазе начинается развитие новых форм связей между экономикой и государством. Расширение поля экспансии на территории, где связей в рамках статусных групп было недостаточно, вызвало попытки преодолеть этот барьер с помощью созданных государством институтов-локомотивов для номенклатурного капитала типа Агентства экономического развития, аккумулирующих участие государства в большинстве гибридных обществ, направляющих экспансию на трудные рынки и облегчающих концентрацию и мобилизацию капитала через поиск кредитов.

Во второй фазе «политического капитализма» появились также зачатки «организованных рынков»¹⁵ с регулируемым доступом, служащим сдерживанию и ограничению внутренней конкуренции, что имело целью повысить шансы в конкуренции с капиталом более развитых стран. В западных странах подобные техники также использовались на ранней стадии капитализма при выходе из феодализма.

Здесь можно сформулировать следующую гипотезу: относительная традиционность обществ, строящих сегодня посткоммунизм,

обуславливает характерную неустойчивую динамику возникающего рынка в его институциональном аспекте.

Коммунистическое прошлое в этом случае имеет значение ровно настолько, насколько, во-первых, определяет социальные источники привилегированного статуса (номенклатура) и, во-вторых, обуславливает характер и институционального наследия, из которого исходят при формировании стратегии конкуренции с более развитыми странами. Сам принцип обращения к системному своеобразию в условиях глобализации, однако, подобен аналогичному принципу начала Нового времени, когда Средняя Европа находилась в орбите мировой торговли зерном. Тогда недостаток социальных и экономических оснований для организации и укрепления западных институтов (зерновая биржа, кредит) стал поводом для обращения к собственному наследию (и введению так называемого вторичного подданства). Это была попытка понизить цены и увеличить свои шансы в соперничестве с Западом. Однако дальнейшее экономическое и политическое развитие засвидетельствовало ее неэффективность.

Возврат политизации экономики, использование «ренды власти» и административно регулируемый доступ к капиталистической инфраструктуре рынка (кредиты, гарантии) в «политическом капитализме» было выражением похожей тенденции. В наследии коммунизма, актуализированном уже в новой роли, искали то, что дало бы возможность конкурировать с гораздо более эффективным и лучше институционально организованным капиталом развитых стран.

Третья фаза «политического капитализма» (1993–1996 гг.) связана с резко выросшим уровнем организации капитала. Аналогичные процессы концентрации и организации капитала в финансово-торговых или финансово-промышленных группах наблюдалась в большинстве посткоммунистических стран. В России эти группы служили также инструментами внешней политики¹⁶. В остальных странах целью их образования была, прежде всего, мобилизация капитала и более эффективная конкуренция с западным капиталом. В этой фазе главным резервом (принципом) оказался доступ к институтам, снижающим издержки и риски деятельности. Отсюда примат «политики институционализации», связанной с попытками организованного капитала изменить выгодным для него образом инфраструктуру рынка или получить исключительный доступ к институтам, снижающим издержки. Я сознательно употребляю здесь слово «политика», чтобы подчеркнуть тот факт, что в этой фазе политический капитал разделился на группы различных интересов (ориентация на Восток или на Запад, формирование капитала в сфере производства или метаобмена) и усилилась борьба за институциональные ресурсы. Эта борьба постепенно политизировалась: здесь мы можем говорить о растущей политизации всей формулы и о концентрации политического давления на высшие эшелоны власти.

Первоначально «политика институционализации», понимаемая как стратегия сохранения и укрепления рыночных форм путем манипулирования институцио-

нальными правилами, ограничивалась затягиванием состояния анархии. Большое количество пробелов в законах, система исключений и концессий облегчали реализацию «ренты власти». Но постепенно возникла тенденция к активному формированию институциональной инфраструктуры рынка. Желательно было снизить издержки отдельным участникам и облегчить им перебрасывание части нагрузок на государство. Таким образом, была продолжена стратегия экстернализации издержек при интернализации прибыли, характерная для предыдущей стадии «политического капитализма». Получила продолжение и более ранняя (с 1993 г.) тенденция деполитизации ключевых решений, представляемых как чисто технические, а не политические (не подлежащие контролю демократически избранных органов). Сегодняшний «государственный капитализм без государства», или к а п и т а л и з м и с к л ю ч е н н ы х в л а с т е й, остающийся вне контроля политического центра, представляется вершиной этой тенденции.

В описанной фазе усилилась также практика делегирования исполнительному аппарату утверждения законов власти. Был принят ряд законов, содержащих формулировку о том, что данное правовое решение является обязательным, если Совет Министров или соответствующий министр не решили иначе¹⁷. Появилась своеобразная манера составления законов, когда очерчивались лишь некоторые общие процедуры, а все поле интерпретации сущности действий предоставлялось исполнительному аппарату или вообще не устанавливалось никаких предметных границ. Так произошло с ключевой для современной польской экономики формулой «общественного сектора», не определенного ни функционально (роль в системе), ни предметно (сфера). Было утверждено лишь несколько процедур регулирования, касающихся способов контроля за этим сектором со стороны Министерства финансов¹⁸.

На фоне расплывчатых решений, принимаемых в сфере соприкосновения государства и экономики, в этой фазе начала развиваться новая мощная общественная сила со своими интересами. Произошло сращение административного слоя (средний уровень правительственной администрации, делегированный в наблюдательные советы коммерциализированных государственных предприятий и сотрудники государственных агентств, распоряжающихся коммерциализированными общественными фондами) и отдельных отраслей экономики. Неформальное (первоначально) образование втянуло в свою орбиту профсоюзные элиты и верхушку пирамиды бизнеса.

С предложенным в то время (1995 г.) регулированием хозяйственного самоуправления, идея которого исходила от правительственной бюрократии, связывалось «убийство» свободы верификации. В обмен на помощь в реализации административной политики корпоративным элитам предложили ряд инструментов, облегчающих контроль над рядовыми членами корпораций (принудительное участие, монополия представительства, невозможность обжаловать в обычных судах решения внутренних судов корпорации, наконец – серьезные санкции вплоть до

утраты права выбирать руководство корпорации в случае неуплаты взносов). Предложение было отклонено, но оно хорошо иллюстрирует упомянутые искушения создать в сфере соприкосновения государства и экономики с у п е р к о р п о р а - ц и ю , с в о б о д н у ю о т в е р и ф и к а ц и и – как политической, так и рыночной!

Эта тенденция подобна той, что в 1960-х гг. описывал Ж. Гурвич¹⁹, имея в виду этатизм французской экономики. Он обратил внимание на следующие черты нарождающейся прослойки технократов:

- недостаток укоренения в определенной отрасли;
- подвижность, адаптивность и обладание связями во многих сферах – как основной принцип;
- специфический угол зрения: ориентация на относительно краткую временную перспективу (контракт, оценка перед разделом «бонусов»), частые апелляции к «науке», трактуемой поверхностно и идеологически; слабый интерес к сферам культуры и нравственности при одновременной очарованности сферой «сделанности», которой легко манипулировать (организационные структуры);
- оказание сильного давления на власть с целью деполитизации общественного дискурса, обозначение собственных решений как «технических» и «безальтернативных» (знаменитая посткоммунистическая фраза о «нормальности»!).

Третья фаза «политического капитализма» в полной мере выявила все эти черты в «революции менеджеров». К тому же в этой фазе усилились две специфические организационные формулы, зачатки которых возникли еще во второй фазе – «гибридной собственности» (связывающей государственную, частную, организационную и групповую собственность) и «организованных рынков» с регулируемым входением.

Эти формулы исключают некоторые классические отношения из сферы, где действуют законы рынка, поскольку основываются на комбинации конкуренции, перераспределения и взаимности услуг. Мотив сохранения становится таким же существенным, как и мотив прибыли. Формула «гибридной собственности» значительно облегчает манипулирование издержками и уход от налогов, а «организованные рынки» (сохраняющие некоторые области обмена для избранных участников) увеличивают шансы национального капитала перед лицом глобального давления.

Но вместе с тем появляется новая, не отмеченная в предыдущих фазах проблема. Оказывается, что барьером для экспансии субъектов, связанных с бывшим рынком СЭВ (Россия, Украина, Беларусь), стали требования согласования институциональных решений с союзными стандартами. В связи с этим был затруднен, например, оборот мафиозных и прочих денег непонятного происхождения: поэтому начинает отмечаться давление некоторых национальных субъектов с целью принятия институциональных решений о более низких стандартах (например, расчетные палаты и бартер вместо сделок через банки). Результатом является ползучая дезинтеграция экономики: регионы, находящиеся в сфере влияния западных институтов (бывшие

пруссские территории) очень мало контактируют с принимающими более низкие стандарты институтами Восточной и Центральной Польши. Это затруднило перетекание капитала и персонала, а в будущем могло значительно осложнить интеграцию с ЕС и довести до принятия – политически опасных – селективных решений.

Другой характерной чертой третьей фазы политического капитализма является растущий разрыв между организованным политическим капиталом и традиционным (мелким и средним) частным капиталом. Это касается и функционального риска с учетом монополизированного организованным капиталом доступа к институтам, снижающим издержки и риски.

Институциональные выборы при строительстве посткоммунистического, периферийного капитализма касались в этой фазе трех факторов:

- организованных рынков;
- гибридных структур;
- международной экономической политики.

Конкретнее: конфликты и «политика», касающаяся организованных рынков, в сфере соприкосновения государственной администрации и государственной и «гибридной» элиты бизнеса, концентрировались вокруг следующих проблем:

1. Кто (это относится к разным группам «политических капиталистов», связанных с различными сегментами прежней власти – включая ее международные связи – и к кооптированным представителям новых политических элит) захватит рынок и сделает его эффективным для своей «семейной» организации и ее «клиентов»?

2. Если дойдет до раздела данной отрасли на несколько организованных рынков, кто будет владеть рынком, контролирующим наиболее ценные запасы *assets* (фирмы с высокой репутацией, хорошо известные за границей)²⁰.

3. Как будет выглядеть организация рынков? Вопросы касались, прежде всего, степени этатизации (вмешательства государства в хозяйственную деятельность), которой противостоит принцип коммерциализации. Речь шла, главным образом, о характере института, составляющего «сердце» (*core*) данного организованного рынка: должно ли это быть околоправительственное агентство²¹ или тот же банк? Очевидно – если банк, то он будет функционировать скорее как институт, разделяющий риски (инвестор²²), нежели просто как кредитор.

4. Если «сердцем» какого-либо организованного рынка является институт, разделяющий риски (фонд кредитных или экспортных гарантий, банк как инвестор), то сразу встает вопрос: во-первых, как финансировать этот институт (из государственного бюджета или коммерческим способом), во-вторых, степень его исключительности²³ (ограниченного доступа) и применяемых критериев (например, являются ли критерии политическими)²⁴.

5. Как далеко можно зайти в переложении части издержек функционирования избранных субъектов (*via* организованный рынок²⁵) на остальную часть экономики

и государство? В этом споре, так же как в дискуссиях на тему принципов доступа к институтам, снижающим риски хозяйственной деятельности, появились аргументы об опасности политической реакции исключенных субъектов и сомнение в самой конструкции организованных рынков. Уже в то время в кругах бизнеса говорилось о риске продолжения «политического капитализма» (опирающегося на привилегированный выход на рынок субъектов хозяйственной деятельности из бывшей или нынешней власти), которому противопоставлялся «обычный капитализм»²⁶.

6. Как должна действовать иерархия на иерархически организованном рынке, насколько интересы нижестоящих субъектов могут быть принесены в жертву ради интересов вышестоящих²⁷? Эта проблема привела в ходе последней парламентской избирательной кампании к тому, что часть бизнеса поддержала антиолигархические предложения политиков – наследников «Солидарности» (АВС), – и это облегчило им победу. Кстати, реализация этих предложений привела лишь к смене персоналий, но не самой системы.

7. Какие отрасли экономики могут быть вовлечены в организованные рынки²⁸ и каким целям эти рынки должны служить? Идет ли речь о стратегии периферии в рыночной конкуренции с центром и использовании организованных рынков для увеличения шансов национальных субъектов или же о политических инструментах (например, финансирование определенной партии²⁹)? Или, может быть, о сохранении чьего-либо личного положения («семейная» фирма), укорененного в прежней системе власти (например, фирмы членов бывших спецслужб), но сегодня ориентированного исключительно на коммерческие цели? Иначе – идет ли речь о рациональности периферийного посткоммунистического капитализма или же об узких политико-клановых интересах?

Другой осью конфликтов, связанных с политикой институционализации, была сфера гибридных форм собственности, противопоставленных классической приватизации. Вариантом этого конфликта являлась трактовка гибридной формулы как двигателя скрытой приватизации и борьба за наибольшую пользу своей «семейной» фирме³⁰. Различными были также оценки использования гибридами элементов институционального наследия коммунизма. Проблема заключалась в следующем: гибриды должны быть коммерческими или огосударственными? Наконец, существовали различные точки зрения на монополизацию гибридами использования инфраструктуры рынка, снижающей издержки и риски хозяйственной деятельности. Тот, кто был ориентирован на долгосрочную деятельность (а не только на скорую прибыль), предупреждал о рискованности слишком большого разрыва между экономическими возможностями гибридов и традиционного мелкого частного сектора. Речь шла как о политических, так и об экономических рисках (сопровождающих дуальную экономику).

Наконец, третья ось конфликтов – это международные аспекты политики институционализации, особенно отношения между национальным и зарубежным капиталом в перспективе экономической безопасности (и даже экономического

суверенитета)³¹. Еще один спор был связан с риском слишком далеко зашедшей «мимикрии» (или уподобление организаций определенных рынков соответствующим структурам стран бывшего СССР, контролируемым мафией и «госструктурами»)³².

Особый способ расположения отдельных групп бизнеса в посткоммунистических странах связан не только с функционированием на несимметричных рынках, но также с характером связей в прошлом. Свой опыт был у военных кадров, свой – у гражданской разведки, в том числе экономической. Последняя действовала главным образом на Западе, проникая в западную экономическую систему (и познавая ее), в то время как армия имела контакты лишь в пределах бывшего коммунистического блока. Эта разница влияла на мотив прибыли: вспомним, что формула частных компаний государственной казны (а также гибридная формула и иные парафинансовые институты, например, агентства развития) тесно сплелась с государственной администрацией и наблюдательными советами компаний. В такой ситуации мотив немедленной личной прибыли часто вступал в конфликт с ориентацией, вынесенной из предыдущего группового опыта, полученного в определенном сегменте власти. Пример такого искушения – нахождение формулы перетекания «грязных» денег из стран бывшего СССР. Даже ценой создания несовместимых с западной системой институтов или принятия столь же несовместимых решений (как формирование расчетных палат или различные формы *clearing*), приводивших к субсидированию более стабильными польской и венгерской экономикой российских и украинских компаний, действовавших в условиях галопирующей инфляции.

Важный выбор касался также направления ориентации организованного рынка со всеми последствиями в контексте экономического и политического суверенитета³³.

Три описанные оси конфликтов в рамках «политики институционализации» только внешне касаются этой сферы. А внутри ее встали вопросы действительно фундаментальные: модель капитализма (а следовательно – и характер социальной структуры), экономическая безопасность, политический суверенитет и проблемы будущей интеграции в европейское сообщество. Одновременно речь шла также о групповых интересах в создании и умножении ресурсов «структурной власти», позволяющих навязывать другим правила игры. Эта борьба часто носила грубый характер³⁴, хотя до средств массовой информации и политиков доходили лишь ее отголоски. Главные события происходили в отношениях между сегментами бывшей коммунистической власти, теперь расположенными на возникающих рынках. Ни одна из сторон, очевидно, не была заинтересована в возврате коммунизма. Элементы принятых в прошлом институциональных решений являлись лишь инструментами рыночной игры субъектов периферии с субъектами зрелого капитализма. Однако коммунистическое прошлое оставалось до конца не преодоленным. Все существенно новое было укоренено в нем личными связями (положением), а также видением посткоммунистического порядка, связанным с различными характеристиками прежнего опыта.

«Политика институционализации» разыгрывалась не в вакууме. Как уже говорилось, ей в одинаковой степени были свойственны и свобода маневра, и дилеммы, заданные механизмами и условиями прошлого. Часто весьма отдаленного. Парадоксально, но факт: п е р и ф е р и й н ы й к а п и т а л и з м , возникающий у нас после коммунизма, мог ускорить выработку институциональной стратегии преодоления собственной периферийности. Опыт коммунистических времен (а также этатистские навыки) могли скорее, нежели, скажем, в Латинской Америке, облегчить создание иерархически организованных рынков или институциональных решений (гибриды), делающих возможной мобилизацию и концентрацию рассеянного национального капитала. В результате его шансы в конкуренции с иностранным капиталом могли стать более реальными. В Латинской Америке лишь после десятилетий независимости государство начали рассматривать как медиатора и администратора; в бывшем коммунистическом блоке этот процесс начался сразу же после падения коммунизма. Этому помогла живая традиция коммунистического э т а т и з м а .

Однако цена быстрого приспособления национального капитала в посткоммунистических государствах к ситуации собственной периферийности может быть высока. Новый э т а т и з м (использующий элементы институтов коммунистического времени и организующий иерархические рынки для собственной устойчивости или прибыли) призывает на помощь и укрепляет старый. Одновременно увеличивается разрыв между организованными рынками и действующими на них субъектами и традиционным мелким частным сектором. Следовательно, использование первыми личных связей из прошлого (из коммунистического аппарата) стирает выразительность процесса изменений и усиливает впечатление непрерывности. Когда иерархическая организация рынков, используя прежние связи, выходит на уровень международного сотрудничества, то может возникнуть даже угроза суверенитету государства. Тем более что на посткоммунистических рынках отсутствует та культурная и этическая основа, на которую опирались, вырабатывая подобные формы, например, в Японии, где приоритетным был национальный интерес.

Подытожим: политика институционализации становится, как мы видим, важнейшим измерением сегодняшней политики в посткоммунистических странах. Разыгрывается она, однако, за пределами традиционных политических институтов (парламент, политические партии) и не контролируется ими. Это, однако, не означает, что парламентарии и члены правительства в ней не участвуют. Наоборот – участвуют активно, но не для того, чтобы контролировать, а для того, чтобы себе «соломки подстелить» (для собственной выгоды или для выгоды своей политической партии). Отсюда проистекают наблюдаемые о д н о в р е м е н н о д е п о л и т и з а ц и я , т е х н о к р а т и з а ц и я важнейших для будущего решений (проведенных через государственные политические структуры) и стремительная п р и в а т и з а ц и я определенных сегментов государства (в частных, а не общих целях). Угрозы, порожденные этими процессами, усиливались из-за все более явного финансового участия бизнеса в политике.

Политика институционализации не ликвидирует демократический фасад, она его попросту игнорирует!

В третьей фазе политического капитализма мы наблюдаем возникновение олигархии, а затем ее постепенный распад. Причины этого сложны. Прежде всего следует отметить:

- слабость капитала. Это сделало невозможным создание олигархических семей, состоящих из ряда холдингов и банков, самостоятельно обращающихся к новым крупным источникам капитала, связанным с пенсионной реформой. Хотя менеджеры (контролируемые спецслужбами) финансово-промышленных групп следили за руководством товариществ и открытых пенсионных фондов⁵⁵, решающий голос там имели страховые институты и зарубежные банки;

- описанный выше процесс своего рода отмирания государства и его отступление перед политикой институционализации. В результате исчезла арена неформальных игр и торгов, посредством которых олигархия осуществляла структурную власть. Это хорошо видно на примере поражения, которое потерпела олигархия в двух важнейших для нее областях, проиграв иностранному капиталу. Во-первых, она не смогла удержать в своих руках структуры банковской системы. Олигархия номенклатурных капиталистов два раза (в 1992 и 1996 гг.) пыталась провести в Сейме свои предложения о необходимости концентрации банков через приватизацию и сохранение позиций и о контроле собственников национального финансового капитала. Ведь у кого банки, у того и власть! Но банки не получилось удержать. В конце 1998 г. уже 57%, а в 2000 г. 70% банковских активов в Польше находилось в руках иностранного капитала (для сравнения – в Германии 4%). После следующей планируемой продажи эта доля будет составлять уже 80%. В 1996 г. (когда олигархия забила тревогу) около 31% акционерного банковского капитала принадлежало государственной казне, а уже в 1999 г. эта доля составляла всего лишь 18% (около 130 млрд дол. США). Штурм польских банков предприняла, прежде всего, Германия: в 1998 г. 32% пришлового капитала было из этой страны. В ситуации, когда основные выгоды от коммерциализации общественных фондов получали именно банки, такая политика отношения к собственности перечеркнула потенциальную пользу этого болезненного для общества маневра.

Другой областью, в которой олигархия проиграла национальному капиталу, была программа так называемых Национальных инвестиционных фондов (НФИ). Сначала здесь господствовало равновесие. Участвовали совместно с государством олигархи (заседая в правящих фирмах и скупая доли), мелкие пайщики, лишенные представительства, и иностранный капитал. Последний вошел в коалицию с национальными номенклатурными участниками (например, *Cresco*), также скупающими акции. Равновесие пошатнулось, когда государственная казна «умыла руки», отказавшись от поддержки фирм, связанных с государством (*PZU, Pekao SA*). В результате чаши весов заколебались, и перевес оказался на стороне иностранного капитала и иностранных фирм. Одновременно – ползучим способом – фактически

изменились цели всей программы. Стремление к реструктуризации и модернизации уступило место желанию крупных акционеров быстрой прибыли. Имущество распродавали, думали только о краткосрочной перспективе, оставив при этом издержки программы (выплату кредита в 50 млн дол. США Всемирному банку) на счетах государственной казны³⁶.

В придачу ко всему западные фирмы использовали кризис в России, чтобы вытеснить ослабленные и лишённые поддержки государства польские фирмы олигархического капитала с российского рынка (см. судьбу «Animex»³⁷). При молчаливой поддержке коалиции АВС – УВ, заинтересованной в «декоммунизации» и местах для людей из новой номенклатуры, были заменены кадры в олигархизированных до этого фирмах³⁸. Номенклатурные «динозавры» сохранили деньги, выкачанные из фирм, но были рассеяны и к тому же лишены тыла в виде олигархических контактов с политическим центром. Упадок страховой фирмы «Polis» был в этом смысле символическим актом – ее не удержали «на плаву» не только прошлые льготы, полученные при помощи «ренты власти», но также и доли собственности жен функционеров из высших эшелонов власти.

Конец олигархии означал также окончательный переход к четвертой фазе «политического капитализма», в которой он превращается в «капитализм общественного сектора», уже не контролируемый политическим центром. Поворотным пунктом был закон об общественных финансах (от 26 ноября 1998 г.), который ввел формулировку «общественный сектор», что легализовало неформальное до этого «сращение» мира бизнеса с аппаратом исполнительной власти³⁹. Это сращение, как уже было показано, возникло в третьей фазе. Вспомним, что речь, в частности, шла о:

- разрыве политической пуповины между государством и общественными фондами для избежания политизации их расходов;
- мобилизации дополнительного капитала посредством «колониализации государства»;
- демонстрации фискального чуда, когда внезапно уменьшались и бюджет, и бюджетный дефицит. Задачи государства реализовывались (бессознательно, изменяя при этом логику всей операции) через коммерциализированные фонды, не принадлежащие бюджету. В случае же нехватки средств (например, в 1999 г. не хватило 7 млрд Обществу социального страхования) не увеличивали бюджетный дефицит, но одалживали необходимую сумму у коммерциализированных государственных агентств (за соответствующие комиссионные!).

Хотя даже в правительстве звучали нарекания на бесхозяйственность и рассеивание средств во время такой циркуляции, изменение этой формулы представлялось маловероятным⁴⁰. Она не только облегчала вращение элит между политикой и экономикой (в ритме избирательных циклов), но и «демократизировала» (в сравнении с «олигархической» системой) приватизацию общественных средств. В орбите коммерциализированных агентств находилось несколько сотен тысяч

лиц. Такая степень рассеянности блокировала концентрацию капитала, но в то же время создавала новые мощные связи политического клиентеллизма! Недостаток контроля над всем этим огромным потоком денег (в 1999 г. Сейм и правительство отслеживали и могли контролировать только половину общественных доходов и расходов – а речь идет более чем о 100 млрд в год⁴¹) стал ключевым моментом отмеченного ранее процесса отмирания государства. Неконтролируемый «общественный сектор» рассеивал средства и влезал в долги, что трудно было предотвратить, ибо никто не знал даже его организационные очертания⁴². Он стал источником коррупции, деформируя и сферу политики, и сферу рынка.

Разумеется, эта рефлексия является, скорее, общей. Наблюдаемые в Польше процессы похожи на стратегии, применяемые в других статусных обществах, поставленных перед лицом глобализации. Рынок нужно рассматривать как историчное явление. Фаза свободной конкуренции, открытости – только одна из форм. Похоже, что на комбинации конкуренции, кооперации, политического перераспределения и сотрудничества, регулируемого статусными положениями, опиралась не только рыночная экономика на стадии своего зарождения – такие явления можно заметить и в организованном (под знаменами «государственного капитализма»), зрелом капитализме. Своеобразием капитализма, возникающего из коммунизма, является наложение им на себя ранних (когда рыночные правила не универсальны, а служат сохранению привилегированной позиции некоторых участников рынка, а связи, персональные договоренности являются субститутом еще не существующей институциональной инфраструктуры рынка) или зрелых (когда проблема возможностей на рынке решается посредством доступа к институтам, снижающим издержки) форм, в которых политические (геополитические) мотивы сплетаются со стремлением к прибыли и даже вступают с ним в конфликт.

Специфика посткоммунистического «организованного капитализма» заключается в том, что он появился непосредственно после предварительной фазы, опирающейся на статусные положения в прошлом. Фаза свободной конкуренции была пропущена, так же как была пропущена стадия интенсивных улучшений в сфере производства как на уровне технологии, так и на уровне организации. Выгоды от исключительного доступа к рыночным институтам для «политического капитала» являются значительно более легкодоступными и обходятся меньшими издержками. Это одна из главных угроз, способных сделать невозможным сохранение продолжительного роста.

Подчеркивая значительность исключений больших отраслей польской экономики из сферы действия рыночных правил, мы вспоминали пока только о внутренних факторах. Организованные рынки с регулируемым входением или гибридные отношения собственности (в которых влияние факторов и их аллокация регулируются не

рыночным способом, а посредством сложного сочетания перераспределений и реализации взаимных обязательств, в том числе, политических) – это лишь два примера таких исключений. Они деформируют реформы посредством интенсивного инвестирования, прежде всего, в «сети» и властные структуры.

Но следует сказать также о внешних факторах, обуславливающих ограничение пространства действия рыночных принципов аллокации (или ситуации, когда параметры и оценки товаров в экономике мало соотносятся с понятиями ч а с т о т ы использования отдельных факторов производства). Например, когда злотый силен по отношению к курсу ослабленных административным путем валют (а также по политическим причинам, в рамках логики Валютного союза), но не по отношению к реальному состоянию польской экономики, аллокационные процессы (и другие экономические колебания) только с виду кажутся экономичными и рациональными. Происходит действительно логичная реакция на состояние макроэкономических параметров, но сами эти параметры являются выражением политической логики, а не рыночной. Точно так же сохранение на бирже крупных иностранных инвесторов (влияющих на экономические параметры, трактованные позже как объективированные рамки решений для мелких субъектов) в большей степени диктуется калькуляциями, связанными с движениями на валютных рынках, нежели оценками состояния польской экономики.

Внутреннее и внешнее исключение из рыночной логики ключевых сфер, гарантирующих стабильность экономики, требует задать вопрос, на который здесь не будет ответа: каков фактический уровень рыночности польской экономики? И еще: не являются ли логика рыночной конкуренции и рынок как *price-making mechanism* пригодными лишь для мелкого частного сектора (и локальных рынков), а также для так называемой серой зоны? Осуществляя политическое давление на цены и стремясь к ликвидации локальных *comparative advantages*, не ограничивает ли ЕС еще сильнее рыночный характер посткоммунистической экономики в Польше? Какие последствия это имеет для возникающей производственной структуры и экономической стабильности?

Посткоммунизм на фоне динамики современного капитализма

В современном организованном капитализме эффект развития определяется не столько двусторонними сделками, заключаемыми между партнерами, сколько институционализированными принципами регулирования (включая, в разных комбинациях, рыночные механизмы и воздействие государства, локальных союзов и обществ), способом мобилизации и циркуляции финансовых средств (включая общественный сектор), а также наличием либо отсутствием благоприятного социального окружения (речь идет, в частности, об образовании и системе ценностей).

До недавнего времени экономический успех отдельных стран связывался с умением находить ниши, повышающие шансы в мировой конкуренции⁴³. Это могли быть, например, уникальные культурные основания или институциональные решения, благоприятствующие мобилизации и инновациям, относительная дешевизна некоторых факторов производства (например, труда), комбинация техник регулирования, позволяющая концентрировать волю и средства развития, наконец – как в случае посткоммунистических стран – творческое использование институциональных и «сетевых» принципов прошлого («политический капитализм»). Последнее, как было показано, сделало возможным быстрое перемещение (*redemployment*) финансовых средств из государственного сектора в частные руки и концентрацию рассеянного капитала. Это уменьшило риски и облегчило *take offs* (*via* организованные рынки), а также частично выравнивало шансы национального капитала в конкуренции с иностранным через перекалывание части издержек накопления на государство (*via* «гибридная собственность»).

Различные комбинации инструментов регулирования определяют локализацию *locus of trust* или центра доверия, определяющего временной горизонт экономических решений. В связи с этим, а также по поводу особых конфигураций решений, касающихся способов мобилизации и обращения финансовых средств, мы можем говорить о пяти типах западного капитализма (так называемая азиатская модель здесь не рассматривается).

Разница между ними сегодня стирается в силу процессов глобализации. Она не только ограничивает перечень (и специфику) инструментов регулирования, находящихся в диспозиции отдельных государств, но и интернационализирует финансы. Их новая, уже глобальная логика вступает в противоречие с прежней ролью *public utility* (институты общественной полезности) в логике национального государства. В прошлом же в Германии, Франции или Японии на аналогичный статус части банков опиралась обеспечивающая развитие институциональная логика⁴⁴.

Вот схематическая по необходимости характеристика этих пяти моделей, стираемых сегодня глобализацией⁴⁵.

Германия

В сфере регулирования своеобразие этой модели определялось до недавнего времени сочетанием «федерализма» бюрократии отдельных земель с централизованной и унитарной корпоративной системой. Последняя препятствовала центробежным тенденциям и устанавливала для экономической деятельности *locus* доверия. Роль центрального правительства ограничивалась созданием соглашений и «мостов» между различными принципами регулирования, а также попытками манипулировать ими посредством использования партийных каналов.

В сфере финансов с этим была связана двойственная структура банков, объединенных с коммунальным банком, ориентированным на долгосрочные отношения с клиентами и развитие данного региона, а не на быструю прибыль. Необычайная способность немецкой экономики удерживаться в авангарде мировой конкуренции, несмотря на очень высокий уровень выплат, была обусловлена постоянными вспомогательными корпоративными (общественными) интервенциями, инициированными на центральном уровне и зависевшими от силы и эффективности государства. В результате ослабления последнего и дезорганизации корпоративного строя как на уровне труда, так и на уровне капитала, распалась социальная основа регулирования этой модели⁴⁶. В период интернационализирующей капитал глобализации и регионального (в масштабе Европейского союза) регулирования рынка труда произошло радикальное ослабление договорной координации в масштабе страны в треугольнике администрация – капитал – профсоюзы.

Финансовый сектор также изменил пространственно-временной горизонт (и темп), уменьшив свою готовность быть, как прежде, партнером государственной администрации различных уровней и инструментом политики развития. Это дополнительно нарушило деликатное равновесие системы регулирования отношений между государством и экономикой, существовавшей со времен Бисмарка.

Франция

Исторические корни этой модели уходят в меркантилизм XVIII в. с государством, активно поощряющим развитие. В связи с этим, а также со значительным масштабом «общественного сектора» (распоряжающегося на коммерческой основе общественными деньгами), функционирование французского капитализма нужно анализировать в терминах политической, а не чистой экономики⁴⁷. До недавнего времени государство играло во Франции ту же роль, что и корпорации в Германии. Оно было главным центром доверия, определяющим – в общих интересах – временной горизонт хозяйствующих субъектов, а также основным гарантом развития, продвигающим новые технологии и разделяющим риски с участниками рынка.

Сегодня такая роль государства, пожалуй, исчерпана. Переход к «послегосударственному капитализму» (подобно тому как это произошло в немецкой модели) был вызван глобальной конкуренцией и дерегуляцией. Принципом управления в этой новой, значительно более либерализованной и децентрализованной модели является по-прежнему с т а т и з м (внимание – не путать с э т а т и з м о м !), но уже без активного государства. Сейчас он опирается на удержание высоких стандартов рекрутации и гомогенизации политического класса, а не на непосредственное административное и политическое вмешательство в экономику, как раньше.

Италия

Здесь, похоже, особая модель регулирования посредством комбинации рыночных, административных и коммунальных (ассоциации и местные органы власти) инструментов остается в принципе неизменной, несмотря на глобальные импульсы. По-прежнему актуальна двойственность регулирования со слабыми сигналами общего характера, исходящими из центра, и большой сферой волюнтаристских, текучих и быстро меняющихся локальных правил. Такая комбинация увеличивает ненадежность больших предприятий (требующих большого горизонта действий), но способствует средним и мелким, значительно более эластичным, учитывающим и близость «серой зоны».

Вообще, итальянская модель «неэффективного центра и динамичной периферии»⁴⁸ усиливает центробежные тенденции, но соответствует итальянской экономической нише в мировой системе, опирающейся на современное, быстро изменяющееся производство потребительских товаров высокого качества в небольших фирмах с обширным тылом исполнителей в «серой зоне».

Большое значение имеет также корпоративизм, правда, слабый (и все более ослабевающий), с большим количеством ассоциаций, непрочными связями между участниками и небольшими средствами. Несмотря на это, эффективность и плотность структур значительна, хотя уже избирательна и несистематична. Основанием лояльности, делающим возможным интегрированные и эффективные действия ассоциаций и профсоюзов в определенных сферах, является скрытая общность интересов (и компактность), основанная на участии с личной заинтересованностью тех, кто занимается администрированием и коммерческим использованием общественных денег. В этой ситуации, при отсутствии в Италии выразительного *locus of trust*, роль системного центра принял на себя разветвленный клиентелизм.

По этой причине, а также из-за выразительной картелизации политической сцены (где символический конфликт между партиями скрывает далеко продвинутую кооперацию, например в парламентских комиссиях), позволяющей сохранять стабильность несмотря на частые смены правительств, итальянская система регулирования очень напоминает ту, что стихийно создается в посткоммунизме.

Этому способствует коммерциализация общественных средств и их своеобразная приватизация (присвоение) корпорациями, ассоциациями, неправительственными организациями. Все это (как и в посткоммунизме) есть не только кругом вращения элит (между политикой и фондами), но и орудием (в руках слабого центра) принуждения к лояльности, иногда даже к мобилизации, а также главным источником коррупции.

Великобритания

Здесь со времен правления премьер-министра Маргарет Тэтчер (и радикальной коммерциализации социальной политики и общественных фондов) основным орудием регулирования стали *subgovernmental networks*⁴⁹. Это «сетевые» организации и отношения ниже правительственного уровня, основанные на финансовых взаимозависимостях, общей ответственности за конкретные задачи (политики) государства – при наличии права полной независимости и от других «сетей», и от контроля более широкой общественной сферы (в том числе парламентского).

В Соединенном Королевстве можно выделить два типа таких «сетей»: функциональные и *intergovernmental* (внутри властных структур, устанавливающие горизонтальные связи между исполнительными и местными властями). На первый взгляд, они находятся в конфликте, учитывая различный временной горизонт, характер ответственности, задачи и борьбу за средства. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть их явную взаимозависимость. Функциональные «сети», достигая центра исполнительной власти, становятся для местного самоуправления дополнительным каналом коммуникации с ним в конкретных делах или для добывания средств.

На политическом уровне нет возможности контролировать этот сетевой уклад (нечто подобное наблюдается и в Польше). Дело не только в отсутствии инструментов и особом правовом статусе, но и в ином способе рекрутации. В то время как в правительстве заседают представители победившей партии, «сети» сохраняют свой многопартийный (*bipartisan*) характер.

В этой ситуации в центре формируются роли «охранников» общественных средств и «адвокатов» функциональных «сетей», исполняющих задачи государства на коммерческих началах. Здесь важно направление отношений: способ реализации «политики» (т.е. децентрализованное, постполитическое, постдемократическое «сетевое государство») определяет политический климат в стране, но не наоборот⁵⁰.

Неудивительно, что именно из политического центра Великобритании вышла концепция «третьего пути»⁵¹ с лозунгом «рыночной экономики, но не рыночного общества». Кроме ограничения роли «политики» и «политиков», существуют другие негативные последствия коммерциализации задач государства:

– отсутствие в системе *locus of trust* (центра доверия); недостаточность контроля за финансовыми средствами и долгосрочного временного горизонта в планировании их расходов – преобладает краткосрочная, «бюджетная» перспектива;

– введение рыночной конкуренции в сферу общественных услуг уничтожило дух кооперации и сознание того, что существует «общее благо», которое не может быть товаром.

Атмосфера «разобщения», отмеченная британскими аналитиками⁵², напоминает последствия коммерциализации государства в Польше. В Великобритании ликвидация большого количества институтов в результате коммерциализации (например, Национального совета экономического развития) и значительная степень

интернационализации банков затруднила поворот к регулированию, опирающемуся на сильный центр. Идеологизированное видение рынка, распространенного и на государство, и на общество, создало – как и в Польше – собственную форму (систему «паутин») со скрытыми интересами в дальнейшем упрочении и втягивании в свою орбиту отдельных политиков, но элиминируя государство в целом.

Соединенные Штаты Америки

Американская модель отличается от вышеприведенных большей концентрацией производственного имущества, которой, однако, не сопутствует большая концентрация фирм⁵³. Философия управления основывается на переводе обслуживающего персонала солидных фирм в мелкие специализированные сателлитные фирмы (*head hunting*, ремонт, обучение и т.п.). В связи с этим большая степень однородности деятельности привела к максимальному сокращению структуры руководства. Несмотря на это, такие фирмы (многие из которых принадлежат к традиционным отраслям и находятся в старых промышленных центрах) менее эффективны по сравнению с аналогичными европейскими. Причина – плохое качество социального фона: прежде всего, низкий уровень базового образования и патологии жизни больших городов.

Центрами динамики и инноваций, определяющих позиции экономики США в мире, стали в этой ситуации целевые научно-производственные «сети», расположенные близ университетских центров и финансируемые с помощью правительственных грантов, предназначенных на определенные цели, но без бюрократических ограничений. Здесь нет клиентеллического перераспределения и расточительства. Вопрос удержания данной «сети» в авангарде и дальнейшего доступа к средствам – огромным – на исследования решается эффектом и скоростью его получения в условиях международной конкуренции. Направление расходования предоставленных сумм определяется уровнем профессионализма, а успех – быстротой получения результата и инновационностью. Эта модель квазиобщественного сектора (вооружение, новейший уровень фармакологии, геновая инженерия, телекоммуникации, компьютеры), производящего исследования и продукцию стратегического назначения при значительной финансовой поддержке государства, положительно отличается и от политизированных функциональных «сетей» Великобритании, и от огосударственных французских структур, а особенно – от клиентеллических коммерциализированных государственных агентств в посткоммунистической Польше.

Высокая профессиональная компетенция, долгосрочная временная перспектива (главным образом, по отношению к финансированию государством, а не рынком), наконец – очень высокое качество социального окружения (университетские

кампусы) и определяют здесь успех. Этим инновационный квазиобщественный сектор отличается от остальной американской промышленности.

Посткоммунистический «государственный капитализм без государства» имеет много похожего на типы, описанные выше. Он так же ускользает от контроля политического центра (как соответствующие структуры во Франции и в Великобритании), располагаясь на уровне «исключенных властей». Однако в нем нет политического класса с высокими стандартами (как во Франции) и слоя компетентных *civil servants* – государственных функционеров (как в Великобритании). Нет также центра стратегического мышления (сохранившегося во Франции).

Зато в посткоммунизме мы находим все известные из британского опыта патологии коммерциализации социальных задач государства. Они видны здесь даже лучше, учитывая чрезвычайную скудость средств и видение коммерциализированных общественных фондов как дополнительного источника капитала. Такой «колониализации государства», использующей формулы исполнения его функций *via* рынок, нет в Великобритании. В этой стране существует четкая граница между государственной администрацией и рынком. Первая поручает (на контрактной основе) исполнение общественных задач частным фирмам, но сама не выходит, как у нас, непосредственно на рынок. Она заботится также и о сохранении уровня обслуживания.

Явной является схожесть посткоммунизма с итальянской системой, особенно если речь идет об использовании общественных фондов в качестве неформального средоточия ослабевающих корпоративных укладов (профсоюзного и предпринимательского). Однако и здесь очевидна разница. Посткоммунистические малые и средние предприятия до сих пор не нашли себе места в международном разделении труда. Зато это удалось их аналогам в Италии, где они стали главными получателями перехваченных локальными корпорациями общественных средств. В посткоммунистических странах (как было показано на примере Польши) превращенные в капитал общественные фонды стали источником накопления, главным образом через спекулятивные вложения, обогащение на внутреннем долге (облигации, выпущенные правительством) или через оборот недвижимости, но не через поддержку сферы производства.

«Капитализм общественного сектора», или «государственный капитализм без государства», рассеивает средства и (за исключением американского варианта) не способствует модернизации. Он появился в странах зрелого капитализма по достижении высокой степени развития. В посткоммунистических государствах он действительно облегчил частное накопление (ценой «общего блага»), но рассеивание капитала, элиминация долгосрочного временного горизонта из экономических решений и отсутствие координирующей роли государства привели к блокированию модернизации.

В посткоммунистической модели нет центра (*locus*) доверия: им не является ни государство, ни ассоциации и профсоюзы, сращенные с «паутинами» коммерциа-

лизированных общественных фондов. Отсутствует также важный для американской модели треугольник: инновационные фирмы – университеты – государственные фонды. К тому же здесь нет ничего подобного ни французскому государственному продвижению технологических новаций с серьезным риском, ни немецкой сети банков, ориентированных не на скорую прибыль, а на развитие.

Западные сторонники «капитализма общественного сектора» (часто определяемого как «система, основанная на добровольной кооперации»⁵⁴) обращают внимание, что такое решение ослабляет дилеммы, возникшие в рамках институциональной конструкции «демократического капитализма». С одной стороны, формула такой политики и ее реализация сплетаются с *enforceability inside process of policy formation*⁵⁵. Она позволила перешагнуть характерные для современных государств барьеры легального регулирования, порожденные трудностями отслеживания и соблюдения издержек в каждом конкретном случае⁵⁶. С другой стороны, ассоциативный (и основанный на коммерциализации общественных фондов) «государственный капитализм без государства» позволяет решить в условиях либерального рынка парадокс демократии, на который обращали внимание как консерваторы⁵⁷, так и социал-демократы⁵⁸. Речь идет об антидемократическом аспекте функционирования рынка, не производящего – учитывая его коммерческую логику – определенных «общественных благ». Этот «дефект рынка» (*market failure*) может когда-нибудь привести к мобилизации снизу и протестам, направленным заодно и против демократического государства. Ибо оно выступает гарантом такого рыночного подхода, легитимируя его. Капитализм, реализованный через ассоциации и коммерциализированные агентства, не задействует государство непосредственно. Он деконцентрирует (и скрывает) проблемы, а также выводит коллективную ответственность за результаты действий. Он «демократизирует» текущие прибыли для людей, участвующих в нем, но делается это ценой рассеивания средств, препятствующего развитию.

Сторонники «капитализма общественного сектора» включают в число его достоинств создание внутреннего источника капитала и снятие с государства прямой ответственности за многие проблемы. Это немаловажно в ситуации перманентной нехватки средств и «свертывания» посткоммунистического «государства заботы».

Между тем решения, рассеивающие капитал и элиминирующие государство из экономики (хотя и оставляющие ему партийную систему и политический клиентелизм), не только деформируют рынок, но и затрудняют его развитие. Посткоммунистические страны могут стабилизироваться, скорее всего, как «промышленная периферия», производя товары, не требующие серьезного участия современной техники и не рассчитывая на экспорт.

Некоторые исследователи глобализации отказываются от сравнительного анализа отдельных государств и их экономик, утверждая, что за деревьями можно не увидеть леса.

Концентрация на адаптационных стратегиях «сочинений о случайных границах» (формулировка С. Стрэйндж из Лондонской школы экономики⁵⁹) приводит к тому, что не замечаются свойства глобальной системы, трактованной как целое: реальность процесса глобализации, глобальные центры структурной власти (т.е. власти определять и навязывать правила игры) и логику глобальных кризисов (их источники и динамика). В результате мы имеем одно из последствий слияния геоэкономики и геополитики – ограничение значения «классовых личностей» (руководствующихся рациональностью своей роли в процессе производства и обмена) в пользу дипломатов, имеющих иные и цели, и временные горизонты.

Последняя проблема особенно существенна в случае посткоммунистической полупериферии. Согласно концепции мир-системы И. Валлерстайна, полупериферии, играющие роль буфера между центром и угрожающими ему перифериями, могут – с геополитической точки зрения – рассчитывать на большее, нежели можно ожидать исходя из международного разделения труда и из геоэкономики. «Рента геополитики» имеет, однако, свои особенности. Когда одна полупериферия приобретает, другая теряет. Но при этом всегда приобретает геополитический центр, хотя ни за что не платит. Это не результат каких-либо макиавеллистских действий, просто страны полупериферии относительно близки по уровню и структуре производства. Возможность увеличения экспорта для одной страны создается за счет субституции экспорта другой, т.е. повышение участия в международном обмене одной страны возможно лишь за счет другой. Например, в *Planie prac rządu na lata 2000 – 2001*⁶⁰ содержится декларация о поддержке «присоединения России и Украины к общеевропейскому экономическому пространству» (учитывая геополитическую необходимость «кооптации» этих стран), что на практике означает тихое согласие на уступку части собственной экспортной ниши (уголь, сталь, энергия) этим странам. Ибо это мы, а не центр имеет сравнимые и взаимозаменяемые производство и экспорт.

Подведем итоги: глобализация принципиально модифицирует в масштабе национальных государств два измерения системы институтов, которые в прошлом определяли характер их места в мировой системе. Речь идет, с одной стороны, о комбинации различных инструментов регулирования в отдельных странах и их специфическое «разгосударствление» (в пользу рассеянного «общественного сектора», находящегося за пределами политического воздействия власти), что касается не только посткоммунистических стран, но также высокоразвитых капиталистических стран. Об этом говорит, к примеру, указанное в данном разделе нарушение существовавшего до этого равновесия между двумя механизмами регулирования (корпоративизм и федерация бюрократии) в Германии. Внутреннее преобразование французского варианта также сблизило его с «государственным капитализмом без государства».

Однако в посткоммунистических странах негативные последствия гораздо сильнее. Им трудно найти ниши, способствующие их развитию (которые имели в

прошлом нынешние высокоразвитые страны). При рассеивании средств и клиентеллических искушениях им будет сложно перейти к фазе «институционализированных инноваций».

А вот развитые страны активно участвуют в процессе глобализации и получают прибыль через свои финансово-промышленные группы. Поэтому они всегда будут в состоянии компенсировать свои потери и наверняка найдут новые комбинации инструментов регулирования!

Представленная в этом разделе динамика «политического капитализма» не только привела к «деполитизации» (и новой формуле) «капитализма общественного сектора», но и сделала его отражением в кривом зеркале и карикатурой на западный капитализм. Несомненно, что институциональное подобие, возникшее в посткоммунизме на значительно более низком уровне экономического развития, может законсервировать отсталость.

Перевод с польского
Франца Корзуна

Примечания

- ¹ См.: Staniszki, J. *Political Capitalism in Poland*; а также: *The Dynamics of Breakthrough in Eastern Europe*. University of California Press, 1992.
- ² См.: Szelenyi I. *Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe* / I. Szelenyi, S. Szelenyi, *Theory and Society*. 1995. nr. 24, S. 615–638; Szelenyi I. *Elity w Polsce, w Rosji i na Węgrzech* / Szelenyi I., [et. fi.] D. Warszawa, 1995; Domański, H., *Na progę konwergencji* / H. Domański, Warszawa, 1996; Tittenbruch, J. *Upadek socjalizmu realnego w Polsce* / J. Tittenbruch, Poznań 1992; J. Wasilewski, *Elita polityczna* 1998, Warszawa 1999.
- ³ Wasilewski J. *Elita polityczna* / J. Wasilewski, 1998.
- ⁴ Ibid. S. 35.
- ⁵ Tocqueville A. de, *Dawny ustrój i rewolucja* / A. de Tocqueville; przeł. A. Wolska. Warszawa, 1970.
- ⁶ Деартикуляция системы определенной логики означает ситуацию, когда эта система способна к самовоспроизводству только благодаря симбиотическим отношениям с системой другой логики. См.: Staniszki, J. *Poland's Economic Dilemma: Dearticulation or Ownership Reform, Privatization. Critical Perspective on World Economy* / J. Staniszki, ed. G. Yonow, P. Jasiński. London; New York, 1996. T. 3, S. 114–131.
- ⁷ Weber, M. *General Economic History* / M. Weber. New York, 1927. S. 3.
- ⁸ Государственная или коммунальная (напр., городские магистраты) администрация организовывала акционерные общества (как в XVIII в. в Нидерландах), где средства вносили все жители, а выплаты зависели от статуса. Таким был способ мобилизации капитала на крупные начинания (напр., новые походы). См.: Hicks, J. *A Theory of Economic History* / J. Hicks, Oxford University Press, 1969 (особенно гл. 3 и 4).

- ⁹ Weber, M. General Economic History, гл. 24 (The First Great Speculative Crises); Collins, R. Market Dynamics as the Engine of Historical Change, / R. Collins Sociological Theory. 1992 (весна).
- ¹⁰ North, D.C. Structure and Change in Economic History / D.C.North. New York; London, 1981.
- ¹¹ Примером может служить система так называемого Тайшо в Японии (1911–1928) или начало африканского капитализма после деколонизации. О последнем см.: Bates, R. Capital, Kinship and Conflict: the Structuring Influence of Capital in Kinship Societies / R. Bates. Canadian Journal of African Studies. 1990. nr 24. S. 151–164.
- ¹² Tittenbrun, J. Upadek socjalizmu realnego w Polsce / J. Tittenbrun, Poznań, 1992.
- ¹³ Известное описание части этих механизмов: Rodziewicz, J. Raport o stanie państwa polskiego / J. Rodziewicz, Warszawa. 1999.
- ¹⁴ См.: Błasiak, W. Nasz Dziennik, 3 VIII 1998.
- ¹⁵ Понятие «организованный рынок» ввел Киккава Такео, (Organized Markets in Japan, // Social Science Japan (university of Tokyo), VII 1994).
- ¹⁶ Декрет президента Ельцина 1993 г. о финансово-промышленных группах.
- ¹⁷ См. комментарий: Stefanowicz, J. Delegacje i upoważnienia dla władzy wykonawczej, / J.Stefanowicz i J.Winiecki. Warszawa, 1997.
- ¹⁸ См.: Gilowska, Z. Ustawa o finansach publicznych / Z.Gilowska. Warszawa, 1999.
- ¹⁹ Gurvitsch, G. Les Cadres socioux de la connaissance / G. Gurvitsch. Paris, 1966.
- ²⁰ Хорошей иллюстрацией этого явления является ожесточенная борьба между конкурирующими холдингами за владение обществом Ciech (август 1994 г.).
- ²¹ Например, Агентство экономического развития, созданное в августе 1994 г. министром экономического сотрудничества с заграницей. Его капитал составляли: денационализированный (изъятый из государственной казны) бывший Фонд активизации экспорта – около 3 млрд злотых, а также доли трех гибридных фирм, включая Universal и Elektrim, в размере 300 млн. Целью Агентства была не только прибыль (в том числе и с игры на бирже), поступающая также на счета гибридных фирм организационно-групповой собственности, но также использование государственных долей в имуществе фирм и центров, действующих на зарубежных рынках (всего около 30 млрд злотых) для обеспечения государственных экспортных и кредитных гарантий гибридным (следовательно – наполовину частным) рискованным вкладам пайщиков (например, гарантирование государством западного кредита в размере 3 млрд дол. США на строительство газопровода) или их торговых операций на ненадежных рынках. См.: Raport Najwyższej Izby Kontroli, dotyczący ARG (представленный на пресс-конференции 31 VIII 1994), а также статьи в «Życiu Warszawy» (29 VII и IX 1994) и в «Gazecie Wyborczej» (1 IX 1994).
- ²² Формула банка как институции, делящей с клиентом риски экономического действия, напоминает решение, предложенное в исламском видении рыночной экономики (институция мушарака). См.: Survey Islam and West // The Economist. 6–12 VIII 1994. S. 9.
- ²³ Конфликт касался того, нужно ли, к примеру, давать экспортные гарантии только организованным участникам замкнутых рынков (и то в иерархическом порядке – согласно стандартам, действующим на этом рынке) или создавать гарантийные фонды (или иные формы деления рисков), действуя поверх этих рынков, ограничивая последние различными формами производственно-торгового сотрудничества.

- ²⁴ Политический аспект замкнутых организованных рынков проявился в случае перевода 200 млн дол. США из ЕБРР (Европейского банка реконструкции и развития), предназначенных на экспортные гарантии для восточного рынка, в два коммерческих банка, тесно связанных с Польской крестьянской партией (и частными экспортерами).
- ²⁵ В этом споре речь шла о пределах дотирования государством институции, составляющей «сердце» организованного (и *de facto* доступного только для некоторых предприятий) рынка (например, Агентства сельскохозяйственного рынка), а также о праве выделения из бюджета сумм, используемых затем в рамках такого рынка (ср. доклад Верховной контрольной палаты об Агентстве экономического развития, поставившем под сомнение законность целой операции).
- ²⁶ См. изменения взглядов в «Debacie» (1994. гл 2).
- ²⁷ Права участников организованного рынка, расположенных на разных ступенях его иерархии, обсуждались, между прочим, в связи с аферой МММ в России. Средствами, сосредоточенными в этом фонде, пользовались члены иерархии (первые пайщики – учредители). Похоже выглядела мобилизация капитала через фонды, основанные польскими гибридными структурами.
- ²⁸ В первой версии *Strategii dla Polski*, подготовленной министром финансов Гжегожем Колодко (Варшава, весна 1994), предусматривалось разделение экономики на ряд организованных рынков, погруженных в море мелкой частной собственности.
- ²⁹ Аргумент «закрепощения» определенных институций, чтобы затем использовать их финансовую поддержку в избирательной кампании, выдвинул – в контексте дела *Ciechu* – через *Business Center Club* – Marek Голишевский.
- ³⁰ Речь идет о «приватизировании капитала» посредством перевода из государственного имущества в руки различных агентств с последующим обращением его неконтролируемым способом и на частный (или фирменный) счет сотрудников этого агентства. Формально все время речь идет о общественных средствах, но риск несет государство.
- ³¹ См. комментарий министра внутренних дел Чехии Румля в контексте подобных споров о форме приватизации нефтяной промышленности (1995). В Польше примером превращение финансовых групп (холдинги, действующие на рынке бывшего СССР) в политическое лобби в сфере иностранной политики стал список предприятий, поддержавших антинатовскую позицию, заявленную в брошюре: *Zawiślak, A. O naiwności i wiarołomstwie w polityce / A. Zawiślak. Warszawa, 1996.*
- ³² См. обвинение в «русификации», сформулированное директором Общества Всемирного центра торговли с Востоком против сторонников этатистского видения организованных рынков на конференции в МИДе в июне 1994 г.
- ³³ Организованные в холдинги производители и торговцы оружием бывших коммунистических государств выдвигали, например, упрек в «преждевременном» роспуске Варшавского договора (поскольку это ограничило эмбарго на западное оружие и уменьшило прибыли национальных торговцев и производителей). Упрек этот был повторен весной 1994 г. специальной парламентской комиссией по оценке деятельности Министерства иностранных дел, в которой доминировали депутаты правящей посткоммунистической коалиции.
- ³⁴ Например, устрашение, шантаж, угрозы подать в суд при попытках общественного анализа деятельности агентств на ранних этапах их возникновения, атаки на по-

- литиков, препятствующих продвижению определенной версии организованного рынка во внешнеэкономической политике.
- 35 Ср.: R. Kasprów, R. Wszyscy ludzie funduszy: czy firmy, które sięgną po nasze emerytury, są upolitycznione? / R. Kasprów. Rzeczpospolita, 27. I. 1999.
- 36 См.: Bochniarz, H. Skarb Państwa umywa ręce / H.Bochniarz. Gazeta Wyborcza, 17. II. 1999.
- 37 Amerykański koncern przejmuje Animex: walka o szynkę // Przegląd Tygodniowy, 24. II. 1999.
- 38 См. заявление одного из снятых с должности председателей: G.Tuderek, Głos ściętej głowy, “Gazeta Wyborcza”, 20 V 1999.
- 39 См.: Rzeczpospolita 28. XII. 1998 (приложение Prawo do dnia).
- 40 Заявление вице-министра финансов Дороты Сафьян (Rzeczpospolita, 12 VIII 1999), а также: Gilowska, Z. Brak szacunku dla publicznego grosza / Z.Gilowska. Rzeczpospolita, 23. VII. 1999.
- 41 См.: Misiąg, W. Deficyt zostanie upchnięty po kątach/ W. Misiąg, “Gazeta Bankowa”, 5 – 11 X 1999.
- 42 Gilowska, Z. Ustawa o finansach publicznych, Towarzystwo Ekonomistów Polskich, raport 17/1999.
- 43 Вступление к: Political Economy of Modern Capitalism / Z.Gilowska // ed. C.Crouch, W.Streeck. London, 1998.
- 44 Например, так называемое асимптоматическое развитие военного потенциала в послевоенной Японии, опиравшееся на технологии двойного – гражданского и военного – подчинения, было возможно только благодаря существованию специализированной банковской системы, находящейся в особых отношениях с государством, а также системы регуляции, связанной с реализацией сформулированных через нее задач (экономически ценных) в обмен на компенсацию в виде институциональных привилегий (например, исключительного права на ведение долгосрочных сберегательных расчетов).
- 45 Подробнее об этом: Political Economy of Modern Capitalism, op. cit.; A.Shonfield, Modern Capitalism, Oxford University Press 1964.
- 46 Ср.: Streeck, W. The Social Dimension of the European Economy / W. Streeck // Public Interests and Market Pressures. D.Mayers, W.Hager, A.Knight, London, 1993; Streeck, W. German Capitalism: Does It Exist? Can It Survive?, in: Political Economy of Modern Capitalism.
- 47 Boyer, R. French Statism at the Crossroads / R.Boyer // Political Economy of Modern Capitalism; Lane, C. Industrial Reorganization in Europe: Patterns of Convergence and Divergence in Germany, France and Britain / C. Lane. Work, Employment and Society. 1991. nr 5. S. 515–539.
- 48 См.: Regini, M. Social Institutions and Production Structure: the Italian Variety of Capitalism in the 1980s, in: Political Economy of Modern Capitalism. S. 108.
- 49 Об этом: Rhodes, R.A.W. Policy Networks and Sub-central Government / R.A. W. Rhodes // Markets, Hierarchies and Network, G. Thompson, J. Frances, R. Levacic, J. Mitchell. London, 1993.
- 50 Ibid. S. 208; Lowi, T. Four Systems of Policy, Politic and Choice / T.Lowi // Public Administration Rewiew. 1972. nr 32. S. 298–310.
- 51 «Манифест» премьер-министра Тони Блэра и канцлера Герхарда Шредера на тему «третьего пути»: «Gazeta Wyborcza». 10–11. VII. 1999.

- ⁵² Rhodes, R.A.W. Policy Networks and Sub-central Government.
⁵³ См.: Hollingsworth, J.R. Comparing Capitalist Economies / J.R. Hollingsworth, R. Boyer. New York, 1997.
⁵⁴ См.: Streeck, W. Community, Market, State and Associations? The Prospective of Interest Governance to Social Order / W. Streeck, C. Schmitter Market, Hierarchies and Networks.
⁵⁵ Т.е. исполнением политики там, где она формулируется.
⁵⁶ О таким барьерах писал, в частности, Н. Луман: Luhmann, N. Politische Theorie in Wohlfahrtsstaat / N. Luhmann. München, 1981.
⁵⁷ Hayek, F.A. Law, Legislation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy / F.A. Hayek. London, 1976–1978.
⁵⁸ Goldthorpe, J.H. The End of Convergence: Corporalist and Dualist Tendencies in Modern Western Societies / J.H. Goldthorpe // Order and Conflict in Contemporary Capitalism / ed. J.H. Goldthorpe. Oxford 1985.
⁵⁹ Strange, S. The Future of Global Capitalism: or will Divergence persist forever?, / S. Strange // Political Economy of Modern Capitalism, S. 182; S. Strange, The Retreat of the State: the Diffusion of Power in the World Economy / S. Strange. Cambridge, 1996.
⁶⁰ Biuro Prasowe Rzadu. Warszawa, 1999.

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕПОЛНОЙ ИСКРЕННОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ

Вопрос о неполной искренности респондентов является составной частью проблемы качества прикладного социологического исследования. По мнению сотрудников Института социологии Национальной академии наук Украины, «качественной считается информация, которая реально отображает мнение людей, отвечающих на вопрос анкеты» [1, с. 145]. Поэтому первой задачей качественного сбора информации становится снятие возможного влияния интервьюера на характер ответа респондентов. С целью повышения качества информации интервьюер обязан выполнить ряд определенных правил и процедур, связанных с «конфиденциальностью», «добровольностью», «своевременностью» и др.

Но сами процедуры предупреждения не могут гарантировать полного исключения неискренности респондентов. Особенную актуальность эта проблема приобретает в условиях отсутствия возможностей для проверки полученной информации. Это, в первую очередь, касается процедур этнической идентификации, которая опережает типизацию и структуризацию информации, поэтому подвержена не только сознательной, но и вполне «чистосердечной неискренности» респондентов.

Постановка проблемы идентификации обращает нас к трудам представителей психоанализа и символического интеракционизма, в которых понятие «идентификация» использовалось в качестве обозначения процедуры формирования позитивного отношения к представителям собственной группы и негативного к членам других групп. Считается, что основой этнической идентификации является деление на «Мы – Они», «Свои – Чужие» [2, с. 41–52]. Через жесткую оппозицию в процессе идентификации возможна инверсия, но практически

невозможна динамика. Модель, в которой задействованы жесткие, «архетипные» оппозиции этнических групп, становится главным когнитивным фактором неискренности субъектов этнической самоидентификации.

Альтернативой модели архетипной оппозиции является «ситуативная» модель этнической идентификации, представленная в работах Ф. Барта, З. Маха, Л. Ворнера, Х. Виккера, Е. Гиденса. Ситуативная модель имеет значительно больше возможностей для выявления динамики межэтнических отношений [3, с.15]. В контексте ситуативной модели известный этнолог Э. Эрикссон различает негативную и позитивную идентичность [4, с. 675]. С этой точкой зрения соглашаются и такие отечественные и российские ученые как С. Макеев, О. Игнатенко, М. Шульга, В. Арбекина, З. Сикевич [5]. «Ситуативная» модель в изучении этой проблемы увеличивает значимость других детерминант, которые способны влиять на содержание и особенности процесса этнической идентификации [6, с. 163–167].

Использование «ситуативной» модели наиболее перспективно в регионах с полиэтнической структурой, которые находятся на «разломе цивилизации». Не случайно американский стратег С. Хантингтон обращает внимание на то, что именно этническая, национальная и религиозная идентичность занимает центральное место в государственной политике подобных регионов [7, с. 9].

К таким регионом относится и Карпатский, который имеет порядковый номер 14. Он включает восточные районы Словакии и Венгрии, юго-восточные районы Польши, северные районы Румынии, южные части Львовской и Ивано-Франковской областей Украины и всю территорию Закарпатской области. Изучение этнической идентификации осуществляется научными работниками всех пяти стран Еврорегиона. Только со стороны Украины за последние пятнадцать лет в Закарпатье проведено несколько социологических исследований. Наиболее известны результаты исследований отдела социальных проблем Карпатского региона Института социологии НАН Украины. Над проблемой идентификации ромов (цыган), закарпатских немцев, словаков и русинов Закарпатье много лет работают: Г. Емец, Б. Дяченко, И. Грибанич, И. Мигович, М. Макара, П. Токар, М. Зан, О. Лавер [8, с. 3]. Большое внимание особенностям идентификации русинов и украинцев Словакии уделяют словацкие ученые: М. Гайдош (M. Gajdos), М. Хоминова (M. Hominova), С. Конечный (S. Konecny), Ф. Баумгартнер (F. Baumgartner), М. Франковски (M. Frankovsky), С. Шутай (S. Sutaj) [9, с. 150].

Результатами многолетних исследований отдела социальных проблем Карпатского региона Института социологии НАН Украины установлено значительное несовпадение самоидентификации этнонациональных сообществ с официальными статистическими данными [10, с. 76]. При этом подтверждена адекватность методов исследований и качество работы интервьюеров. Но до этого момента проблема неполной искренности респондентов в социологических исследованиях идентифицирующего характера не рассматривалась. Потому целью статьи является изложение авторского понимания метода идентификации этнонациональных сообществ,

который позволяет избегать неполной искренности респондентов. Достижение цели требует использования вербальных и невербальных методов этнической идентификации относительно нескольких этнонациональных сообществ Закарпаття одновременно, сравнения этих результатов, тщательного анализа и структуризации полученных данных.

За 12 лет исследований было установлено, что среди «официальных» украинцев самостоятельно и добровольно идентифицируют себя украинцами только 56,4–71,0% опрошенных. Среди остальных 4,5–11,17% считают себя «русинами», а 1,9–6,5% – просто «закарпатцами». Но наиболее проблемной группой являются словаки. Около 20,4% из «официальных» словаков идентифицируют себя венграми, 11,4% – немцами, 4,5% – ромами (цыганами) и 2,3% – украинцами. Поэтому естественно возник вопрос, являются ли полученные результаты продуктом системного нарушения технологии опроса или неполной искренности респондентов?

Для ответа на него была применена невербальная методика идентификации этно-национальных сообществ, которая известна как «тест цветных предпочтений Макса Люшера»[11]. Основное преимущество этой методики – ситуативность, которая позволяет более чутко реагировать на кратковременную детерминированность процесса этнической идентификации разными социальными факторами. Для исследования использовались лишь те респонденты, которые добровольно согласились пройти тест на самоидентификацию. Стратегическая цель тестирования – определение эмоционально-динамических паттернов (образцов) для их последующего сравнения, оценки и структуризации. Было установлено, что наиболее «размытые» паттерны имеют самые «проблемные» группы: украинцы и словаки. Их эмоционально-динамические паттерны не имеют четких и однозначных характеристик. Так, например, украинский паттерн более всего тяготеет к венгерскому и «закарпатскому», отличаясь от последнего лишь более слабым чувством ответственности. Словацкий паттерн, который условно занимает промежуточное положение между украинским и романским (цыганским), отличается от первого более значительным уровнем инфантильности, а от второго – большей склонностью к хозяйственности и прагматизму.

Основное отличие словацкого паттерна от украинского – низкий уровень тревоги относительно недоброжелательного окружения. Установлено, что словаки так же сентиментальны, как и другие группы славян, но более умело это чувство скрывают, к тому же они более сосредоточены на своих личных проблемах. Как ни странно, эта черта, по мнению исследователей, усиливает степень толерантности словаков и минимизирует конфликтность на этнической почве.

Практически полностью идентичными оказались эмоционально-динамические паттерны венгров и тех, кто идентифицирует себя с географическим этнонимом «закарпатцы». Характерным признаком этого паттерна является повышенная чувствительность к внешним раздражителям. Однако от полной чувственной раскованности их убергает естественная стыдливость и пассивность. Эмоциональная вовле-

ченность неглубока, взгляды поверхностны. Характерна способность к быстрому переключению на любые (даже наиболее экзотичные) виды деятельности. В целом мышление синтетическое, творческое, с выраженными художественными наклонностями. Главной чертой, которая отличает этот эмоционально-динамический паттерн от украинского и словацкого, – повышенное чувство ответственности.

Дальнейшие исследования подтвердили, что тождественность «венгерского» и «закарпатского» паттернов не является случайным. В обоснование этого утверждения вербальными методами было обнаружено достаточно факторов. Наиболее весомый из них – неполная искренность респондентов. В данном случае в основе неполной искренности лежит субъективное желание уклониться от однозначной самоидентификации себя в качестве венгра или русина. Объективный фактор уклоняющегося поведения при самоидентификации – смешанные браки. Почти все семьи респондентов, которые идентифицировались как «закарпатцы», имеют родителей или прородителей из разных этнических групп. Например, у каждой четвертой семьи мать – венгерка, а у каждого третьего «закарпатца» венграми были бабушка или дедушка по материнской линии. Опосредствованным основанием неискренности респондентов также являются опасения за последствия самоидентификации себя как венгра. В пользу этой гипотезы свидетельствует и официальная статистика. С ее помощью нетрудно установить, что периоды максимальной неискренности ромов (цыган) приходятся на 1956 и 1968 гг. В 1956 г., во время известных событий в Венгрии, большая часть ромов перестала идентифицировать себя в качестве венгров. Через 12 лет, в 1968 г., во время революционных событий в Чехословакии, значительная часть ромов (цыган) самоидентифицировала себя в качестве словацкого меньшинства. Причина в обоих случаях одна – боязнь возможных осложнений на этнической почве.

Следующим, а возможно, и наиболее ярким проявлением неискренности респондентов во время самоидентификации явилось нежелание респондентов идентифицировать себя с русинами. Это заметно уже на разнице между 4,5–11,17% респондентов, которые идентифицировались в качестве русинов и 16,8% респондентов, утверждающих, что их мать и отец – русины. Еще больше (25,0–33,3%) указали, что русинами были их бабушки и дедушки. К тому же социологические исследования показали преимущество наследования русинской идентификации не по материнской (как у венгров), а по отцовской линии. Своих бабушку и дедушку по отцовской линии русинами считает каждый третий респондент, а бабушку и дедушку по материнской линии – только каждый четвертый.

Резкое сокращение количества представителей этнической группы (в два раза при жизни двух поколений) возможно только из-за неискренности респондентов. Если бы такое резкое сокращение происходило реально, оно обязательно отобразилось бы на демографической ситуации. Этот феномен нельзя объяснить и «размытостью» паттерна, поскольку он у «русинов» абсолютно самостоятельный и максимально выразительный. За этнонимом «русин» кроются характеристики, которые

не имеют ничего общего ни с одной из рассмотренных этнических групп и даже с суперэтническим славянством в целом. Главной чертой данного паттерна является гипертрофированная практичность и прагматичность суждений. Только у закарпатских русинов доминирует тропизм (склонность) к конкретным видам деятельности. Вся их практика опирается исключительно на накопленном опыте, а ориентиром служит лишь собственный интерес.

Эта черта, естественно, порождает высокую сопротивляемость внешнему влиянию среды. Однако агрессивность русинов носит, прежде всего, защитный характер и редко распространяется дальше чувства ревности. Русины не скрывают своего стремления к лидерству в социальной иерархии. Тем не менее проблемы межличностных контактов не позволяют им до конца реализовать это стремление. Они останавливаются на уровне «лучшего среди равных», отказываясь от социального доминирования, и удовлетворяются ролью лидера исключительно в практических видах деятельности.

Только среди русинов явно выражена установка на уклонение от избыточных усилий. Этим достигается остро необходимый для них покой и защищенность. Они вполне удовлетворены обретенным уютом, безопасностью и хорошими отношениями с окружающими. Реализации более сильной мотивации мешает эгоцентрическая сосредоточенность на несправедливости и связанных с ней неприятностях. Хорошо просматривается неуверенность в возможности принципиального улучшения ситуации. Эта черта – единственное, что объединяет паттерн русинов с близкими этническими группами (в данном случае с румынами).

Наиболее короткой характеристикой эмоционально-динамического паттерна русинов можно считать избыточную зрелость их жизненных оснований.

Комплексы избыточно зрелых этнических групп (русины и румыны), которые были исследованы с помощью невербальных методов идентификации, убедительно подтверждаются результатами измерения их ценностных ориентаций. В качестве индикатора была использована специальная шкала анкеты «Ваше отношение к Закарпатыю»:

1. Как к земле своих предков.
2. Как к земле-кормилице.
3. Как к месту проживания.
4. Как к одному из наилучших мест на земле.
5. Иное.

Первый вариант ответа (отношение к Закарпатыю как к земле своих предков) избрали 41,85% респондентов и были идентифицированы исследователями в качестве автохтонного населения Закарпатья. Третий вариант ответа (отношение к Закарпатыю как к месту своего проживания) избрали 45,31% опрошенных и были отнесены по данному признаку к категории мигрантов. Лишь 3,21% респондентов отметили другие варианты.

Высокая валидность полученных результатов позволила использовать данный индикатор для измерения «коэффициента автохтонности» разных этнических групп региона (см. таблицу «Деление этнонациональных групп региона относительно уровня автохтонности»).

ДЕЛЕНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП РЕГИОНА
ОТНОСИТЕЛЬНО УРОВНЯ АВТОХТОННОСТИ

№ п/п	Этнонациональные группы	«Ваше отношение к Закарпатья»		Коэффициент автохтонности
		Как к земле предков (%)	Как к месту проживания (%)	
1	Румыны	80,0	24,44	+ 55,56
2	Русины	65,0	30,0	+ 35,0
3	Венгры	57,96	40,76	+ 17,2
4	Словаки	59,29	46,3	+ 12,96
5	Немцы	42,22	35,56	+ 6,66
6	Украинцы	33,22	48,81	- 15,59
7	«Закарпатцы»	41,67	58,33	-16,66
8	Евреи	20,0	60,0	-40,0
9	Русские	10,0	66,67	-56,67
10	Ромы (цыгане)	5,88	88,24	-82,36

Из таблицы хорошо видно не только то, какие этнические группы чувствуют себя автохтонами, но и то, что их положение закономерно с точки зрения истории заселения региона. Граница, которую устанавливают пятая и шестая позиции, задает горизонтальную структуру этнических групп, идентифицируя одних как региональных автохтонов, а вторых как мигрантов. Позиция румын и русинов выглядит закономерной альтернативой позициям мигрантов, эмоционально-динамические паттерны которых более размытые и недостаточно устоявшиеся.

Сугубо ситуативный подход, за который много лет упрекали тест цветных предпочтений Макса Люшера, нашел свое место в процессе обеспечения более высокого качества социологической информации. Моделирование по этому методу межэтнических отношений предоставляет эффективный инструмент преодоления неполной искренности респондентов в процессе самоидентификации.

Таким образом, сочетание методов вербальной самоидентификации и невербальной идентификации этнонациональных групп позволяет построить продуктивные модели межэтнических отношений региона и исходя из этого делать точные прогнозы относительно перспектив их развития (и исключать ошибки в прогнозах государственной политики).

Литература

1. Панина, Н.В. Технология социологического исследования / Н.В. Панина. Киев, 1998.
2. Штихве, Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / Р. Штихве // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. СПб., 1998. № 1.
3. Barth, F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences* / F. Barth Bergen; London, 1989.
4. Erikson, E. *Psychosocial Identity* / E. Erikson // *A Way of Looking at Things Selected Papers* / Ed. by S. Schlein. N.Y., 1995.
5. Сикевич. З.В. Социология и психология национальных отношений / З.В. Сикевич. СПб., 1999.
6. Шестакова, К.Ю. Мовно-релігійний чинник етнічної самоідентифікації: на прикладі етнічних спільнот українсько-польського пограниччя / К.Ю. Шестакова // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”. 2005. № 652.
7. Хантінгтон С. Зіткнення цивілізацій? / С. Хантінгтон // Філософська і соціологічна думка. 1996. № 1–2.
8. «Carpatika» – (Карпататика) Вип. 26. Україна на зламі століть: Актуальні проблеми історії, етнології та політології. 2003.
9. RUSINI / UKRAJNCI NA SLOVENSKU NA KONCI 20. STOROCIA. K vybranym visledkom historicko-sociologickeho vyskumu v roku 2000. UNIVERSUM, Presov. 2001.
10. Пелин, А.В. Динамика межэтнических отношений Закарпатья 1995–1998 гг. / А.В. Пелин // Ученые записки Симферопольского государственного университета. 1999. №11(50). С.76–84.
11. Люшер, М. Оценка личности посредством выбора цвета / М. Люшер // www.aquarun.ru

ПОНЯТИЕ «ДОЛИ» В УСТНЫХ РАССКАЗАХ ЖЕНЩИН ВОСТОЧНОГО ПОГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ

*У лузе каліна увесь луг закрасіла,
Чаго смутна, невясёла, можа, маці набіла?
Мяне ж маці ня біла, я сама засмутнела-
Ох, не даў мне Бог, не судзіў мне Бог, каго верна любіла!
Ох, пайду ж я тудою, дзе я раньшэ хадзіла-
Ці ня ўстрэчу я, ці ня ўбачу, каго верна любіла.
Ох, ня ўстрэціла яго, ўстрэціла я яго брата.
Раскажы ты мне, пакажы ты мне, дзе міленькага хата.
Ой, заходжу у хату, там ні хлеба, ні солі.
Успамінаць буду, праклінаць буду сваю горкую долю...!*

Проект «Пограничья Беларуси: история, культура, язык» был организован Международной гуманитарной школой Центра исследований античной традиции Варшавского университета (MSH OBTA UW) под руководством профессора Э. Смукловой как цикл из шести сессий (по 2–3 недели) с 2001 по 2006 г., в которых интенсивные занятия по теории исследований пограничья сочетались с насыщенной полевой работой. Участники проекта – молодые польские, белорусские, украинские, литовские и русские ученые (историки, лингвисты, этнографы, антропологи, культурологи, фольклористы) – исследовали более 100 деревень (достаточно удаленных от больших городов и магистральных направлений – это была принципиальная позиция организаторов) Гродненской, Гомельской, Могилевской и Витебской области Республики Беларусь, Подляшского воеводства Республики Польша и Смоленской области Российской Федерации.

Необходимо отметить, что пограничье Беларуси в последнее время является объектом исследований ученых из разных стран и самых различных областей гуманитаристики. Результатом

этих работ стала публикация аналитических материалов, которые представляли в основном взгляды и концепции исследователей². Работа участников данного проекта, прежде всего, была направлена на то, чтобы дать возможность самим жителям пограничья Беларуси рассказать о себе.

Если говорить о понятии «пограничье», то мы имели в виду не столько территориальное, сколько историческое и социальное, динамично изменяющееся пространство, в котором живет человек, знакомый с разными языками и культурами. Нас интересовали контакты и взаимопроникновения разных этнических групп, их языков и культур в синхроническом и диахроническом аспектах (и каким образом все это трансформировалось в сознании жителей пограничья). На наш взгляд, интересную формулировку дает в одной из последних работ польский этнолог Ю. Страчук, подчеркивая важность и динамику процессов, происходящих в сознании жителей пограничья: «Пограничье – это размытая зона, в которой мы имеем дело с разными формами культурной раздвоенности, где граница между соприкасающимися культурами постепенно исчезает, часто приобретая черты переходности, и таким образом становится невозможным отнесение отдельных свойств к определенной системе»³.

В результате полевых исследований был создан архив, который состоит из нескольких сотен кассет с магнитофонными записями бесед, расшифрованного корпуса текстов и (сейчас над этим идет работа) его оцифрованного варианта. Интервью охватывают широкий спектр проблематики вышеназванных регионов: антропологическое исследование образа человека пограничья, традиционную культуру, историческую память, языковую трансформацию. Планируется, что собранный участниками школы материал полевых исследований (в том числе и большое количество фотоснимков) будет служить основой для дальнейших, более углубленных исследований.

Кроме того, на 2007–2008 гг. запланирована публикация двухтомника. Первый том будет издан в 2007 г. под названием «Пограничья Беларуси в междисциплинарной перспективе». Он содержит статьи, написанные участниками и руководителями школы на основе собранных материалов, а также статьи ведущих специалистов по данной проблематике. Выход второго тома под рабочим названием «Пограничья Беларуси в рассказах его жителей» запланирован на 2008 г. Он будет содержать статьи, отобранные в результате проведенного контент-анализа с учетом тематики и специфики регионов, с максимальным сохранением языковых особенностей, при этом тексты будут доступны для чтения широкому кругу заинтересованных лиц.

Сборник позволит на материале корпуса аутентичных записей проследить, что происходило с традиционной культурой и сознанием носителем этой культуры под влиянием модернизации. Эти материалы станут важным источником для проведения исследований в сфере изучения темпоральной ориентации человека пограничья и его исторической памяти. Результаты данного проекта могут быть широко использованы как в научных, так и в дидактических целях разными представителями

современной гуманистики – культурными антропологами, этнографами, историками, социологами, политологами как в Беларуси, так и за ее пределами.

Почему это важно именно сегодня? Как отмечает в статье «Всемирное торжество памяти» Пьер Нора, «над будущим нависла абсолютная неопределенность. И эта неопределенность ставит перед настоящим – которое обладает небывалыми техническими возможностями сохранения – обязательство помнить. Мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе. И эта невозможность предвидеть будущее, в свою очередь, ставит перед нами обязательство благоговейно и неразборчиво собирать любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит (может быть) стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были»⁴.

Исследований в этой области в последнее время появляется все больше и больше, и, делая обзоры, мы понимаем, насколько разнообразны исследовательские подходы, тематики, объекты и насколько непредсказуемо они могут развиваться дальше⁵. Однако наблюдается и тенденция к сближению методологий, интересов и объектов устных и гендерных исследований. Активно публикуются работы, целью которых является изучение гендерных проблем и жизненных стратегий переходного периода (см. фокус-групповое исследование И. Калабихиной)⁶, исследование структуры семейной истории⁷, истории миграции⁸ и т.д. В работе Е. Мещеркиной «Устная история и биография: женский взгляд» проанализирован широкий круг проблем, однако, как отмечает автор, «в одном исследовании попытки охватить все стороны женского опыта вряд ли осуществимы»⁹.

Отдельно коснемся вопроса относительно анонимности цитирования, которая в данной статье соблюдена в полной мере (в силу изложения личных переживаний). Единой позиции у исследователей в настоящее время по этому вопросу нет, однако нам представляется достаточно корректным мнение Е. Мещеркиной об этических обязательствах исследователя, вторгающегося в область личного пространства респондента: «Соблюдённый минимум – анонимизация имен и названий в тех проектах, которые не предполагали их сохранения. Эта проблема становится резче, как только наше исследование покидает границы повседневности и выходит на простор публичных или институциональных практик»¹⁰.

Возвращаясь к проблеме гендера, мы задаемся вопросом: почему сегодня важен именно женский взгляд? При всей разнородности и множественности мнений и споров по поводу современных гендерных исследований нельзя не признать, что именно это направление активно развивается и представляет все более обширное контекстное поле различных проблем и версий. Это уже не просто «гендерная история», объединяющая феминологию, андрологию, историю гомосексуальности и взаимоотношения полов. Это анализ властных контекстов и социальных связей сквозь «призму пола», гендерного взаимодействия с другими дисциплинами, исследования специфик метадологии и практического применения гендерных знаний¹¹.

Нам близок взгляд А. Усмановой, которая считает, что в «устной истории» свидетелей «большой истории» женщины играют особую роль. С одной стороны, хорошо известно, что «женщина как субъект отсутствует в мужской истории Запада» и в том смысле, что женщины, как правило, редко бывают там, где принимаются решения о войне, мире и тому подобных событиях «большой истории», и в том, что исторические источники фиксируют в основном мужской «взгляд» на историю. С другой стороны, как отмечают исследователи, женщины для «устной истории», действительно, привилегированные свидетели: поскольку традиционное деление мира на «мужской» (мир политики, социальной жизни и общественно значимого труда) и «женский» (мир дома и семьи) довольно ясно проступает в подобных исследованиях, постольку закономерной представляется и модальность свидетельских показаний: мужчины репрезентируют в своих воспоминаниях «социальный порядок», мир должного и всеобщего, в то время как женщины свое прошлое описывают в очень эмоциональных, чувственных, личных, почти интимных тонах, пропускают события внешнего мира сквозь фильтр личного восприятия. Вербальная природа устного повествования (равно как и его необходимо социальный характер) трансформируется в визуальном поле женского взгляда на историю¹².

Нашими респондентами были преимущественно женщины достаточно пожилого возраста, родившиеся в 20–30-е гг. XX в. – собственно, такие люди и составляют большинство населения современной белорусской деревни – и в основном имевшие ограниченные контакты с внешним миром либо вообще никуда не выезжавшие за пределы родной деревни. Период их социального становления приходится на время «созидания социалистической нации», когда, как отмечает Е. Гапова, государство активно участвовало в «пробуждении женских масс для новой жизни»¹³. Речь шла прежде всего о так называемом «освобождении женщины-труженицы» (этот сюжет, а также «революцию быта» развивала в своих трудах А. Коллонтай)¹⁴.

Однако все это во многом так и осталось утопическим экспериментом, хотя определенные предпосылки для «улучшения положения» женщины создавались: попытки претворения в жизнь законодательных норм, уравнивавших женщин в правах с мужчинами, юридические положения, касающиеся охраны материнства, развитие общепита и т.п. По мнению Т. Журженко, в этот период произошла переориентация государственной политики на семью как основную единицу воспроизводства населения. «Официальная идеология равноправия и реальная политика в отношении женщин расходились все дальше друг от друга. В 1936 году была принята сталинская конституция, официально провозгласившая равноправие женщин в СССР, однако в том же году постановлением ЦИК и СНК СССР были приняты меры по “укреплению семьи” и повышению рождаемости, предусматривающие запрещение аборт, увеличение материальной помощи многодетным семьям, усиление ответственности за невыплату алиментов»¹⁵.

Семья (в самом широком смысле – как это будет показано далее) становится главной жизненной стратегией для наших героинь. Хотя роль женщины в семье

обычно сводилась к выполнению непрестижной работы, воспитанию детей, уходу за больными и стариками, но именно семья становится основной моделью формирования гендерной идентификации¹⁶.

С семьей будет тесно связан и основной сюжет статьи – о доле. Сам по себе он достаточно архаичен. А. Веселовский в работе «Судьба-Доля в народных представлениях славян», сравнивая русскую Долю и южнославянскую Сречу, противопоставляет «судьбе прирожденной, сужденной, судьбу случайно навешанную, встреченную. Второе представление свободнее первого, первое архаичнее и коснее, ощущается как гнет – в форме недоли. Не это ли ощущение гнета, связанности, накопило в фантазии русского народа преимущественно отрицательные образы: Горя, Обиды, Кручины, Нужи; дало самому пониманию Судьбы-Суди-ны, Судьбины, отвлеченному по существу, конкретное значение злой Судьбы, Недоли?»¹⁷.

С такой точкой зрения совпадает и взгляд А. Потевни в исследовании «О Доле и сродных с нею существах»¹⁸. Более того, он указывает на зависимость доли от времени (особенно от времени рождения), на то, что несчастье – это состояние «оставленности человека», его одиночества. Потевня считает Долю двойником человека, причиной всех его действий и состояний. Кроме того, он дает интересный пример (между прочим, связанный с территорией «Белой Руси»), когда молодая, оставляя отцовский дом, причитает, сидя на возу с мужем, прося Долю следовать за нею в новый дом:

Таткава ніва, да не улякайся:
Радзіла пры мне, радзі і бяз мяне!
*Добрая доля, да ідзі за мной –
З печы пламенем, з хаты коміном!*¹⁹

Белорусский этнограф М. Довнар-Запольский также интересовался этим сюжетом, но уже в непосредственно гендерном смысле, о чем и написал в статье «Женская доля в песнях пинчуков»²⁰. Он проследил в песнях всю историю женщины – от того времени, когда расцветает девичья краса и молодая женщина спешит насладиться жизнью, до тяжелой и, как правило, долгой жизни в семье мужа (в лучшем случае любимого, но с ненавистными свекровью и другими родственниками). В семье на нее смотрят прежде всего как на рабочую силу, и так продолжается до тех пор, пока она сама не станет хозяйкой, свекровью, – и все начнется сначала.

Довнар-Запольский приводит записанную им более ста лет назад песню:

Вышла я замуж молода,
Пэрвая беда, што дetyнушка мала,
Другая беда – свекровушка лиха,
Трэйтя беда – мой мыльый не любыць²¹.

Подобную песню мы записали в Гомельском районе в 2003 г. и это подтверждает тезис, что представления о женской доле за последнее столетие мало изменились:

Серая вутачка на моры начус,
Ох яна ж мае ўсё горачка чус.
Первае гора – дзяціна малая,
Другое гора – свякруха ліхая,
Трэцяе гора – муж мяне ня любіць²².

Актуализация сюжета о доле происходит и в работах современных исследователей. Так, И. Жеребкина, сравнивая две знаковые для культуры Украины фигуры – Лесю Украинку и Ольгу Кобылянскую, – исследует актуальное для того времени понимание доли как предназначения и выбора женщины: оставаться ли ей за мужем, покровителем и кормильцем или «быть себе хозяйкой»²³. О. Седакова рассматривает долю как предопределенный срок человеческого существования и характер персональной жизни. Это «жизненная сила, *vis vitalis*, которую человек получает при рождении и должен израсходовать до смерти»²⁴. Причем доля каждого отдельного человека находится в тесной взаимосвязи с другими долями (исследуется мотив «заедания чужого века», «не своей смерти»).

Г. Кабакова, разделяя эту точку зрения, считает, что доля – это часть судьбы, она «определяет предназначение человека и объясняет равновесие сил в мироздании. Доля, которую человек получает в момент рождения, представляет собой третью составную часть его личности, бесплотную, но почти столь же важную, как тело и душа. В течение жизни доля несколько раз проживается и исчерпывается, и каждый следующий этап ее бытия воспринимается как новая жизнь. Женская судьба в этом смысле еще более показательна, поскольку для того, чтобы жизнь удалась, женщина должна пройти через все биологические этапы, на которые запрограммировано ее тело, причем эти этапы более четко выражены, чем у мужчины»²⁵.

Поэтому, по мнению Г. Кабаковой, за долю идет борьба, поскольку ее могут отнять, переманить, отобрать (как Господь, так и ближний). Автор показывает на материале семейной полесской обрядности, что долю мало добыть, ее надо приумножить и охранять (правда, в этом ей уже помогает мужчина как защитник). Человек зависит от своей судьбы, предопределенной свыше, но в силах женщины-матери, при соблюдении всех предписаний и запретов, создать своему ребенку наилучшие условия «вхождения в жизнь»²⁶.

Таким образом, выдвигая рабочую гипотезу, мы можем предположить, что доля (с этим понятием в наших текстах тесно переплетено понятие «судьбы»), несомненно, дана человеку свыше. Поэтому «обездоленность», обделенность долей (в случае женщины – прежде всего одиночество) вызывает обиду, заставляет пенять на судьбу. Однако своей доли никому не желают, и чужой себе – тоже. Кроме того,

человек, несмотря на «сужденность» доли, участвует в ее формировании, и роль женщины в этом процессе значительна.

В этом исследовании нам прежде всего было необходимо определить, что же входит в понимание образа «женской доли» наших респонденток. Как оказалось, центральное место в их понимании будет занимать семья, но составляющих, с ней связанных, много – и самых разных. Первый вопрос касался получения образования и первичной социализации:

– *А на якой мове бабуля гаварыла, якая была полькай?*

– Я жэ с ней не разгаварываў, бо мяне тада яшчэ не было. А мы з мамай на беларускам. І мама была неграмотная, но пракцічэскі очень развітая, і культурная, і очень уважыцельная была. [...] Тока буквы знала – у старыну ў школы адпраўлялі тока мальчыкаў, а дзевачак жа нет. Жэншчыны ў царскую Расію ўсе былі безграмотныя, патаму што ў тое ўрэмя нада было плаціць, і шчыталі, што жэншчыне не абязцельна абразаваніе, глывнае, што б дзяцей гадала. Но абразаваніе нікаму ня врэдна²⁷.

Часто в беседах с женщинами восточного пограничья Беларуси (а в данной статье будут использованы преимущественно материалы, собранные в 2003 г. в Гомельской области и в 2004 г. в Могилевской области), мы встречались с тем, что они либо совсем не ходили в школу, либо ходили очень мало (от одного года до четырех). Прежде всего это было обусловлено их ранней социализацией, которая, в свою очередь, являлась следствием острой необходимости в семье дополнительных рабочих рук:

– *А Вы ў школу хадзілі?*

– Хадзіла. Ой, донечко, якая тады была школа. Голад буў, мо і адзін клас хадзіла. Што я думаю пра сваю жытку? Няма чаго і казаць. Прамучылася свой век, сабіраюся у зямлю. Ох, дзеці мае залатыя, ой, Божа мой, Божа. Хаця б ужо вайны не было, чорт яе бяры²⁸.

Следующее высказывание достаточно типично – многие наши собеседницы отмечали, что особого интереса к учебе у них не успевало сформироваться, поскольку тяжелые жизненные обстоятельства вынуждала бросать образование в самом его начале.

– *А Вы ў школе вучыліся?*

– Хадзіла ў школу я, галава дурная была, нічога. Я хадзіла з гады чатыры. [...] І тады як пашла, з чатырнаццаці гадоў пашла з бабамі жаць, і лён трепала з бабамі,

і жалі, і ўсё – што я тока ня дзелала. Я была крепкая, рослая і любіла работаць. Так о і жызнь мая прайшла²⁹.

Мотив предназначенной доли сильнее всего слышен в расказах о работе. Как правило, это работа тяжелая («гаравалі» - тяжело работали):

– У мяне ж усе пальцы сярпом паабразаныя, во паглядзіце. Маці ідзе на работу – глядзі Насці, Адама, яшчэ цяляці, дроў прынясці, свінням зеляя нарвала, маці дацёмна будзе жыто жаць ці палоць, ці што. Я яшчэ жала, карову даіла, дзеўкай у васемнаццаць гадоў пашла карову даіць. О, Божа мой, Божа³⁰.

Работа – это главная составляющая жизни наших собеседниц, точнее, работа и есть сама жизнь:

– Да, да. Варушыцца нада, варушыцца, не сядзець. А сядзець будзеш, заседзеш і не будет нічога. Нада варушыцца. Я бегаю да і добра бегаю. [...]

– *То есць, работаеш – будеш жыць.*

– Да, еслі работаеш, будеш жыць. Нада работатъ да і добра работатъ нада³¹.

Работа подразделяется на мужскую и женскую:

– Уродзе значыць, от закона: мужчына мужчыньску работу робіць, а баба – бабскую. Шчыгали, эта ткаць, сціраць, палоць, варыць – эта жэнская работа, а мужчыне – карову даглядаць, там каня які е, араць, валочыць, сена косіць, о такая. [...]

– *А вы казалі, што так па закону, а адкуль такі закон пайшоў, што от жанчыны тое робят, а мужчыны інашае, адкуль такі закон?*

– Ну, так это яно вядзецца і пастарынкі. Бывало ж яно, напрымер, матка ўжэ мая, да мае маткі матка – яны ж ўжэ самі сабе жылі, калхозаў жэ не было – аж самі дак пахалі землю, аралі, мужчыны шчыгали, што эта іх работа, а жэншчыны што так.

– *Так можа мужчынам гэта цяжэйшая праца?*

– Канечна, цяжэйшая³².

Кроме того, одна из наших респонденток отметила, что для мужчины быть хорошим работником – это особенная доля, данная свыше:

– *Гэта добра, калі чалавек рабацяга?*

– Ой быў рабацяга, ужо і балеў, ета скока рямін людзям, скока печ перяклаў, шулюваў, што ня возьмець, ё такія людзі етыя, ну я не знаю, такей, што не возьмець, то здзелаець. Ці та Богам можа дата, направду³³.

Интересно отметить, что мужчине женскую работу выполнять зазорно – он «обабитца», а женщине – можно, и часто она, пусть и вынужденно, становилась «мужиком»:

– А ў мяне братоў не было, я была мужчына. Я ўмею работаць, дзеўкі, крыць і пад лапату, і так, і доскі, вы ня помніця, такія казлы былі. Была піла такая доўгая, мы з татам пілілі, як на хутары эта преезжалі. [...] Я і пад лапату ўмею, я і так умею, таму, што я прывыкшая, рубіць я ўмею, я рубіла, я дзелала. Я ўсё, дзеўкі, дзелала³⁴.

Очень типичен мотив «пахали на себе» (принятие иной гендерной роли):

– Ты знаеш, як сабою пахалі? Не знаеш? Восем баб, ну баба ты, какая разніца? Вот палка, во тутака вяроўка, разбіраецца? Во цягнем, а дзевяты за плугам, а дзісяты, а там адзінаццаты, сажуюць картошку...³⁵

Еще один популярный мотив – ткачество как работа, которая сопровождает женщину всю жизнь:

– У вас ткалі тут?

– О, папаткалі, а кудзель папапралі, што прыпрадзеш пальцы, о папаткалі! Шчэ я хадзіла ў школу малая, а тады ж не было так як цяпер мацяр'ялу да ўсяго колькі хочаш, а тады ж маць партную торбу пашыла мне, вот мне ту таго крамку трошкі на брыжыкі. Так у школу хадзіла, а просцілак тых, да палатна, да ўсяго, папаткалі, ну вот сядзім, да прадам, а патом снуём, а патом тком. О, тады гаравалі, цяпер легчэй маладым жыць, хаця не ткуць, не прадуць. Тады ж прадзі, хоць кроў цячэ з етых пальцаў, круці верацяном етым, шчэ ў каго была ета самапрадка, а хто верацяном. Да напрадзі на сколькі губак, да натчі, ой! Як уздумаю, дак страшна³⁶.

Как правило, почти все наши собеседницы стремились замуж (часто это был просто побег от работы и надзора в родительском доме), но очень редко по любви:

– А колькі гадоў вам было калі вы замуж пайшлі?

– Ой, сямнаццаць-васямнаццаць гадоў. Маёй даччы на васямнаццаць гадоў маложай за мяне. Я ў васямнаццаць гадоў нарадзіла яе. [...] І асталася от адна, адна, адна³⁷.

– А калі вам жылося найлепш, пры якой уладзе?

– Мне ніколі. Як я сірацінай гадалася, малая не знала нічога. Замуж пайшла, тожэ нічога не бачыла. Ніколі не было! А людзі жылі, што з бацькай да з маткай, замуж пайшлі. І замужам харашо, расказуюць. Канечна ж добра!³⁸

Ситуация, пересказанная в следующем фрагменте, когда женщина выходит не за любимого, трактуется ею как «судьба», которую не миновать в любом случае:

– Я пайшла за Пятра, ана пайшла за Валодзю. От, эта вам, дзеўкі, дзействіцельно да. Ну я гуляла і з этым, з яе братам, я гуляла, а потым мы з ім разышлісь. Па яго глупасці разышлісь. Ён прыходзіў, прасіў у мяне прашчэння, ну я не прасціла яму. Ён даходзіў мяне, а я яму не пачынілася, так ён мяне кінуў, у слабоду бегаў гуляць – паказаў зло, я стала з другім гуляць, з этым во. Ну гуляла-гуляла ды нагуляла. Дык ён узнаў, што я нагуляла, прыходзіў ды гаворыць – Анюта, я цябе вазьму, ды етае дзіця родзіцца, будзе мой сын, а я гавару – не, прышло ужо ўрэмя, усё. Я праштрафілася і гавару, пака я жыць буду, хоць хто, ён памрэ ўперад – я замуж не пайду. [...] Такая вот мяне абіда ўзяла на яго. Мы так з ім хораша гулялі, ён трактарыстам быў, ён прынясе нам саляркі, штоб мы ужэ пралі, гуляць хадзіў, і ну, прыйдзе, хадзем етае, мачыха наварыла есці, хадзем павячэраем разам. Яны мяне так уважалі, проста хацела уся сям'я мяне. І так, мо мабыць не судзьба мая, усё³⁹.

Кроме того, есть еще один – страшный и трагический – момент в судьбе женщин, молодость и замужество которых пришлись на начало и годы войны:

– Да вайны замуж хадзіла, дык во, за нядзелю вайны. Тады ж не было ні радываў ніякага, ні целевізеру, нічога ня чулі, не зналі. Замуж зышла, нядзелю замужам пабыла, і вайна стала...⁴⁰

Войну обвиняют и в том, что пришлось остаться одной или выходить фактически за «первого встречного»:

– Замуж я ўжо ішла не малада, патаму што ж вайна була. Як у той пасловіцы кажуць: «Хто цябе хацеў дак ты не хацеў, кога ты хацеў, дак не было». На фронце пагіблі, ну дык ішла ўже ў тья, у дваццаць сем гадоў⁴¹.

События войны наши собеседницы вспоминали неохотно – слишком много она причинила им боли. Так, например, рассказывая о том, как пришлось хоронить после боя солдат, женщина не смогла договорить:

– *Людзі іх потым хавалі?*

– Мы хувалі, я хувала, да. [...] Нічога за сьлязьмі не відзела... Переплакала ўсех. Вада плыла – пена кравая ля берагоў. Хваціла... Болей усех, болей усех я нагурювалася...⁴²

Однако были и моменты, которые нам рассказывали с гордостью за то, что они в таких страшных обстоятельствах смогли отстоять свое женское предназначение:

– А немцы ж адбіралі мала, яны аблаву дзелалі па лясу, у балота ж ня лезлі, дзень сядзіш у балоце, тады на нач ужэ выбярешся у зямляначку, а тады вышлі у дзереўню, а немцы ужэ адбіралі людзей, сталі стреляць, з Колькам тады, а малы закрікнуў, во так абшчэпіцца мяне, яны рвалі усё, хацелі адкінуць, два разы рвалі, а я кажу во – стреляйце ўдваіх. Ён паказвае – во бабы, я кажу, эта чужыя бабы, я не пайду, гнаць куды - ганіце ўдваіх. Біце ўдваіх. (*Смяецца*)

– *І не адабралі?*

– Неа, не-не (*горда*). А каторых і пакідалі, вон эта Наталля пакідала ўсіх, у Польшчы была. А я ня кінула – я не баялася, стряляць – стряляй удваіх, а дзіцёнка я ня кінула. Ён не забіў, кінуў, пашоў, не баялася, толька каб не разлучылі з дзіцёнкам⁴³.

О роли мужчины респондентки рассказывали по-разному. Нередко это был спутник, который не годился ни в помощники, ни тем более в защитники:

– Ну, вышла раз замуж. Не павязло, разышлась, тады паехала ў Казахстан.

– *А што Вы там рабілі?*

– На сушылке работалі. І зярно на пасеў адгружала, і на сепаратары работала, перечішчалі і танспарцёршчыцай была там – усім. А ён масцерам быў, ну, яму што, мужчыну – не ражаць, не расціць дзяцей⁴⁴.

В жизни «по-среднему» был виноват мужской алкоголизм:

– А ён хазяін харошы быў?

– А усяка было, піў, любіў выпіць і брахацца мог, і што хош, а п'яны якей харошей? Уступала, не, дзеці, хорошага не было, па-средняму. Я ня буду хваліцца, жыла па-средняму.

– А чаму вы за яго замуж пайшлі, любілі яго?

– Ну наверна ж, дзетства, дваццаць гадоў – я ужэ радзіла сына. Ну якая я была? Канешна, любоў первая. Да, ён быў харошы муж, такі хлопец із дзетдома, радзіцелі яго пагіблі...⁴⁵

Этот же сюжет прослеживается и в записанной нами песне, где «горькая доля» – это именно пьющий муж:

– Ой вярба, вярба кудравая,
На табе кара дубовая,
На табе лісця лаўровая.

Хто ж табе, вярба, кудры развіў?
Хто ж табе, дзеўка, слёзы разліў?
Развіла кудры вясна-красна,
Разліла слёзы горка доля.
Горкая доля, свая воля.
Ой пашла замуж за пятага,
Да й за п'яніцу праклятага⁴⁶.

Доля часто отождествляется (о чем писал Довнар-Запольский) с вмешательством высших сил или других людей, которые разлучают любящих:

– Ну, а потом прішоў ён і скока ён пабыў ні кала ж ні двара не было, ужо разгавор што ж можа схадзіцца ня будзем, жыць умесце ці як, ён гаворыць не, трі сястры, ён, бацька з маткай, гаворыць, ужо здэлаем другую хату, бальшую, тады ўжо забярэ мяне і жыць будзем умесце. Тры гады хадзіў-хадзіў, мы пріжылі двое ў мяне дзяцей, ну і я расціла іх, нікога, яму ўсё чувства сваё аддала і больш нікога не любіла, і живу адна, дочка во ў Оршы жывець, ну а сын ў Магілёве, прыязжаюць, во так вырастціла дзетак. Ну а жаніўся ж, я ўтарым была берэменная, не радзіла, і якраз жаніўся, па вуліцы не паехал, аб'язжаў, маладуху вёз, назаўтра пріходзіць ка мне, а яны там недалёка палева жылі. Я печ тапіла, гавару – што надзелаў, во брат прыйдзець, а брат яшчэ быў нежанаты, у арміі, а ён тут во завод быў у лесе, піларама, я кажу выганіць. Я кажу, нашоў харошую – жыві, праўда і скока ён пажыў, шэсць гадоў пажыў тока і памёр...

– *А чаму ён памёр?*

– Ну не знаю, тожа перажываў, ета знаеш, троху свае ўмяшаліся. Ён любіл мяне і я яго любіла, ну а во так разлучылі.

После этих слов (беседа происходила на лавочке около дома) женщина подняла глаза к гнезду аиста на столбе неподалеку и задумчиво сказала:

– Ты падумай, якія прэданыя, няма падругі, і жыў адзін, не нашоў...⁴⁷

Перекликается с этими словами и популярная у наших респонденток «разлучная песня»:

В Новгороде верба рясна,
Там стояла девка красна,
Ее доля несчастлива –
Нема того, что любила,
Нема того, да й не будя,
Разоряли его люди,

Разоряли, рассудили,
Чтоб мы в паре не ходили,
И друг друга не любили⁴⁸.

В следующем фрагменте видна жалоба женщины на «долю без хозяина» (достаточно популярный мотив в рассказах этого поколения), которая хуже всего – даже хуже пьющего мужа:

– *А вы тут у Машикава нарадзіліся?*

– Тутай нарадзілася, тутай і здохну (*смяецца*).

– *А мужык ваш таксама згэтуль?*

– І мужык ат’етуля. Мужык быў харошый, такі дзеляга быў, што ні возьмеш зделаець, і ряміну, і печ, і дужа ладны быў чалавек. На усю дзярэўню, што ні возьмець бывала дзелаў. А мала пажыў.

– *А не піў ён?*

– Не, выпіваў ня то што выпіваў усе што бяз меры, ў яго і грошы ўсяды, ўсе было, не, ня буду казаць, і мяне ён очэнь пачыгтаў, ён век на мяне плахога слова не сказаў.

– *Жалеў вас?*

– Жалеў, жалеў, нікада нічаво не казаў на мяне, свякрова няхай ёй Царствіе Нябеснае, а можа і не нада казаць, дужа была плахая, брехала усяк на мяне, во, а ён харошы быў.

– *А мужа свайго любілі вы?*

– Раскажу. Любіць як я любіла. Я з ім не любілась, да вайны, не да вайны, да арміі я любілася з другім. Пайшоў ён у вармію, а еты любіўся з маёй сястрой дваюраднай, Васіль мой еты, ну тая пакуля ён ужо знаеш прышоў с арміі, зышла за другога, во ён ужо ў арміі быў стаў пра мяне распытваць. Во ў отпуск пріехаў стаў за мяне брацца, ну і во і пажаніліся, тока прішоў і пажаніліся мы. Тая ж сястра ж мая дваюрадная яна шчаслівая, ёй не гарюваць, удавой ня быць, яе ад яго атварнула, а мяне прівярнула.

– *А як гэта, прівярнула?*

– Етая ж жывець і на сняяншні дзень з хазяінам. А я ужо 26 гадоў без хазяіна. І атварнула, што у яе судзьба харошая, знаеш, не удавой быць, а мая судзьба – дряннь.

Не трудно заметить, что собеседница отмечает неизбежность своей доли. А когда мы спросили, можно ли изменить судьбу, она ответила:

– *А вы казалі – судзьба ў чловека ёсць, гэта значыць сваю судзьбу нельзя паменяць?*

– Дзетачка, нідзе ні мінеш і нідзе не абойдзеш. І на кані не аб'едзеш, каму што накановано, ты нядзе не дзенесся, во.

Более того, и аборт, который сделала, не желая из практических соображений рожать четвертого сына, она тоже воспринимает как «сужденный».

– А жанчыны тут рабілі абарты?

– Няўжо не рабілі? Я сама адзін сдзелала. Ён хацеў Васіль каб я радзіла чацвёртага, а я настоіла, на што ён? Дак і ладна, кажу на Лёшку, каб знала што такая бацькава жызнь кароткая, ты б век бы ня быў [...]

– А не баялісь вы рабіць аборт, грэх жа?

– Грэх, я знала, што грэх, я здзелала, а мама наша, яна нікада ня дзелала, во каць дачушачка, ужо як памрэш, каць тае на блюдзе паднясуць, будзеш есьць яго. Так яка ён хацеў радзіць, а я так упяцілася, ніяк, давай абманіваць, парасёнак быў гадкі, яка а як дзіцёнак етакі зародзіцца, яка што будзець, чучь-нічучь заманіла яго і пашла на грэх. Награшылася я. Ао! [...] Мо так трэба было⁴⁹.

Мотив одиночества (отсутствие семьи и детей), о котором уже было сказано выше, ярко виден и в следующем фрагменте:

– Я во дзеткі жыву адна-адна-адна! У мяне не родных, ні дваюрадных, ні траюрадных, нікаво няма. [...] Дзеткі, у мяне і дзяцей не было, я і замуж не хадзіла, я во так і жыву адна, і жыву, і жыву адна, і сястра мая памерла, і та нябога ужо мая памерла, а я адна-адненька засталася, нікаво няма, вот чужыя людзі, спасібо ім, прыйдуць у хату, спасібо ім, вот такая жызнь, я сама б рада була б памерці, я і вешалась, чаго не рабіла, да шчэ смерць не бярэ, эта такая жызнь наша⁵⁰.

В следующем разговоре о доле и судьбе, посылаемой человеку Богом, тоже отмечается «сужденность» доли, невозможность ее миновать и обида на «обездоленность» как отсутствие близких людей (здесь актуализируется архаический мотив наделенности человека «долей», т.е. достатком и счастьем):

– У кождога чалавека Бог послаў яму свою судзьбу. Як каму прышлося.

– Бог и смерць прызначае, может?

– І смерць вызначае. От, одно молодое помрэ, а другое і в 90 не помірае, доходіт до ста. У кождага напісано свое. Як кому Бог пошле.

– Нам расказали, как будто Бог шепчет, когда ребёнок рождается, сколько ему жить. Это легенда?

– Это такая прыказка, говорят: «Дітя нараджаецца і Бог намянея ему і долю». Так гавораць. Это такія бабскіе сказкі.

– Получается, что человек не может перейти эту долю, переступить, жить, как захочет?

– А кто знает? Вот, допустім, ты хочеш добрэ-добрэ жыть. А получицца іначэй. Так не получаецца, как хочэш. [...] І планіровать не нада, як Бог поможэ. [...] Гавораць, дзіця як нараджаецца, так што ему Бог дае. Вот, я ішла з сваёй сястрой Зосю. А немцы ... гавораць: «Цурюк, цурюк», а я схавалася. Я схавалася, а яе забралі і жывую закапалі яе. Сягоння забралі, а назаўтра красныя прышлі. Вот так. Вот якая в каго судзьба. Мне нада жыць, а яе - нет. [...]

– Граха ніхто не бачыў і душы чалавечаскай ніхто не бачыў. Памрэ, капаюць, сагніе і всё. Ты думеш, што ты ўжэ у рай пападзеш, а той у пекла? Усе адзінакава! ...Памер, сагніў, і рая німа, нічыва німа. Дажэ і не верыцца, што рай і пекла е. Рай, хто добра жыве, вот гэта рай. Да яшчэ ў каго бацька да матка е, да цесць, цешча, да памагаюць з адной рукі, з другой рукі. Во гэта табе рай. А еслі табе ніхто нічога не дае, да са свайго мазаля жыві, шчытай, што гэта пекла⁵¹.

Роль женщины в изменении доли – своей, своего или чужого ребенка или даже просто встречного, малознамого человека – весьма значительна. Так, например, она может запрограммировать себе и попутчикам хорошую дорогу:

– От, я одну молитву знаю:
«Я іду в дальній путь,
За мной все апостолы ідут.
Ісус Хрыстос вперэді,
Матка Божа позаді.
Сзаді золотая карона,
Штоб со мной всегда была оборона».

От, еслі в дорогу еду куда-небудзь чытаю. От, выйду, шафёр прывёз: «Ой, нехай табе, сынок, ад Бога шчаслівая дарога». О так во пагаворыш⁵².

Знахарство, магические практики часто используются женщинами, чтобы оградить себя от опасности, например – дурного глаза:

– Ну, от быў і ў мяне адзін раз такі случай. Родзіла я другое дзіця. Я лёгка родзіла, вышла хутка на вуліцу, як та мне бы стражка было, ну мо я на чацвёрты дзень выйшла после родаў, дома раджала дзіця. Адна жэнчына – яна яшчэ і цяпер жывая – стрэла мяне да ка: «Ой, ты ж мо нядаўна родзіла, да эта ўжэ на вуліцу прыйшла гуляць!» А я кажу: «А што там такога!» – «А я ж месяц чуць ходжу!». Прыду я дадому, да як загарэлася, да загорэлась, уміраць нада, прама ўміраць – і температура і рвоты і ўсе. І пры такіх ўжэ случаях я шапталася⁵³.

А вот исцеление детей приносит женщине почет и достаток, то есть улучшает и ее «долю»:

– Ка мне дажэ з Мозыря ездзяць. І якія падаркі мне вязуць, вот я ў бальніцы стаю на ўчоце. Ў мяне пелепсія. Дак ўрач тая ўсю радню перавезла ка мне з Каленкавіч. Паехала яе плямяніца на Украіну і да свёкара. А ў ёй хлопчык маленькі – год да сем месяцаў, Дзімка. А дзед павёў ужэ паказваць яму авечачкі, да цяляткі, да ўсе. А той Дзімка ўзёў ды забраўся туды к авечкам, а дзед думаў, што ён пушоў на двор, да ўзёў, пушоў ды хлёў зачыніў. А тая авечачка ды: «Бе-э-э». А яно ды дрогнула, ды спугалася і не абазвалася. Разгавору нікаго ў ёго не было. Яна ўжэ звоніць к цётцэ ў Каленкавічы: «Цётца, такое й такое дзело». «Мы ўрачы с тобою, да плохіе. У нас ўрач ў дзерэўні е. Быстрэй бяры ды прыяжджай сюды». Яна ўзяла да прыехала. Я бачу – машынка, собака муй забрахоў, я бачу машынка ў кураж ўлазіць. Яна: «Паўлуўна, я ўжэ вам надоела». Я кажу: «Для вас – поджалуста. Мой порог всегда открытый». Яны прышла, я пошуптала і кажу: «У вас жэ е машынка своя, вы ко мне покамест сонцэ не ўстанет прыедце раней до сьвета. А ў вечары, як заходзіць сонцэ то прыедце». Ужэ Дзімка той бягіць: «Бабушка! Я рэзговайваю!». Не ўмеў шчэ добро гаворыць. Бацька, той жэ ўрач, яго ек обняў міне, як стаў цэловаць: «Бабушка! Ты ж нашого рабёначка спасла!» Што міне подаркоў навезылі – мір не відал. І навек звоняць, навек перадаюць прывет, паздраўляюць міне ўсе⁵⁴.

Быличка с достачно популярным сюжэтом, приведенная ниже без сокращений, иллюстрирует практически все положения, выдвинутые ранее, и закрепляет мысль о неизбежности своей доли:

– Ішоў салдат колісь, с арміі, нагамі, тоды ж не ходзілі ні машыны, ніштай німа свету, толькі ў адной хатачы свет. Ён зайшоў у двор, пабраскаў у акно, хазяйін вышаў, да ка-а: «Салдацік, пусціў ба я цябе пераначаваць, но мая жанчына пры радах, мучыцца, і я зь ёю, у хату цябе я не пушчу. Там у мяне под повецьцю стаяць калёсы, на калёсах нямнога саломы, дык ідзі хаць у тую салому да аддыхні. Вот ён і пашоў у салому, лёг, холадна, восень, не ляжыцца. Аж вось ка і падходзяць утрох. Пад акно. Усе трох у етых...» Адзін і кажа: «Ну, нарадзіўся мальчык, якую судзьбу мы яму назначым?» Дак кажа адзін: «Ну, назначым яму такую судзьбу: каб дзе-та гадоў у тры ён памёр». А другі кажа: «Не, рана, няхай трохі пажыве, назначым яму такую судзьбу, каб ён падрос і з лошады ўбіўся». А трэці кажа: «Не, эта не судзьба яму. Мы яму назначым судзьбу вот яку: штаб ён вырас, пашоў у армію, і прышоў, і ў дзень сваёй свадзьбы ў калодзезі ўтануў». Забралісь і пошлі. Так еты хазяйін о прачыняе дзверы і кажа: «Салдацік, ты не спіш?» – «А не, не сплю». – «Мая жанчына родзіла, слава Богу, родзіла мальчыка», а салдацік даўно ўжо чуў, што мальчыка, дак, пожалуста, ходзі ў хату, замочым мальчыка.

Пашлі ў хату, так еты ужэ салдацік сільна просіцца, ну, у нас абычай мол такі, шта каб я за кума быў. А не расказвае, штаб не валнаваліся. Дак от, як будзеце красьціць – штаб вы мяне пазвалі. Ну, і пазвалі, быў ён там. Цяпер ён адслужыўся, і прышоў с арміі – перапісуюцца. Ён кажа: «Я – кум, і не дай вы жэніце яго без мяне. Нада штаб я быў на свадзьбе». Ну, ужэ ён сабе дзевачку падыскаў, начаў гуляць із ёю, свадзьбу дзелаць назначылі ў які дзень. Ужэ кума пазвалі загадзей два дня – кум ужэ там. Кум загадаў, штаб забілі калодзезь доскамі, штаб і саседнія забілі. Саседнія не забілі. Свой забіў кум: у нас абычай такі – нада калодцы абязцельна забіць. Ужэ й свадзьба, ужэ й гуляюць, ужэ й кветку прышылі маладому, і дружкам. Малады захацеў воды сьвежай напіцца. За вядро – у рукі, а хросны бацька – вядро з рук, дай кажа: «Ідзём, я далжон з табой хадзіць, я твой хросны». Падыйшлі к калодцу, і ён кажа: «Сядзь ты, пасядзі, а я выцягну воды». Атарваў доску. Набраў вядзерка воды, выцягнуў, быстрэй забіў, і яму набраў у кружачку і даў піць. І ён разоў два каўтнуў етае вады, і сканаў. І пам’ёр. Тут свадзьба – тут ужэ трэба помінкі, ўжэ голас, ужэ плач, ужэ крык – што ж – малады пам’ёр ат воды! Вот ён тоды начаў расказваць, якая яму была назначана судзьба, шта не плачце, яго такая судзьба, што ён далжон утонуць, ну ён не ўтонуў, но толькі хлебнуў воды, но памёр, не спас хросны бацька. Еслі чалавек, дзеткі, назначана судзьба...⁵⁵

Ситуация современности предстает как своеобразная «точка бифуркации»: динамичный, рождающийся и тут же исчезающий нарратив, многовекторность позиций героев в рамках мультикультурализма, множество различных культурных и социальных субъектов, локальных групп и субкультур...

Разрыв с традицией очевиден, но вместе с тем происходит и актуализация прошлого. Благодаря исследованиям по устной истории и сохранению памяти, голоса прошлого становятся все более слышимыми.

Голос женщины, рассказывающей о своем «женском» мире дома и семьи, тоже должен быть услышан и сохранен наравне с другими голосами.

Подведем итоги. Говоря о «женской доле», мы подразумеваем совокупность элементов и явлений (образование, социализация, работа, замужество, семья, дети), на которые влияют различные объективные и субъективные факторы. Как правило, доля (она же судьба) дается человеку от рождения, «присуждается», ее «на коне не объедешь, пешком не обойдешь». Но в этом концептуальном сюжете имеется и определенная дихотомия, подразумевающая возможность выбора:

– Да, судзьба чалавека, гэта кагда радзіўся чалавек, а яму... Во назначана ёй за каго-та выйсці замуж. Да! А жызьнь во прымерна яна можа павернуць, у худшую, ці ў лучшую сторану...⁵⁶

Человек все-таки может влиять на свою судьбу, принимать активное участие в ее формировании. Женщина способна «дать» долю своему и даже чужому ребенку через участие в семейных и календарных обрядах, знахарство, магические практики. Она в силах изменить и собственную «долю», например, сознательно выйдя замуж «за другого»:

– *А чаму яна не вярнулася?*
– Ну замуж сышла і ўсё...⁵⁷

Таким образом, доля – это свое, собственное предназначение, и поэтому своей доли никому не желают, но и чужой желать себе тоже нельзя. Она дается один раз свыше, но в ее формировании участвует и человек (например, в момент совершаемого им выбора), и здесь роль женщины действительно велика.

Примечания

- ¹ Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от женщины, православной, 1938 г.р.
- ² См., например: *Итоги полевых исследований* / редкол. З.П. Соколова (отв. ред.) и др. М., 2000; Ушаков, Н.В. *Значение полевых исследований кафедры этнографии и антропологии СПбГУ на Северо-Западе Европейской России* / Н.В. Ушаков // *Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)*. СПб., 2001. С. 19–22; и др.
- ³ Straczuk, J. *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi* / J. Straczuk. Wrocław, 2006. S. 247–248.
- ⁴ Нора, П. *Всемирное торжество памяти* / П. Нора // *Неприкосновенный запас* [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <http://www.nz-online.ru/index.php?aid=35011401> Дата доступа: 03.03. 2007
- ⁵ *Хрестоматия по устной истории* / пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003. С. 10–11.
- ⁶ Калабихина, И.Е. *Гендерные вопросы в России в конце XX века: фокус-групповое исследование в городской и сельской местности* / И.Е. Калабихина. М., 2004. С. 274.
- ⁷ Разумова, И.А. *Мужские и женские биографии как конструктивный элемент повествовательной истории семьи* / И.А. Разумова // *Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001 года*. СПб., 2001. С. 279–289.
- ⁸ Рош, А., Таранже, М.-К. *Жанр устной истории и гендерные исследования: женщины рассказывают о миграции* / А. Рош, М.-К. Таранже // *Гендерные истории Восточной Европы. Сборник научных статей* / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск., 2002. С. 158–168.
- ⁹ *Устная история и биография: женский взгляд* / ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина М., 2004. С. 254.
- ¹⁰ Там же. С. 257.

- ¹¹ См.: Пушкарева, Н. Гендерная проблематика в исторических науках / Н. Пушкарева // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб., 2001. С. 277–311; Шабурова, О.В. Гендер / Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. М., 1998. С. 177–180; Мещеркина, Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения / Е. Мещеркина // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 2001; СПб., 2001. С. 197–237; Смотрицкая, Г.Е. Основы гендерных знаний / Г.Е. Смотрицкая // БГУ. Учебно-методическое пособие. Минск, 2005. С. 52. Проблемы идентичности, этноса, гендера в культуре и литературах Старого и Нового Света: Сборник научных статей / под ред. Ю.В. Стулова. Минск, 2004. С. 380; Женская солидарность: пособие для женщин и мужчин: Сборник статей / под ред. Елены Гаповой и Натальи Сирош. Минск, 2002. С. 212; Брандт, Г. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Г. А. Брандт. СПб., 2006. и др.
- ¹² Усманова, А. «Визуальный поворот» и «гендерная история» / А. Усманова // Гендерные истории Восточной Европы. Сборник научных статей / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002. С. 41.
- ¹³ Гапова, Е.И. Между войнами: женский вопрос в национальных проектах / Е. И. Гапова // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н.Л.Пушкаревой. М., 2003. С. 216.
- ¹⁴ Чеснокова, О.И. Феномен пола в современной культуре (философско-культурологический анализ) / О.И. Чеснокова. Витебск, 2004. С. 96.
- ¹⁵ Журженко, Т.Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине / Т.Ю. Журженко. Харьков, 2001. С. 83.
- ¹⁶ Чернова, Ж. Гендерные исследования: западный и российский опыт / Гендерное устройство: социальные институты и практики. Сборник статей под ред. Ж.В. Черновой. СПб., 2005. С.8–22; Скупок, И.О. История женщин Беларуси в современной отечественной историографии // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: Сборник материалов второй международной научной конференции. Полоцк, 2005. С.42–44; Жеребкина, И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. М., 2000. С. 157.
- ¹⁷ Веселовский, А. «Судьба-Доля в народных представлениях славян» / А. Веселовский // Народные представления славян. М., 2006. С. 545.
- ¹⁸ Потебня, А.А. «О Доле и сродных с нею существах» / А.А. Потебня // Слово и миф. М., 1989. С. 472–516.
- ¹⁹ Там же. С. 487.
- ²⁰ Довнар-Запольский, М.В. «Женская доля в песнях пинчуков» / М.В. Довнар-Запольский // Женщины на краю Европы / под ред. Е. Гаповой. Минск, 2003. С. 320–333.
- ²¹ Там же. С. 330.
- ²² Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от женщины, православной, 1938 г.р.
- ²³ Жеребкина, И. Женщина-автор в украинской литературе: «жіноча доля» или «жіноча воля»? Ольга Кобылянская и Леся Украинка / И. Жеребкина // Женское политическое бессознательное. СПб., 2002. С. 145–154.
- ²⁴ Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. М., 2004. С. 266.

- ²⁵ Кабакова, Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 280–281.
- ²⁶ Там же. С. 281.
- ²⁷ Записано в мае 2003 г. в д. Осовец Гомельской обл. от мужчины. 1932 г.р.
- ²⁸ Записано в мае 2003 г. в д. Романовка Гомельской обл. от женщины, православной, 1938 г.р.
- ²⁹ Записано в июле 2004 г. в д. Суловка Могилевской обл. в групповой беседе.
- ³⁰ Записано в мае 2003 г. в д. Романовка Гомельской обл. от женщины, православной, 1928 г.р.
- ³¹ Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной, 1933 г.р.
- ³² Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. в групповой беседе.
- ³³ Записано в июле 2004 г. в д. Машково Могилевской обл. от женщины, православной, 1930 г. р.
- ³⁴ Записано в июле 2004 г. в д. Ленино Могилевской обл. от женщины, православной, 1907 г. р.
- ³⁵ Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от женщины, православной, 1928 г. р.
- ³⁶ Записано в мае 2003 г. в д. Романовка Гомельской обл. от женщины, православной, 1927 г.р.
- ³⁷ Записано в мае 2003 г. в д. Лешня Гомельской обл. от женщины, 1910 г.р.
- ³⁸ Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной.
- ³⁹ Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной, 1925 г.р.
- ⁴⁰ Записано в июле 2004 г. в д. Абраимовка Могилевской обл. от женщины, православной, 1915 г. р.
- ⁴¹ Записано в мае 2003 г. в д. Храпково Гомельской обл. от женщины, православной, 1922 г.р.
- ⁴² Записано в июле 2004 г. в д. Суловка Могилевской обл. в групповой беседе.
- ⁴³ Записано в июле 2004 г. в д. Машково Могилевской обл. от женщины, православной, 1920 г. р.
- ⁴⁴ Записано в июле 2004 г. в д. Ясковка Могилевской обл. от женщины, православной, 1932 г. р.
- ⁴⁵ Записано в июле 2004 г. в д. Ленино Могилевской обл. от женщины, православной, 1938 г. р.
- ⁴⁶ Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от женщины, православной, 1938 г.р.
- ⁴⁷ Записано в июле 2004 г. в д. Машково Могилевской обл. от женщины, православной, 1922 г. р.
- ⁴⁸ Записано в июле 2004 г. в д. Маслаки Могилевской обл. от женщины, православной, 1929 г. р.
- ⁴⁹ Записано в июле 2004 г. в д. Машково Могилевской обл. от женщины, православной, 1930 г. р.
- ⁵⁰ Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной, 1924 г.р.
- ⁵¹ Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной, 1933 г.р.

- ⁵² Записано в мае 2003 г. в д. Алексичи Гомельской обл. от женщины, православной, 1933 г.р.
- ⁵³ Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от в групповой беседе.
- ⁵⁴ Записано в мае 2003 г. в д. Александровка Гомельской обл. от женщины, православной, 1924 г.р.
- ⁵⁵ Записано в мае 2003 г. в д. Малые Автюки Гомельской обл. от женщины, православной, 1923 г.р.
- ⁵⁶ Записано в июле 2004 г. в д. Староселье Могилевской обл. от женщины 1949 г.р.
- ⁵⁷ Записано в июле 2004 г. в д. Костюшково Могилевской обл. от мужа и жены, православных, 1931 г.р.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ СВОЙ ПУТЬ

Известный американский психолог Э. Эриксон писал: «Идентичность – это не то, что “создается” в результате “победы”, это не доспехи, не нечто статичное и неизменное». Процесс формирования идентичности находится в постоянном развитии. В наиболее благоприятном варианте он становится все более содержательным по мере того, как расширяется круг значимых для индивида лиц; от матери до всего человечества (Эриксон, 1996. С. 32–33).

Идентичность американский психолог определял как сложное личностное образование, включающее сознательное чувство уникальности индивида, бессознательное стремление к непрерывности жизненного опыта и солидаризацию с идеалами группы.

Сегодня в полной мере реализуется идея Эриксона, что кризисы общества являются поворотным пунктом в развитии личности, формируя элементы новой идентичности.

Образование новых государств на постсоветском пространстве, повлекшее за собой изменение этнополитических статусов этнических групп, едва ли не всех нас поставило перед необходимостью конструирования адекватной новому времени личностной и социальной идентичности. Поэтому проблема «дотраивания» своего «Я», социального и личностного самоопределения в поиске идентичности сегодня приобретает особую остроту (Белинская Е.П., 2006).

Исследование проблем идентичности на постсоветском пространстве в настоящее время переживает период ренессанса. Одной из характеристик данного процесса является поиск адекватной реальности этнической, культурной и конфессиональной идентификации как у представителей «титовых» этносов, так и у этнических меньшинств (Лебедева Н.М., 1999. С. 48).

Выделим следующие направления исследований:

– формирование этнической идентичности (Стефаненко Т.Г., Романова О.Л., 1994; Стефаненко Т.Г., 1988, 1999; Баклушинский С.А., Орлова Н.Г., 1998; Левкович В.П., Кузмикайте Л.Д., 1992).

– трансформация этнической идентичности (Лебедева Н.М., 1995, 1997; Мулдашева А.Б.1991; Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н., 1993; Стефаненко Т.С., 1999; Науменко Л.И., 1997;2005; Павленко В.Н. 1999, 2005 (Украина); Губогло М.Н., 1999; Лебедева Н.М, Татарко А.Н., 2004; Бухарева С.Л. 2005).

– взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (Лебедева Н.М., 2002; Козлова М.А., 2004; Лебедева Н.М., Татарко А.Н., 2005; Гаурова Ю.А., 2002).

– влияние инокультурной среды на этническую идентичность (Хрусталёва Н.С., 1996; Смолина Т.Л., 2006; Гусева О.Ю., 2004; Иванова Н.Л., Мнацаканян И.А., 2006).

Базисными, задавшими вектор многим исследованиям явились работы российских психологов Т.Стефаненко, Г. Солдатовой, Н. Лебедевой. Они интересны не только богатейшим эмпирическим материалом, но и методологическим осмыслением феномена этнической идентичности постсоветского периода.

Обратимся к анализу их основных положений.

Исследования Стефаненко, выполненные с позиций социального конструкционизма, посвящены этнической идентичности «как одного из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности» (Стефаненко Т.Г., 1999. С.17).

Автор анализирует функционирование этнической идентичности, определяемой особенностями возрастного развития, историко-культурными свойствами, характеристиками этноконтактной среды, ситуацией социальной нестабильности. Так как основное внимание в работе обращено на проблемы конструирования этнической идентичности в процессе инкультурации, то *объектам* исследования стали дошкольники, младшие и старшие школьники, студенты, которые представляли разные этнические группы (русские, белорусы, казахи, поляки, кабардинцы, балкарцы, коренные народы Дагестана).

В процессе исследования было установлено, что в подростковом возрасте когнитивный компонент этнической идентичности характеризуется высокой степенью осведомленности об особенностях этнических групп, их сходстве и различиях, четкой самоидентификацией с определенной этнической общностью на основе значительного набора этнодифференцирующих признаков. Но в процессе межгрупповой дифференциации подросток начинает понимать, что характеристики его этнической группы не являются абсолютно позитивными, в результате чего уровень этноцентризма снижается.

Одним из *факторов*, влияющих на идентичность подростков, является *статус* его этнической группы в обществе. Исследования идентичности подростков, проведенные в Белоруссии, выявили, что хотя наиболее четкую идентификацию со своей этнической общностью продемонстрировали представители группы боль-

шинства – белорусы, более «размытая» идентификация поляков со своей этнической общностью вовсе не свидетельствует о их слабой этнической идентичности. Исследовательница высказывает предположение, что не белорусы, а именно поляки как представители группы меньшинства, вынужденные проводить активную работу по оцениванию значимости различных компонентов собственной этничности, находятся на завершающей стадии становления своей идентичности. Реализация их идентичности выступает в биэтнической форме: со своей собственной этнической группой и с группой этнического большинства (с акцентом на первую часть формы). На особенности конструирования этнической идентичности представителями «нетитульного» этноса влияет *субъективно воспринимаемый* статус своей группы. Так, русские подростки, которые не воспринимали себя в качестве меньшинства, продемонстрировали идентификацию только со своей этнической группой, хотя и несколько менее четкую, чем представители титульного этноса.

Также Стефаненко отмечает, что на становление этнической идентичности оказывает влияние *этноконтактная среда*. Полиэтническая среда создает больше возможностей для межэтнических контактов и формирования представлений об особенностях собственного и других этносов. Формированию позитивных авто- и гетеростереотипов благоприятствует полиэтническая среда, включающая этносы с *близкой культурной дистанцией* и *субъективно воспринимаемым равенством статусов*.

Под руководством Т. Стефаненко и Ж. Уталиевой в Казахстане (1995) проводилось эмпирическое исследование по изучению роли языка в становлении этнической идентичности. В результате было выявлено, что в полиэтнической среде в ситуации роста этнолингвистической жизнеспособности группы *язык является основной идентификации с ней, независимо от уровня языковой компетентности*.

Для исследования были выделены три группы студентов казахов.

У *первой группы* доминировал казахский язык (моноэтничные). Данные респонденты характеризовались преувеличением психологических различий между казахским и русским народами. Субъективно предпочитаемая социальная дистанция общения с представителями русского этноса здесь была достаточно велика. Для них оказалась характерной низкая толерантность к русским в сфере близкого общения (практически все они против того, чтобы русские были членами их семьи).

В полиэтнической среде идентичность только со своей этнической группой сопровождается низкой языковой и этнической толерантностью и высоким уровнем этноцентризма.

Вторую группу составили *координативные билингвы* (высокий уровень компетенции в казахском и русском языках). Эти респонденты допускали близкие контакты с представителями русского этноса и соглашались, чтобы те были членами их семьи. Идентифицируясь не только с казахским, но и с русским этносом, они стремились сохранить позитивную групповую идентичность по отношению к обоим

группам, что отражалось в отсутствии «казахского» внутригруппового фаворитизма и негативных аттитудов к представителям русского народа.

В *третью группу* вошли студенты с доминантным русским языком и компетентностью в казахском на уровне понимания и бытового общения (маргиналы). Они избегали близких форм социального контакта с русскими, настороженно относились к тому, чтобы те становились членами их семьи.

Как отмечает Стефаненко (1999), даже при недостаточной компетентности в языке и невозможности его реального использования, но при высокопозитивном к нему отношении этнический язык является для индивидов символом единства со своим народом.

В результате своих исследований Стефаненко приходит к следующему определению этнической идентичности: «Этническая идентичность индивида формируется в рамках определенной культуры и в процессе межэтнического взаимодействия, но относительно самостоятельна от того и другого. Это категория, активно конструируемая индивидом на основе аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводящаяся к ней. Этническая идентичность является результатом эмоционально окрашенного когнитивного процесса идентификации/дифференциации, самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов, переживания отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной или несколькими этническими общностями и отделения от других». (Стефаненко, 1999. С. 394).

Для данного исследования выявилось наиболее актуальным следующее наблюдение Стефаненко: *в наше время субъективная этническая идентичность и аскриптивная этничность у очень многих людей полностью или частично ратожествлены. «Современная идентичность» не всегда предполагает взаимодействие с группой, она может ограничиться символическим присвоением этнодифференцирующих признаков.* В процессе нашего исследования мы также встречались с русскоязычными молдаванами, болгарами, украинцами, которые себя ощущали «русскими», хотя были «приписаны» к иным этническим группам. Впрочем, есть и обратные ситуации, когда респондент, не владеющий румынским языком и практически не соблюдающий народные традиции, осознавал себя молдаванином («отец мне сказал, что я молдаванин и я не могу предать своих предков»).

Важным в воспитательно-образовательном плане является замечание Стефаненко о том, что хотя этническая идентичность предстает одним из самых «коллективных» компонентов социальной идентичности, ее высокая пластичность и способность чутко реагировать на социальный контекст проявляются через *индивидуализацию, связанную с саморефлексией.*

Это необходимо иметь в виду образовательным институтам, «которые должны найти некоторое «равновесие» между задачами обретения коллективной идентичности и сохранением свободы личностного выбора (Белинская, Стефаненко, 2000).

Изучению этнической идентичности в ситуации межэтнической напряженности посвящена работа Г. Солдатовой, которая провела масштабные исследования в различных регионах России: Татарстан, Тува, Саха, Северная Осетия-Алания, Чечня, Ингушетия.

Межэтническая напряженность понимается исследовательницей как многоуровневый, многосубъектный феномен, энергетическая характеристика социальной системы, элементами которой являются различные этнические группы (Солдатова Г.У., 1998).

Межэтническая напряженность представляют собой результат взаимодействия *трансформации личностной и групповой этнической идентичности по типу гиперидентичности, роста массовой фрустрации этнических потребностей, изменения (снижение или повышение) этносоциального статуса группы, актуализации психологической защиты этнической группы и активизации этнически интолерантных личностей*. Сдерживают рост межэтнической напряженности *сохранение и укрепление позитивной этнической идентичности, доминирование толерантности в межэтнических отношениях, расширение общего семантического межкультурного пространства, укрепление чувства межкультурной близости и удовлетворения этнических потребностей*.

Этническая идентичность выступает системообразующим основанием *целостности* группы и основой *самоопределения* личности в ситуации социальной нестабильности. Трансформация этнического самосознания по типу гиперидентичности является психологическим механизмом перехода латентной фазы межэтнической напряженности в конфликтную. *Позитивная этническая идентичность* выступает *механизмом формирования* конструктивного уровня внутригрупповой и межэтнической напряженности, необходимого для сохранения целостности и интегрированности собственной этнической группы и одновременного развития положительных отношений с другими этническими группами. Таким образом, межэтническая напряженность понимается исследователем как социально-психологическая характеристика отношений и взаимодействий между этническими группами, как «широкое феноменологическое поле психологических явлений и процессов, в котором доминирует не деструктивная, а конструктивная направленность на межэтническое взаимодействие» (Солдатова Г.У., 2004. С. 126).

В исследовании Г. Солдатовой были выделены три вида трансформации этнической идентичности:

1. *размывание этнической идентичности*, что выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности (этническая индифферентность);

2. *отход от собственной этнической группы* и поиск устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию (гипоидентичность, одной из форм которой является этнонигилизм);

3. *гиперболизация этнической идентичности* и появление в межэтнических отношениях дискриминационных форм (гиперидентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм) (Солдатова Г.У., 2001. С. 19). В этом случае этничность выполняет уже не только функции внутригрупповой интеграции и культурной отличительности, а превращается в психологический инструмент отчуждения, этнической дезинтеграции в обществе.

Понимание межэтнической напряженности как широкого феноменологического поля психологических явлений и процессов, в котором доминирует *не деструктивная, а конструктивная направленность* на межэтническое взаимодействие, открыло новые практические пути для разрешения этнических противоречий и конфликтов.

В настоящее время Г. Солдатова (вместе с коллегами) на основе данного подхода разрабатывает формы групповой работы по формированию толерантных установок, преодолению различных форм ксенофобии (этнофобия, мигрантофобия, религиозные фобии) и повышению эффективности межкультурных коммуникаций. (Солдатова Г.У., 2001; Шайгерова Л.А., 2004; Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., 2001; Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Бенедиктова В.В., Кравцова О.А., 2007.)

Проблеме социально-психологической аккультурации этнических групп и этнической толерантности-интолерантности посвящены исследования Н. Лебедевой и ее сотрудников в 1994–1995 гг. в Казахстане, Узбекистане, Эстонии, Литве, Азербайджане, Армении, Украине. В исследовании отражены как специфические особенности выхода из кризиса социальной (этнической) идентичности в зависимости от региона проживания, так и общие характеристики и стратегии.

Монография Лебедевой «Новая русская диаспора» (1997) во многом помогла психологам на постсоветском пространстве понять процессы становления и трансформации этнической идентичности. И сегодня, по прошествию десятилетия, многие положения этой работы являются актуальными, особенно относительно стратегий выхода из кризиса социальной идентичности. В каких же условиях приходилось самоопределяться этническим меньшинствам в новых государствах на постсоветском пространстве? Лебедева выделяет следующие особенности аккультурации этнических меньшинств:

а) отсутствие самого факта иммиграции в иную культуру и осознания этого факта;

б) слабо выраженное осознание своей этнической принадлежности;

в) распад СССР и образование национальных государств с идеологией этнократического развития явилось *внезапным событием*, адаптация к которому носила вынужденный и сжатый во времени характер. Перед русскими встала проблема национально-культурного самоопределения в иной культуре.

Мощные социальные изменения общества на уровне личности привели к кризису социальной идентичности. Лебедева указывает на две основные разновидности кризиса:

1. усиление этнической компоненты в противовес гражданской сформировало сверхпозитивную этническую идентичность и, как следствие, этническую интолерантность (часть русских в Узбекистане и Казахстане);

2. этническая компонента меняется на «гражданскую» и в результате индивидуум обретает негативную этническую идентичность и, как следствие, этническую интолерантность (у части русских в Литве и Эстонии).

Но есть еще и третья производная этого кризиса: сохранение позитивной идентичности и этнической толерантности посредством интеграции в общество, которую можно обозначить как «русский, гражданин республики». Однако, как отмечает исследовательница, это стратегия зрелой личности, «стремящейся обрести психологическое равновесие, гармонию в отношениях с миром, основа которой – принятие себя и других» (Лебедева Н. М., 1997. С. 285–286).

Лебедева приходит к выводу, «что преобладающей тенденцией русских, оставшихся в новых независимых государствах, становится аккультурация, т.е. усвоение культуры доминирующего большинства» (Лебедева Н.М., 1997. С. 291).

Показателями успешной аккультурации на психологическом уровне являются *позитивная этническая идентичность и этническая толерантность*. В исследовании выявлены социально-психологические стратегии защиты и сохранения позитивной этнической идентичности:

- усиление этнической интолерантности;
- формирование локальной этнической идентичности;
- снижение этнической компоненты в социальной идентичности;
- манипуляция культурной дистанцией в сфере социальной перцепции;
- стремление к консолидации по этническому признаку (миграция в Россию или создание активной и жизнеспособной русской диаспоры).

В исследовании описан и «синдром навязанной этничности», который означает, что этническая принадлежность человека, против его собственной воли и желания, становится чересчур значимой характеристикой бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей (Лебедева Н.М., 1999. С. 51).

Исследовательница совершенно правомерно отмечает, что мир стоит перед дилеммой: развиваться по принципу открытого общества или разделяться по этнической близости-отдаленности. Согласно Лебедевой, важно их гармоничное сочетание. А это значит, что «каждый человек в попытке обретения новой социальной идентичности взамен утраченной не будет вынужден отказываться от своей этнической или гражданской принадлежности. Сохранение этих важнейших составляющих позитивной социальной идентичности – залог толерантности, а значит, и гарантия социального мира и спокойствия в данном регионе» (Лебедева Н.М., 1997. С. 311).

В 2001–2002 гг. Лебедевой и ее сотрудниками были проведены следующие исследования 16 этнических групп в четырех регионах России. Исследователи пы-

тались ответить на вопрос «Могут ли культурно-различные группы жить в одном государстве на равных правах, без взаимных обид, и если могут, то каковы психологические факторы, лежащие в основе толерантного межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия?».

Результаты исследования выявили, что позитивность этнической идентичности связана с этнической толерантностью, а негативность – с интолерантностью. Большую диагностическую ценность представляет выдвинутое положение о сочетании степени *четкости* этнической идентичности с *валентностью* (позитивности-негативности) этнической идентичности.

Сочетание позитивности и четкости этнической идентичности с большой долей вероятности способствует проявлению этнической толерантности в межкультурном взаимодействии. А сочетание *негативности этнической идентичности с ее четкостью* ведет к проявлению этнической интолерантности. *Неопределенность этнической идентичности* вкпе с ее позитивностью допускает как наличие этнической толерантности, так и интолерантности.

Исследователи приходят к выводу, «что данные стратегии нацелены на сохранение или обретение позитивной и четкой этнической идентичности как основы этнической толерантности, а также на сбалансирование системы межкультурного взаимодействия (на уровне социальной системы – поликультурного региона). Это социально-психологические механизмы сохранения этнических культур (что способствует сохранению и выживанию социальной системы), ибо основа такого выживания – мир и межкультурная терпимость» (Лебедева Н.М., Татарко А.Н., 2002. С. 284).

Еще одно исследование этнической идентичности и межэтнических отношений в контексте социокультурной модернизации было проведено совсем недавно группой ученых в составе Н. Лебедевой, А. Татарко, М. Козловой (исследовались русские, армяне, эвенки, якуты, чукчи). Респонденты были разделены на две подгруппы:

- ориентированные на поддержание современного образа жизни – «современная группа»;
- ориентированные на поддержание традиционного образа жизни – «традиционная группа».

Исследователи отметили, что у представителей «традиционной» группы ниже четкость этнической идентичности. Было выдвинуто предположение, «что в процессе быстро наступающей социокультурной модернизации этническая идентичность представителей традиционных обществ может “размываться”, становится более неопределенной» (Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Козлова А., 2007. С. 106).

Также было выявлено, что неопределенность этнической идентичности отрицательно связана с интолерантностью к инокультурному окружению. Но, возможно, неопределенность этнической идентичности представителей традиционных куль-

тур в эпоху модернизации является компенсаторным механизмом, препятствующим этнической интолерантности.

Эти данные подтвердили выводы ранее проведенного исследования А. Козловой в Ханты-Мансийском АО (выборку составили ханты, манси и русские). Тогда было выявлено, что интолерантность ханты и манси выступала в качестве групповой стратегии поддержания позитивной идентичности. У русской молодежи (более модернизированная группа) неприятие других этнических групп происходило из стремления оправдать свои индивидуальные трудности и неудачи. А значит, *этнокультурная интолерантность выступала в качестве механизма психологической защиты: защищался либо образ группы, либо – собственный* (Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Козлова А., 2007. С.45).

Для нас это исследование представляет интерес в том плане, что сейчас Молдова переживает процесс комплексной перестройки социокультурной системы (изменениям подвергаются социальные связи, культурные ценности, значимые личные качества). На эти процессы значительное влияние оказывает феномен трудовой миграции в стране. Численность трудовых мигрантов составляет от 450 до 600 тысяч человек, то есть треть трудоспособного населения Молдовы. Как влияет процесс пребывания в инокультурной среде на их личностную и социальную (этническую) идентичность и какое влияние оказывают трудовые мигранты на общество в целом и на отдельные социальные группы? Какой опыт извлекают наши мигранты в результате «встреч» с иными культурами? Эта проблема требует специального комплексного эмпирического исследования.

Отдельный блок исследований посвящен этнической идентичности в ракурсе проблемы опыта проживания в инокультурной среде (Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева, В.В. Гриценко, Л.А. Шайгерова, Т.Л. Смолина, О.Ю. Гусева).

Так, российский психолог Т. Смолина (2006), изучая содержание и структуру этнического самосознания в зависимости от опыта проживания в инокультурной среде, выявила, что у большинства русских-визитеров сильнее выражена позитивная этническая идентичность. А у русской молодежи без опыта вхождения в инокультурную среду сильнее выражены этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм, что может указывать на тревожную тенденцию интолерантности. К тому же у русских-визитеров в большей степени проявляются такие ценности, как индивидуальная активность, правосознание, трудолюбие, честность, толерантность.

Сходные результаты получены и О. Гусевой (2004), исследовавшей влияние межкультурного взаимодействия на характер этнической идентичности на примере российских и иностранных студентов. Было выявлено, что межкультурное взаимодействие, предоставляющее личности возможность для межгруппового сравнения себя с представителями других этносов, способствует лучшему самопознанию, а также является одним из способов формирования позитивной этнической идентичности.

В условиях монокультурной среды у российских студентов образ типичного русского диффузен и не отличен от образа типичного иностранца; здесь выявлена наибольшая противоречивость в оценках типичных представителей как своей, так и чужой этнической группы (Гусева О.Ю., 2004, С. 168).

Для понимания феномена этнической идентичности также представляют интерес эмпирические исследования, посвященные вынужденной миграции.

Л. Шайгерова (2002), изучая изменения идентичности личности в ситуации вынужденной миграции, отмечает, что кризис идентичности затрагивает все основные составляющие структуры идентичности: гражданскую, этническую, гендерную, семейную, профессиональную, возрастную и т.п. – и проявляется как на личностном, так и на групповых уровне. На личностном уровне кризис идентичности выражается в затрудненном самоопределении, преимущественно негативном самоотношении, противоречивой самооценке. На групповом уровне – в негативном отношении к собственной группе, которая перестает играть роль эталона, и ярко выраженном негативизме к другим группам. Исследовательница отмечает, что кризис у мигрантов может достигать такой силы, что собственных ресурсов бывает недостаточно и для его преодоления требуется психологическая помощь. Одним из базовых моментов помощи мигрантам является развитие навыков межкультурного взаимодействия и формирования толерантных установок по отношению к принимающему обществу (Шайгерова Л.А., 2004. С.68-69).

В исследовании В. Гриценко, изучавшей русских переселенцев из ближнего зарубежья в России, также отмечается, что «позитивный образ «Мы» и позитивный образ «Они» являются важнейшими показателями успешного выхода из кризиса социальной (этнической) идентичности вынужденных переселенцев, а значит, и успешной адаптации в новых социокультурных условиях (Гриценко В.В., 2002, С. 62)

Важным фактором для исследователей феномена этнической идентичности является то, что ее формирование или трансформация на постсоветском пространстве происходит в ситуации социальной неопределенности. *Неопределенность* здесь понимается как субъективное переживание радикальных социальных трансформаций, включающее три основные характеристики:

1) множественность – наличие множества возможностей, вариативности выборов, решений, интерпретаций;

2) непредсказуемость – невозможность прогноза развития тех или иных событий, отсутствие причинно-следственных связей;

3) неконтролируемость – невозможность контролировать развитие событий (Белинская Е.П., 2006. С.12).

Сюда еще можно добавить *динамичность этнических процессов*, обусловленных взаимным согласованием титульного этноса и этнических меньшинств относительно конкретных установок, норм поведения, стереотипов восприятия (Берри, Дж. 2005. С. 13).

Сегодня в Молдове активно реализуется программа интеграции в Европейское пространство. Поэтому проблема формирования гражданской идентичности является одной из стратегических задач страны. Но, как показывают исследования этнопсихологов, только позитивная этническая идентичность может стать основой гражданской идентичности.

Молдова, являясь регионом Центрально-Восточной Европы, всегда была на перекрестке дорог и отличалась поликультурностью.

Но наиболее отличительной особенностью социально-политической ситуации в Молдове является то, что она граничит с родственным этносом (Румынией). И это не может не оказывать влияния на этнические процессы в стране, потому что титульный этнос расколот на прорумынскую и промолдавскую части.

Молдова представляет собой уникальную этноконтактную зону исторического пограничья между романским и славянским миром, а также редчайшее сочетание романской, славянской и тюркской культур на предельно малом географическом пространстве. В северной части Молдовы и Левобережья наряду с титульным этносом наиболее многочисленны поселения украинцев. По численности они вторые после молдаван (8,4%) (перепись 2004 г.; в эти данные не входят украинцы Приднестровья). Исторические корни части местного украинского населения уходят в прошлое славянских племенных союзов тиверцев, уличей и белых хорватов, населявших Пруто-Днестровское междуречье и Левобережное Поднестровье. Украинцы, официально именуемые в русской историографии XIX в. «малороссами», представляли собой, по преимуществу, позднейших переселенцев из Украины в XVI–XIX вв. Значительный масштаб получила трудовая миграция украинского населения уже в годы Советской власти. Длительные исторические контакты и добрососедские отношения привели к формированию толерантного отношения между представителями этих двух народов. Об этом свидетельствуют многочисленные межэтнические браки между ними.

Болгары проживают на юге Молдовы, в Тараклийском уезде (1,9%). Предки сегодняшних болгар заселились в конце XVIII в., спасаясь от османского угнетения. Они и заложили основы современной болгарской диаспоры Молдовы. Болгары быстро адаптировались на новом месте и активно включились в общественную и культурную жизнь Бессарабии. (Червенков, Н., 2001). В настоящее время в республике введено преподавание болгарского языка, литературы и истории в школах с компактным болгарским населением. Открыта болгарская средняя школа им. Васила Левского в Кишиневе, педколледж и университет в Тараклии.

Русские преимущественно проживают в центральной части страны и для них характерен дисперсный тип расселения. В отличие от Украины, Латвии и Эстонии в Молдове русские не являлись крупнейшей этнической группой. Они составляют сейчас 5,9 %. Но исторически в Молдове полиэтническая общность формировалась на основе русского языка и культуры.

Гагаузы – народ, проживающий на юге Молдовы (4,4%). До настоящего времени идут дискуссии об этнической истории гагаузов. Основная часть исследователей относит гагаузов к тюркским племенам: огузам, печенегам, половцам и др., перекочевавшим в средние века с Причерноморских земель на Балканы. Переход к оседлости, распространение православия и влияние южнославянской культуры на гагаузскую привели к формированию гагаузской народности. Однако некоторые специалисты считают, что гагаузы являются отуреченными болгарами. Эту точку зрения, в частности, поддерживает и официальная болгарская историография. *У гагаузов отсутствует «историческое» государство, они сформировались как этнос на территории Молдовы.* Гагаузы составляют 78,8% населения своей автономии. Гагаузский язык (существует только в Молдове) принадлежит к тюркской языковой семье в отличие от всех других языков населения страны. В Гагаузской автономии (Гагауз Ери) введено три официальных языка: гагаузский, молдавский и русский. 19 августа 1990 г. была провозглашена Гагаузская Молдавская республика. Противостояние между Кишиневом и Гагаузией вылилось в поход волонтеров, пытавшихся сорвать выборы в Верховный совет Гагаузии. Но политическая воля и здравомыслие взяли верх и Молдове удалось избежать еще одного кровопролития. В 1994 г. совместно с руководством Гагаузской республики был выработан компромиссный вариант Закона об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери).

В настоящее время население Молдовы делится на две большие категории: молдовоязычную или румыноязычную (в зависимости от политической ориентации и подходов к проблеме) и русскоязычную. Помимо этнических русских эта категория включает в себя и представителей титульного этноса, а также русскоговорящих болгар, гагаузов, украинцев и представителей других этнических групп. *Русскоязычное население характеризуется прежде всего тем, что русский язык выступает для него в качестве родного наряду с языком своей этнической группы. В то же время принадлежность к другой национальности, а также среда обитания – полилингвистическое и поликультурное окружение – наложили особый отпечаток на самосознание этой категории населения.*

Важным фактором, оказывающим влияние на этническое самоопределение молдавского населения в новых условиях, стал различный опыт межгруппового существования и адаптации. Русские в Молдове всегда были самой малочисленной этнической группой, но при этом – высокостатусной. Практически все этнические группы владели русским языком и были в той или иной мере биэтничны.

Сложность нашего исследования состояла в том, что с психологических позиций этническая идентичность изучалась в Молдове впервые. Поэтому для понимания этнических процессов, происходящих в стране, нам сначала необходимо было ответить на вопрос «Каковы психологические особенности становления этнической идентичности у титульного этноса и этнических меньшинств в условиях государственности Молдовы?»

В данной статье я остановлюсь на «юношеском возрасте» (лицейсты и студенты). Исследование «взрослого периода» является объектом нашего изучения в настоящее время.

В начале исследования мы предположили, что на формирование этнической идентичности в юношеском возрасте будут оказывать влияние принадлежность к группе большинства (титულных этнос) или меньшинства (этнические меньшинства) и особенности этноконтактной среды. Юноши титульного этноса должны воспринимать социальную ситуацию как более стабильную, чем этнические меньшинства.

Объектами исследования были этнические группы молдаван (румын), русских, украинцев, гагаузов и болгар. (Примечание. В Гагаузии также исследовались и студенты. Это решение мы приняли уже в процессе работы, поскольку хотели увидеть изменения в возрастной динамике в регионе, который обладает административной самостоятельностью. Группу гагаузов-студентов мы исследовали дважды: в 2004 и 2006 гг.). В целом выборка составила 558 человек. Возрастной состав и образовательный статус: 16-18 лет (школьники, лицейсты) – 358 человек; 18 – 24 года (студенты) – 200 человек. Регионы – Кишинев, Комрат (Гагауз Ери), Тараклия, Рыбница (Приднестровье).

За основу исследования были взяты следующие положения:

- Этническую идентичность мы рассматриваем как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве, где присутствует несколько этносов (*переживания* отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной или несколькими общностями и отделения от других). Этническая идентичность индивида формируется в рамках определенной культуры и в процессе межэтнического взаимодействия, но достаточно самостоятельна как относительно первого, так и второго. (Стефаненко Т.Г., 1999).

- Этническое в личности – это целостная система отношений и установок, выработанная в процессе исторического развития этнической общности и актуализирующаяся в данное историческое время в данной этнонациональной среде (Почебут, Л.Г., 2005).

- Также мы исходим из того, что «осознание себя членом этноса предполагает наличие представлений о психологических особенностях этой общности и о себе как носителе этих черт. Эти представления выступают в форме специфических образований – *автостереотипов*, которые формируются одновременно и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями о других этнических общностях – *гетеростереотипами*» (Стефаненко Т.Г., 1999. С. 143).

- Структуру этнической идентичности составляют два основных компонента – *когнитивный* (самоидентификация, содержание авто- и гетеростереотипов; представления о «дистанции» между своей и релевантных ей этнических группами) и *аффективный* (чувство принадлежности к этнической общности; выраженность внутригруппового фаворитизма; направленность этнических стереотипов).

• Постоянно проживающие в государстве этнические группы, сохраняющие отличные от основного населения признаки своей идентичности – культуру, традиции, религию и язык – и составляющие меньшинство по отношению к титульному этносу, называются *этническими меньшинствами*.

• Структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимые друг от друга: 1) *личность* как субъект взаимодействия; 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других (Сорокин П. 1992).

Также мы были намерены изучать *культурную и социальную дистанцию между этническими группами*. Мы исходили из того, что *социальная и культурная дистанции представляют собой установку на взаимодействие с другими этнокультурными общностями – на интеграцию или обособление*.

Базовой методикой в нашем исследовании был «Диагностический тест отношений» (ДТО) (Солдатова Г.У, 1998); изучение аффилиативных тенденций проводилось с помощью методической разработки «Этническая аффилиация» (Г.У. Солдатова, С. Рыжова); показателями *валентности этнической идентичности* являлись чувства, связанные с этничностью. Для исследований *групповых ценностных ориентаций* в пределах психологической универсалии «индивидуализм – коллективизм» нами был применена методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г. Солдатовой (1999). Для изучения *системы этнических предпочтений* был применен «Цветовой тест отношений» (А.О. Бороноев, В.Н. Павленко). Анализируя *степени приемлемости иноэтнических групп и их социальных позиций*, мы использовали шкалу социальной дистанции в модификации Л. Почебут (2002). Для исследования *субъективной культурной дистанции* была применена «Шкала культурной дистанции» (разработанная в ИЭА РАН). Изучая восприятия подростками и юношами *социальной ситуации* (стабильность – нестабильность; возможности адаптации к ней; построение прогноза собственного поведения), мы использовали опросник «Методика изучения восприятия подростками стабильности мира» Е. Дубовской и Т. Стефаненко (Стефаненко Т.Г., 1999). В результате проведенного исследования были получены результаты как подтверждающие наши предположения, так и требующие дальнейшего эмпирического исследования.

Исследование на данном уровне было обозначено как *социально-психологическое*. Мы сопоставили:

• *автостереотипы (стереотипы своей группы)* исследуемых групп и *гетеростереотипы (стереотипы чужой группы)* молдаван и русских для *определения близости этих этнических групп*;

- образ «Я» и автостереотип для определения идентификации с группой на *личностном* уровне, т.е. значимость этнической компоненты в образе «Я»;
- образ «Я» и гетеростереотип молдаван и русских для определения уровня *этнической дифференциации или идентификации с аутгруппой (молдаван и русских)*.

У членов всех этнических групп выявлен позитивный автостереотип, т.е. образ и отношение к собственной группе оказались положительными. У русских, украинцев, болгар (школьников, лицеистов) и у русских, гагаузов (студентов) – гетеростереотип молдаван слабо выраженный отрицательный. Это может свидетельствовать об определенной дистанцированности от титульного этноса, что нашло подтверждение и при сравнении автостереотипов и образа «Я» этнических меньшинств и гетеростереотипа молдаван – выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$).

Зафиксирована идентификация со своей группой на личностном уровне у молдаван (школьников Приднестровья, Гагаузии), русских, украинцев (школьников, студентов). Это означает, что этническая компонента для данных этнических групп достаточно значима при построении Я-концепции и поэтому возможна идентификация с этнической группой по типу гиперидентичности.

На групповом уровне восприятие русских как наиболее близкой группы выявлено у гагаузов (школьников), украинцев, болгар (школьников, студентов). На личностном уровне русских воспринимают как близкую группу украинцы (школьники, студенты), болгары (школьники) и гагаузы (студенты, выборка 2004 г.). Близость автостереотипов, «образа Я» и гетеростереотипа русских свидетельствует об определенном уровне биэтничности (идентификация с двумя группами, бикультурная компетентность) как на групповом, так и на личностном уровне. Особенно укоренена биэтничность у украинцев.

Изучение аффилиации, т.е. «стремления следовать правилам, нормам и целям своей этнической группы» (Солдатова Г.У.1998. С. 32), выявило наибольшую выраженность аффилиативных мотивов у молдаван и гагаузов (рис. 1, 2). Это, с нашей точки зрения, находит объяснение в том, что титульный этнос переживает бурный подъем как государствообразующий.

Создание территориально-автономного образования Гагаузия (Гагауз Ери) также не могло не оказать влияние на этноидентификационные процессы в данном регионе. К тому же в школах автономии теперь преподаются гагаузские язык и литература, в Комрате открыт университет, выходят печатные издания на гагаузском языке, интенсивно идут исследования в области гагаузской филологии, истории, этнографии.

Наблюдается динамика в сторону аффилиации и у болгар (студентов). Исследование проходило на базе Тараклийского университета, в регионе компактного проживания болгар. Этот университет имеет тесные связи с Болгарией, которая оказывает ему поддержку.

Аффилиативные и антиаффилиативные тенденции

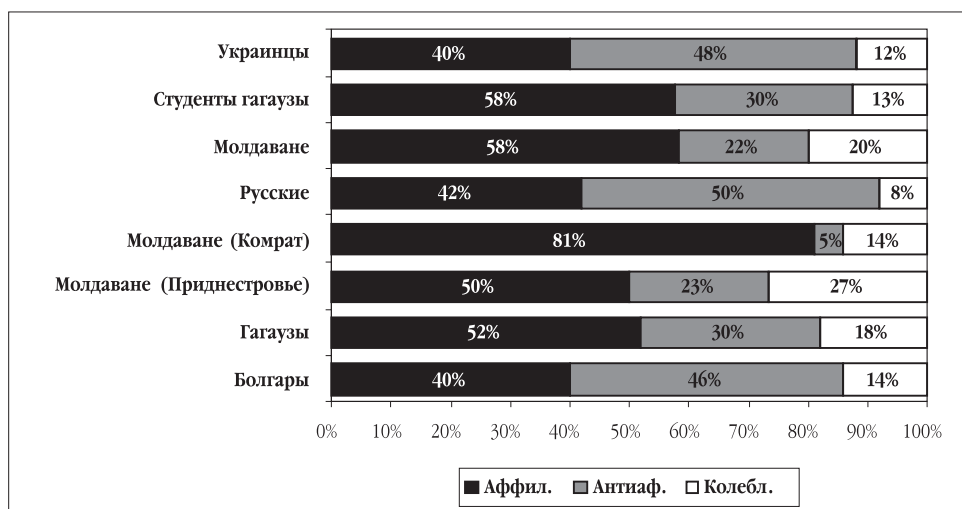

Рис. 1. Школьники

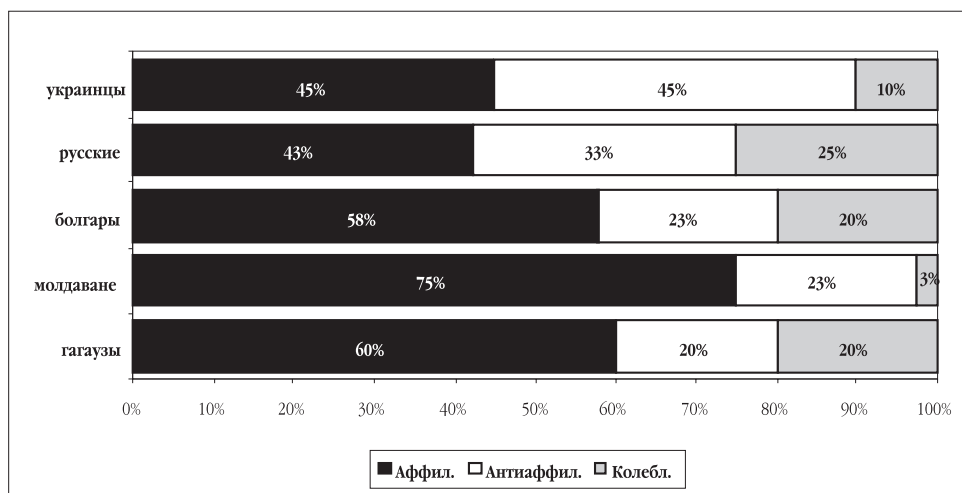

Рис. 2. Студенты

У украинцев одинаково выражены как аффилиативные, так антиаффилиативные тенденции. Мы расцениваем это как групповую адаптационную стратегию. Снизился уровень антиаффилиативности у русских и вырос у тех, кого мы назвали «колеблющиеся». К данной группе нами отнесены те респонденты, у которых одинаково выражены как аффилиативные, так и антиаффилиативные тенденции. Воз-

можно, это также одна из стратегий адаптации, но последнее требует специального исследования. В настоящее время мы изучаем группу взрослых, и, возможно, это поможет нам лучше понять данную тенденцию. *Но в целом наши эмпирические результаты подтверждают динамичность этнических идентификационных процессов, происходящих в Молдове.*

Для исследования иерархии этнических предпочтений на интраиндивидуальном уровне был применен «Цветовой тест отношений» (О.А. Бороноев, В.Н. Павленко) (Приложение 3). *Трехступенчатая процедура тестирования практически исключает социально желательный ответ респондента.* Выявление иерархии предпочтений – это изучение иерархии субъективного статуса этнических групп как на личностном, так и на коллективном уровне. Высокостатусные группы – это те, на кого ориентируются, с кем сравниваются и в «кого глядятся». Но здесь следует учитывать и то, что «значительная часть переработки информации протекает на невербальном уровне... и различное эмоциональное отношение к этническим группам находит свое выражение как на вербальном уровне в форме «отношенческих» атрибуций, так и на невербальном, бессознательном» (Солдатова Г.У., 1985. С.102).

Титульный этнос по шкале предпочтений занимает третье или четвертое место у большинства этнических меньшинств (у русских – второе). Русские у всех этнических групп делят первое и второе места, что подтверждает их высокий субъективный этносоциальный статус.

Иерархия этнических предпочтений

Подростки

Таблица 1. Гагаузы-школьники

Гагаузы

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	19	4	19	4
Русские	30	1	48	1
Украинцы	25	2	26	3
Евреи	13	6	2	6
Болгары	11	7,5	8	5
Поляки	11	7,5	1	7
Гагаузы	24	3	46	2
Цыгане	17	5	0	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,940

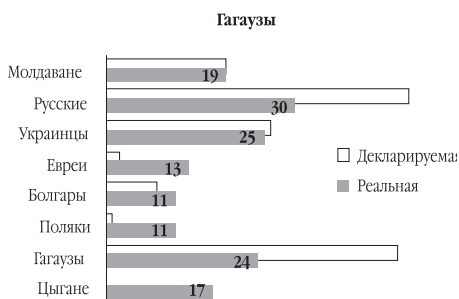

Таблица 2. Гагаузы-студенты

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	12	5	8	4
Русские	21	2	38	1
Украинцы	16	3	25	3
Евреи	10	7	2	7
Болгары	15	4	8	4
Поляки	12	5	4	6
Гагаузы	27	1	34	2
Цыгане	7	8	1	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,940

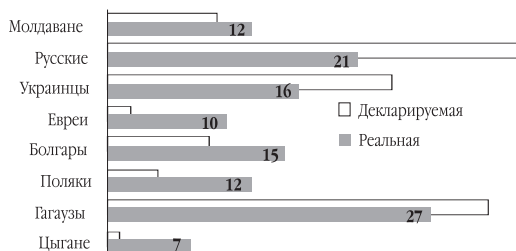

Таблица 3. Украинцы

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	23	3	8	3
Русские	36	2	49	1
Украинцы	38	1	48	2
Евреи	16	4	8	5,5
Болгары	12	5	12	4
Поляки	11	6	8	5,5
Гагаузы	10	7	5	7
Цыгане	4	8	2	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,929

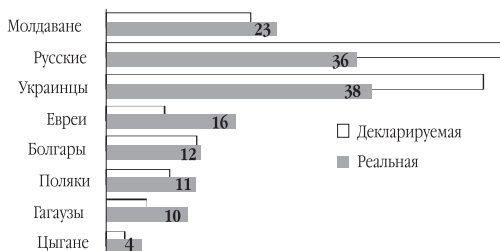

Таблица 4. Болгары

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	16	4	13	4
Русские	38	1	49	1,5
Украинцы	22	3	26	3
Евреи	5	8	4	6
Болгары	36	2	49	1,5
Поляки	9	7	2	7
Гагаузы	12	5,5	7	5
Цыгане	12	5,5	0	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,857

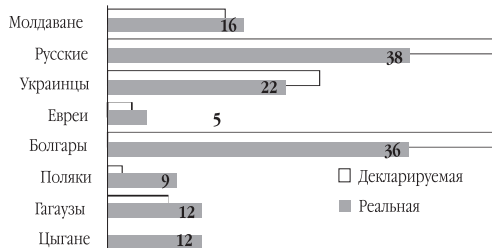

Таблица 5. Молдаване (Кишинев)

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	42	1	50	1
Русские	28	2	37	2
Украинцы	18	3,5	26	3
Евреи	18	3,5	14	4
Болгары	14	5	9	6
Поляки	12	6	10	5
Гагаузы	11	7	3	7
Цыгане	7	8	1	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,964

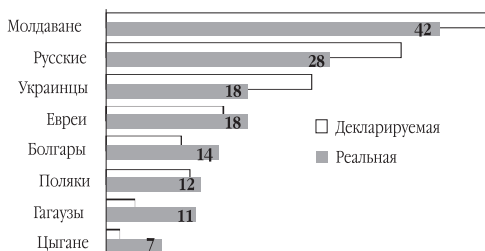

Таблица 6. Молдаване (Приднестровье)

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	21	1	30	1
Русские	13	2	25	2
Украинцы	11	4	22	3
Евреи	10	5	4	5
Болгары	9	6,5	6	4
Поляки	9	6,5	2	6
Гагаузы	12	3	1	7
Цыгане	5	8	0	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,714

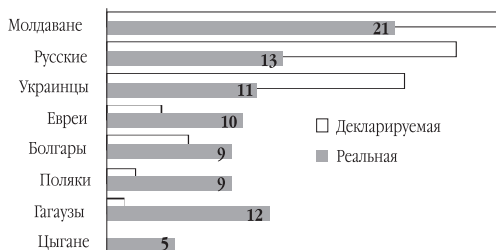

Таблица 7. Молдаване (Гагауз ЕРИ)

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	31	1	37	1
Русские	27	2	33	2
Украинцы	14	3,5	13	4
Евреи	7	7	2	7
Болгары	11	5	6	5
Поляки	10	6	4	6
Гагаузы	14	3,5	18	3
Цыгане	0	8	1	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,988

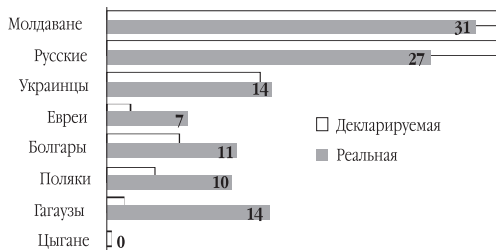
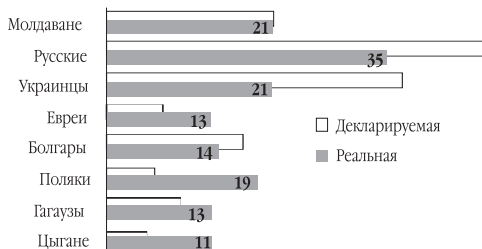

Таблица 8. Русские

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	21	2,5	21	3
Русские	35	1	48	1
Украинцы	21	2,5	37	2
Евреи	13	6,5	7	6
Болгары	14	5	17	4
Поляки	19	4	6	7
Гагаузы	13	6,5	9	5
Цыгане	11	8	5	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,883

Студенты

Таблица 9. Русские

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	12	4	25	3
Русские	33	1	39	1
Украинцы	24	2	31	2
Евреи	16	3	7	5
Болгары	10	6	9	4
Поляки	11	5	4	7
Гагаузы	8	7	5	6
Цыгане	5	8	0	8

Коэфф. ранговой корреляции: 0,833

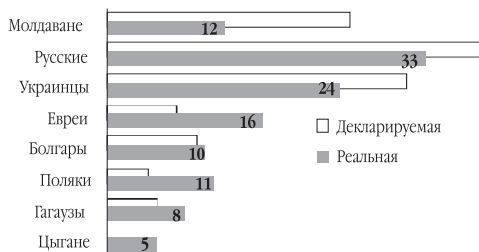

Таблица 10. Молдаване

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	30	1	39	1
Русские	20	2	29	2
Украинцы	14	3,5	23	3
Евреи	14	3,5	10	5
Болгары	12	6,5	7	6
Поляки	12	6,5	11	4
Гагаузы	13	5	1	7,5
Цыгане	5	8	1	7,5

Коэфф. ранговой корреляции: 0,798

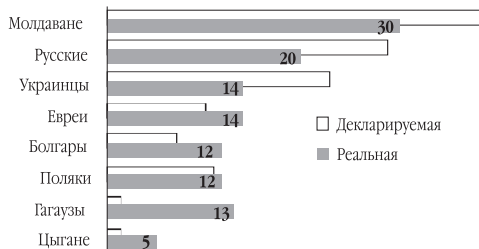

Таблица 11. Гагаузы

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	12	4,5	17	3,5
Русские	30	1	37	2
Украинцы	16	3	17	3,5
Евреи	7	8	1	6
Болгары	12	4,5	10	5
Поляки	11	6	0	7,5
Гагаузы	23	2	38	1
Цыгане	9	7	0	7,5

Коэфф. ранговой корреляции: 0,863

Таблица 12. Болгары

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	16	3	11	4
Русские	23	2	36	2
Украинцы	15	4	24	3
Евреи	14	5	2	6
Болгары	24	1	38	1
Поляки	9	7	0	7,5
Гагаузы	12	6	10	5
Цыгане	7	8	0	7,5

Коэфф. ранговой корреляции: 0,940

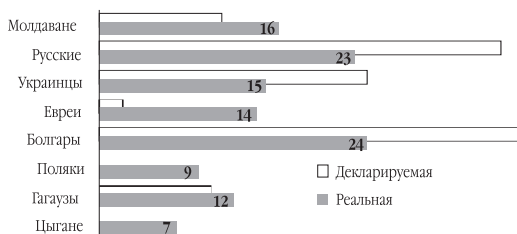

Таблица 13. Украинцы

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	Сумма выборов	Ранг	Сумма выборов	Ранг
Молдаване	11	4,5	19	3
Русские	25	1,5	36	1
Украинцы	25	1,5	33	2
Евреи	7	7	7	4
Болгары	14	3	5	5,5
Поляки	9	6	5	5,5
Гагаузы	5	8	2	7,5
Цыгане	11	4,5	2	7,5

Коэфф. ранговой корреляции: 0,649

Взаимодействие этнических групп мы изучали исходя из принципа социальной дистанции. Минимальная социальная дистанция приводит к наиболее тесному взаимодействию этнических групп, а максимальная – свидетельствует о интолерантности. «Социальную дистанцию в отношении национальности, определяемую как своя собственная, можно интерпретировать как этническую идентичность» (Почебут Л.Г., 2005. С. 155). Анализ результатов исследования показал, что своя этническая группа оценивается респондентами как самая близкая.

Титульный этнос подростки этнических меньшинств воспринимают на уровне коллег (русские, украинцы) или граждан (болгары, гагаузы). Юношами титульный

этнос воспринимается также (русские, болгары, гагаузы), но украинцы готовы видеть их родственниками.

Подростки титульного этноса представляют русских как *соседей* (Кишинев), *друзей* (Комрат, Гагауз ери), (Рыбница, Приднестровье); юноши – как *друзей*.

Русских представляют родственниками болгары и украинцы; друзьями – гагаузы и молдаване (Комрата, Рыбницы); соседями – молдаване (Кишинев).

Русские подростки воспринимают на уровне *соседей* (украинцев), *коллег* (молдаван, гагаузов, болгар, евреев); *юноши* – на уровне *друзей* (украинцев), *коллег* (молдаван, гагаузов, евреев), *граждан* (болгар, поляков).

Поскольку исследование проводилось и в регионах компактного проживания гагаузов и болгар, то нам был интересен их опыт взаимодействия. Подростки-гагаузы воспринимают болгар на уровне *граждан*, а *юноши* (в первой выборке 2004 г.) – *коллег*; во второй выборке (2005) – как *граждан*. Подростки-болгары видят в гагаузах граждан; *юноши* – *соседей*.

Итак, близкая социальная дистанция у титульного этноса с русскими и украинцам. Из этнических меньшинств наименьшая социальная дистанция с титульным этносом у украинцев. У русских наиболее близкая дистанция с украинцами; у болгар и гагаузов – с русскими.

Важной составляющей этнической идентичности, ее когнитивной структуры является ценностная сфера как на личностном, так и групповом уровне. Н. Лебедева пишет, что «через анализ ценностей можно отчетливо увидеть изменения, происходящая в культуре и личности, в ответ на исторические и социальные изменения» (Лебедева Н.М., 2000, С.73).

Для исследование групповых ценностных ориентаций в пределах психологической универсалии «индивидуализм – коллективизм» нами была применена методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г. Солдатовой (1999). Мы исходили из того, что психологические универсалии – это одна из форм кристаллизации культурно-психологической традиции общности в форме ценностных ориентаций (Солдатова Г.У., 1996. С. 324).

Исследование культурно-ценностных ориентаций выявило как наложение семантических зон, так и их разграничение между всеми этническими группами.

По шкале «ориентация на группу – ориентация на себя» у всех этнических групп превалирует взаимовыручка. Титульный этнос, украинцы и гагаузы более ориентированы на **подчинение** и этим отличаются от болгар и русских. Болгары, русские и гагаузы ориентированы на **самостоятельность** в большей степени, чем молдаване с украинцами. У молдаван и украинцев качества **самостоятельность** и **подчинение** статистически не различаются. По отношению к традиции русские выделяются из всех остальных этнических групп, которые склонны *поддерживать традицию* (90%) – у русских это качество выражено очень слабо.

По шкале «открытость переменам – сопротивление переменам» у всех этнических групп превалирует ориентация на открытость. Наиболее это выражено у

гагаузов и у русских. Все группы ориентированы на будущее. У русских и болгар склонность к **риску** более заметна, чем у гагаузов, молдаван и украинцев. У последних – *осторожность* и *рискованность* выражены одинаково.

По шкале «направленность на взаимодействие – отрицание взаимодействия» у всех этнических групп одинаково выражена ориентация на толерантность (миролюбие), и ни одна из групп не выделяется по уровню агрессивности. *Но внутри групп по параметру миролюбие – агрессивность болгары, русские и украинцы отличаются большей толерантностью. Возможно это одна из стратегий выхода из кризиса социальной идентичности и адаптации к социальной ситуации.* **Титульный этнос** относительно **коллективизма** (сердечности) предстает более холодным в сравнении с остальными этническими группами. У болгар, гагаузов, молдаван, украинцев позиция **соперничество – уступчивость** выражена одинаково, а вот у русских превалирует **соперничество**.

По шкале «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» у болгар, русских и украинцев «уважение к власти – недоверие к власти» выражено поровну. Тенденция к большему недоверию власти превалирует у представителей титульного этноса и гагаузов. Болгары, гагаузы и украинцы ориентированы на дисциплину, а русские и молдаване не отдают предпочтения ни «дисциплине», ни «анархии».

Анализ культурно-ценностных ориентаций выявил как наложение семантических зон у этнических меньшинств и титульного этноса, так и их разграничения. Все этнические группы ориентированы на *внутригрупповую поддержку, законопослушны, открыты переменам, устремлены в будущее. Вместе с тем русские более ориентированы на индивидуальные ценности (в сравнении с другими этническими группами). Они менее готовы поддерживать традиции, склонны к большей самостоятельности, риску, соперничеству. А вот для титульного этноса и гагаузов традиция остается значимым приоритетом.*

Эмпирические данные позволяют сделать вывод, что межэтнические отношения титульного этноса и этнических меньшинств достаточно развиты (пожалуй, прежде всего в силу длительного мирного сосуществования).

Исследование культурной дистанции понималось нами как «субъективный образ, который является как отражением объективной реальности взаимодействующих этнических культур, так и отражением реальности межгрупповых отношений и внутригруппового состояния» (Лебедева Н.М., 1993. С. 45).

Все респонденты выявились близкими своей этнической группе. Наибольшая культурная близость к титульному этносу отмечена у русских. *Интересно, что у украинцев одинакова близость как со своим этносом, так и с русским.*

Наибольшую открытость к другим этносам, что также любопытно, проявили гагаузы. Это нашло подтверждение и в расчете культурной дистанции. Самыми близкими для всех этнических групп являются русские и молдаване. Если проанализировать данные по культурной дистанции *от этногруппы до исследуемых эт-*

носов, то наибольшая культурная дистанция у украинцев, русских и молдаван, а наименьшая у гагаузов. То есть хотя относительно гагаузов у всех исследуемых групп с ними далекая дистанция, но они наиболее открыты и оценивают другие этнические группы, как более близкие. Это нашло свое подтверждение и в нашей практической деятельности при проведении школ толерантности. Самыми открытыми для коммуникации были гагаузы (Кауненко И.И. 2003, 2002; Кауненко И.И., Гашпер 2003).

Школа этнической толерантности в процессе реализации проекта «Толерантность – образ жизни в поликультурном мире» (при поддержке посольства США в Молдове, код проекта SMD700036GV016) проводилась в марте 2003 г. В проекте участвовало 30 подростков и юношей (15-19 лет) из Комрата (Гагауз Ери), Рыбницы (Приднестровье) и Кишинева. Программа включала лекции: права человека (ОБСЕ), межэтническая ситуация в Молдове (Департамент национальных отношений), молодежь в исследовательской работе (Академия Наук Молдовы), проблемы иммиграции молодежи (МГУ), трафик женщин. Также проводилась *тренинговая работа* по этнической толерантности и личностному росту, ранее апробированная в регионах участников школы. При реализации программы мы столкнулись и с неожиданными.

Так, например, неожиданно выявилась сильная *региональная* дифференциация, особенно между участниками Приднестровья и Гагауз Ери. А кишиневцы дистанцировались от всех. Причем ребята из Комрата были наиболее чувствительны к установлению диалога. Пришлось перестроить программу, спонтанно включив в нее *тематические дискуссии во время тренингов и творческие задания, которые они должны были вытолнить вместе* (типа: «Молдова – это...», «Молдова – страна малого туризма» др.).

Если исходить из анализа этнических маркеров по группам, то с *титульным этносом* этнические меньшинства роднят – *общее место жительства, обычаи, обряды; с русскими – язык и религия*. При реализации программ по этнической толерантности необходимо учитывать данные по культурной дистанции, что будет способствовать оптимизации межкультурного диалога.

Одной из *гипотез* нашего исследования было *предположение, что представители титульного этноса будут воспринимать социальную ситуацию как более стабильную*. Нами были выделены три группы – *стабильные, нестабильные, «колеблющиеся»* (когда стабильные и нестабильные индикаторы выражены одинаково). На всех возрастных этапах и у всех этнических групп устойчиво превалировала группа «колеблющихся». *Это тревожный факт, поскольку он означает высокую вероятность подверженности влиянию социального окружения как в сторону позитива, так и негатива*. К тому же «колеблющиеся» обычно характеризуются склонностью к инфантилизму и низким уровнем социальной активности.

Восприятие стабильности мира

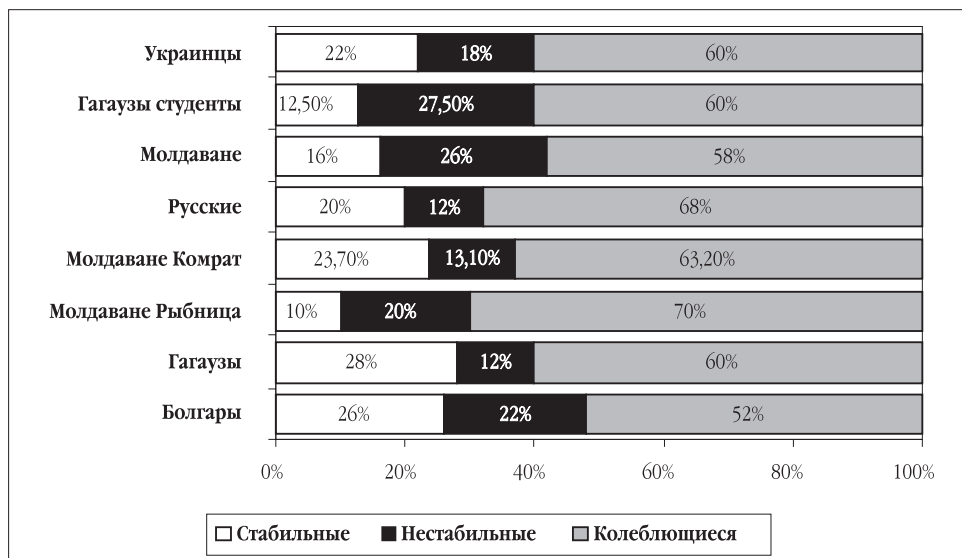

Рисунок 3. Восприятие стабильности мира (школьники)

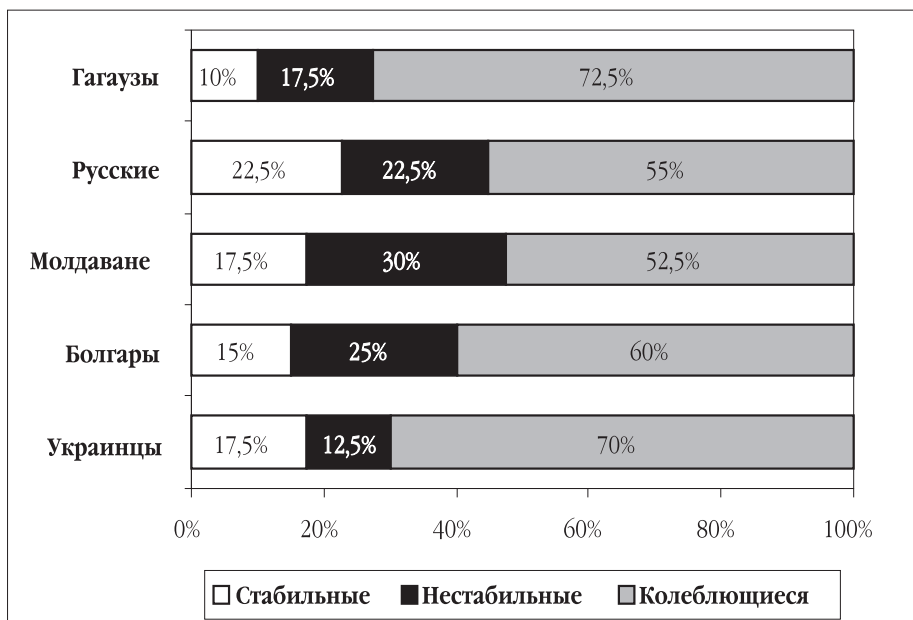

Рисунок 4. Восприятие юношами стабильности мира (студенты)

Итак, наше эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы и предположения.

Подтвердилась базовая гипотеза, что психологические особенности идентичности определяются этнической принадлежностью. Для титульного этноса характерна моноэтническая идентичность, для этнических меньшинства, за исключением русских и гагаузов (студентов), – *биэтническая идентичность*. У школьников выявлены три уровня биэтничности: *высокий уровень* – у болгар, которая включает близость как на личностном, так и на групповом уровне с приоритетом аутгруппы (другой группы – в данном случае русской); *средний* – у украинцев, с приоритетом на личностном уровне своей группы, а на групповом почти тождественность с аутгруппой; *низкий* уровень – у гагаузов, где выделяется близость с аутгруппой на личностном уровне. У студентов несколько иная картина идентичности. Так, «биэтничность» у украинцев проявляется на *личностном уровне*, а у болгар – на *групповом*. *У юношей-гагаузов мы можем фиксировать моноэтничность, хотя исследования, проведенные нами в 2004 г. на юношах-гагаузах, выявили биэтничность и на личностном уровне*. Также следует отметить, что лишь для титульного этноса и гагаузов характерны аффилиативные тенденции, т.е. увеличение уровня этноцентризма. Это находит свое объяснение в том, что и молдаване и гагаузы (в Гагауз Ери) являются группой «большинства» (гагаузы составляют 78,8% населения автономии).

Особенностью процесса конструирования этнической идентичности в Молдове является то, что наряду с высоким статусом титульного этноса, субъективно высоким статусом обладают и русские. Здесь, безусловно, сказывается и *историческое развитие края*, и то, что этнические меньшинства, на данный момент, – *русскоязычные*. С моей точки зрения, определенную роль в этом играет и *отсутствие реального успеха в социально-экономической жизни страны*. Высокий уровень трудовой миграции – 300 тыс. чел. (а по неофициальным данным до миллиона), сложности трудоустройства (особенно для молодежи) и т. п. – все это не может не сказываться и на процессе конструирования новых самоидентификаций в процессе адаптации к изменениям этнокультурного контекста.

Русские, также как и представители титульного этноса, продемонстрировали идентификацию только со своей этнической группой как на подростковом, так и юношеском этапе. Юноши и титульного этноса, и этнических меньшинств не воспринимают русских в качестве группы меньшинства (данные по иерархии предпочтений, социальной и культурной дистанций, сравнительного анализа этнических стереотипов).

Этническая матрица Молдовы (юношеский период) включает титульный этнос и этнические меньшинства, центрированные вокруг русских (я бы сказала «символического русского»). Титульный этнос находится в стадии самоопределения «молдаване – румыны», гагаузы динамично развиваются в связи с получением административной самостоятельности, а украинцы просто интегрируются в культурное пространство Молдовы.

Молдова обладает большим потенциалом конструирования позитивных межкультурных отношений. Основанием для этого служат *общие семантические зоны, выявленные в сфере культурно-ценностных ориентаций, близкая культурная дистанция с титульным этносом и историческая память длительного совместного проживания.*

Но есть и основания для возможной напряженности – прежде всего это высокий уровень «колеблющихся» в восприятии социальной ситуации (независимо от этнопринадлежности), определенная дистанцированность этнических меньшинств от титульного этноса, проявившаяся в гетерестереотипах молдаван. Все это может стать основой для *диссоциативного типа самоопределения.* Подобная стратегия самокатегоризации, выявленная Н. Хутник, подчеркивает связь с меньшинством и гласно или негласно игнорирует связь с большинством. Чаще всего она проявляется в том случае, когда способ самокатегоризации не соответствует стилю культурной адаптации индивида (Павленко В.Н., Таглин С.А., 2005. С. 119). Н. Хутник также отмечает, что аккультивированный тип этнического меньшинства получает удовольствие от общения на родном языке, ношении национальной одежды, просмотра художественных фильмов, прослушивания музыки своей этнической группы, а вот ассимилированный тип стремится к «забыванию, отрицанию, разрыву со своей родной культурой» (Nimmi Hutnik, 1991, 129).

Наши эмпирические исследования необходимы для понимания и выработки адекватных способов установления межкультурного диалога и на его основе формирования гражданской идентичности, как основы консолидации Молдовы. При этом будем помнить, что каждая этническая группа, обладая своим неповторимым видением мира, может расширить горизонты жизненного пути как отдельной личности, так и страны в целом.

Литература

- Берри, Дж. В Как мы будем жить вместе? Альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы / под ред. Л.Г. Почебут, И.А. Шмелёвой. СПб., 2005 С. 13
- Баклушинский, С.А., Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе / С.А. Баклушинский, Н.Г. Орлова //Этнос. Идентичность, Образование. Труды по социологии образования. М., 1998. Т. IV. С. 248–268.
- Бороноев, А.О. Этническая психология / А.О. Бароноев, В.Н. Павленко. СПб., 1994. С. 139–142
- Быструшкина, Н.Г. Психологические аспекты ситуаций межнационального взаимодействия / Н.Г. Быструшкина. Ярославль, 1999.
- Гриценко, В.В. Социально-психологическая адаптация русских переселенцев из ближнего зарубежья в России / В.В. Гриценко. М., 2002.
- Губогло, М.Н. К изучению идентичностей. Вопросы теории / М.Н. Губогло //Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М. 1999. С. 265–304.

- Губогло, Н.М. Всемирный Конгресс гагаузов как стратегия самвыражения / Н.М. Губогло // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период» / под. ред. Н.М. Губогло. М., 2006.
- Гусева, О.Ю. Этническая идентичность в ситуации межкультурного взаимодействия / О.Ю. Гусева. М., 2004.
- Ивановна, Н.Л., Межкультурная адаптация студентов / Н.Л. Иванова // Вопросы психологии. №5. 2006. С. 91–99.
- Кауненко, И.И. Психологические особенности этнической идентичности подростков в Республике Молдова: проблемы и перспективы (на основе социально-психологических исследований) / И.И. Кауненко // Moldoscopie (probleme de analiză politică) 1(XXXII), 2006. Chişinău. 2006. С. 36–67.
- Кауненко, И.И., Психологические особенности этнической идентичности подростков и юношей Молдовы. // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы / И.И. Кауненко, Л. Шашпер / под ред. Л.Г. Почебут, И.А. Шмелёвой. СПб., 2005. С. 329–348.
- Кауненко, И.И. Культурное и этническое самоопределение в Молдове / И.И. Кауненко // Век толерантности. N5. С. 82–90. 2003.
- Козлова, М.А. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личной зрелости / М.А. Козлова. М., 2004.
- Лебедева, Н.М. Изменяющаяся социальная идентичность на постсоветском пространстве / Н.М. Лебедева // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 10.
- Лебедева, Н.М. Изменяющаяся социальная идентичность на постсоветском пространстве / Н.М. Лебедева // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002.
- Лебедева, Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ / Н.М. Лебедева. М., 1997.
- Лебедева, Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. 1999. №3. С. 48–58.
- Лебедева, Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге Н.М. Лебедева // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М., 2003.
- Методология и технология оценки социальной напряженности в образовательной среде / под ред. Г.У. Солдатовой. М., 2007.
- Мулдашева, А.Б. Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях / А.Б. Мулдашева. М., 1991.
- Павленко, В.Н. Формирование социальной идентичности / Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: философский и психологический анализ. К., 1999. С. 137–206.
- Павленко, В.Н. Экспериментальное изучение источников формирования негативных этнических установок (на примере отношения населения Украины к крымским татарам) / В.Н. Павленко // Межкультурный диалог: исследования и практика. / под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютовой. – М., 2004. С. 225–241.
- Павленко В.Н. Общая и прикладная этнопсихология / В.Н. Павленко, С.А. Таглин. М., 2005 С. 119.

- Почебут, Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности / Л.Г. Почебут. СПб., 2005.
- Почебут, Л.Г. Психология социальных общностей (толпа, социум, этнос) / Л.Г.Почебут. СПб., 2002.
- Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. / под.ред. Согомонова А.Ю. М., 1992. С. 218.
- Романова, О.Л. Развитие этнической идентичности у детей и подростков / О.Л. Романова. М., 1994.
- Смолина, Т.Л. Особенности этнического самосознания молодежи в зависимости от опыта проживания в инокультурной среде / Т.Л. Смолина. М., 2006.
- Солдатова (Кцюева), Г.У. Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений. М., 1985.
- Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. М., 1998.
- Солдатова, Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация / Г.У. Солдатова // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 296–341.
- Соснина, Л.М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости в различных этнических общностях/ Л.М. Сосина. М., 2005.
- Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. М., 1999.
- Стефаненко, Т.Г. Социальная психология этнической идентичности / Т.Г. Стефаненко. М., 1999.
- Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. М., 2000.
- Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов / Т.Г. Стефаненко. М., 2006.
- Татарко, А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия / А.Н. Татарко. М., 2004.
- Татарко, А.Н., Козлова, М.А., Лебедева, Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации / А.Н. Татарко, М.А. Козлова, Н.М. Лебедева. М., 2007.
- Шайгерова, Л.А. Психология идентичности в ситуации вынужденной миграции / Л.А. Шагерева. 2002.
- Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. М., 1996.
- Этническая толерантность в поликультурных регионах России / отв. Ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2002.
- Caunenco, I. Gasper, L. The Formation of Ethnic Youth Identities and the Problem of Toleranc // Internationalization, Cultural Difference and Migration. Challenges and perspectives of Intercultural education. / Ed. Reinhard Golz. Transaction Publishers. New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.) LIT VERLAG Munster 2005. P.35-41.
- Nimmi Hutnik Ethnic Minority Identity. 1991 A Social Psychological Perspective Ethnic Minority Identity. 1991 A Social Psychological Perspective.

УКРАИНА: TERRA AD MARGINEM

На протяжении последних десяти лет одной из самых популярных тем историко-правовых исследований в Украине стала специфика правового сознания украинского народа. С 1995 по 2005 г. ей были посвящены свыше двух десятков научных конференций разного уровня, которые проводились практически во всех университетских центрах страны.

Актуальность указанной темы обусловлена тем, что украинское общество переживает сложное время самоопределения, которое во многом зависит от адаптации мирового опыта правовых технологий к отечественной среде. Исследование специфики правового сознания украинского народа – необходимое условие успешного проведения модернизации правовой системы Украины.

К сожалению, интенсивный поиск специфики украинской ментальности и особенностей правосознания построен на едином стереотипе исследовательских стратегий. Авторы работ, посвященных отечественной истории и истории политико-правовой мысли Украины, главное внимание уделяют общеевропейским корням украинства и синтезу западных теорий в отечественных политико-правовых концепциях. В качестве примера можно привести работы Ю. Оборотова «Традиции и обновление в правовой сфере», П. Радько «Национальные традиции создания государства в украинской историографии и политической литературе XIX–XX столетий», коллективную монографию под общей редакцией Ю. Рымаренко «Мировая и отечественная этногосударственная мысль». Уникальность отечественного исторического и политико-правового опыта, таким образом, сводится к заимствованию определенных европейских идей в области права и государственного строительства.

Безусловно, европейские идеи использовались отечественными мыслителями как образец, который применялся для решения собственных проблем, но сами проблемы далеко не всегда имели аналоги в европейской правовой и государственной практике. Однако многолетняя работа была сконцентрирована только на выявление форм реализации европейских идей в местных условиях, а не на раскрытии уникальных черт украинской политико-правовой мысли.

Поиск отечественными интеллектуалами путей интеграции Украины со странами Евросоюза заставил обратиться к обоснованию тезиса об общей исторической судьбе нашей отчизны с ее западными соседями. Доказать «генетическую» связь европейской и украинской государственной, правовой и культурной традиций – цель большинства исследований, которые проводились в последние десять-пятнадцать лет. Лозунг одного из лидеров национального культурного возрождения Николая Хвильевого «Прочь от Москвы», провозглашенный в 20-е гг. прошлого столетия, предстал сегодня в новом виде: «Идем в Европу». Но если в первой редакции это был призыв к развитию собственной культурной самобытности, то во второй – лишь отмежевание от «Москвы» через формирование украинской «европейскости».

Углубляясь в поиски европейских корней национальной истории, приверженцы противопоставления Европы и России используют тезис о расхождении западного и азиатского типов правовой и политической ментальности, а соответственно, и государственности. Русский исторический опыт интерпретируется как антитезис европейского пути. Активно формируется представление о непринятии европейским сообществом России и естественном историческом размежевании Восточной и Западной Европы. А судьба Украины толкуется как принудительное отторжение украинских земель от европейской культурно-исторической общности.

Такая позиция исследователей оставляет без надлежащей оценки тот факт, что Российская империя с начала ее существования воспринималась мировым сообществом как европейское государство, неотъемлемая часть политической жизни континента и влиятельный участник всех исторических процессов. В целом исторический период XIX – начала XX в. можно охарактеризовать как время полиэтнических империй, в контексте которых разворачивались национальные движения Центральной и Восточной Европы. Поэтому оценивать положение Украины в Российской империи как удаление от Европы по крайней мере некорректно.

Даже взвешенное отношение исследователей в оценке «восточного и западного уклона» отечественной истории заканчивается обоснованием тезиса о поиске пути в Европу. Именно так в статье Р. Шпорлюка «Формирование современной Украины: западное измерение»¹ выглядит развитие украинских политических, государственных, правовых и культурных традиций. По мнению исследователя, украинцы всегда искали способ обретения «европейскости» или через «петербургское окно», или через «венские ворота». К этим двум вариантам поисков путей на Запад позже добавился третий – «немецкий».

Было бы ошибкой говорить об изолированности исторических процессов в Украине от общеевропейских, но и оценка их только через польскую, русскую, австрийскую или немецкую «проекцию» ради подтверждения своей «европейскости» также не допустимо. При таком подходе мы всегда будем оценивать собственное историческое наследие через «чужое» восприятие, для которого Украина лишь географическое понятие, пространство реализации своих нужд и амбиций. Подобный подход по определению культивирует «постколониальные комплексы» национальной неполноценности.

Английский исследователь Ф. Зонабенд утверждает, что любая группа приобретает собственную идентичность лишь через историю, которую не делит ни с кем². Украина имеет достаточно событий и целых исторических периодов «неразделенной ни с кем истории», которых вполне достаточно для формирования собственной идентичности. Но для этого необходимо предложить адекватные оценки феномена украинства.

Во-первых, украинцы во все времена и во всех государственно-политических образованиях, в которых они оказывались, занимали маргинальные позиции. Будь это православные шляхтичи в католической Речи Посполитой, казацкая старшина в Российской империи, депутаты Думы или рейхстага от украинских партий – все они воспринимались как маргиналы («не совсем свои»). Подтверждение этого тезиса многократно встречается в исторических источниках, вспомним хотя бы случай «рангового конфликта» 1740 г. в Малороссийской коллегии, описанный в «Истории Руссов». Его суть в том, что временный заместитель князя Румянцева генерал Леонов попытался «изыскать первенство между членами Коллежскими, кто из них больший и старший». Леонов исходил из того, что русские чиновники имеют преимущество и по рангу высшие, так как они императорские, а украинские члены коллегии «все еще что-то иное, нежели императорские»³. Напомним, что указ 1734 г. устанавливал следующие правила: 8 членов коллегии в равной мере представляли местную и императорскую власть по четыре от каждой из сторон без привилегий и первенства в полномочиях. Сенат вынужден был отдельным указом 1740 г. решать этот конфликт и «повелел чинам оным иметь равенство по-прежнему». Тем самым украинская старшина отстаивала свое равенство по отношению к имперскому рангу. К тому же в 1743 г. Елизавета Петровна утвердила «Права, по которым судится малороссийский народ», что лишним раз подчеркнуло украинскую самобытность.

Однако маргинальный статус украинства в империях свидетельствует не только его «колониального непринятия» имперской средой, но и наличия собственной самооценки как самобытной и самодостаточной общности, четко осознающей исключительность своего социально-политического положения. Таким образом, маргинальность способствовала формированию национальной идентичности.

Во-вторых, несмотря на свою маргинальность, украинство всегда занимало довольно активную позицию в системе господствующего государства. Именно это стало основанием исторического мифа об утере отечественной политической

элиты в разные периоды истории. Активность украинцев, которые интегрировались в систему государственной власти, порой была настолько высокой, что они становились похожими на «оккупантов» – не только старательно выполняя требования чужого государства, но и изменяя его на собственный лад. Вспомним, что принявшие католичество украинские князья Вишневецкие, которые вели свой род от Рюриковичей, в историю XVIII в. вошли как *польские* палачи украинского народа. В XVIII в. Феофан Прокопович анафемствовал Мазепу, но вместе с тем являлся одним из авторов «Духовного регламента», по которому упразднялось патриаршество в России и тем самым формально снималось каноническое подчинение украинской церкви Московскому патриархату. Кирилл Розумовский – казачок, который стал фельдмаршалом, президентом Академии наук и возвратил институт гетманства в Украину, существенно повлиял на имперскую политику России.

Аналогичных случаев достаточно и в новейшей истории. Вспомним хотя бы украинцев, которые во второй половине XX в. возглавляли Советский Союз и были авторами как «хрущевской оттепели», так и «брежневского застоя». Поэтому, учитывая влияние украинцев на «метрополию», вполне правомерен вопрос о том, кто кого использовал: империя украинцев или наоборот?

В-третьих, несмотря на значительную роль украинцев в политических и культурных структурах различных государств, украинство всегда рассматривалось в контексте иной культурно-исторической среды и поэтому не могло представлять вполне самостоятельным. В силу этого собственное национальное наследие превратилось в медиатор разных культур и традиций, а Украина в «Terra ad marginem».

Сегодня наспело время обратиться к наполнению тезиса об «украинстве как маргинальности» положительным содержанием. Поскольку, желаем мы этого или не желаем, Украина все еще остается маргинальной страной, зоной «диффузного» соприкосновения различных культур, местом, где отсутствуют стандарты европейских социальных и государственных институтов.

Государственность и право как основа европейской цивилизации приобретает исключительное значение еще во времена Римской империи, когда «окраины» стремились утвердиться через подчинение сильному центру. Потеря национальной уникальности компенсировалась римским гражданством и военным покровительством империи. Поэтому принадлежность к государству является главным элементом ментального конструкта европейца. А вот в украинском менталитете правосознание никогда не занимало доминирующего места. Идеи государства и права, если угодно, сами были мировоззренческими «маргиналиями». Для украинца более понятными и значащими оказались моральные, религиозные и даже эстетические ценности. Пожалуй, даже можно считать, что украинская маргинальность не столько признак окраинности, сколько способ позиционирования себя в мире через «сердце» и «волю», а не через «рацио» и «свободу».

Начиная с XIII в. в Украине параллельно существовали структуры государства и стихийных объединений, которые противостояли формам государственной орга-

низации. Например, территориальные общины (громады) периода монгольского нашествия, которые не признавали ни власти князя, ни татар, церковные братства, “казацкая республика”. Каждое из них было “антиподом” официально существующей государственной структуры, асинхронным социально-культурным явлением. Это историческое наследие Украина ни с кем не разделяет и именно его можно принять за основу установления собственной идентичности.

Необходимо признать, что выразителем национальных интересов украинцев во все времена была социальная прослойка с «сомнительным» политическим и правовым статусом. Наиболее ярко это видно на примере казачества. Если избавиться от его идеализированного образа, который был создан в украиноведческой литературе XIX в., то фактически перед нами предстает асоциальное сообщество, которое неоднократно ставилось вне закона. Польский сейм 1593 г. провозгласил казаков противниками государства и приказал «уничтожать казаков как врагов». В 1596 г. королевская баниция лишила казачество всех государственных прав. В 1601 г. баницию упразднили лишь для тех казаков, которые были на королевской службе и принимали участие в походе на Лифляндию. До Хотинской войны и договоренностей гетмана Сагайдачного с польским королем Сигизмундом III о правах казачества, которые так и не были выполнены в полном объеме, социальный статус казаков оставался довольно аморфным. Его права и привилегии оформились лишь в «Статьях для успокоения русского народа» 1633 г. и «Ординации Запорожского реестрового войска» 1638 г. Правда, последний документ вообще лишил казачество особого социально-правового статуса и превращал его в «сельское простонародье».

При всей сложности и неоднозначности роли казачества следует признать, что оформление украинской государственности в XVII в. состоялось благодаря активности этой социальной прослойки. Именно она показала пример и социального поступка, и системы социального порядка с собственными механизмами реализации принципов справедливости. В данном случае мы сталкиваемся с тем, что украинский философ, методолог и теоретик права XIX в. П. Потебня назвал проявлением «народного гения», который диктует народу кодекс позитивного права и придает законодательству особый национальный характер⁴. Фактически мы видим рождение «образцовой идеи»⁵. Различать правовой и внеправовой поступок можно только тогда, когда есть такая «образцовая идея», мерило наших социальных действий. Поэтому без преувеличения можно сказать, что маргинальная социально-политическая среда казачества повлияла на формирование «образцовой идеи», а значит, и правосознания украинского народа.

Правосознание – это не только часть общего комплекса ментальной среды, которая изменяется под влиянием исторических обстоятельств. Это сфера формирования представления о должном, т.е. своеобразный теоретический каркас, благодаря которому происходит оценка социальной действительности и создание определенной модели социального и правового поведения.

Правосознание украинского народа сформировалось под влиянием идеи «бегства от государства». Специфика украинства может быть определена как «жизнь на границе» государства и «дикого поля», власти закона и «вольности», размеренной жизни и риска. Именно этот опыт привел к возникновению Гетманщины, Запорожья и Слобожанщины.

Колонизируя «дикое поле», украинские переселенцы убегали от современной им формы государства и создавая собственную модель организации сообщества. Эти образования породили множество неудобств для стран, протекторат которых распространялся на освоенные колонистами территории. Однако масштабность вольных сообществ заставила три мощных соседних державы терпеть это явление на протяжении столетий. Даже во второй половине XVIII в., путешествуя днепровскими степями, генерал Мельгунов в своем рапорте к Екатерине II свидетельствовал: «Нашел в оной стороне таких людей, которые никакому правительству не принадлежат, и суть они тоже, что американцы, но к военной службе признаются годными и расположенными»⁶.

Миграция населения в украинских землях в XVII в. является своеобразным индикатором реализации идеи «бегства от государства». Активизация миграционных процессов хорошо прослеживается по актовым книгам украинских воеводств. Так, в земских книгах Русского и Белзкого воеводств с 1600 по 1639 г. выявлено 9794 семей-мигрантов. Из них 989 по рождению записаны в графе как «неизвестно где»⁷. Такая же тенденция наблюдается и в Подольском воеводстве, где за это же время изменили свое место проживания 8727 семей и 10% также не были зарегистрированы в других воеводствах или городах. К этому числу необходимо прибавить значительное количество крестьян, которые жили «в уходах», занимаясь рыбными и охотничьими промыслами на Днестре за порогами.

Бегство крестьян как форма социального протеста населения Речи Посполитой и России хорошо исследована в российской, советской и украинской историографии, но интерпретация этого социального явления нуждается в уточнении. Это время можно охарактеризовать как момент возникновения отрицательного образа государства, который приняло большинство населения Украины, о чем свидетельствует размах поддержки казацких восстаний мещанами, крестьянами и православной шляхтой. Пограничные воеводства в начале XVII в. ощущают мощное влияние «людей из Дикого поля», которые вершат суд по собственному разумению, не повинуются ни постановлениям местных органов, ни королевской власти. «Дикое поле» творит своеволие в государстве – главная тема поместных сеймиков XVII в. И это своеволие стало примером социального поведения для большинства украинского населения.

В инструкции шляхты Киевского воеводства послан на сейм 1604 г. говорится: «Казацкое своеволие, которое принесло столько бедствия нашему воеводству, снова настолько поднимается в своей вольнице, что возникает опасение, как бы не случилось чего худшего за предыдущее»⁸. Почти ежегодно вольные сеймы в своих консти-

туциях отмечают рост казацкого произвола. По этому поводу показателен пункт 15 конституции вального сейма 1609 г.: «Казаки творят большое бесправие и произвол, не только не признавая власть наших старост и своих господ, но и... притесняют наши города и мещан, препятствуют власти урядников,... поступают безнаказанно, не подчиняются правительственным судам... В конце концов, вопреки нашей воле и без нашего ведения... они собирают большие ватаги, наезжают на города в наших волостях и на замки соседних государств, нарушают общественный покой и мирные соглашения, заключенные с соседями... Пусть вернут нашим старостам их власть и имущество»⁹.

Государство строится на фиксированной зависимости между его территорией и сообществом. Именно поэтому «бегство от государства» является самой активной формой социального протеста. Однако украинская история дает примеры и обратного действия, когда наиболее активная часть населения, выразившая свой протест против государства бегством от него, со временем сформировала свои методы установления справедливости. Обратим внимание не только на упоминание в сеймовых постановлениях о непокорности судам, но и на жалобы относительно существования собственных судов «степных бездельников», которыми они судят в коронных землях.

Маргинальная социальная среда противопоставила себя легитимной власти и государственным законам. Система норм, закрепленных государством, воспринимается этой средой как притеснение, жесткая и несправедливая регламентация всех сторон жизни, поэтому альтернативное понятие, которое используется «своевольниками», – вольность. Уместно предположить, что именно в таких смысловых оттенках закрепилось понятие «вольность» в соглашениях с поляками и россиянами, когда показаченный люд захотел социальной и правовой справедливости в том виде, какой предлагала «образцовая идея». Так в правовых актах XVII в., которые определяют статус Украины в составе Российского государства, появилась формула «права и вольности».

Внешняя смысловое сходство этих слов обманчиво, поскольку «право» понималось как система государственной регламентации, а «вольность» – как свобода человека от любого ограничения со стороны государства.

Следует заметить, что термин «вольность» встречается в официальных юридических документах, которые формировали правовое поле украинского общества вплоть до начала XX в. Интересны случаи, когда в документах XVII в., которые закрепляют определенный социальный статус лица или какого-то сообщества, применяется формула «права, вольности и привилегии». Четкое понимание специфического смыслового наполнения понятия «вольность» проявляются даже в русской правовой традиции в манифесте Петра III 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». В данном случае русские законодатели под вольностью понимают необязательную службу дворян в армии или штатских учреждениях, а также их полномочия над крепостными.

Подобное сочетание терминов «вольность» и «свобода» в названии одного документа дает нам основания для двух принципиально важных утверждений. Во-первых, смысловые значения этих понятий были различны и они не рассматривались как синонимы. Во-вторых, для украинской и российской правовых традиций понятие «вольность» не является калькой или механическим заимствованием из польского, где *wolność* используется в значении «свобода».

Таким образом, бегство в «дикое поле», народная колонизация степи и почти столетнее состояние войны в XVII в. на территории Украины породили нестандартное представление о роли и значении права. С этими особенностями исторического развития как раз и связано то, что ключевым понятием правосознания для значительной части украинцев стало не «право», а «вольность».

Как ни досадно, но на эту особенность украинского правосознания еще ни разу не обратили внимание авторы словарных изданий Украины. Ни в энциклопедическом словаре «Историко-политические уроки украинской государственности», изданном Институтом государства и права им. В. Корецкого, ни в справочнике О. Мироненко, Ю. Рымаренко и И. Усиченко «Украинское государственное строительство» мы не находим толкования термина «вольность». В крайнем случае, этот термин объясняют как проявление влияния польской правовой системы, где он означает определенные привилегии шляхты, цеховых мещан и духовенства (М. Грушевский).

Словарное значение слова «вольність», которое предлагает «Словарь украинского языка», – привилегии, льготы¹⁰. Согласно этому определению, попробуем объяснить название жалованной грамоты Алексея Михайловича «Гетману и войску Запорожскому о сохранении их прав и вольностей». Можно предположить, что речь идет о привилегиях избирать старшину, иметь собственный суд и т.п. Действительно, это является привилегией в словарном значении, но обратим внимание, как текст грамоты объясняет «вольность»: «права вольности войсковые, как издавна бывали при великих князьях русских и при королях польских, что служили и вольности свои имели в добрах и судах, и чтоб в те войсковые суды никто не вступался».

Смысл жалованной грамоты позволяет нам понять термин «вольность» близким по значению с украинским словом «вільгота», т.е. свобода в соблюдении законов, правил, норм поведения¹¹, или русского «вольность» в определении В. Даля: «Состояние вольного, во всех значениях свобода, независимость, произвол, своя воля».¹²

Учитывая все это, можно утверждать, что термин «вольность» здесь используется в значении невмешательства государственной власти в действия казацкой общины, полной свободы при решении внутренних проблем, т.е. то, что конституции сеймов определяли как *своеволие*.

Правосознание украинского народа формировалось под влиянием дихотомии права и вольности. Государство как институт, который ограничивает вольность, воспринималось в качестве отрицательной силы. По мнению философа права Б. Кистяковского¹³, отечественное восприятие институтов государства и права характерно

тем, что мы оцениваем их «не как правовое учреждение, а как принудительное правило»¹⁴. Исследователь настаивал на том, что подобное отношение к государственным учреждениям свидетельствует о низкой исторической стадии развития народа. Однако не будем забывать, что такая оценка была дана автором, который находился под сильным влиянием германской философско-правовой мысли, отождествлявшей развитие государства и историческое развитие народа. Впрочем, это не помешало Б. Кистяковскому прийти к выводу о том, что негативное отношение к государству имело не только отрицательные последствия для отечественного правосознания, но и положительное значение, поскольку над сознанием народа не довлел авторитет «идеала, государства невидимого, апофеоза существующего порядка вещей»¹⁵.

Это еще раз заставляет нас вернуться к тезису о том, что идеи государства и права в украинской традиции проявились в качестве мировоззренческой «маргиналии». Государственность, как благоговейное отношение к институтам власти, не укоренено в мировоззрении человека Пограничья. Этот факт может послужить хорошим обоснованием способности украинства к модернизациям. Поскольку мы признаем отсутствие давления «идеала, освященного традицией», то смена форм государственного устройства оказывается не слишком принципиальной и болезненной для мировоззрения украинца.

Необходимо отметить и тот факт, что ни в одном из юридических документов XVII в., которые определяют особый политический и правовой статус Украины в составе других государств, не упоминается термин «государство» по отношению к ней. Даже в I–II Универсалах Центральной Рады говорится об «украинских Землях». И в сознании «просвещенных» украинцев начала XX в. государство остается синонимом притеснений, поэтому они не очень охотно употребляют этот термин в своих программных заявлениях. Их интересует автономия как определенное пространство невмешательства в национальные дела, своеобразная проекция «вольности».

Украинское национальное движение конца XIX – начала XX в. было направлено на реализацию идеи персональной автономии, которая заключалась в том, что каждый гражданин имел право двойной идентичности: государственной в территориальной сфере и национальной в культурной. Все проблемы, связанные с решением вопросов культурной сферы, должны были рассматриваться национальными органами. Национальные органы создавались членами национальной общины независимо от их местожительства, т.е. имели общегосударственный характер. А территориальные общины решали вопрос местного самоуправления.

Реализация гражданских свобод, по убеждениям сторонников украинского национального строительства, непосредственно связана с идеей национально-культурного самоопределения. Поэтому национальная идея, декларированная в программах украинских партий и в документах Центральной Рады – это система ценностей, которые основываются на равноправии граждан и равноправии наций. При этом нация выступает как субъект правовых отношений в государстве. Обеспе-

читать реализацию этого положения можно было только на условиях федеративного устройства и национальной автономии каждого народа.

Элементы концепции персональной автономии нашли свое отражение во многих программных положениях украинских партий рубежа XIX и XX вв., зафиксированы они и в программе Австрийской социал-демократической партии 1898 г. Но национально-культурная автономия была реализована не в Австро-Венгрии, а в Украине времен УНР. Третий Универсал декларировал национально-персональную автономию: «Украинский народ, долгие годы боровшийся за свою национальную свободу и ныне ее обретя, будет твердо охранять свободу национального развития всех народностей, живущих в Украине, поэтому объявляем... о введении национально-персональной автономии для обеспечения прав самоуправления в делах... национальной жизни»¹⁶.

Вместе с Четвертым Универсалом Центральной Рады 9 января 1918 г. был принят Закон о национально-персональной автономии¹⁷, который закреплял право наций на самостоятельное устройство своей жизни через общий Орган Национального Союза, власть которого распространяется на всю территорию Украины (ст. 1), а сами органы Национальных Союзов являются государственными органами (ст. 9). Однако в Национальный Кадастр, который создается каждым Союзом, гражданин может быть внесен только по его воле и на основании заявления о желании принадлежать к определенной нации (ст. 3). При этом украинское гражданство не зависит от национальной самоидентификации человека. Принципы персональной автономии были положены в основу решения национального вопроса в УНР и нашли свое отображение в Конституции УНР.

Эти положения Универсалов, Закона и Конституции УНР базировались на достаточно последовательно разработанной теоретико-правовой концепции. Она исторически связана с развитием в киевской правовой школе идеи государства как субъекта права. В работах Н. Палиенка, М. Ковалевского, Л. Петражицкого, Б. Кистяковского, базируясь на понимании государства как юридического лица, а органа государства как его представителя, были обоснованы положения о государственной власти как явлении коллективно-психологического характера. Государство всегда, по мнению представителей этой школы, представляет определенную правовую организацию общественного отношения. Н. Палиенко считал, что государство есть «юридическим моральным лицом». Но «моральность государства» понималась не в кантовском или гегелевском смысле, а как проекция понятия «вольность», т.е. недопустимость принуждения и ограничения свобод человека.

В работе Н. Палиенко «Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение» отмечается, что в определенном смысле государство является организацией суверенных союзов. Государственная власть берет за свою основу психику индивидов, которые создают общий союз. Таким образом, государство превращается в систему суверенных союзов, своеобразный гибрид граждан-

ского общества и федеративного сообщества¹⁸. Это положение его работы 1903 г. было полностью повторено в законодательных актах УНР.

Возможно, именно наследие отечественной политико-правовой мысли, выявленное в понятии «вольность», отличало украинские политико-правовые доктрины от политико-правовых доктрин империй, в которых оказывались украинские земли. Так, идеи автономистов в I, II, III и IV Думах, которые высказывались на страницах «Украинского вестника», развивались в русле правовой парадигмы, сформированной понятием «вольность». В качестве примера можно привести декларацию Общества украинских поступовцев, напечатанную в декабре 1916 г. под названием «Наша позиция»: «Мы, украинские поступовцы, стоим на платформе автономного государственного устройства тех государств, с которыми нас соединила историческая судьба; государство мы понимаем как *свободный союз равноправных и равноценных наций* (выделено мной – А. А.), среди которых не должно быть ни угнетателей, ни угнетаемых. Итак, мы боролись и будем бороться за демократическую автономию Украины, гарантированную также федерацией свободных народов, за полнейшее обеспечение национальных ценностей и политических прав украинского народа, за плодотворные формы его самостоятельного развития и экономического продвижения»¹⁹.

Фактически мы видим в этой декларации одну и ту же парадигму, которая отличает украинское правосознание: государство – источник угнетения и порабощения, поэтому невмешательство государства в дела национального сообщества – политическая цель. Концепции “Мартовских статей” Богдана Хмельницкого и упомянутая программа, впрочем, как и положение первых универсалов Центральной Рады, подчинены идее вольности.

Заслуживает особого внимания и тот факт, что даже после провозглашения собственной государственности Центральная Рада приняла Конституцию УНР под названием «Статут о государственном устройстве, правах и вольностях УНР», где в первой статье отмечалось: «Украина, для лучшей обороны своего края, для уверенного обеспечения прав и охраны *вольностей* (курсив автора), культуры и благосостояния своих граждан, провозгласила себя суверенной, самостоятельной и ни от кого независимой». Следует отметить, что в этом предложении термин «вольность» употреблен вовсе не в значении «привилегия, льгота», поскольку в УНР было провозглашено равенство всех граждан. То есть собственную государственность в XX в. украинское правительство воспринимает в духе второй жалованной грамоты «Мартовских статей» как оборону вольностей, закрепляя в статье шестой следующей: «УНР предоставляет своим землям, волостям и общинам права широкого самоуправления, соблюдая принципа децентрализации»²⁰. Тем самым составители Статута старались избавиться от образа государства как института, который поглощает свободу гражданина.

Правосознание как система представлений о Справедливости и формах ее реализации влияет на развитие идеи государственности. В данном случае перед нами

пример влияния представлений о **должном** на формирование правовой нормы, редчайший случай, когда специфическое украинское видение принципов отношений гражданина и государства зафиксировано в правовом акте.

Безусловно, в тексте «Статута о государственном устройстве, правах и вольностях УНР» можно отыскать влияние либеральной, демократической и коммунистической идей. Поле интерпретации здесь широкое, но если мы снова будем актуализировать чужое присутствие в украинском национальном наследии, то окончательно потеряем свое. Для того чтобы быть более понятными западному миру, мы готовы признать, что идею бегства от принуждения со стороны государства в отечественную политико-правовую традицию привнес В. Гумбольдт²¹, а понятие «вольность» украинцы позаимствовали из польской юридической терминологии.

Между тем именно идея жизни без государственно-правовой регламентации лежит в основе правосознания украинцев. Отечественный исторический опыт является своеобразным примером практического внедрения «радикального либерализма». Противопоставление государства обществу на украинских землях прослеживается не на уровне социальной теории, а на уровне практики и ментальных установок. Вольность, которую отстаивали различные слои населения в XVII–XVIII вв., деятели XIX в. и национальные лидеры XX в., является понятием, определяющим принципы существования общества, где к минимуму сведено принуждение человека государством. Вольность – это главное ограничение государственного всеислия над человеком, которое порождается правосознанием свободной, самодостаточной личности.

Европейская идея правопорядка основана на либеральном принципе свободы личности, ее неприкосновенности. Либерализм как мировоззренческая позиция обладает неограниченной способностью к трансформации, которая побуждает человека к устранению препятствий индивидуальной свободы. Можно согласиться с мнением В. Заблоцкого о том, что даже теоретически невозможно вообразить себе общество, которое бы удовлетворило приверженца мировоззренческой позиции либерализма²². Либерализм можно отождествить с естественным человеческим желанием заступить за границу социального горизонта. Идея вольности – это одна из форм реализации либерализма, независимость личности от государства, которое воспринимается как «принудительное правило». Радикализм этой идеи проявляется не в стремлении к снятию ограничений, а в представлении об их принципиальной избыточности.

Правосознание украинцев сложилось как синтез крайних правовых ценностей, и это определяло поведение народа во времена всех социально-политических трансформаций. Но современные исследование особенностей правосознания украинского народа не затрагивают тему «бегства от государства», хотя именно в ней мы находим ту искомую уникальность, на которую нацелено любое историческое исследование. Разработка этой темы является плодотворной еще и потому, что

дает возможность предопределить, какие формы государственности будут вызывать протест у простого украинца.

Сложность украинского варианта формирования системы правосознания в первую очередь связана с проблемой «зависимости». Усилия исследователей последних десяти лет были направлены на устранение одной из форм этой «зависимости» – от российской традиции, но при этом интенсивно укоренялась «зависимость» от Запада, что не в меньшей степени, чем в случае с Россией, затрудняет осмысление и национального исторического опыта, и современной социально-политической практики.

Украина – не Россия, но Украина и не Европа. «Зависимость» Украины от внешнего мира сформировала образ страны, напоминающий кентавра. Однако этот образ всего только экспортный продукт, который объясняет национальную природу украинцев для иностранцев и отвечает скорее чужому желанию видеть нас такими, какими мы не есть на самом деле.

Примечания

- ¹ Шпорлюк, Р. Формирование современной Украины: западное измерение / Р. Шпорлюк // Перекрестки. 2006. № 1–2 С. 5–37.
- ² Zonabend, F. The Enduring Memory/ F. Zonabend. Cambridge, 1984. P. 203.
- ³ Конисский, Г. История Русов (Репринтное воспроизведение издания 1846 года)/ Г. Конисский. К., 1991. С. 242.
- ⁴ Юркевич, П. Історія філософії права; Філософія права; Філософський щоденник. Видання друге / П. Юркевич. К., 2000. С. 233.
- ⁵ Термин «образцовая идея» использован в значении, которое было предложено П. Юркевичем в работе «История философии права» (см. Юркевич, П. Історія філософії права; Філософія права; Філософський щоденник. С. 247.
- ⁶ Конисский, Г. История Русов. С. 252.
- ⁷ Крикун, Н.Г. Документи ЦДІА УРСР у м. Києві як джерело до вивчення міграції населення в Україні у першій половині XVII ст./ Н.Г. Крикун // Архіви України. 1985. №5. С. 49–57; Селянський рух на Україні 1596–1647 рр. (Збірник документів і матеріалів) К., 1993. С. 13.
- ⁸ Селянський рух на Україні 1596–1647 рр. (Збірник документів і матеріалів) С. 348.
- ⁹ Селянський рух на Україні 1596–1647 рр. (Збірник документів і матеріалів) С. 349.
- ¹⁰ Словник української мови в 10 т. К., 1970. Т.1. С. 736.
- ¹¹ Там же. С. 673.
- ¹² Даль, В. Словарь русского языка / В. Даль. М., 1989. С. 240.
- ¹³ Кистяковский, Б. – российский украинский социолог и философ права (1868–1920)
- ¹⁴ Кистяковский, Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Б. Кистяковский // Вехи. Из глубины. Репринтное воспроизведение издания 1909года. М., 1990. С. 148.
- ¹⁵ Там же. С. 130.
- ¹⁶ Яневський, Д.Б. Політичні системи України 1917–1920 рр. / Д.Б. Яневський К., 2003, С. 453.

- ¹⁷ Гунчак, Т. Україна: перша половина ХХ століття / Т. Гунчак – К., 1993. С.263–264.
- ¹⁸ Паленко, Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение / Н.И. Паленко. Ярославль, 1903.
- ¹⁹ Гунчак, Т. Україна: перша половина ХХ століття. К., 1993. С. 72.
- ²⁰ Яневський, Д.Б. Маловідомі конституційні акти України 1917–1920 рр. / Д.Б. Яневський К., 1991. С. 46.
- ²¹ К такой мысли склоняется в своей статье украинский исследователь М. Черный (см.: Черный, М.Г. Соціально-правовий зміст просвітництва в системі позитивної держави: ідеї континентального лібералізму в українській громадсько-політичній думці ХІХ століття”/ М.Г. Черный. //Актуальні проблеми політики. Одеса, 2005. Вип. 23. С. 146–207).
- ²² Заблоцький, В.П. Лібералізм: ідея, ідеал, ідеологія. Донецьк, 2001. С. 46.

ОБИТАЛИЩА МОДЕРНОСТИ: ЭССЕ ПО СЛЕДАМ SUBALTERN STUDIES*

1. Краткая история *Subaltern Studies*

В своем всестороннем анализе постколониальных исследований Ариф Дирлик высказывает мнение, что, хотя историографические инновации проекта *Subaltern Studies* следует всячески приветствовать, они являются не более чем применением методов, открытых британскими историками-марксистами, хотя и модифицированными «чувствительностью третьего мира». Дирлик пишет: «Большинство обобщений, возникающих в дискурсе постколониальных интеллектуалов из Индии, могут показаться новыми для историографии Индии, но не являются открытиями в более широкой перспективе. [...] Исторические сочинения исследователей *Subaltern Studies* [...] представляют собой перенос в индийскую историографию тенденций исторической науки, широко распространившихся к 1970-м годам под влиянием таких социальных историков, как Э.П.Томпсон, Э. Хобсбаум и многих других»¹.

Не желая ни преувеличивать результат исследований *Subaltern Studies*, ни отрицать того, что они, возможно, действительно учились у британских историков-марксистов, я хотел бы показать, что Дирлик серьезно недооценивает те инновации, которые делают эти исследования уже реально постколониальным проектом. С этой целью я помещаю здесь их «краткую» историю. Я называю эту историю *краткой* не только из-за ее краткости, но еще и потому, что, подобно «краткой истории» фотографии Бенямина, нарратив здесь весьма своеобразно заканчивается на середине². Я доказываю – противовес крити-

* Фрагмент книги: *Habitations of Modernity: Essays in the Wake of Subaltern Studies*. Delhi, Permanent Black, 2002.

кам, утверждающим иначе, – почему исследования *Subaltern Studies* не могут быть простым воспроизведением в Индии английской традиции изучения «истории снизу».

Subaltern Studies и дебаты о современной индийской истории

Академическая дисциплина, называемая *модерной индийской историей*, сформировалась относительно недавно и является результатом исследований и дискуссий, проводимых в различных университетах, главным образом в Индии, Соединенном Королевстве, Соединенных Штатах и Австралии, после окончания британского имперского правления в августе 1947 г. В своей ранней фазе эта область исследований имела все признаки продолжающейся борьбы между империалистическими влияниями в индийской истории и желанием историков Индии деколонизировать прошлое. Разумеется, марксизм был мобилизован в помощь проекту интеллектуальной деколонизации³. «The Rise and Growth of Economic Nationalism in India» Бипана Чандры, «The Emergence of Indian Nationalism» Анила Сила, «Social Background of Indian Nationalism» А.Р. Десаи, сборник Д.А. Лоу «Soundings in Modern South Asian History», ряд оригинальных статей, опубликованных Бернардом Коном (ныне собраны в «An Anthropologist among the Historians»), дебаты вокруг оценки Моррисом Дэвидом Моррисом итогов британского правления в Индии и работы других ученых 1960-х гг. подняли новые дискуссионные вопросы относительно природы и итогов колониального правления в Индии⁴. Есть ли заслуга британских империалистов в том, что Индия стала развитой, современной и единой страной? Были ли индусско-мусульманские конфликты, приведшие к созданию двух государств – Пакистана и Индии, – последствием британской политики «разделяй и властвуй» или же они отражали естественный подел в южноазиатском обществе?

Официальные документы британского правительства Индии, а также традиции имперской исторической науки всегда изображали колониальное правление благом для Индии и ее народа. Они восхваляли британцев как тех, кто принес на субконтинент политическое единство, образовательные институты, модерную промышленность, национальное чувство, правовые нормы и т.д. Индийские историки 1960-х гг., многие из которых имели английские ученые степени и большинство из которых принадлежало к поколению, формировавшемуся в последние годы британского правления, бросили вызов этим представлениям. Они утверждали, что колониализм оказал вредное влияние на экономическое и культурное развитие. Модерность и националистическое стремление к политическому единству, утверждали они, были не столько британскими подарками Индии, сколько плодами борьбы самих индийцев.

Неудивительно, что национализм и колониализм стали основными областями исследований и споров, определяющих поле индийской истории в 1960–1970-х гг.

На одном полюсе этих споров был кембриджский историк Анил Сил, чья книга «Emergence of Indian Nationalism» (1968) описывала *национализм* как деятельность малочисленной элиты, развернутую в образовательных институтах, основанных англичанами в Индии. Эта элита, как выразился Сил, одновременно «соперничала и сотрудничала» с британцами в поисках власти и привилегий⁵.

Через пять лет Сил, его коллега Джон Галлагер и группа их докторантов в сборнике «Locality, Province, and Nation» довели эту идею до крайности⁶. Их работы не принимали в расчет роль идей и идеализма в истории и предлагали чрезвычайно узкое видение политических и экономических интересов исторических акторов. Они утверждали, что проникновение колониального государства в местные структуры власти в Индии (вызванное в большей степени личными финансовыми интересами раджей, нежели альтруистическими мотивами) в конечном счете постепенно вовлекало индийские элиты в колониальный властный процесс. Согласно их аргументации, вовлечение индийцев в колониальные институты вызвало борьбу внутри туземных элит, объединившихся, по мере возможностей, и по линиям «вертикальных» патронажей⁷, чтобы любой ценой добиться власти и привилегий в рамках введенного британцами самоуправления. Такой, по утверждениям кембриджских историков, была реальная динамика того, что внешние наблюдатели или наивные историки приняли как идеалистическую борьбу за свободу. Национализм и колониализм предстают в этой истории взаимосвязанными феноменами. История индийского национализма, говорил Сил, «была соперничеством между индийцами и индийцами, их отношения с империализмом подобно прислонению одного к одному двух неустойчивых соломенных чучел»⁸.

На другом полюсе этих споров находился историк Бипан Чандра, в 1970-е гг. профессор престижного университета имени Джавахарлала Неру в Дели. Чандра и его коллеги рассматривали индийскую историю колониального периода как эпическое сражение между силами национализма и колониализма. Опираясь на сочинения Маркса и латиноамериканские теории зависимости и экономической отсталости, Чандра утверждал, что колониализм был регрессивной силой, исказившей все общественное и политическое развитие Индии. Социальные, политические и экономические болезни Индии после завоевания независимости, включая массовую бедность, религиозные и кастовые конфликты, рассматривались им как последствия политической экономии колониализма. Национализм же он рассматривал в ином, противоположном свете – как возрождающую силу, как антитезис колониализму, как нечто объединяющее и создающее «индийский народ» путем его мобилизации на борьбу против британцев. Националистические лидеры типа Ганди и Неру были создателями этого антиимперского движения за единство Индии. Чандра утверждал, что конфликт интересов и идеологий колонизаторов и индийского народа был самым важным конфликтом в истории Британской Индии. Все остальные – будь то классовые или кастовые – были вторичными по отношению к этому принципиальному противоречию, и их следует рассматривать в рамках истории национализма⁹.

Однако по мере прогресса исследований в 1970-х гг. возникали все более и более серьезные трудности с обоими нарративами. Было понятно, что кембриджская версия националистической политики без идей или идеализма никогда не будет признана учеными в Индии, пережившими на собственном опыте стремление к освобождению от колониального правления¹⁰. С другой стороны, повествование националистических историков о «нравственной войне» между национализмом и колониализмом тем менее использовалось молодыми учеными, чем более становились известными недоступные ранее факты. К примеру, новая информация о мобилизации бедноты (крестьян, представителей племен и рабочих) лидерами националистической элиты в ходе массовых гандианских движений 1920–1930-х гг. свидетельствовала о крайне реакционной роли ведущей националистической партии – Индийского национального конгресса. Гьянендра Пандей из Оксфорда, Дэвид Гардиман и Дэвид Арнольд из Сассекса (все они позже стали участниками коллектива *Subaltern Studies*) Маджид Сиддики и Капил Кумар в Дели, Хистесранджан Саньял в Калькутте, Брайан Стоддарт, Стефен Хеннингэм, Макс Харкурт в Австралии и другие исследователи документально исследовали способы, которыми националистические лидеры подавляли попытки крестьянской бедноты и рабочего класса протестовать против притеснений со стороны не только британцев, но и местных правящих групп и тем самым выходили за рамки концепции, предложенной националистами¹¹.

С точки зрения более молодого поколения историков, которое Ранаджит Гуа вслед за Салманом Рушди назвал *детьми полуночи*, ни кембриджская модель, представлявшая собой скептический взгляд на индийский национализм, ни националистическо-марксистская модель, стиравшая или приспособливавшая к националистической историографической программе реальные конфликты идей и интересов между националистической элитой и их последователями на более низких ступенях социальной лестницы, не могли стать адекватным решением проблем постколониальной истории, которая писалась в Индии¹². Постоянство религиозных и кастовых конфликтов в стране после завоевания независимости; война между Индией и Китаем в 1962 г., которая обнажила пустоту официального национализма и в конечном счете привела к росту популярности маоизма среди образованной городской молодежи; вспышка мощного маоистского политического движения (известного как движение Наксалите), которое привлекло много городской молодежи в сельскую местность в конце 1960 – начале 1970-х гг., – все эти и многие другие факторы привели к отчуждению молодых историков от штампов националистической историографии. Это отчуждение стало еще сильнее с ростом популярности исследований крестьянства в англо-американской академической среде в 1970-е гг. Однако все эти историографические брожения еще оставались в рамках старых либеральных и позитивистских парадигм, унаследованных от английских традиций исторической науки, даже несмотря на поиск путей деколонизации индийской истории.

***Subaltern Studies* как смена парадигмы, 1982–1987**

Исследователи Subaltern Studies вмешались в эту ситуацию в 1982 г. Интеллектуально это вмешательство произошло на поле той парадигмы, против которой было направлено: историографии, имевшей корни в колониальной образовательной системе. Все началось с критики двух утвердившихся историографий – кембриджской и националистической. Оба эти подхода, провозгласил Гуа в заявлении, положившем начало *Subaltern Studies*, являются элитистскими. Они написали историю национализма как повествование об успехе высших классов. При всех их достоинствах они не смогли раскрыть «вклад в создание и развитие национализма, сделанный самими народом, то есть *независимо от элиты*»¹³. Из этого утверждения Гуа понятно, что исследования *Subaltern Studies* являются одной из попыток повернуть осмысленные истории к более широким движениям за независимость Индии. Исследователи искали антиэлитистский подход к написанию индийской истории и в этом были близки к изучению «истории снизу», которую развивали в английской историографии К. Хил, Э.П. Томпсон, Э.Дж. Хобсбаум и др. И *Subaltern Studies*, и школа «истории снизу» в своих истоках были марксистскими; обе школы в определенной степени опирались на идеи итальянского коммуниста Антонио Грамши в попытках отойти от детерминистских, сталинских прочтений Маркса¹⁴. Исследователи *Subaltern Studies* провозгласили своей целью исторический анализ, в рамках которого подчиненные группы рассматривались бы как субъекты истории. Как выразился однажды Гуа, представляя проект *Subaltern Studies*: «Мы действительно противопоставим большинству господствующих академических практик в историографии...ввиду их отказа признать подчиненного творцом своей собственной судьбы. Эта критика лежит в самой сердцевине нашего проекта»¹⁵.

Обоснование проекта, сделанное Гуа, обозначило ключевые различия между *Subaltern Studies* и английской марксистской историографией. Исходя из ретроспективного взгляда, можно обозначить три большие области, в которых подходы *Subaltern Studies* отличались от концепции «истории снизу» Хобсбаума и Томпсона (учитывая различия между этими двумя выдающимися историками Англии и всей Европы). Историография подчиненных групп с необходимостью пришла к относительному отделению истории власти от любых универсалистских историй капитала, критике национальной формы и проблематизации отношений между властью и знанием (а значит, и архивными практиками, и историей как формой знания). Эти различия, на мой взгляд, положили начало новым постановкам интеллектуальных задач для постколониальных историй.

Критический прорыв шел в направлении, на котором Гуа стремился переопределить категорию *политического* в отношении колониальной Индии. Он указывал, что и Кембридж, и националистические историки отождествляют политическую сферу с формальной стороной правительственных и институциональных процессов. Гуа писал: «Во всех сочинениях этого типа (т.е. элитистской историографии)

измерения индийской политики допускаются существующими или заявленными постольку, поскольку они связаны с институтами, созданными британцами для управления страной... (Историки-элитисты) способны лишь отождествить политику с совокупностью действий и идей тех, кто прямо вовлечен в деятельность этих институтов, то есть колониальную власть и ее представителей – доминирующие группы местного общества»¹⁶.

Используя понятия «народ» и «подчиненные классы» в качестве синонимов и определяя их как «демографическое различие между общей численностью населения Индии» и доминирующей местной и иностранной элитой, Гуа утверждал, что в колониальной Индии «автономная» сфера «народной политики» была организована иначе, нежели сфера политики элиты. Элитарная политика основывалась на «вертикальной мобилизации», «уверенности в возможности адаптации в Индии британских парламентарных институтов» и «имела относительно правовую и конституционную ориентацию». А в «политике подчиненных групп» мобилизация в целях политического действия основывалась на горизонтальной вовлеченности типа «традиционной организации родства и территориальности» или на «классовом сознании», «в зависимости от уровня сознания вовлеченных людей». «Политика подчиненных групп» потенциально была сильнее, нежели элитарная политика. Центральным для мобилизации подчиненных групп было «понятие сопротивления элитарному доминированию». «Опыт эксплуатации и труда обеспечил эту политику многими средствами выражения, нормами и ценностями, которые укладывались в категории, выходящие за рамки элитарной политики», – писал Гуа. Крестьянские восстания в колониальной Индии, утверждал он, отразили эту особую автономную грамматику мобилизации «в наиболее яркой форме». Даже в акциях сопротивления и протеста городских рабочих «фигура мобилизации» была «заимствована непосредственно из крестьянских мятежей»¹⁷.

Произведенное Гуа разделение политической сферы на политику элиты и политику подчиненных групп повлекло за собой радикальные последствия для социальной теории и историографии. Стандартной тенденцией глобальной марксистской историографии до 1970-х гг. было рассмотрение крестьянских восстаний, организованных по принципам родства, религии, касты и т.д., как движений, иллюстрирующих «отсталое» сознание, явлений сродни социальному бандитизму или «примитивным бунтам», которые Хобсбаум назвал *дополитическими*. Такое сознание определялось в качестве еще не достигшего согласия с институциональной логикой модерности или капитализма. Хобсбаум сказал об этом следующим образом: «Они – дополитические люди, еще не нашедшие или только начинающие искать специфический язык выражения своих устремлений в этом мире»¹⁸. Последовательно отклоняя характеристику крестьянского сознания как дополитического и избегая эволюционных моделей, Гуа утверждал, что природа коллективного действия против эксплуатации в колониальной Индии фактически приводила к новой констелляции *политического*. Игнорирование проблемы крестьянского участия

в модерной политической жизни будет склонять к тому, считал Гуа, что евроцентричный марксизм не выйдет за рамки элитистских историй. Последние же не способны анализировать сознание крестьянина – дискурсы родства, касты, религии и этнической принадлежности, в которых выражается крестьянский протест, – кроме как в категориях отсталого сознания, пытающегося найти точки соприкосновения с изменяющимся миром, логику которого оно никогда не сможет постичь до конца.

Гуа настаивал, что крестьянство было не анахронизмом в модернизированном колониальном мире, а реальным современником колониализма и фундаментальной составляющей модерности, вызванной к жизни в Индии колониальным правлением. Крестьянское сознание не было отсталым, оно не было законсервированной ментальностью, рассматривавшей современные политические и экономические институты в качестве враждебных и сопротивлявшейся им. Гуа полагал, что (восставшие) крестьяне колониальной Индии на самом деле адекватно воспринимали современный мир. Исследовав, например, более сотни известных крестьянских бунтов в Британской Индии в период с 1783 по 1900 г., Гуа показал, что они всегда включали в себя разработку крестьянами кодов одежды, речи и поведения, обратных аналогичным кодам социальных групп, доминировавших над крестьянами в повседневной жизни¹⁹. Инверсия символов власти почти всегда была первым актом сопротивления восставших крестьян.

Элитистские истории крестьянских восстаний игнорировали значение этого жеста, рассматривая его как дополитический. К примеру, Анил Сил отрицал «специфически политическое содержание» за всеми крестьянскими восстаниями в колониальной Индии XIX в., полагая, что это были «восстания традиционного типа, с использованием палок и камней, как единственной форма протеста против нищеты»²⁰. Марксисты, со своей стороны, рассматривали эти жесты как выражение ложного сознания или приписывали им функцию «предохранительного клапана» в социальной системе²¹. Обе эти объяснительные стратегии, утверждал Гуа, игнорировали тот факт, что в начале каждого крестьянского восстания часть повстанцев начинала борьбу с разрушения всех символов социального престижа и власти правящих классов: «Борьба с престижем лежала в самой сердцевине восстания. Инверсия была ее основной модальностью. Это была *политическая* борьба, в которой восставший присваивал и/или разрушал знаки отличия власти противника, надеясь таким образом упразднить метку собственной подчиненности»²².

Я подчеркиваю слово *политическая* в этой цитате, чтобы показать напряженность между марксистским происхождением *Subaltern Studies* и пониманием природы власти в незападной колониальной модерности, которая в рамках этих исследований присутствовала с самого начала. Гуа считал, что система власти, в рамках которой существовали крестьяне и другие подчиненные классы в колониальной Индии, содержала в себе две очень различные логики иерархии и притеснения. Одна была логикой квазилиберальной институциональной структуры, учрежденной британцами. Но наряду с ней существовала и другая сеть отношений, в которой

иерархия основывалась на прямом и явном доминировании и подчинении менее сильных посредством идеологико-символических значений и физической мощи. Семиотику доминирования и подчинения – вот что стремились разрушить подчиненные классы каждый раз, когда поднимались на восстание. В индийском случае эта семиотика не могла быть отделена от того, что по-английски неточно определяется как *религиозное* и *сверхъестественное*.

Напряженность между привычным нарративом капитала и его более радикальным пониманием можно увидеть в работе Гюа «*Elementary Aspects*». Иногда Гюа склонен понимать *доминирование* и *подчинение* в терминах оппозиции между феодальным и капиталистическим способом производства. Существует влиятельная тенденция в марксистских и либеральных теориях, которая понимает некоторые виды недемократических отношений – персонифицированные системы власти, например, или практики ее сакрализации – как пережитки докапиталистической эпохи, как до-модерные. Они рассматриваются как показатели проблем, возникающих при переходе к капитализму, при этом предполагается, что развитый капитализм логически не может или не должен быть совместим с отношениями феодального типа.

Эти положения повторяют привычную структуру, по которой часто строятся европейские повествования о переходе к капитализму. Вначале экспроприируются крестьянские земли. Затем крестьяне причисляются к разряду городских и промышленных рабочих, после чего они вовлекаются в трудовой процесс на фабрике. Затем они участвуют в разрушении машин и других формах луддитского протеста, пока на сцену не выходят профсоюзы, после чего рабочий класс получает некоторые формальные свободы, что служит показателем роста демократического сознания. В этом евроцентристском взгляде на историю, хотя и модифицированном в соответствии с теориями «неравномерного развития», крестьянин есть фигура прошлого и должен мутировать в промышленного рабочего, чтобы в конечном счете превратиться в гражданского субъекта современной демократии. Там, где эта мутация еще не закончилась, но при этом крестьянин становится актором современной политической сферы, как в случае антиколониального национализма, он остается носителем того, что Хобсбаум назвал, как мы уже отмечали, *дополитическим сознанием*.

Гюа в «*Elementary Aspects*» иногда остается в пределах этого анализа. Прямое доминирование, говорит он, является особенностью затянувшегося феодализма:

«Для субконтинента в целом капиталистическое развитие сельского хозяйства оставалось в зародыше... вплоть до 1900-х годов. Ренты были самой существенной частью дохода от земельной собственности. ...Элементом, постоянным в этих отношениях [между помещиком и крестьянином] в их различных вариациях, было изъятие излишков у крестьян средствами, определяемыми не столько свободной игрой сил рыночной экономики, сколько внеэкономической силы помещичьего сословия в местном обществе и в колониальной политике. Другими словами, это были отношения доминирования и подчинения – политические отношения феодального типа, или, если точнее, полуфеодальные отношения, возможные благо-

даря докапиталистическому способу производства и его легитимации в традиционной культуре, все еще преобладающей в суперструктуре»²³.

Это специфически марксистский нарратив, однако он способствовал критике Гуа категории *дополитического*. Согласившись с марксистской составляющей этой цитаты, можно было бы утверждать, что сфера политического почти никогда не абстрагировалась от других сфер – религии, родства, культуры – в феодальных отношениях доминирования и подчинения и что в этом смысле феодальные отношения власти трудно назвать в полной мере *политическими*. Затянувшееся существование отношений феодального типа в индийском обществе может быть, в таком случае, понято – что Гуа действительно делает в начале цитаты – как знак неполноты перехода к капитализму. По этой логике так называемые полуфеодальные отношения и крестьянскую ментальность можно рассматривать как пережитки прежнего периода, все еще, несомненно, активные, но обреченные во всемирно-историческом смысле на исчезновение. С учреждением в Индии большого количества капиталистических институтов процесс превращения крестьянина в гражданина – полноценную политическую конфигурацию личности – обретет реальную базу. Такова была логика Хобсбаума. Именно поэтому его дополитические характеры (даже когда Хобсбаум признает, что обретение политического сознания этими «примитивными бунтовщиками» есть то, что делает «наш век самым революционным в истории») всегда остаются в позиции классических «аутсайдеров» по отношению к логике капитализма: «Он приходит к ним извне, под незаметным действием экономических сил, которых они не понимают и над которыми не обладают никаким контролем»²⁴.

В своем отрицании категории *дополитического* Гуа настаивает на специфической истории современной демократии в Индии и на различиях в историях власти в колониальной Индии и в Европе. Этот жест радикален тем, что существенно разнобразит историю власти в глобальной современности и отделяет ее от универсальной истории капитала. «Материал Хобсбаума, – пишет Гуа, – получен, конечно, целиком из европейского опыта, и его обобщения обусловлены, возможно, тем же. ...Независимо от его соответствия историям других стран, понятие дополитического крестьянского движения мало помогает в понимании опыта колониальной Индии»²⁵. Если мы рассматриваем колониальную формацию в Индии как случай современности, в котором сфера политического, как утверждает Гуа во введении в *Subaltern Studies*, расщепляется на две отличные друг от друга логики, все время переплетающиеся вместе, – логику формально-правовых и светских структур управления и логику отношений прямого доминирования и подчинения, получающую легитимность из другого набора институтов и практик, включая такие, как дхарма (*дхарма* часто переводится как «религия»), – то работы Гуа помогают раскрыть очень интересную проблему глобальной истории современности и гражданского общества.

В конечном счете это проблема того, как мыслить об истории власти в эпоху, когда капитал и правящие институты современности получают глобальный размах. Анализ Марксом капиталистического порядка заканчивался выводом, что господ-

ство капитала повлекло за собой переход к капиталистическим отношениям власти: штрафная книга надзирателя заменила собой плеть погонщика рабов. Работы Фуко показывают, что если мы хотим понять суть ключевых институтов модерности, возникших на Западе, юридическую модель государственного суверенитета, прославляемую современной политической мыслью, то ее необходимо дополнить понятиями дисциплины, биовласти и управления. Гуа утверждает, что в колониальной модерности Индии это дополнение должно еще включать термины *доминирование* и *подчинение*. Не потому, что Индия является некой полумодерной, полукапиталистической или полуфеодальной страной. И не потому, что капитал в Индии правит лишь «формальным образом».

Гуа выходит за пределы спора, редуцирующего вопросы демократии и власти на субконтиненте, к рассуждениям о неполном переходе к капитализму. Он не отрицает связи колониальной Индии с глобальными силами капитализма. Его позиция, однако, состоит в том, что глобальная история капитализма не должна везде и всюду воспроизводить одну и ту же историю власти. В уравнении модерности и власть, и капитал являются независимыми переменными. Капитал и власть можно рассматривать как аналитически разделимые категории. Поэтому традиционная европейско-марксистская политическая мысль, сплавливающая их вместе, всегда релевантна, но не адекватна для теоретизирования власти в историях колониальной модерности. История колониальной модерности в Индии создала многоплановую в средствах своего выражения и бесконечно разнообразную в структуре сферу политического, включающую в себя черты различных типов отношений, не составляющих логического целого. Одной из таких черт, критической по отношению к функционированию власти в индийских институтах, было прямое доминирование и подчинение низших классов элитой. Как выразился Гуа в своей первой статье для *Subaltern Studies*, эта черта доминирования и подчинения, всеместная в отношениях власти в Индии, «была традиционной, поскольку ее корни можно проследить, обращаясь назад, в доколониальные времена, но ее нельзя назвать архаичной в том смысле, что она вышла из моды»²⁶.

Социальное доминирование и подчинение низших классов элитой были, таким образом, повседневной особенностью именно индийского капитализма колониального происхождения. Критически переосмысляя некоторые тексты Маркса, Гуа утверждал, что модерный колониализм был очень существенным историческим условием доминирования экспансивного и все более глобального капитала над незападными обществами без развития производства и без каких-либо демократических преобразований в социальных отношениях власти и авторитета. Колониальное государство – окончательное выражение области политического в колониальной Индии – было как результатом, так и условием возможности такого доминирования. Гуа писал: «Колониализм мог продолжаться как система властных отношений на субконтиненте только в том случае, если бы колониальная буржуазия была не в состоянии соответствовать своему собственному проекту унификации. Характер

государства, созданного силой оружия, сформировал эту историческую необходимость». Результатом было общество, которое, вне всякого сомнения, изменилось под воздействием колониального капитализма, но в котором «обширные области жизни и сознания людей» избежали любых форм «[буржуазной] гегемонии»²⁷. В другой работе Гуа писал, что «индийскую культуру колониальной эпохи» нельзя понимать «ни как подражание либерально-буржуазной культуре Британии XIX века, ни как простое сохранение предшествующей, докапиталистической культуры»²⁸. Это был капитализм, но капитализм без капиталистических иерархий, капиталистическое господство без гегемонистской капиталистической культуры – или, в известных терминах Гуа, *господство без гегемонии*.

Subaltern Studies и переориентация истории

Формулировки Гуа о том, что национализм и колониализм были вовлечены в процесс установления в Индии такого правления капитала, в котором буржуазные идеологии осуществляли господство без гегемонии, и о том, что возникшие формы власти в Индии нельзя называть *дополитическими* – имели несколько серьезных последствий для историографии. Некоторые из них были изложены в работах самого Гуа и его коллег.

Прежде всего, проведенный Гуа анализ категории *дополитического* подверг критике историзм, отклонив все стадияльные теории истории. Если, как уже говорилось, термин *дополитическое* становится действительным через категоризацию определенных типов властных отношений, таких как домодерный, феодальный и т.д., то у Гуа власть в колониальной Индии противостоит такому ясному различию между модерным и домодерным. Отношения в Индии, которые выглядят феодальными, когда рассматриваются сквозь призму стадияльного взгляда на историю, были современными всему тому, что сквозь эту же призму видится модерным. Однако, из перспективы Гуа, прошлое не может рассматриваться через эволюционистские метафоры «пережитка» и «остатка» без того историзма, который делает такую интерпретацию прошлого элитистской.

Исследования *Subaltern Studies* в принципе противостояли националистическим историям, изображавшим националистических лидеров как проводников Индии и ее народа из некой докапиталистической стадии во всемирно-историческую фазу «буржуазной модерности», должным образом оснащенную артефактами демократии: гражданскими правами, рыночной экономикой, свободой прессы и верховенством закона. Несомненно, индийская политическая элита усваивала и использовала язык политической модерности, но эта демократическая тенденция существовала рядом с недемократическими отношениями доминирования и подчинения и переплеталась с ними. Сосуществование этих двух сфер политики, утверждал Гуа, «было показателем *провала попытки буржуазии говорить за всю нацию*»²⁹. Тем более

что не было никакой единой нации, чтобы за нее кто-то мог говорить. Самым важным вопросом, скорее, был вопрос о том, как и посредством каких практик возник тот официальный национализм, который присвоил себе право репрезентировать единую нацию. Критическая позиция по отношению к официальному национализму и сопутствующей ему историографии прежде всего и отличала исследования *Subaltern Studies* от всех прочих. Поэтому постколониальная история здесь также выстраивалась в постнационалистических формах историографии³⁰.

Поиски Гуа истории, в которой подчиненный был творцом собственной судьбы, выдвинули в центр внимания вопрос отношения между текстом и властью. Обычно исторические архивы – это собрания документов различных видов. Историки крестьянства и других подчиненных социальных групп постоянно подчеркивали тот факт, что крестьяне не оставляют после себя собственных документов. Поэтому исследователи, заинтересованные возвращением в историю крестьянского опыта, часто обращались за помощью к ресурсам других дисциплин: антропологии, демографии, социологии, археологии, географии и т.д. В известном исследовании французской деревни XIX в. «Peasants into Frenchmen» Эжен Вебер дает краткую формулировку такого подхода: «Немцы не неграмотны; они могут выразить и выражают себя различными способами. Социологи, этнологи, географы и, наконец, историки-демографы показали нам новые разнообразные способы интерпретации их свидетельств»³¹. В 1960–1970-х гг. Э.П. Томпсон, К. Томас и другие обращались к антропологии в поисках опыта подчиненных классов³².

Подход Гуа своеобразен по отношению к подходу этих историков. Он начинает «Elementary Aspects» с признания той же проблемы, о которой писали Вебер, Томас, Томпсон и другие: крестьяне не говорят сами за себя в архивных документах, которые обычно создаются господствующими классами³³. Поэтому Гуа также пользуется наработками разных дисциплин, прослеживая логику крестьянского сознания во время восстаний. Но категорию *сознания* он понимает иначе. Настаивая на автономии сознания восставших крестьян, он не стремится делать обобщения, из которых следовало бы, что должен думать, чувствовать или испытывать каждый эмпирический крестьянин, участвующий в восстании в колониальной Индии.

Критика Гуа термина *дополнительное* закрыла развитие этого направления, которое, будучи доведенным до конца, превращает крестьян в экзотический объект антропологии. Гуа размышляет о сознании – и, стало быть, о крестьянской субъектности – как о чем-то естественно присущем самим практикам крестьянского восстания. «Elementary Aspects» – это исследование *практик* восставшего крестьянства в колониальной Индии, а не самой категории, именуемой *сознание*. Цель книги состояла в том, чтобы воспроизвести коллективное воображение, естественно присущее практикам крестьянского восстания. Гуа не говорит, что сознание повстанцев, которое он обсуждает, действительно было *сознательным*, что оно существовало в головах крестьян. Он не отождествляет сознание со взглядом субъекта на самого себя. Гуа исследует повстанческие практики, чтобы дешифровать специфические

отношения – между элитой и подчиненными группами и среди самих подчиненных групп, – и затем пытается вывести из этих отношений элементарные структуры сознания и воображения, внутренне присущие этим отношениям.

В соответствии со структуралистской традицией, с которой книга соотносится уже самим присутствием слова *элементарные* в названии, Гуа описывает свою герменевтическую стратегию через метафору чтения. Доступные нам архивы крестьянских восстаний сформированы антиповстанческими службами правящих классов, их армией и полицией. Поэтому Гуа подчеркивает, что историку необходимо иметь свою стратегию чтения архивов. Цель этой стратегии состоит не только в том, чтобы выявить и отсеять предрассудки элит, но и анализировать текстуальные особенности документов для понимания истории создавшей их власти. Без такого подхода существует опасность воспроизводить ту же логику репрезентации, которая используется высшими классами в их доминировании над подчиненными³⁴. Интервенционистская метафора чтения представляется противоположностью использованной Томпсоном – в ходе его полемики с Альтюссером – пассивной метафоры слушания в описании герменевтической деятельности историка³⁵. Эта стратегия чтения делает историографию *Subaltern Studies* открытой влиянию литературы и теории нарратива³⁶.

Таким образом, критикуя историзм и евроцентризм и используя эту критику для анализа идеи нации, актуализируя текстуальные значения архивных документов, рассматривая репрезентацию как аспект властных отношений между элитой и подчиненными группами, Гуа и его коллеги отходили от господствующих установок подхода «истории снизу» в английской марксистской историографии. Работы Гуа положили начало лингвистическому повороту в индийской истории. С самого начала исследования *Subaltern Studies* позиционировали себя как неортодоксальная левая теория. Наследие марксизма переплеталось в них с современными течениями европейской мысли, прежде всего, со структурализмом. Заметны также параллели с ранним Фуко в постановке Гуа вопроса о знании-власти и вопрошании о том, что есть архивы и как они сформированы.

***Subaltern Studies* после 1988 года: многократные повороты**

Ранаджит Гуа ушел из редакционной коллегии *Subaltern Studies* в 1988 г.³⁷ В том же году антология под названием «Selected Subaltern Studies», опубликованная в Нью-Йорке, положила начало глобальному продвижению проекта. Эдвард Саид написал предисловие к изданию, представляющему обоснованные Гуа цели *Subaltern Studies* как «интеллектуального восстания»³⁸. Эссе Гайатри Спивак «Deconstructiong Historiography», впервые опубликованная в *Subaltern Studies VI* (1986), послужила введением ко всему сборнику³⁹. Ее эссе и обзорное эссе Розалинды О'Хэнлон, впервые опубликованное в журнале «Modern Asia Studies» в 1988 г. представляли собой

два важных критических разбора *Subaltern Studies*, оказавших серьезное влияние на позднейшую интеллектуальную историю проекта⁴⁰. И Спивак, и О'Хэнлон указали на отсутствие гендерной проблематики в *Subaltern Studies*. Обе также дали фундаментальный критический обзор теоретической ориентации проекта, отмечая, в частности, что историография *Subaltern Studies* оперирует идеей субъекта (говоря словами Гуа, «подчиненный творец своей собственной судьбы»), а это не соотносится с современной критикой самой идеи субъекта. Известная работа Спивак «Can the Subaltern Speak?» (критическое прочтение беседы Фуко и Делёза) убедительно возражает любой прямолинейной программе «разрешения подчиненному говорить»⁴¹.

Исследователи *Subaltern Studies* пытались принимать во внимание эту критику. Претензия к тому, что они не занимаются гендерными проблемами и не используют феминистские наработки, была до некоторой степени учтена Ранаджитом Гуа, Партой Чаттерджи, Сьюзи Тару и др.⁴² Работа Чаттерджи «Nationalist Thought and the Colonial World» (1986) стала образцом творческого применения саидианских и постколониальных подходов к исследованию незападных национализмов типа индийского⁴³. После этой работы, расширившей начатую Гуа критику националистической историографии до всесторонней критики националистической мысли, и книги Гьянандры Пандея об истории разделения Индии в 1947 г. постколониальная критика воистину стала и постнационалистической⁴⁴.

Влияние деконструктивистской и постмодернистской мысли с идеями предпочтения фрагмента целому или тотальности на исследователей *Subaltern Studies* прослеживается в работах Гьянандры Пандея, Парты Чаттерджи и Шахида Амина 1990-х гг. «The Construction of Communalism in Colonial North India» Пандея (1990) и его же эссе 1992 г. «In Defense of the Fragment», «The Nation and Its Fragments» Чаттерджи (1994) и получившая широкий резонанс работа Амина «Event, Memory, Metaphor» поставили под вопрос архивные и эпистемологические основания и даже саму возможность конструирования и тотализации национальной истории в нарративе политики подчиненных групп⁴⁵. Это движение дало начало ряду работ представителей *Subaltern Studies*, в которых сама история как европейская форма знания была подвергнута критическому анализу. Гьян Пракаш, Ранаджит Гуа, Парта Чаттерджи, Шахид Амин, Аджай Скариа, Шейла Майярам и другие внесли значительный вклад в анализ колониального дискурса⁴⁶. Благодаря растущему влиянию трудов Хоми Бхабха⁴⁷, Гайатри Спивак и Эдварда Саида исследования *Subaltern Studies* превратились в проект, связанный с постколониальными исследованиями во всех регионах мира.

Где находятся сегодня *Subaltern Studies* – и как серия, и как проект? Думается, что на пересечении многих траекторий. Первоначально он развивался и поддерживался в работах лишь отдельных членов коллектива. Исследование Дэвида Арнольда «Colonizing the Body» о британском колониализме в Индии в категориях историй соперничества телесных практик, Дэвида Хардимана «The Coming of the Devi» и

«Feeding the Baniya» о политической и экономической культуре подчиненных групп, зафиксированной в оригинальных формах капитализма в индийском штате Гуджарат, исследование Гаутама Бхандры «Iman o nishan» с анализом большого количества текстов, касающихся крестьянского движения в Бенгалии в XVIII–XIX вв., – примеры, в которых возможности оригинального историографического проекта раскрыты и проиллюстрированы на конкретных исторических примерах⁴⁸.

Вместе с тем исследователи *Subaltern Studies* пошли дальше изначальной историографической задачи, которую сами себе поставили в начале 1980-х гг. Распространение направления за пределы проблем индийской истории повлекло за собой как одобрение, так и критику. Большинство противоречий внутри направления примерно соответствует контурам глобальных дебатов между марксистами и постмодернистами.

Так же как и другие марксисты, индийские марксисты считают, что постмодернистская валоризация фрагмента в историографии подчиненных групп идет во вред единству угнетенных и на пользу индусских экстремистов. Многие марксистские оппоненты *Subaltern Studies* полагают, что такое единство может обеспечить только социальный анализ, который поможет объединить различные группы угнетенных через нахождение универсальных причин угнетения.

Сторонники *Subaltern Studies* в ответ заявляют, что публичная сфера – как в Индии, так и в других странах – фрагментирована под влиянием демократии, и предлагаемое марксистами искусственное объединение невозможно, поскольку основано на редукции многообразных опытов угнетения и маргинализации к одной-единственной оси класса или же к триаде осей класса, гендера и этничности. Критическое рассмотрение европейских форм знания, добавляют они, является составной частью пересмотра колониального наследия, который осуществляется постколониальными интеллектуалами. Их критика национализма, настаивают они, не имеет ничего общего с националистическим шовинизмом индусских партий.

Я не намерен оценивать эти дебаты, которые более подробно буду рассматривать во второй главе. Целью этого текста было опровержение обвинений в том, что исследователи *Subaltern Studies* потеряли свое лицо из-за попадания в плохую компанию. Через обсуждение того, что писал Га в 1980-х гг., я пытался продемонстрировать некоторые связи между изначальными целями проекта *Subaltern Studies* и нынешними дискуссиями о постколониальности. Исследования *Subaltern Studies* не были всего лишь использованием на индийском материале методов исторического исследования, уже разработанных в британской марксистской традиции «истории снизу». Хотя они частично являются продуктом этой традиции, но природа политической модерности в колониальной Индии делает невозможным применение этого метода исторической науки, за исключением всесторонней критики истории как академической дисциплины⁴⁹.

Отличием повествования о политической модерности в Индии от сравнимых с ним обычных нарративов Запада является то, что модерная политика в Индии не

основывалась на предположении об отмирании крестьянства. Крестьянин не должен был превращаться в промышленного рабочего, чтобы стать субъектом нации и гражданского общества. Крестьянин, принимавший участие в различных формах массовой националистической борьбы против британцев, не был дополитическим субъектом. Предоставление гражданских прав индийскому крестьянству после достижения независимости от британцев всего только признало его уже политическую природу. Последнее означает также, что сознание, которое можно назвать *политическим* в индийском контексте, не укладывается в схемы мыслителей Запада, теоретизировавших политическое как повествование о суверенитете человека в расколдованном мире. Индийское крестьянство не было *дополитическим* и поэтому не может рассматриваться как простой объект антропологии, поскольку сама история политизации масс в Индии показала, что политическое здесь включает в себя действия, бросающие вызов традиционному теоретическому разделению политики и религии. В ретроспективе можно увидеть, что *Subaltern Studies* являлось демократическим проектом, назначением которого было производство генеалогии крестьянина как гражданина современной политической модерности.

2. Истории подчиненных групп и рационализм Постпросвещения

В 1990-х гг. концепции *Subaltern Studies* подверглись основательной критике, особенно в Индии, на том основании, что марксистский критический анализ, свойственный более ранним книгам серии, был заменен критикой рационализма, близкой европейскому Просвещению. В эссе о «фашистской» природе индуистских правых известный индийский историк Сумит Саркар объяснял, почему критика европейского Просвещения в Индии сегодня опасна. Его позицию можно изложить следующим образом: (1) «Фашистская идеология в Европе... в согласии с неким общим поворотом века, отходит от суровой строгости рационализма Просвещения»; (2) «Подобного рода идеи стали интеллектуальной модой на Западе и, распространяясь, начали влиять на индийскую академическую жизнь»; (3) «Уже очевидно», что эти «текущие академические моды» (Саркар упоминает «постмодернизм») «могут ослабить сопротивление интеллектуалов идеям хиндутвы [индусскости]». Саркар критичен по отношению к той разновидности социального анализа, которая продемонстрирована, например, в программе «История сознания» Калифорнийского университета. Работа Санта Круз: «Критика колониального дискурса»... стимулировала возникновение таких идеологических форм, которые нелегко отличить от стандартных постулатов Сангх Паривар [объединение индуистских правых организаций]... что хиндутва превосходит ислам и христианство (это распространяется также на такие порождения современного Запада, как наука, демократия и марксизм), поскольку имеет уникальные корни». Он предупреждает, что «некритический культ

“народа” или “подчиненных групп”, особенно в сочетании с отрицанием рационализма Просвещения... может вывести радикальных историков на странные пути», в которых он усматривает «зловещее» сходство с осуждением Муссолини «телеологической» идеи прогресса и гитлеровским превозношением немецкого *volk* над педантичным разумом⁵⁰.

Меня и Гаутаму Бхандру, двух «членов редакционной коллегии *Subaltern Studies*», Саркар приводит в пример как историков, которые уже ступили на «странный путь» вследствие «некритического восхваления подчиненных групп» и «отрицания рационализма Просвещения»⁵¹. Подобные претензии предъявлялись в последнее время и другим представителям *Subaltern Studies*⁵². Такого типа обвинения не уникальны для индийской ситуации. Читатель может вспомнить работу Кристофера Норриса «The Truth of Postmodernism», где утверждалось, что постмодернистская критика универсализма и рационализма Просвещения фактически проповедует форму культурного релятивизма, по меньшей мере, политически безответственную, если не чрезвычайно опасную⁵³. Однако поддержка критической позиции по отношению к наследию европейского Просвещения не предусматривает тотального отрицания традиций рациональной аргументации или рационализма как такового. Ответ на обвинения Саркара позволит мне продемонстрировать, каким образом критическая дистанция по отношению к наследию Просвещения может стать частью современной борьбы за демократизацию историографии.

Гиперрационализм и колониальная модерность

Центральным в этих дебатах оказался важный вопрос о том, как и в каких терминах история подчиненных групп может представить подчиненные классы как политических акторов. Все теоретические концепции политического носят светский характер. Но политические действия крестьянства во время и после националистического движения часто зывают к помощи богов и духов. Обязательно ли считать такую форму политического сознания неприемлемой? Следует ли уводить крестьянство от этого? Авторы индийской конституции исходили из необходимости разделить религиозные и политические институты. Новые индуистские правые, говоря об индусскости и индуистском наследии, смешивают политику и религию. Но что такое религия? Идея личной религии – свобода вероисповедания как часть гражданских прав – гарантируется индийской конституцией. Однако что делать с религиозными практиками, которые не основываются на идее личных духовных предпочтений и поисков? А ведь к таковым относится большинство индуистских праздников и ритуалов, посвященных различным божествам. Что происходит, когда эти боги входят в сферу современной политики?

Еще с колониальных времен интеллектуальная традиция в Индии часто приравнивала поклонение богам к суевериям. Левые интеллектуалы принадлежат, преиму-

щественно, к этой традиции. Политические действия на представлениях, связанных с местом рождения мифического бога-короля Рама и разжигание антимусульманских и антихристианских чувств под флагом индусскости, как это делают индуистские правые, рассматриваются ими как примеры иррационального в политической жизни. Они стремятся защитить индийский секуляризм, культивируя рациональное мировоззрение. Поэтому истории подчиненных групп, подчеркивавшие и оправдывавшие наличие политического сознания, для которого боги имеют реальное значение, вызывали негодование старых индийских левых.

Однако с какой бы мерой мы к этой проблеме ни подходили, религия остается главным и самым устойчивым фактором индийской политической жизни. Политические чувства на субконтиненте переполнены элементами, которые можно назвать религиозными, по крайней мере, по происхождению. Но индийские историки, лучшие из которых исповедуют марксистские или леволиберальные убеждения, никогда не были способны продемонстрировать сколь-нибудь развернутое понимание этого феномена. Его анализ Саркаром отражает это общее непонимание в работе «The Swadeshi Movement in Bengal». Это исследование националистического движения против британской политики раздела Бенгалии, возникшего около 1905 г., несомненно, является одной из важнейших монографий по современной индийской истории⁵⁴. Но вместе с тем эта монография является ярким свидетельством интеллектуальной неудачи в интерпретации роли религии в этом политическом движении.

Движение Свадеша было, как пишет и сам Саркар на основании тщательного изучения документов, переполнено индуистскими религиозными чувствами и воображением. Именно это движение, как никакое другое в современной бенгальской истории, вызвало к жизни и утвердило в сознании и мусульман, и индусов образ Бенгалии как богини-матери, требующей любви и жертвенности от своих детей. Но Саркарово понимание этого религиозного воображения остается всецело инструментальным. Он готов себе представить, что модерное политическое движение может использовать религию в качестве средства достижения политических целей (особенно в крестьянском обществе), но враждебно относится к ситуациям, когда религия становится для исторических акторов целью сама по себе. Саркар пишет:

«Представляется бесспорным, что тяга к потустороннему имела тенденцию утверждаться в периоды напряжения и фрустрации. *Религия, которая первоначально культивировалась как средство достижения единения масс и стимуляции моральных чувств, могла легко стать целью сама по себе.* Процесс такой инверсии ясно отражен в известной уттарпарской речи Ауробиндо (националистический лидер)... “Эта сила однажды уже говорила во мне, и тогда я сказал, что это не политическое движение и что национализм – не политика, а религия, credo, вера. Сегодня я снова говорю это, но понимаю по-другому. Я больше не говорю, что на-

ционализм – это кредо, религия, вера; я говорю, что это Санатан Дхарма*, которая для нас и есть национализм”⁵⁵ (*курсив мой.* – Д.Ч.).

Характер индусских богов и богинь вряд ли можно назвать *потусторонним*. Но даже принимая такую точку зрения, ясно, что для Саркра религия приемлема как средство, но не как цель. Для него политическая сфера с необходимостью должна быть отделена от религиозной. Он никогда не рассматривает возможности того, что религиозное чувство может использовать политические структуры и язык политики для достижения целей или реализации жизненных форм, в которых о политическом нельзя говорить без религиозного. Именно это является реальным содержанием речи Аурубиндо, от которого пытается отвернуться Саркар.

Почему так происходит? Почему один из самых талантливых и компетентных наших историков оказывается не в состоянии продемонстрировать малейшего понимания тех моментов нашей общественно-политической истории, в которых европейское различие сакрального и секулярного не работает? В поисках ответа не надо далеко ходить. Так происходит потому, что Саркар рассматривает историю как повествование о беспрестанной борьбе между силами разума и гуманизма, с одной стороны, и силами эмоций и веры – с другой, и у нас не возникает сомнения, чью сторону принимает сам Саркар. О движении Свадеша он пишет в манере, раскрывающей нам его видение этого поля идеологической битвы, на которое он помещает и самого себя: «Важной... темой [в исследовании движения Свадеша] является идеологический конфликт между модернизмом и традиционализмом: между мировоззрением, которое требует социальных реформ, пытается оценивать явления и идеи по критериям разума и повседневной полезности и основывается на гуманизме, стремящемся выйти за пределы касты или религии и логически противоположной тенденцией, которая защищает и оправдывает существующий социальный порядок от имени изначальной традиции и блистательного прошлого, стремясь подменить разум эмоциями и верой»⁵⁶.

Я полагаю, что этот глубокий раскол между эмоциями и разумом является частью колониального нарратива в Индии. Научный рационализм, или дух научного вопрошания, изначально был занесен в колониальную Индию как противоядие против (индийской) религии, особенно против индуизма, который и миссионеры, и чиновники, вместе с востоковедами, рассматривали как смесь суеверий и колдовства. Шотландский миссионер Александр Дафф в 1839 г. писал, что индуизм – это «колоссальная система ошибок»⁵⁷. Поэтому первые миссионерские школы в Бенгалии были более либеральными и секулярными в своих учебных планах, нежели аналогичные школы в Англии. Миссионеры полагали, что пробуждение разума, а не стратегия прямого обращения более способно привести к подрыву суеверий, служащих основой индуизма. Майкл Лэйрд пишет об этом периоде: «Помимо страстного желания распространять веру саму по себе, миссионеры полагали также, что за-

* Санатан Дхарма – самоназвание индуизма. – Прим. перев.

падная наука может подорвать веру в индусские священные писания; к примеру, новая география вряд ли может быть соотнесена с Пуранами*. ...[Они], таким образом, действовали как подстрекатели интеллектуального пробуждения или даже революции... [и их] школы были очевидными агентами этого христианского Просвещения. Можно отметить даже поучительный контраст с современной им Англией, в начальных школах которой передовой учебный план, с самого начала внедрявшийся в Бенгалии, не был распространенным». Даже сам процесс освоения английского языка, писал Александр Дафф, должен был «сделать студента... в десять раз менее зависимым от пантеизма, идолопоклонства и суеверий, чем раньше»⁵⁸.

Такое одновременное кодирование (западного) знания как рационального и индуизма как чего-то являющегося одновременно религией и смесью суеверий положило начало своего рода колониальному гиперрационализму среди индийских интеллектуалов, сознательно позиционировавших себя как современные. Разумеется, в Индии и до британского правления, и после него были крупные интеллектуалы (в эту категорию попадают и Раммохан Рой, и Свами Дайананд Сарасвати, и даже ученый-националист Дж. С. Босе), которые, мало отличаясь от многих европейских интеллектуалов, стремились развивать диалог между наукой и религией⁵⁹. Но исследования того, как эти идеи повлияли на природу современного академического знания в Индии, находятся еще на ранних стадиях. Мироззрение современного индийского секулярного научного сообщества, особенно той его части, которая ориентируется на марксистскую социальную историю, не только разделяет характерный для социальных наук взгляд на мир как на «расколдованный», но и демонстрирует антипатию к любым оттенкам религиозного. В результате мы имеем в науке своего рода паралич воображения, удивительный для страны, народ которой никогда не испытывал затруднений в воображении сверхъестественного в самых разнообразных формах.

Безусловно, все это отделяло индийскую духовность от европейского Просвещения XVIII в., поскольку Просвещение, при всем его разнообразии, «означало отказ от иррационального и суеверного»: «В сфере социально-политических вопросов Просвещения XVIII в. <...> большое количество взаимно несовместимых идей. ...Однако во всех них были точки соприкосновения, с которыми соглашались все в разных странах, желавшие быть просвещенными. Прежде всего, Просвещение означало отказ от иррационального и от суеверий. ... Быть суеверным значило верить в сверхъестественное»⁶⁰.

Сегодня историки более чувствительны к различиям внутри Просвещения. Но они еще не в должной мере осознают те многочисленные связи, существующие в

* *Пураны* – класс священных текстов индуизма. Содержание их весьма разнообразно: мифы, сказки, генеалогия богов, легендарные истории царских династий, ритуальные предписания, философские рассуждения, подробные описания маршрутов и объектов паломничества, специальные трактаты по различным отраслям традиционной науки. – *Прим. перев.*

Европе между наукой и религией. Идея Просвещения, распространявшаяся среди современных индийских интеллектуалов, была чем-то вроде (если использовать выражение Презерведа Смита, употребленного в несколько ином контексте) «пропаганды Разума», который отождествлялся с овладением научным мировоззрением и отказом от суеверий, – что Смит и сделал в своей книге о Просвещении⁶¹. Секулярный рационализм индийских интеллектуалов демонстрировал агрессивное отношение к религии и ко всему, что в индуизме рассматривалось как священное, будь то отношения родства, ритуалы жизненного цикла или публичная жизнь⁶².

Почему сложилось именно так – долгая и пока никем не исследованная история. Но прежде всего заметим, что проблема не в так называемом отчуждении светских интеллектуалов Индии от религиозной сферы жизни страны. Индуистские правые часто критикуют за это левых и Саркар вполне прав, отвергая такую критику⁶³. Проблема, скорее, в том, что в нашем агрессивно секулярном академическом дискурсе отсутствуют аналитические категории, которые позволили бы адекватно выразить реальные, повседневные и многообразные связи, которые мы, став людьми эпохи модерна, начали рассматривать как нерациональные. Традиция/модерность, рациональное/нерациональное, интеллект/эмоции – эти ненадежные и проблематичные бинарные оппозиции исподволь присутствуют в языке социальных наук с XIX в.

Работа Эндрю Сартори о бенгальском востоковеде и индологе XIX в. Раджендралале Митре недавно привлекла наше внимание к этой проблеме. Сартори показывает, что раскол между аналитическим и эмоциональным произведен колониальным дискурсом и навсегда маркирует речь колонизированного интеллектуала. Он демонстрирует выразительный пример этого феномена колониального периода, когда цитирует Митру, писавшего в 1870-х гг. о традиции «кровавой жертвы» в Индии. Востоковед в Митре, несомненно, видел эту традицию варварской и нецивилизованной. Эта практика тогда еще не была устаревшей. И самому Митре приходилось принимать в ней участие. Он оценивал свою собственную связь с ритуалом как эмоциональную, а не рациональную или разумную. В запоминающемся пассаже в конце своего эссе об этой традиции он писал: «Принесение кровавой жертвы богине [Кали] – средневековый и современный обряд. ...В последний раз я видел эту церемонию шесть лет назад, когда мой уважаемый покойный ныне родитель, едва державшийся на ногах от старости, принес жертву ради моего восстановления после опасного и долгого заболевания плевритом. Независимо от того, что могут подумать об этом люди, воспитанные на мировоззрении, отличном от индо-арийского, я не могу не вспоминать об этом, *не испытывая глубочайшего чувства безграничной благодарности*, которое во мне вызывает этот факт» (*курсив мой.* – Д.Ч.)⁶⁴.

Мощный дух враждебности между рациональным и эмоциональным, или между разумом и чувствами, характерный для нашего колониального гиперрационализма, помешал индийским историкам-марксистам понять место религиозного в индийской общественно-политической жизни. Что они могли предложить, кроме нерелексивного утверждения о борьбе Просвещения с суевериями? Разум и истина

на стороне демократии и гуманизма, вера – «сплетение суеверий, предрассудков и ошибок», как выразился известный философ Просвещения, – на стороне тирании⁶⁵.

Этот конфликт, по мнению Саркара, структурирует весь нарратив бенгальской модерности. Он прослеживает его «на протяжении всего XIX века от времен “Атмия Сабха”^{*} и “Дхарма Сабха”^{**} [1820-е гг.]» и усматривает «продолжение в сердцевине движения Свадеши и в бенгальском “ренессансе”, который ему предшествовал и подготавливал его»: «Поскольку во времена Свадеши наблюдалась определенная, хотя и не совсем успешная, попытка подвести под национальное движение прочный базис, этот период может рассматриваться как своего рода тест на релевантность противоположных идеологических тенденций в работе по национальному пробуждению»⁶⁶. Это – рационализм Просвещения, но теперь он вводится в историю колонизированных как модернистская догма и вызывает интеллектуальный хаос. Но неудача Саркара в попытке дать хоть какое-нибудь понимание того, как религиозное прорывается в политическое в индийской модерности, не есть его персональная неудача. Это неудача гиперрационализма, которым поражен интеллект колониального модерна, рассматривающий науку и религию как безусловные и непримиримые противоположности. Неудивительно, что Саркару и другим секулярным историкам Индии модерность в Индии виделась «прискорбно недостаточной»⁶⁷. В 1970-е гг. марксистская критика колониальной Индии утверждала, как говорил один авторитетный историк, что «иностранное правление и модерность не могут быть совместимы». На этом основании делался вывод, что Индия в качестве наследия колониального периода получила лишь «анклавы» модерности:

«Действительно, на раннем этапе развития западноевропейского модерна существовали различия... в сравнительном масштабе. И все же каждый отдельный пример в Западной Европе был более ясным и непосредственным, а где иностранное вмешательство встречало сопротивление, более секулярным и рациональным, нежели в предшествующий период. ...Это можно адекватно описать, поскольку модерность представляет собой надстройку данной культуры, экономическим базисом которой является возникновение капитализма. Нереально определить надстройку без ее базиса, ожидать плодов модерности без неравного развития и изощренных методов эксплуатации, свойственных европейской модерности, которые часто [в

* «Атмия Сабха» – религиозная организация, целью которой была реформация индуизма. Выступала против политеизма и идолопоклонства, полигамии, детских браков, обычая сати (самосожжение вдов) и других традиционных обычаев, за развитие современного образования в Индии. – *Прим. перев.*

** «Дхарма Сабха» – консервативная религиозная организация, противопоставлявшая себя реформаторским тенденциям в индуизме. Своими задачами видела защиту кастовых установлений, традиционных обычаев, борьбу с христианскими миссионерами, развитие традиционного санскритского образования. – *Прим. перев.*

таких странах, как Индия] сочетались с феодальными пережитками... и брались на вооружение колониализмом для прогресса капиталистического развития⁶⁸.

Этот марксистский язык «базиса и надстройки» представляет нам то, что считалось здравым смыслом в индийской марксистской историографии 1970-х годов. Но это утверждение соотносится и с саркаровским пониманием того, что значит быть современным. Действительно, модернность, рожденная в Европе, вдохновила колониализм в Индии, однако она имела и очевидное «прогрессивное содержание», выхолощенное в колонии из-за ее экономической отсталости (не забудем, что это был также период теории зависимости). Прогрессивное содержание отчасти относилось к «рациональному мировоззрению», «духу науки», «свободному вопрошанию» и т.д. «Возможно, – писал Барун Де, – некоторые историки будущего... поместят XIX и начало XX века в конец средневекового периода неопределенности, а не в начало модерности, которая еще предстоит нам в третьем мире»⁶⁹.

«Модерность еще предстоит нам», – это рефрен гиперрационального колониального модерна. Почему модернность должна все еще предстоять нам в Индии спустя более двухсот лет после того, как европейский империализм инспирировал в Индии ее развитие? Как долго еще придется индийцам становиться современными? Эта историография никогда не допускала возможности, что все, что у нас было, и было нашей модерностью. Эти историки считали, что то, чем Индия обладала в результате колониальной модернизации, было лишь неудачным вариантом чего-то иного, само по себе безусловно хорошего. И вина за этот неудачный вариант лежит на колониализме. Он препятствовал нам быть современными. Саркар начал свою книгу «Modern India», опубликованную через десять лет после эссе Баруна Де, грустным замечанием: история Индии есть повествование о «буржуазной модерности», которая осталась «прискорбно недостаточной»⁷⁰. Этой грустью проникнут и вышедший под редакцией С. Тару и К. Лалиты сборник «Women Writing in India»:

«Ученые, ставившие под сомнение... линейное или прогрессистское понимание истории, утверждают, что либеральные идеи реформаторов [положения женщин] не могли быть реализованы в экономических и политических условиях колониального правления, и предостерегают против применения простых линейных нарративов прогресса к изучению XIX века в Индии. Регрессивной в национализме является не консервативная реакция, а логические рамки реформистских программ в колониальной ситуации, которые, по словам Сумита Саркара, никогда не допустят большего, чем быть “слабой и искаженной” карикатурой на “полнокровную” буржуазную модернность, как для женщин, так и для мужчин»⁷¹.

Сформулированная Просвещением история борьбы науки/рационализма против веры/религии, которая в Европе породила различные виды гибридных решений, была повторена применительно к Индии без всякого внимания к процессу трансляции и возникающим отсюда иным гибридность⁷². Для обеих сторон равновесия были нарушены в процессе их перевода из европейского контекста в наши прошлые и настоящие практики. История нашего гиперрационализма не то же самое,

что история рационализма Просвещения, и практики, которые мы объединяем под названием *религия*, не повторяют историю аналогичной европейской константы. Такие трансляции по определению гибричны или неполны. Возможно, иронией любого модернистского понимания модерности является то, что мы всегда обращаемся с чистыми категориями изучать то, что по определению является нечистым или гибридным, рассматриваем трансляции, которые необходимо неполны, так, как будто их неполнота есть лишь искажением истории.

Скептическое отношение к метанарративам перемещает нас из пространства причитаний в пространство иронии. Но это только первый шаг, который готовит нас к возможности других прочтений нашей истории. Некоторые из них я и рассмотрю в заключительной части этого эссе.

Неразумные истоки разума

В «Midnight's Children» Салмана Рушди есть сюжет, иллюстрирующий, как проблема силы или принуждения возникает между так называемыми субъектом модерна и субъектом не-модерна и как стратегия доминирования появляется в качестве завершающей аргументации в диалоге, который не может быть приведен к разрешению посредством рациональных процедур. Существенно, что подчиненным в этом специфическом нарративе модерности оказывается женщина.

Адам Азиз, вернувшийся из Европы доктор медицины (дедушка рассказчика Салеема Синая), начинает националистический проект своей семейной жизни, женившись на Насеем Гхани. Как современный человек Азиз знает, что женщины в исламе/традиции притесняемы/несвободны. Он учит свою жену, что ей нужно «снять паранджу» и, демонстрируя свою волю, сжигает ее чадру со словами: «Забудь о том, что ты была хорошей кашмирской девушкой. Начни думать о том, чтобы быть современной индийской женщиной». Насеем, позже Преподобная Мать в повествовании Салеема Синая, дочь исламского землевладельца, с самого начала изображается как сама традиция.

Когда Адам Азиз впервые столкнулся с будущей женой как с пациенткой в консервативной мусульманской семье, он мог ее осмотреть только через семидюймовую дыру в простыне, которая делала видимой лишь определенную часть тела. Врач влюбился в это фрагментированное тело и только после свадьбы обнаружил, какое традиционное сердце бьется внутри него. Их взаимное непонимание начинается с любовных ласканий, когда на вторую ночь Азиз просит ее «двигаться немного»: «Двигаться куда?» – спросила она. – «Двигаться как?» Ему стало неловко, и он сказал: «Просто двигайся. Я имею в виду, как женщина». Она в ужасе закричала: «Боже, за кого я вышла замуж? Я знаю вас, мужчин, вернувшихся из Европы. Вы встречались с ужасными женщинами, а теперь пытаетесь сделать нас, девушек, похожими на них! Послушайте, Доктор Сагиб, муж Вы или не муж, я не... какая-нибудь плохая женщина»⁷³.

Борьба продолжается в течение всего их брака (естественно, Азиз ведет ее с позиции знания, желаний и оценок субъекта модерности). Его модернизированная политическая воля иногда даже выражается в форме физической силы. Он вышвыривает из дома мусульманского маулви (религиозного учителя), призванного Преподобной Матерью для религиозного образования их детей. Обоснование, которое он приводит в защиту этого поступка, выражено в следующих словах: «Он учил их [детей] ненавидеть, жена. Он говорил им, что надо ненавидеть индусов и буддистов, джайнов и сикхов и всех остальных, о ком известно, что они вегетарианцы»⁷⁴.

Преподобная Мать находится в позиции классического подчиненного субъекта многих модернистских нарративов. Достоверность позиции доктора для нее никогда не самоочевидна. Поэтому борьба никогда не заканчивается и сутью этой борьбы является взаимное непонимание.

Если бы я прочитал эту часть романа как аллегория истории модерности, историки возразили бы. Они сказали бы, что эта аллегория, мощная благодаря тому, что оперирует выразительной черно-белой бинарной оппозицией традиции/модерности на протяжении всей линии повествования, не верна по отношению к сложностям реальной истории (каковую историки любят изображать в сером цвете). Исторический нарратив может развиваться различным образом и не структурироваться такой жесткой оппозицией между модернизатором и еще не модернизированным. В возможных альтернативных вариантах Преподобная Мать фактически могла нуждаться в Азизе как союзнике против других патриархальных властей – ее отца или возможной свекрови и тем самым склоняться к его предложениям. Так же и крестьянство, угнетенное тиранами, могло искать поддержки модерна в своей борьбе. А что, если через эту поддержку подчиненные обнаруживали преимущества модерна для личной автономии? При таком подходе присутствие рационализма Просвещения не было бы историей доминирования. Возможно, критикам современного государства следовало бы признать, что люди на самом деле хотят такого государства, а критикам современной медицины – что тот, кто однажды испытал на себе современную медицину, хочет именно ее?

Допустим, но какие тогда отношения существуют между рассказом Рушди и историей модерности? Рушди представляет аллегория *истоков* модерности. Он говорит о начале тех исторических процессов, в результате которых женщины в семье Азиза становятся современными. Процесс этот не был легким, и эта ситуация хорошо известна историкам модерности даже на родине Просвещения, в Западной Европе. Перед дверью, ведущей в гражданство и национальность, всегда находился *durwan* (привратник) – обычно его наличие сегодня редко вспоминается в ритуалах равенства. Задачей этого привратника было придираться, бесчестить, запугивать, оскорблять и унижать – даже когда он потом открывал двери. Тот факт, что в модерность вели как убеждением, так и насилием, давно признан европейскими интеллектуалами. Насилие дискурса здравоохранения в XIX в. настроило против английского государства бедных и рабочий класс⁷⁵. Процесс, в ходе которого аграр-

ная Франция была модернизирована в XIX в., описан Эженом Вебером как нечто подобное до «внутренней колонизации»⁷⁶.

Деррида обсуждает схожую проблему в рамках опыта быть французом. «Как известно, – пишет он, – в прошлом и в настоящем, одним из оснований насилия закона или навязывания государственного права было навязывание языка национальным и этническим меньшинствам, сгруппированным во Франции. Это имело место во Франции, по меньшей мере, в двух случаях: первый раз, когда указ, подписанный в Виллер-Котре, обеспечил единство монархического государства через введение французского языка в качестве юридико-административного и запрет... латыни*... Вторым важным моментом была Французская революция, когда языковая унификация приобрела самый репрессивный педагогический характер». Деррида проводит различие между «двумя видами правового насилия... насилие основания, насилие самих институтов и положений закона... и насилие охранительное, насилие, которое поддерживает, подтверждает, подстраховывает постоянство и принудительность закона»⁷⁷.

Это особенности истории модерности, где бы она ни происходила. Вопрос в том, каково наше отношение как интеллектуалов к этим двум видам насилия в индийской модерности. Нетрудно увидеть, что отношение интеллектуала к первому виду насилия – насилию основания – в значительно степени определено его отношением ко второму. У Вебера, например, тот факт, что нечто вроде «внутренней колонизации» было необходимо, чтобы превратить крестьян во французов, не вызывает никакого протеста, ибо конечный результат был хорош для всех. «Прошлое, – пишет он, – было временем бедствий и варварства, настоящее – это время беспрецедентного комфорта безопасности, систем образования и услуг, всех прочих чудес цивилизации»⁷⁸. Начала, даже уродливые, не имеют значения для Вебера – они не могут служить точкой, исходя из которой развивается критика настоящего (как учит нас Фуко с его генеалогическим методом) – поскольку он говорит об истории прогресса и верит в нее. Телеология Вебера освобождает его от необходимости быть критичным. Боль крестьянина XIX в. – это не его боль.

Можем ли мы, историки Индии – страны третьего мира, где трудно провести различие между основанием и способами сохранения насилия в функционировании закона, – позволить себе подобный оптимизм?⁷⁹ Процесс превращения *крестьян* или фермеров в индийцев происходит на наших глазах ежедневно. Это не простой и однозначный процесс, он не приносит значительных материальных прибылей людям, в него вовлеченным. Но если бы мы превратили определенные выгоды, которые часто создают новые трудности, в своего рода великий нарратив прогресса, мы остались бы с несколькими серьезными нерешенными проблемами, которые в будущем не дадут нам покоя. Если, с одной стороны, определенный вид колониализма имманентно присущ всякому цивилизационно-модернизаторскому

* Имеется в виду указ короля Франциска I о введении французского языка в качестве официального, подписанный в 1539 году. – *Прим. перев.*

проекту и если, с другой стороны, относиться к этому проекту не критически, то как можно развивать критику империализма? Веберовское решение этого вопроса ничего на самом деле не решает: он говорит, что колониальные практики по отношению к собственному народу могут быть хороши, если приводят к его процветанию. Однако тогда мы получаем историю, вывернутую наизнанку, ибо в схеме Вебера для достижения положительной цели колониализма предлагается сделать реальной категорию *собственный народ*. Но нельзя предполагать в начале процесса того, к чему он должен привести как к результату. Если оценки Вебера имеют какую-либо политическую значимость в сегодняшней Франции, то это лишь означает, что процесс колонизации преуспел и достиг своего завершения.

Повторю еще раз свою точку зрения: если верно, что рационализм Просвещения требует в качестве условия своей реализации модерного государства и сопутствующих ему институтов – инструментов господства, в терминах Фуко, – и если это влечет за собой определенный вид колониального насилия (хотя насилие может быть допустимым с ретроспективной точки зрения), то нельзя не критически приветствовать это насилие и в то же время критически относиться к европейскому империализму в Индии, исключая некоторые эссенциалистские и фундаменталистские основания (например, что только индийцы имеют право колонизировать себя в интересах модерности). В 1970-х гг. историки-марксисты в Индии и за ее пределами, ощущая себя наследниками европейского Просвещения, но желая дистанцироваться от европейского колониализма, искали выход из этого противоречия. Соединяя марксизм с теорией зависимости, они пытались фетишизировать колониализм через различие социально-экономических формаций, необходимо вытекающее из факта экономической отсталости. Упадок теории зависимости лишил их этого основания. Откровенно говоря, если рационализм Просвещения – единственный путь гуманизации человеческих обществ, то мы должны быть благодарны европейцам за его распространение и стремление доминировать в мире. Согласятся ли с этим наши собственные рационалистические и секулярные историки?

История как демократический диалог с подчиненными группами

Задача состоит не в том, чтобы отказаться от идей демократии, развития или права. Задача состоит в том, чтобы помыслить такие формы философии истории, которые позволят сделать процесс достижения этих результатов настолько демократичным, насколько это возможно. Как действительно возможно превратить подчиненные группы в субъектов собственной истории? При этом не принимая позицию, в которой природа и форма модерности с самого начала заданы как идеальные, поскольку в подобном случае подчиненный в диалоге всегда оказывается подначальным.

А сейчас я подхожу к самой сложной части моей аргументации, не в последнюю очередь потому, что ранее сам не практиковал того, что сейчас собираюсь излагать. Я ищу свой путь к историографии подчиненных групп, что фактически требует учиться у этих самых подчиненных групп. А также пытаюсь преодолеть позицию, которая была отправной точкой для ранней стадии проекта *Subaltern Studies*.

Позвольте мне вернуться к одной из основных предпосылок этого эссе. Я не отрицаю огромной практической пользы леволиберальной политической философии. Невозможно ничего достичь в контексте современной бюрократической власти – и поэтому невозможно достичь тех выгод, которые могут предоставить институты этой власти, – не будучи способным мобилизовать свою идентичность, индивидуальную или коллективную, при помощи языков, навыков и методов, которые делает возможными эта философия. Сама идея социальной справедливости требует, чтобы эти языки и способности – гражданства, демократии, благосостояния – стали доступны всем классам, особенно подчиненным и угнетенным. Это означает, что всякий раз, когда мы, члены привилегированных классов, пишем истории подчиненных групп – пишем ли мы их как граждане (т.е. опираясь на идею демократических прав) или как социалисты (желая радикальных социальных изменений) – в игру включается определенный педагогический мотив. Наше письмо в конечном счете есть часть общего стремления помочь тем, кто угнетен сегодня, но научиться быть демократическим субъектом завтра.

Поскольку педагогика – это диалог, даже если слышен только голос учителя (Барт однажды сказал: «Когда учитель говорит перед аудиторией, Другой всегда находится там, акцентируя его дискурс»), – то история подчиненных групп, сочиненная в такой манере, диалогична⁸⁰. Хотя уже по своей структуре этот диалог недемократичен (поскольку нельзя сказать, что он ведется не для использования подчиненного). Если быть до конца откровенным, то следует признать, что диалог должен быть открыто нетелеологичным. Иначе говоря, нельзя считать очевидным, руководствуясь каким бы то ни было априорным основанием, что какая бы то ни было позиция нашей политической философии/идеологии, предлагаемая в качестве правильной, обязательно подтвердится в результате этого диалога. А полноценный диалог может состояться только при условии, когда ни одна из сторон не помещает себя в позицию, позволяющую в одностороннем порядке подвести итоги общения. Такого никогда не происходит между субъектом модерна и субъектом немодерна, потому что при всей непринужденности общения между отвлеченным академическим наблюдателем и подчиненным, вступающим с ним в исторический диалог, этот диалог происходит в пределах поля возможностей, уже структурированного в пользу определенных результатов.

В педагогических историях отношение подчиненного к миру призывает в конечном счете к его усовершенствованию. Основание серии *Subaltern Studies* было проявлением этого жеста. Например, крестьяне-повстанцы у Гуа терпят поражение в понимании того, что необходимо для полной ликвидации отношений власти в экс-

плуататорском обществе⁸¹. И эту проблему сформулировал исследователь, который дал нам саму категорию *подчиненный*. Правда, читатель может вспомнить, что еще раньше Антонио Грамши называл словом *подчиненный* политическую позицию, не способную самостоятельно мыслить государство; это была мысль, высказанная революционным интеллектуалом. Как только подчиненный мог вообразить/помыслить государство, он преодолевал, говоря теоретически, условие подчиненности.

Хотя Грамши развивал диалогический марксизм, стремившийся относиться всерьез к тому, что происходило в сознании угнетенных, ему было ясно, чего не хватает подчиненному. Эти слова Грамши стоит повторить: «Подчиненные классы по определению не едины и не могут объединиться до тех пор, пока они не в состоянии стать “Государством”. ...История подчиненных социальных групп необходимо фрагментарна и эпизодична. В ней все время существует тенденция к (по крайней мере, на предварительной стадии) унификации исторической деятельности этих групп, но эта тенденция все время пресекается деятельностью правящих групп. ...В действительности, подчиненные группы, даже когда кажутся триумфаторами, просто стремятся защитить себя» (*курсив мой.* – Д.Ч.)⁸².

Как я уже указал, истории, написанные таким педагогически-диалогическим способом, фактически неизбежны. Мы живем в обществах, структурированных государством, и угнетенным необходимы формы знания, привязанные к этой реальности. Это действительно должно стать возможно единственным полностью легитимным способом создания историй подчиненных групп. И все же проблема недемократичности структуры этого диалога остается. Можем ли мы вообразить иной способ создания истории подчиненных групп, в котором мы остаемся – постоянно, а не просто в значениях политической тактики – с фрагментарным и эпизодическим? *Фрагментарным* не в смысле относящихся к невявному целому, а в смысле фрагментов, бросающих вызов не только идее целого, но и самой идее фрагмента (хотя, если нет никакого целого, фрагментами чего могут быть фрагменты?)⁸³. Мы концептуализируем фрагментарное и эпизодическое как то, о чем не знает и не может знать целое, именуемое *государством*, и что поэтому должно наводить нас на мысль о новых формах знания, не привязанных к идее государства.

Изложенный таким образом, мой вопрос звучит утопически. Подчиненный, который отказывается от государства, не существует в чистой форме. Подчиненные классы вокруг нас ищут свои выгоды в современных институтах, как и любые другие классы, и быть такими для них только разумно. Но при этом нереалистично было бы утверждать, что крестьянство или другие угнетенные классы способны постичь или охватить идею такого целого, как государство.

Я использовал цитату из Грамши прежде всего для того, чтобы показать возможный альтернативный политический горизонт. Воображение целого в этой цитате относится к определенному пониманию политики. Это статистическое понимание, в котором подчиненные классы – вернее, сама позиция подчиненности – рассматриваются как такие фигуры страданий и лишений, что насилие и недемократи-

ческое государство выглядят невысокой ценой, заплаченной за достижение в конечном счете более справедливого социального строя. Педагогическая тенденция в историях, написанных с этой позиции, стремится пробуждать в подчиненном классе (или его представителях) желание участвовать в реализации этого справедливого политического воображаемого. Но недемократический элемент присутствует в том, что, по крайней мере в формулировке Грамши, воображение государства (и других форм целого) должно быть привнесено в подчиненные классы извне, поскольку сами они «по определению», как говорит Грамши, неспособны к такому воображению, будучи всегда разделенными правящими институтами. Как сделать политизацию подчиненных групп более демократичной?

Цитата из Грамши предлагает одно очевидное направление. «Историческая деятельность» подчиненных классов, как бы они ни были разделены, всегда имеет, напоминает нам Грамши, «тенденцию к... унификации». Поэтому путь к демократии подчиненных групп мог бы состоять в том, чтобы способствовать этой тенденции и основать модерное государство на ней. Это одно из легитимных направлений реализации нашей идеи.

Заявление Грамши позволяет, однако, рассмотреть и перспективу, противоположную его собственной. Это позволяет нам задать вопрос, который Грамши не задает. Что могло бы произойти с нашим политическим воображаемым, если бы мы не рассматривали состояние фрагментарного и эпизодического как ущербное? Если тотализирующий образ мысли необходим нам, чтобы теоретически вообразить государство, какой тип политического воображения и институтов может быть основан на идее фрагмента?

Здесь есть еще и иные трудности: прежде всего социальная справедливость представляется как равенство всех форм, а государство часто идеализируется как инструмент установления этого равенства. Тогда какую разновидность (модерной) социальной справедливости можно представить как охватывающую только фрагмент? Вопрос одновременно и легитимный (из перспективы понятия равенства) и нелегитимный (радикальный охват только фрагмента как политико-философской отправной базы будет означать, что мы не можем ответить на этот вопрос в априорной и систематической форме).

Я не знаю ответы на все вопросы, которые здесь заданы, но идея фрагмента радикально меняет природу воображаемого нами политического агента. На этом уровне подчиненный уже не субъект в процессе своего создания. Подчиненный здесь – это *идеальная* фигура, действующая активно и даже радостно при условии, что статистические инструменты доминирования всегда будут относиться к кому-то другому, а он никогда не станет стремиться к их использованию, поскольку он – *идеальная* фигура. Пока ни один реальный член подчиненных классов не похож на то, что я воображаю здесь. К тому же мы даже не знаем, является ли элементами жизненных практик подчиненных классов то, что позволяет нам конструировать их как агентов. Но буддистское воображение однажды увидело возможность совершенства в

бхикшу (монахе), который был в образе *бхикшук* (нищего). Мы еще не научились видеть спектрального удвоения, которое, возможно, содержится в наших вдохновенных марксизмом образах подчиненного.

Повернуться к подчиненному, чтобы научиться быть концептуально фрагментарным и эпизодичным, означает отказаться от уверенности в том, что знающий, оценивающий и обладающий волей субъект до всякого исследования знает, что хорошо для каждого. Исследование, в свою очередь, должно обладать столь радикальной открытостью, что я могу выразить это только словами Хайдеггера, как способность слышать непонимасмое⁸⁴. Иначе говоря, подчиненная позиция должна бросить вызов нашим собственным концепциям тотальности: таков утопический горизонт, к которому призывает следующий этап *Subaltern Studies*⁸⁵.

На что будет похожа история, написанная таким способом? Я не могу этого сказать определенно, поскольку невозможно написать такую историю в чистой форме. Языки государства, гражданства, целостей и тотальностей, наследие рационализма Просвещения всегда будут препятствовать этому. Я только обозначил утопическую границу, которую мы стремимся помыслить. Но это не означает, что этой границы вовсе не существует. Мы узнаем о ее существовании косвенно, когда наталкиваемся на исторические свидетельства, явно не соответствующие нашим устоявшимся категориям. Открыться таким свидетельствам означает допустить явную недостаточность нашего мышления относительно социальной жизни. Но это не основание для отказа от рационализма Просвещения. Это, скорее, понимание того, что любая исследовательская процедура, воплощающая эту рациональность, дает нам лишь частичное понимание нашей жизни, и что по этой причине нам жизненно необходимы дополнительные методы трансляции знаний.

Опасения Саркара по поводу того, что критическое осмысление интеллектуального наследия европейского Просвещения только помогает «фашиствующим» индусам, основано на нескольких ошибочных предположениях. Европейский фашизм в самом деле критиковал в рационализме Пост просвещения «дух расколдованности». Но разве можно на этом основании утверждать, что любой критический анализ рационализма Пост просвещения должен закончиться принятием идей фашизма? В таком случае нам пришлось бы включить в список реакционеров очень странных кандидатов, среди которых оказались бы Ганди и Вебер, а в наше время не только Мишель Фуко, но и Юрген Хабермас. Как раз эти мыслители напоминают нам, что критика рационализма Пост просвещения или даже модерности не должна впасть ни в какую форму иррационализма. О том же недавно писала и Лидия Лю в анализе китайской истории: «Критика модерности всегда была частью наследия Просвещения от романтиков, Ницше, Маркса и Хайдеггера до Хоркхаймера, Адорно, Фуко, Деррида и даже Хабермаса»⁸⁶.

Реальность фашизма, безусловно, травмировала сознание левых интеллектуалов Запада. Вследствие чего они связали с фашизмом все пространства мистики, все религиозное и мистериальное в строении политических чувств сообществ (сколь

бы незначительно оно ни было). Романтизм теперь напоминает им только о нацистах. Но романтический национализм в Индии оставил нам совсем иное наследие, воплощенное в историях жизни таких его приверженцев, как Ганди и Тагор. Было бы грустно, если бы мы отдали это наследие индуистским экстремистам лишь из опасения, что наш романтизм обернется тем же, чем он обернулся для европейцев в их истории, и что наше настоящее должно быть тем же, чем было их прошлое. Что может быть более сильным свидетельством подчинения европоцентристскому воображению, чем такое опасение?

Перевод с английского *Франца Корзуна*

Примечание

- ¹ Dirlik, A. The Aura of Postcolonialism: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism / A. Dirlik // *Contemporary Postcolonial Theory: A Reader* / ed. P.Mongia. London, 1996. P. 302.
- ² См. Benjamin, W. A Small History of Photography / W. Benjamin // *One-Way Street and Other Writings*, trans. Edmund Jephcott and Kingsley Shorter. London, 1979.
- ³ См. мой анализ отношений между национализмом и марксизмом в индийской историографии в “Marxism and Modern India,” (After the End of History / ed. A. Ryan. (London, 1992. 79–84). Санджей Сет (Sanjey Seth) в работе *Marxism, Theory, and Nationalist Politics: The Case of Colonial India* (Delhi: Sage, 1995) представляет развернутый анализ связей между марксистской мыслью и националистическими идеологиями в Британской Индии.
- ⁴ См.: Chandra, B. *The Rise and Growth of Economic Nationalism in India: Economic Policies of Indian National leadership, 1880-1905* / B. Chandra. Delhi, 1969. Seal, A. *The Emergence of Indian Nationalism: Competition and Collaboration in the Later Nineteenth Century* / A. Seal. Cambridge, 1968. Desai, A.R. *Social Background of Indian Nationalism* / A.R. Desai. Bombay, 1966. Low, D.A. ed, *Soundings in Modern South Asian History* / D.A. Low. Canberra, 1968. Cohn, B.S. *An Anthropologist among the Historians and Other Essays* / B.S.Cohn. Delhi, 1988. Morris, M.D. *Indian Economy in the Nineteenth Century: A Symposium* / M.D. Morris and D. Kumar. Delhi, 1969.
- ⁵ Подзаголовок книги *Сила Emergence of Indian Nationalism* указывает на обе эти темы: соперничество и сотрудничество.
- ⁶ См.: Gallagher, J. *Locality, Province, and Nation: Essays on Indian Politics, 1870-1940* / J. Gallagher [et al.] Cambridge, 1973.
- ⁷ В противовес так называемому горизонтальному формированию класса.
- ⁸ Seal, A. *Imperialism and Nationalism in India*. P. 2.
- ⁹ См. Chandra, B. *Nationalism and Colonialism in Modern India* / B. Chandra. New Delhi.
- ¹⁰ Как написал один уважаемый индийский исследователь, отвечая кембриджским историкам: «Было время, еще не так давно, когда для огромного количества индийцев национализм был огнем в крови» Raychaudhuri, T. *Indian Nationalism as Animal Politics* / T. Raychaudhuri // *Historical Journal*. 22. no. 3 [1979]: 747–63.
- ¹¹ См. G. Pandey, *The Ascendancy of the Congress in Uttar Pradesh, 1926-1934: A Study in Imperfect Mobilization* / G. Pandey Delhi, 1978. Siddiqi, M. *Agrarian Unrest in North India: The United Provinces, 1918-1922* / M. Siddiqi. Delhi, 1978. Kumar, K. *Peasants*

- in Revolt: Tenants, Landlords, Congress, and the Raj in Oudh, 1886-1922 / K. Kumar. New Delhi, 1984. Arnold, D. The Congress in Tamilnadu: National Politics in South Asia, 1919-1937 / D. Arnold. New Delhi, 1977. Sanyal, H. Swaraj Pathe / H. Sanyal. Calcutta, 1994. Hardiman, D. Peasant Nationalists of Gujarat: Kheda District / D. Hardiman. Delhi, 1981. См. также эссе в: Low, D.A. ed. Congress and the Raj / D.A. Low. London, 1977.
- ¹² См.: Ranajit Guha, introduction to A Subaltern Studies Reader, ed. Ranajit Guha (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998).
- ¹³ Guha, R. On Some Aspects of the Historiography of Colonial India / R. Guha // Subaltern Studies I: Writings on South Asian History and Society / ed. Ranajit Guha. Delhi, 1982. P. 3.
- ¹⁴ См. Gramsci, A. Notes on Italian History / A. Gramsci // Selections from the Prison Notebooks / ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York, 1973.
- ¹⁵ Ranajit Guha, preface to Subaltern Studies 111: Writings on Indian History and Society, ed. Ranajit Guha (Delhi: Oxford University Press, 1984), vii.
- ¹⁶ Guha, R. On Some Aspects of the Historiography of Colonial India. P. 3–4.
- ¹⁷ Ibid. P. 4–5.
- ¹⁸ Hobsbawm, E.J. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the Nineteenth and Twentieth Centuries / E.J. Hobsbawm. Manchester, 1978. P. 2.
- ¹⁹ См. Guha, R. Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India / R. Guha. Delhi, 1983, chaps. 1 and 2.
- ²⁰ Seal, Emergence of Indian Nationalism, I.
- ²¹ Гуа рассматривает и критикует эти марксистские позиции в работе “The Prose of Counter-Insurgency” (Selected Subaltern Studies / ed. Ranajit Guha and Gayatri Chakravorty Spivak. New York, 1988, 45–86).
- ²² Guha, Elementary Aspects, 75.
- ²³ Ibid. 6.
- ²⁴ Hobsbawm, Primitive Rebels, 3.
- ²⁵ Guha, Elementary Aspects, 6.
- ²⁶ Guha, “On Some Aspects,” 4.
- ²⁷ Ibid. 5–6.
- ²⁸ Guha, R. Colonialism in South Asia: A Dominance without Hegemony and Its Historiography / R. Guha // Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India Cambridge, Mass, 1997, P. 97–98.
- ²⁹ Guha, “On Some Aspects,” 5–6.
- ³⁰ Этот аспект проекта позже был развит Партой Чаттерджи, Гьянендрой Пандеем и Шахидом Амином (см. обзор ниже).
- ³¹ Weber, E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914 / E. Weber. Stanford, Calif, 1976 P. xvi.
- ³² См.: Э.П. Томпсон об опыте: «Категория, которая может быть употреблена в имперфекте, необходима историку, так как она заключает в себе ментальную и эмоциональную реакцию индивидуума или социальной группы на многие взаимосвязанные события» (The Poverty of Theory; or, An Orrery of Errors // The Poverty of Theory and Other Essays London, 1979, 199). См. также: Thomas, K. History and Anthropology / K. Thomas // Past and Present, no. 24 (April 1963): 3–18.
- ³³ См.: Guha, Elementary Aspects, chaps. 1 and 2.
- ³⁴ Свою стратегию чтения Гуа излагает в “The Prose of Counter-Insurgency” и неявно по всему тексту Elementary Aspects.

- ³⁵ Ради справедливости стоит отметить, что Томпсон (“The Poverty of Theory,” 210, 222) не только пишет о «голосах, доносящихся из прошлого». «Не голос историка, обратите пожалуйста внимание; их [т.е., исторических персонажей] собственные голоса». И у него также есть что сказать о том, как историки исследуют источники, чтобы услышать потерянные голоса истории.
- ³⁶ Это лучше всего показано в работе Гуа “The Prose of Counter-Insurgency.” См. также Gayatri Chakravorty Spivak, introduction to Guha and Chakravorty Spivak, eds. *Selected Subaltern Studies*.
- ³⁷ Об этой отставке см. введение Гуа в *Subaltern Studies VI* (Delhi, 1988).
- ³⁸ Edward Said, foreword to Guha and Chakravorty Spivak, eds. *Selected Subaltern Studies*, v.
- ³⁹ Spivak, G. *Subaltern Studies: Deconstructing Historiography* / G. Spivak; Guha and Chakravorty Spivak eds // *Selected Subaltern Studies*. 3–32.
- ⁴⁰ O’Hanlon, R. *Recovering the Subject: Subaltern Studies and Histories of Resistance in Colonial South Asia* / R. O’Hanlon // *Modern Asian Studies*. 22. no. 1 (1988): 189–224.
- ⁴¹ Spivak, G. *Can the Subaltern Speak?* / G. Spivak // *Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader* / ed. P. Williams and L. Chrisman. New York, 1994. 66–111.
- ⁴² См. Guha, R. *Chandra’s Death* / R. Guha // Guha / ed. *A Subaltern Studies Reader* 34–62; Chatterjee, P. “The Nationalist Resolution of the Woman Question,” перепечатано как “The Nation and Its Women” in his *The Nation and Its Fragments: Colonial and Post-Colonial Histories* (Princeton, N.J., 1993); Tharu, S. *Problems for a Contemporary Theory of Gender* / S. Tharu, T. Niranjana // *Subaltern Studies IX* / ed. Shahid Amin and Dipesh Chakrabarty. Delhi, 1996. 232–60.
- ⁴³ Chatterjee, P. *Nationalist Thought and the Colonial World* / P. Chatterjee. London, 1986.
- ⁴⁴ Pandey, G. *Remembering Partition: Violence, Nationalism, and History in India* / G. Pandey. Cambridge, 2001.
- ⁴⁵ Pandey, G. *The Construction of Communalism in Colonial North India* / G. Pandey. Delhi, 1990; In *Defense of the Fragment: Writing about Hindu-Muslim Riots* / *India Today*” in Guha, ed. // *A Subaltern Studies Reader*, 1-33; Chatterjee, *The Nation and Its Fragments*; Amin, S. *Event, Memory, Metaphor* / S. Amin. Berkeley; Los Angeles, 1995.
- ⁴⁶ Гьян Пракаш писал о недоминантных историях в своем известном эссе “Writing Post-Orientalist Histories of the Third World: Perspectives from Indian Historiography” (*Comparative Studies in Society and History* 32 [April 1990]: 383—408). Работы Ранаджита Гуа “An Indian Historiography of India: Hegemonic Implications of a Nineteenth-Century Agenda” (в его *Dominance without Hegemony*), Чаттерджи “The Nation and Its Pasts” (в его *The Nation and Its Fragments*), Гьянендры Пандея “Subaltern Studies: From a Critique of Nationalism to a Critique of History” (Johns Hopkins University, 1997, typescript), и Шахида Амина “Alternative Histories: A View from India” (University of Delhi, 1997, typescript) внесли вклад в разработку подобных вопросов историографии и статуса исторического знания, вызвавшего к жизни *Subaltern Studies*. В этой связи см. также исследование Шейлой Майярам проблем памяти и истории в работе “Speech, Silence, and the Making of Partition Violence in Mewat,” in Amin and Chakrabarty, eds., *Subaltern Studies IX*, 126-64; Ajay Skaria, *Hybrid Histories* (Delhi, 1999).
- ⁴⁷ В качестве примера можно привести анализ дискурса науки и модерности в колониальной Индии в работе Гьяна Пракаша *Another Reason: Science and the Imagination of*

- Modern India (Princeton, N.J., 1999). См. также, например, Prakash, G. Science between the Lines / G. Prakash; Amin and Chakrabarty, eds. // Subaltern Studies IX, 59–82.
- 48 Arnold, D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Diseases in Nineteenth-Century India / D. Arnold. Berkeley; Los Angeles, 1993); Hardiman, D. The Coming of the Devi: Adivasi Assertion in Western India / D. Hardiman. Delhi, 1987; и Feeding the Baniya: Peasants and Usurers in Western India / Delhi, 1996; Bhadra, G. Iman o nishan: Unish shotoke bangaly krishak chaitanyer ek adhyay, c. 1800-1850 / G. Bhadra. Calcutta.
- 49 Более детальный разбор этой позиции см. в моей книге Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference (Princeton, N.J., 2000).
- 50 Sarkar, S. The Fascism of the Sangh Parivar / S. Sarkar // Economic and Political Weekly. 20 January 1993.164–165.
- 51 Ibid. 167.
- 52 См., например: Brass, T. A-Way with Their Wor(l)ds: Rural Labourers through the Postmodern Prism / T. Brass // Economic and Political Weekly. 5 June 1993. 1162–1168; Balagopal, K. Why Did December 6,1992, Happen? / K. Balagopal // Economic and Political Weekly. 24 April 1993. 790–793.
- 53 Norris, Ch. The Truth of Postmodernism / Ch. Norris. Oxford, 1993.
- 54 Sarkar, S. The Swadeshi Movement in Bengal, 1903-1908 / S. Sarkar. Delhi, 1977.
- 55 Ibid. 316.
- 56 Ibid. 24.
- 57 Цит. по: Laird, M.A. Missionaries and Education in Bengal, 1793-1837/ M.A. Laird. Oxford, 1972. 207.
- 58 Ibid. 86–87, 207–208.
- 59 Одним из самых затасканных канонов европейской истории является представление о безусловном противостоянии науки/рационализма и религии, что идет вразрез с очевидными фактами. Недавний обзор серьезных дискуссий на эту тему см.: Lindberg, D. God and Nature: Historical Essays of the Encounter between Christianity and Science / D. Lindberg, R. Numbers, eds. Berkeley; Los Angeles, 1986.
- 60 Behrens, C.B.A. Society, Government, and the Enlightenment: The Experiences of Eighteenth-Century France and Prussia / C.B.A.Behrens. London, 1985. 26.
- 61 Smith, P. The Enlightenment, 1687-1776 / P. Smith. New York, 1966. 117.
- 62 См. интересные рассуждения в: Ramanujan, A.K. Is There an Indian Way of Thinking? An Informal Essay / A.K. Ramanujan // India through Hindu Categories / ed. McKim Marriott. New Delhi, 1990. 45–58. Рамануджан обсуждает случай собственного отца, ученого, который был одновременно астрономом и «опытным астрологом»: «Я только что был обращен Расселом к “научному мировоззрению”. ...Я искал последовательности [в моем отце], последовательности, о которой он совсем не заботился или даже не думал о ней» (42-43).
- 63 См.: Sarkar. The Fascism of the Sangh Parivar.
- 64 Раджендралал Митра цит. по: Sartori, A. Raja Rajendralal Mitra and the Fractured Foundations of National Identity (master’s thesis) Melbourne, 1993. 60. Мысли, высказанные здесь, во многом обязаны сарториевскому анализу этого пассажа.
- 65 Hegel, G.W.F. Phenomenology of Spirit / G.W.F. Hegel trans. A.V.Miller. Oxford, 1977.
- 66 Sarkar, The Swadeshi Movement, 34-35.
- 67 См. в моей книге: Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. (Princeton, N.J., 2000. chap. 2).

- ⁶⁸ De, B. The Colonial Context of the Bengal Renaissance / B. De // Indian Society and the Beginnings of Modernisation, 1830-1850 / ed. C.H. Phillips and Mary Doreen Wainwright. London, 1976. 123–124.
- ⁶⁹ Ibid. 121–125.
- ⁷⁰ Sarkar, S. Modern India. / S. Sarkar. Delhi, 1983. 1.
- ⁷¹ Women Writing in India: 600 B.C. to the Early 20th Century / Susie Tharu and K.Lalitha, eds. Delhi, 1991. 184.
- ⁷² Книга Гьяна Пракаша Another Reason: Science and the Imagination of Modern India (Princeton, N.J., 1999) показывает долгую историю этой проблемы.
- ⁷³ Rushdie, S. Midnight's Children / S. Rushdie. London, 1984. 34.
- ⁷⁴ Ibid. 42.
- ⁷⁵ Об этом аспекте английской истории см.: Stallybrass, P. The Politics and Poetics of Transgression / P. Stallybrass and A. White. London, 1986.
- ⁷⁶ Weber, E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914 / E. Weber. Stanford, Calif.; 1976.
- ⁷⁷ Derrida, J. Force of Law: The 'Mystical Foundation of Authority', / J. Derrida // Deconstruction and the Possibility of Justice / ed. Drucilla Cornell, Michel Rosenfeld, and David Gray Carlson. New York, 1992. 21, 31.
- ⁷⁸ Weber. Peasants into Frenchmen. 478.
- ⁷⁹ Индийская полиция постоянно обвиняется правозащитными организациями в нарушении прав человека.
- ⁸⁰ Barthes, R. Image-Music-Text, / R. Barthes trans. Stephen Headi. London, 1977. 95.
- ⁸¹ См. Guha, R. Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India / R. Guha. Delhi, 1983.
- ⁸² Gramsci, A. Selections from the Prison Notebooks / A. Gramsci; ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York, 1972. 52, 54–55.
- ⁸³ Более широкое обсуждение концепта этого фрагмента см.: Pandey, G. In Defense of the Fragment: Writing about Hindu-Muslim Riots in India Today / G. Pandey // A Subaltern Studies Reader / ed. Ranajit Guha. Minneapolis, 1998. 1-33; Chatterjee, P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Post-Colonial Histories / P. Chatterjee. Princeton, N.J., 1993.
- ⁸⁴ Хайдеггер говорит об избавлении «нас от привычки всегда слышать только то, что мы уже понимаем» (см.: Heidegger, M. The Nature of Language / M. Heidegger // On the Way of Language / trans. Peter D.Hertz [1971; reprint, New York, 1982], P. 58). Если имя Хайдеггера возмущает политкорректные перья из-за его нацистского прошлого, то позвольте им напомнить, что нацисты иногда выдвигали против него возражения, подобные тем, что сегодня выдвигают старые левые против постструктурализма: «В его последней ректорской речи [речь идет о нацистской оценке Хайдеггера] философия имеет тенденцию практически... распасться в апоретическое и бесконечное вопрошание. ...В любом случае, нельзя оставаться равнодушным по отношению к некоторым темам философии "заботы" [Sorge], способным, подобно боли, привести к истинно парализующим эффектам» (Farias V. , Heidegger and Nazism / V. Farias, trans. Paul Burrelli. Philadelphia, 1989. 165.
- ⁸⁵ В этом моменте очевидно мое родство с Левинасом, Деррида и их многочисленными комментаторами.
- ⁸⁶ Liu, L. Translingual Practice: The Discourse of Individualism between China and the West / L. Liu // Positions: East Asia Cultures Critique 1. no. 1 (spring 1993).

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XIX ст.

Понятие «идентичность» вошло в социальные науки и общественный дискурс США в 1960 г. По ряду причин оно получило широкий резонанс и быстро распространилось за границы научных дисциплин. Что имеют в виду ученые, когда говорят об «идентичности»? Это зависит от контекста и теоретической традиции, поскольку данное понятие чрезвычайно многозначно¹. Понятая как коллективное явление, «идентичность» обозначает фундаментальное подобие между членами группы. Это подобие может восприниматься как объективно, так и субъективно. Считается, что оно должно выявлять себя в солидарности, общих диспозициях и коллективных действиях. Такой способ использования понятия «идентичность» чаще всего употребляется в литературе, посвященной социальным движениям, гендеру, расе, этничности и национализму. В последние годы некоторые исследователи предпочитают термин «идентификация», стремясь тем самым подчеркнуть текучесть и неустойчивость групповой и персональной идентичности в различных контекстах². Под самоидентификацией принято понимать идентификацию индивидуума с определенной группой, ее характерными чертами и особенностями. Этот термин очень близок или даже синонимичен понятиям «самосознание» и «самотождественность».

В данной статье нами сделана попытка проанализировать развитие белорусской идентичности в XIX ст. Что мы понимаем под термином «белорусская идентичность» относительно этого исторического периода? Иначе говоря, согласно каким критериям современники присоединяли себя к такому сообществу, как белорусы, и кто сам называл и считал себя белорусом? Как нам представляется, данная проблема в белорусской научной литературе далека от окончательного разрешения, она все еще излишне насыщена эмоциональными оценками, а то и вовсе мифологизирована.

В первой половине XIX ст. Беларусь современники называли территорию Витебской и Могилевской губерний. Эта локализация в значительной степени была следствием политики властей Российской империи. Две указанные губернии, значительная часть территории которых вошла в состав империи еще после первого раздела 1772 г., официально назывались белорусскими. Многие правовые и административные нормы здесь отличались как от соседних российских или великорусских губерний, так и от Литовских (официальное название в начале XIX ст. Виленской и Гродненской губерний). Кроме этого, существовали еще Белорусские униатская и православная епархии, Белорусский учебный округ, также часто называли Белорусским генерал-губернаторство с центром в Витебске, которому принадлежали Витебская, Могилевская и Смоленская губернии. Поэтому название Беларусь и производные от него прилагательные встречаются в исторических источниках того периода довольно часто. Например, в формулярных послужных списках чиновников в графе «происхождение» нередко писали «из белорусской знати» (это касалось преимущественно уроженцев Витебской и Могилевской губерний).

Название Беларусь с течением времени начало все чаще упоминаться и в научной литературе. В 1817 г. в Вильюсе появилась первая научная публикация, посвященная белорусской народной культуре. Это была статья на польском языке Марии Черноцкой «Zabytki mitologii slowianskiej w zwyczajach wiejskiego ludu na Bialej Rusi dochowane (gub. Mohylewska)»³. В 1822 г. К.Ф. Калайдович напечатал в «Трудах общества любителей российской словесности» статью «О белорусском наречии», в которой отмечал, что белорусский язык заслуживает внимания филологов, поскольку отличается от общепринятого в России⁴. В польскоязычных статистических изданиях первой половины XIX ст. крестьянское население на территории современной Беларуси определялось согласно этнической принадлежности как «русинское». В книге Станислава Плятера читаем:

«Язык русский, который можно считать диалектом польского, в старину был литературным языком, поэтому некоторые исторические и теологические работы, и даже первое издание Статута Литовского написаны этим языком. Однако теперь на этом русском языке ничего не издается»⁵. Плятер также отмечал, что язык крестьян «Белорусских, Минских и Гродненских близок к польскому»⁶. Таким образом, «белорусскими» автор называл опять же крестьян Витебщины и Могилевщины. В 1838 г. в Париже было издано статистическое исследование Анджея Славачинского «Polska w kształcie Dykcjonariusza historyczno-statystyczno-jeograficznego opisana przez Jędrzeja Słowaczynskiego». Автор среди других славянских народов выделял «русинов»: «Род славянский входит в рускую общность, которая имеет несколько ответвлений, белорусское и чернорусское, украинское, подольское и волынское, и чернорусское или галицкое. Два первых и последнее наиболее близки к полякам»⁷. Таким образом, крестьянское население на территории современной Беларуси Славачински называл «беларусами» и «чернорусами».

В государственной статистике Российской империи в начале XIX ст. на этнические особенности населения внимания по сути не обращалось. К.Ф. Герман в книге «Статистические исследования относительно Российской Империи» (Санкт-Петербург, 1819. Ч. 1: О народонаселении) отмечал: «Правительство русское считает народы за детей, живущих под одними законами, оно никогда не прыказывало делать исчисления по народам и даже старалось по возможности истребить народные различия»⁸. Пионером этнической статистики в Российской Империи можно считать замечательного ученого Петра Кепена. В 1827 г. он издал работу «О происхождении, языке и литературе литовских народов», в которой определил границы расселения литовцев и латышей, а значит, и северные границы белорусской этнической территории⁹. Это исследование Кепена послужило закреплению в российской научной литературе этноязыкового понимания термина «литовцы». Возможно, что именно Кепен поделился статистическими данными с известным славистом Павлом Шафариком, который в 1842 г. в своем исследовании «Славянский народопис» впервые в истории очертил территорию белорусского языка и указал на общее количество его носителей. Белорусский язык Шафарик называл наречием общерусского языка. Он был распространен, согласно словацкому исследователю, с востока на запад от Псковской губернии к Белостокской области, охватывая целиком Могилевскую и Минскую губернии, большую часть Витебской и Гродненской губерний и Белостокской области, а также меньшую часть Виленской губернии¹⁰. Шафарик насчитывал 2 726 000 белорусов, из них 2 376 000 православных и 350 000 католиков. Он также выделял «собственно белорусскую речь» и «литовско-русскую». Последняя была распространена в Виленской, Гродненской и Минской губерниях¹¹. В своем исследовании Шафарик упоминал об издании католического катехизиса на белорусском языке, «Энейду наизнанку» и белорусскоязычные произведения Александра Рыпинского. События восстания 1831 г. пробудили в российских элитах интерес к проблемам этнической принадлежности населения Западных губерний (так официально назывались в Российской империи белорусско-литовские и правобережные украинские губернии, территория которых раньше входила в состав Речи Посполитой), в том числе и белорусских, поскольку эти проблемы приобретали все более выразительную политическую окраску. Могилевский губернатор Михаил Муравьев в своей записке в Санкт-Петербург в 1830 г. следующим образом сформулировал свое видение этнического облика белорусов: «Большинство населения Белоруссии было коренное русское, кроме помещиков, которые суть пришельцы и число коих весьма ограничено»¹². Исходя из этого, Муравьев предложил развернутую программу «обрусения» Беларуси. Отдельные ее элементы он пробовал реализовать, еще будучи назначенным на должность гродненского губернатора. В 1834 г. Муравьев писал литовскому униатскому епископу Семашко по поводу открытия духовной семинарии в Жировичах, что это «первый опыт возрождения в стране сей, издревле Русской, настоящей отечественной народности (...) настоящих понятий о истории церкви в сем крае»¹³.

В 1830-х гг. переводились с польского на русский язык обучения все школы Западного края, отменялись различия в судебной системе и сословном управлении, которые еще сохранились со времен Речи Посполитой. Эти мероприятия разрабатывались так называемым Западным комитетом – специально созданным правительственным заведением. Идеологическим обоснованием унификационной политики являлся тезис об исконно русском характере этих земель. Указ Николая II об окончательном упразднении действия Литовского статута в 1840 г. содержал такие строки: «Мы признали за благо распространить вполне силу и действие Российских законов на сие издревле русские по происхождению, правам и навыкам их жителей области»¹⁴.

Вместе с тем публикации про Беларусь начинают все чаще встречаться в российской столичной печати. Публицистический очерк «Путевые заметки о поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 г.» опубликовал в журнале «Северная пчела» известный литератор белорусского происхождения Фадей Булгарин. Он следующим образом локализовал территорию Беларуси: «Между Курляндией, Лифляндией, губерниями Псковской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Минской лежит страна, называемая издревле у русских Белою Россией, или Белоруссией, а у поляков Русью»¹⁵. Автор с восхищением описывает природу этой страны. Однако совсем иначе выглядят ее люди: «Русский мужик дюж, силен и промышленен, а белорус мал, тощ и сонлив. Даст Бог, и белорусы переродятся! Предки их, кривичи, северяне, радимичи, дряговичи, полочане, были славные ребята, добрые и храбрые славянские племена, составленные из крепких, сильных людей. Они приобрели знаменитость в истории. До нынешнего болезненного состояния довели белорусов два зловередные ветра: один, дувший с берегов Вислы, а другой, повевающий с берегов Иордана. Но теперь все идет у нас быстрыми шагами к лучшему, благодаря Богу и царю, авось либо укрепятся и наши белорусы»¹⁶. Из текста «заметок» становится ясно, что под «белорусами» автор понимает прежде всего крестьян. Но их язык и этнические особенности его мало интересуют. Наступающий расцвет Беларуси Булгарин связывает с расширением образования, надо думать, на русском языке.

В 1830-е гг. белорусское крестьянство, его язык и культура вызывают куда большую заинтересованность, чем раньше, и среди местной польскоязычной интеллигенции. В значительной степени это было следствием наступления эпохи романтизма с его культом старины и фольклора. Но, наверно, на это повлияла и сама ситуация в Западном крае после поражения восстания. В 1835 г. виленская римо-католическая диоцезия издала небольшой катехизис «Krotkie zebranie nauki chrzescijanskiej dla wiesniakow mowiacych jezykiem polsko-ruskim wyznania rzymsko-katolickiego». Это было первое в XIX ст. печатное издание на белорусско-русском языке, хотя сами авторы не обращали внимание читателей на язык издания. Интересно, что вскоре в «Журнале Министерства народного просвещения» (1835, ч. VIII) появилась заметка, автор которой утверждал, что правильно было бы назвать язык виленского катехизиса белорусским. А через несколько дней эту заметку в переводе

на польский язык поместил «Tygodnik Petersburski». Николай Хаустович считает, что автором заметки скорее всего был Игнатий Данилович, который в то время работал в комиссии по подготовке специального свода законов для Западных губерний¹⁷. Кто подготовил к печати катехизис? Отчего именно в 1835 г. католическое духовенство постановило выдать эту книгу? Ученым, к сожалению, почти ничего об этом неизвестно. Возможно, что это была реакция на волну правительственной политики русификации и массивную подготовку властями ликвидации униатской церкви с присоединением крестьян-униатов к православию.

В 1838 г. начинает печатать свои сборники крестьянских песен бывший филомат Ян Чечот. Уже в виленском студенческом окружении он выделялся вниманием к крестьянской культуре и языку. Одна из главных идей литературного и научного творчества Чечота – объединение крестьянина и шляхтича: «Потому что матери одной дети». Четвертый том крестьянских песен, изданный в 1844 г., имел следующее название: «Piosnki wiesniacze znad Niemna i Dzwiny z dolaczeniem pierwotwornych w mowie slawiano-krewickiej». Автор адресовал их «Добродетельным панам и арендаторам их имущества, которые заботятся о крестьянах». Чечот ставил в заслугу крестьянам сохранение языка и культуры предков: «Поэзия, которую теперь называют народной, в течение столетий была для всех наших предков общей: панской, княжеской, одним словом, народной; крестьянам нашим обязаны мы, что наши древние обычаи и песни сохранились. Им за это и благодарность наша причитается¹⁸. В последнем, шестом, сборнике, изданном в 1846 г., автор призывал шляхетскую интеллигенцию изучать крестьянский язык, который называл «славяно-кривицким», готовить его словари и грамматики: «Кривицкое племя, насчитывающее несколько миллионов населения, не имеет ничего, кроме катехизиса, изданного недавно в Виленской епархиальной типографии, которого видеть мне однако не случалась. Именно теперь пора возместить за это пренебрежение прошедших столетий и взяться за создание грамматики и словаря кривицкого диалекта (...) ведь даже если б хотели когда учить крестьян другому диалекту, они не поймут его достаточно, не имея понятий этого другого, изложенных на своем собственном диалекте. Чудесная это была б работа для сельских ксендзов и поместной знати, которые имеют хотя б какое образование»¹⁹. Чечот видит практическую пользу в изучении крестьянского языка и для обучения крестьян «иному диалекту». При этом он, едва ли не первый в печати, высказал мнение о возможном литературном будущем этого языка, хотя и очень пессимистическое: «Если мы рады видеть остатки кельтского или герульского языков, что остались в документах, может, когда-нибудь будут возбуждать такой же и непустой интерес памятники кривицкого диалекта, который, вероятно, сам не станет письменным, чтобы развиваться самостоятельно»²⁰. Заметим, что Чечот называет белорусский язык «кривицким», а белорусов – «кривицким племенем». Олег Латышонок считает, что эта традиция была заложена в польской историографии того времени Адамом Нарушевичем из Пинского уезда. Он сложил историческую карту, согласно которой практически всю территорию современной Беларуси в

древности населяли именно кривичи²¹. Ян Чечот несомненно считал себя «литвином» – патриотом Великого княжества Литовского. Для него были по сути одинаково близкими и родными и беларуская, и литовская народные культуры, которые являлись составными элементами общей литвинской культурной традиции. А эта последняя в свою очередь входила, как составной элемент, в общепольскую национальную традицию. Польша – Речь Посполитая – была для Чечота идеологическим отечеством (термин польского социолога Станислава Асовского²²).

Но самым знаменитым «литвином» был поэт Адам Мицкевич. Название Беларусь было ему известно. Однако белорусские и украинские земли Мицкевич не считал отдельным субъектом истории, а скорее полем битвы между Востоком и Западом. Свой взгляд на прошлое восточных территорий бывшей Речи Посполитой поэт высказал в январе 1841 г. в своих лекциях о польской литературе в Париже: «Тот край славянский не имеет своего названия, потому что не создал (отдельного) государства, он склоняется то под влияние польское, то под российское. Земли те были захвачены Руриковичами и с того времени называются русскими. Литвины сохранили их название как напоминание об этом, а поляки, распространивши на них свое влияние, отличают в своем языке земли русские от государства Россия... Тот огромный край был свидетелем борьбы между поляками и россиянами. На этой территории сошлись две религии, католицизм и православная. Речь Посполитая шляхетская поляков и самовластная России вели здесь свои битвы»²³. В одной из своих лекций в январе 1842 г. Мицкевич следующим образом рассуждал о белорусском языке: «Наречием Белой Руси, называемым русским или литовско-русским, разговаривает немногим более 10 миллионов, это наречие самое богатое и самое чистое, было оно когда-то государственным языком: во времена самостоятельной Литвы Великие князья пользовались им в корреспонденции и дипломатии»²⁴. В 1847 г. в разговоре с Александром Ходзько Мицкевич назвал язык русинов «губернии пинской, а также частично минской и гродненской» самым гармоничным и наименее искаженным из всех славянских диалектов, но при этом повторил тезис о бедности и униженности белорусов: «На земле этой всю свою историю прожили в страшной нищете и угнетении. Даже земля, на которой живут – убогая, сухая, бесплодная, пески или болота»²⁵. Правда, в данном случае Мицкевич скорее всего имел в виду жителей Полесья, а не белорусов вообще.

Литвинская идентичность знати Беларуско-Литовского края чаще всего была составным элементом польской национальной идентичности. Общепольский патриотизм воспитывался в школах знаменитого Виленского учебного округа, прежде всего через преподавание литературы и истории. Например, среди экзаменационных вопросов по литературе в базилианских школах в 1822 г. были следующие: когда началась история Польши? как христианство повлияло на развитие просвещения в Польши? когда пришли в Польшу иезуиты, пиары? на какие периоды можно разделить историю Польши²⁶? Понимая идеологическую опасность для империи в таком обучении, российское правительство в 1825 г. постановило, чтобы обязательным

предметом в средних школах Беларуси была история России, излагаемая на русском языке²⁷. Сознательный разрыв с общепольской самоидентификацией в шляхетском католическом окружении Литвы и Беларуси в то время случался очень редко. В качестве наиболее яркого примера можно привести Игната Кулаковского, историка-любителя и краеведа, который находился на государственной службе в различных учреждениях Гродненской губернии. Кулаковский закончил юридический факультет Варшавского университета, печатал в различных изданиях стихотворения на польском языке. Но он был лояльным к империи чиновником, согласно личному поручению губернатора Михаила Муравьева написал исторический очерк о православных храмах в Гродно. В 1834 г. Кулаковский прислал на имя министра народного просвещения основательную записку, где предложил ввести в учебные курсы местных государственных заведений «ясное, систематическое изложение (...) истории Западных губерний под исключительным названием истории Края», поскольку «события, относящиеся к Западным губерниям, обыкновенно или совершенно поглощены историею поляков или едва упомянуты в истории России, а потому доселе составляют в наших училищах науку, слабо занимающую юношество»²⁸. Кроме того Кулаковский также выступал за «тщательное изучение наречий», ведь «простонародный язык – это граница, природою начертанная между народами». В своей записке Кулаковский излагает собственную концепцию истории своего «края», но никакого его названия он, однако, не употребляет. Коренных жителей Западных губерний Кулаковский называл в записке «славяно-руссами» и «русскими». Непонятно, отличал ли он в своей исторической концепции белорусов от украинцев.

В 1840 г. бывший повстанец, уроженец Витебщины Александр Рыпинский издал в Париже книгу «Białorus. Kilka słow o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tańcach». Он посвятил ее «первым из тех белорусов, которые разговаривать и думать по-польски научатся»²⁹. Границы Беларуси Рыпинский очертил достаточно приблизительно: «слева Припять и Припятские болота, а на Север Псков, Апочки и Луки» – и отметил, что она «есть неотделимой частью Отечества нашего». Самых белорусов Рыпинский охарактеризовал следующим образом: «Живет там народ простой славянского рода, издавна с семьей Ляхов кровно связанный, мирный, но убогий, мало известный даже в Польше – собственном Отечестве, хотя больше за всё его любит»³⁰. Идеологическим отечеством для Рыпинского несомненно была Польша – Речь Посполитая, которая расположилась, согласно его представлениям, «от Балтики до Черного, от Сали до ворот Смоленских». Автор следующим образом описывал объединение Беларуси с Польшей: «Как выбрал он (народ белорусский) себе Польшу за мать, бросился вместе с Литвой в ее попечительские объятия и к ней со всей сыновьей любовью прильнул»³¹. Рыпинский признавал самобытность белорусского языка, но утверждал, что он близок к польскому и «народ этот крепче с нами, чем с Москвой, связан»³². Последняя цитата убеждает, что сам автор не идентифицировал себя с белорусами, хотя и хорошо знал белорусский язык и даже писал на нем стихотворения. Пафос его книги направлен на

единение всех жителей Речи Посполитой против Москвы. Ради этого можно было, согласно Рыпинскому, пожертвовать и своей местной самобытностью. Автор призывал белорусских женщин прежде всего учить своих детей «произносить святое имя Польши» и даже не давать им еды, «пока они на польском не попросят»³³.

Согласно Николаю Хаустовичу, в столицах империи в 1830-х гг. формируются небольшие сообщества выходцев из Беларуси с уже именно белорусской идентичностью. Обычно это были чиновники униатского происхождения. В 1837 г. братья Грималовские – Валерьян, Клеменс и Юлиан – издали в Петербурге трехтомный сборник стихотворных произведений, в котором представляли себя белорусами³⁴. Известный востоковед Каятан Косович, сын священника из Полоцка, под псевдонимом “Белорус К. К.” печатает в газете В. Белинского «Молва» статью «Белорусская песня». В ней он полемизирует с известным российским литератором М. Гречем, который отказывал в самобытности белорусскому языку³⁵.

В 1843 г. в журнале «Маяк» некто Титович, возможно, преподаватель Полоцкого духовного училища Иосиф Порфирьевич Титович, печатает статью «Слова два о языке и грамотности Белой Руси». Автор называет себя «белорусцем», а белорусский язык «незапамятным наречием кривичей». При этом Титович напоминает про его славное прошлое: «Теперь забыт Статус Литовский, а было время, когда язык его государственный имел даже свою грамматику. Доктор Скорина, Кирилл Ерусалимский и прочие известны только между филологами, хотя язык их существует. Значительная часть народа русского еще долго говорить будет по-белорусски»³⁶. Титович утверждал, что белорусскому языку свойственна «первобытная простота языка “русьского”», а его изучение «может послужить к обогащению и украшению родного русского языка». Здесь автор выглядит как типичный западнорус. Однако самым важным моментом в статье Титовича, на наш взгляд, является его призыв к созданию письменности на белорусском языке: „Конечно, много можно написать на сем наречии. Но для кого? Но для чего? Дух грамотности заметно проникает в самые крайние классы бедных белорусцев, хотя собственно для них у нас ничего не пишется. Почему знать, нельзя ли вызвать и из них мужичков грамотеев? На вопрос мой им, почему б в свободное время не взять книгу и не прочесть, один молодой грамотный парень отвечал так: «Яно й штоб и чаму (...) вот чи у пана на чырадзе, ци дома об святках и возьмишь книгу, прочитаишь, да что ж – не па-наськаму (...) виш ты. Брав я у бацки Базылига книшку, – здаецца, читаиць йон – усё разбиреш, зачнешь сам – ничога ни зразумеишь” (в замечаниях к статье эти слова молодого крестьянина переведены на русский язык и к ним добавлен чрезвычайно интересный комментарий: «А надобно знать, что этот отец Василий, читая им воскресные поучения, перелагает их на язык народный. – С.Т.). Не сыщется ли перо ловкое, перо трудолюбивое, которое посвятит себя на пользу миллионов этих, так сказать, меньших братий великой семьи нашей, не проложит ли им путь к дальнейшему образованию средствами самыми близкими, сообразными их силам, вкусу и обычаю»³⁷. Именно забота о просвещении крестьян-белорусцев и подтолкнула Титовича на-

писать в журнал: «Вот почему я как белорусец обратился к “Маяку”. (...) Народность наша больше, чем когда-нибудь, нуждается в учителе, при своих знаниях бессознательных – в руководителе, указывающем путь и цель всеобщего стремления. И мы в свою очередь, если не пополним собою народности общерусской, то по крайней мере составим с нею, и в короткое время, одно нераздельное целое!»³⁸ В последнем предложении припрятано предупреждение, что если не учить белорусцев их языку, то они могут и не сложить неделимое целое с общерусской народностью, то есть – могут ополячиться.

Среди польскоязычной интеллигенции Витебщины и Могилевщины в этот период также усилился интерес к белорусской идентичности в ее краевом региональном измерении. В особенности много сделал в этом отношении Ян Борщевский, который издал в Петербурге в 1844–1846 гг. свое известное произведение «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических повествованиях». Борщевский часто употребляет термины «белорусский народ», «белорусы»: «Рассказы стариков про разные происшествия в народных их повестях, которые перешли из уст в уста с стародавних времен, были для меня историей этой земли, характера и чувств белорусов»³⁹. Но Беларусь для Барщевского и его образованных земляков оставались Витебщина и Могилевщина. Ромуальд Подберезский писал в 1844 г., что Витебская и Могилевская губернии «составляют настоящую Беларусь»⁴⁰. Он даже употреблял термин «современная белорусская знать»⁴¹, расширяя таким образом этноним белорусы и на представителей благородного сословия. Подберезский пишет о Борщевском: «Убежденный белорус, он с самого детства провел всю свою жизнь с народом»⁴². Про композитора Антона Абрамовича он также отмечает, что последний «родом белорус»⁴³. А еще Подберезский упоминает историческую работу графа Михаила Борха, посвященную Евфросинии Полоцкой. Все это свидетельствует, что местную интеллигенцию начала интересовать самая древняя, долитовская история края: «Мы увлеклись понятием народности, ведь от кого же, как не от тех, кто родился и вырос на этой земле, имеем право ожидать точных изображений, проявлений и развития ее исторического и современного духа?»⁴⁴. Выходцы с Могилевщины и Витебщины называли себя белорусами вне границами своего края. Юлиан Барташевич писал в статье, посвященной Борщевскому в 1851 г.: «Много поляков жило в столице империи, но еще больше белорусов»⁴⁵.

В 1845 г. 22-летний сын приходского священника Минской губернии Павел Шпилевский отослал в Российскую академию наук составленный им словарь белорусского языка⁴⁶. В предисловии автор заметил, что взяться за работу его подтолкнула «любовь к родине и сострадание землякам»⁴⁷. Позже Шпилевский написал первую в истории Беларуси «Краткую грамматику белорусского наречья» и «Заметки белоруса о белорусском языке» (1853). Все эти работы не были опубликованы и остались в рукописях. Между тем они по сути являлись попыткой обоснования равенства белорусов и их языка среди других славянских народов. В «Заметках белоруса...» Шпилевский приходит к выводу, что белорусский язык был родоначальни-

ком всех славянских языков, которые «разрослись и разветвились из самого дерева, заслоненного и затемненного этими прививками»⁴⁸. Шпилевскому принадлежит большое количество этнографических и языковедческих работ, которые печатались во многих столичных журналах. Наиболее известные среди них – «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (в 13 отдельных очерках публиковались в 1853–1855 гг. в журнале «Современник», а в 1858 г. вышли отдельным изданием в Санкт-Петербурге) и «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях» (общее название пятнадцати статей, опубликованных в 1853–1856 гг. в журнале «Пантеон») ⁴⁹. Несомненно, что публикации Шпилевского содействовали расширению употребления терминов «Беларусь» и «белорусы» в образованном российском обществе и русскоязычном белорусском сообществе. Интересно, что – как отмечает Олег Латышонок – Шпилевский переписал кириллицей и выдал в 1858 г. в Петербурге под собственной фамилией и под названием «Дажынкi» фрагменты произведения В. Дунина-Марцинкевича «Сялянка»⁵⁰. Эта компиляция, кроме всего прочего, свидетельствует о том информационном разломе, который разделял польскоязычную и русскоязычную интеллигенцию Беларуси.

Шпилевский присоединял к Беларуси уже и Минскую губернию: «Минская губерния составляет часть белорусского края, семью которого составляют жители Могилевской и Витебской губерний. Пределы нынешней Белоруссии в древности известны были под разными названиями оселищ славяно-русских племен. Этими племенами, населявшими нынешнюю Белоруссию и, следовательно, нынешнюю Минскую губернию (...), были дреговичи, полочане и самое многочисленное и главное племя славянское кривичи, рассеянные по Днепру, Западной Двине и Припяти»⁵¹. Причем главным критерием белорусскости для Шпилевского является язык: «Сенявка лежит на срединном пути (...) и составляет границу между Полесьем и Белоруссией; оттого то по одному тракту (...) слышится речь полесская, а по другому белорусская»⁵². Непонятно, отчего Шпилевский не присоединяет к Беларуси населенные белорусскоязычными крестьянами Виленскую и Гродненскую губернии. Тем более что в своих работах он ссылается на «Славянский народопис» П. Шафарика, где значительная часть территории этих губерний относится к территории белорусского языка.

В «Путешествии по Полесью и Белорусскому краю» Шпилевский повторяет свою идею о первенстве белорусского языка среди других славянских языков: «Дошедший до нас кривичский, или белорусский, язык дает нам возможность сравнить настоящий великорусский язык с древним славянским. (...) Устраненный благовременно от влияния монголизма и доселе не испытывавший воздействия великорусского наречия, он сохранил свой старинный вид и характер и более остановился в своем развитии, чем претерпел, как думают некоторые, от польского и литовского наречий. Он был официальным языком литовского двора и правительства еще во времена язычества. Литовский Статут, памятник чрезвычайно важный для истории нашего законодательства и для древней русской филологии, писан на этом самом языке, который

еще на исходе XVII века употреблялся в документах, признаваемых в виленском магистрате и вообще во всех актах Западной и Южной России. На белорусском языке писаны и Литовская Метрика и Акты киевского суда, которые заключают в себе бесценные сокровища для нашей истории. (...) На этом же белорусском языке любили говорить еще в конце прошлого столетия минские, могилевские и витебские помещики; на нем до сих пор говорят более трех миллионов людей; даже бывшие в Минской, Могилевской и Витебской губерниях униаты говорили и писали метрические книги по-белорусски, или по-кривичски»⁵³. Как и многие его современники, Шпилевский часто называет белорусский язык кривичским: «Когда потеряла право гражданства в славяно-русской земле название кривичей и заменено именем Белоруссии, нельзя определенно сказать»⁵⁴. Но в отличие от польскоязычных любителей белорусскости Шпилевский высказывает совсем другой взгляд на политическую судьбу своей страны: «После тяжких годов иноплеменного ига потомки кривичей, минские белорусцы, наконец вздохнули свободно и зажили жизнью родной – белорусской»⁵⁵.

В 1850-х гг. появляется и первое историческое исследование, посвященное прошлому уже собственно Беларуси – «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» Осипа Турчиновича (1857). Этот автор также понимал под Беларусью Витебскую и Могилевскую губернии. Однако в своем предисловии к книге он фактически ставит Беларусь, как объект исторического исследования, на один уровень с соседними странами: «Ее (Беларуси – *С.Т.*) древняя, ее собственная история мало известна: новая же начинается с XV столетия, тесно связана с политической историей Литвы, Польши и России. По своему географическому положению Белоруссия сделалась поприщем, на котором в течение последних четырех столетий решались оружием почти все вопросы, составляющие политическую жизнь этих держав, и последствия этой вековой, кровопролитной борьбы составляют судьбу и новую историю Белорусского края»⁵⁶. В 1855 г. в Петербурге печатается работа генерала Михаила Без-Карниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся»⁵⁷. Автор также ограничивал Беларусь этими двумя губерниями, белорусов считал потомками кривичей, однако, по сути, писал про них как про отдельный народ.

В польскоязычном шляхетском сообществе смена краевого понимания белорусскости на этническое и его расширение за границы Витебщины и Могилевщины прежде всего связаны с Винсентом Дунином-Марцинкевичем, который в 1850-х гг. издает пять книг на белорусском языке: «Сялянка», «Гапон», «Вечарніцы», «Купала» и «Беларускі Дудар». В отличие от Яна Чечота он адресовал свое творчество в первую очередь крестьянству, а не землевладельцам и арендаторам поместий. Это намерение писатель под псевдонимом Наума Приговорки в «*Gazecie Polskiej*» в 1861 г. аргументировал следующим образом: «Живя среди людей, которые разговаривают белорусским наречием, вникая в их способ мышления, обдумывая судьбу брата, в детскости и тьме живущего, решил ради пробуждения его интереса к образованию,

в духе его обычаев, легенд и способностей, писать его собственным наречием»⁵⁸. Правда, в этих словах все же ощущается определенная дистанция автора от людей, для которых он пишет. Дунин-Марцинкевич оставался патриотом своего польского отечества – Речи Посполитой. В сборнике исторических повествований «Люцинка или шведы на Литве» (1861) он называл польский язык родным. В письме к Яну Карловичу от 15 сентября 1868 г. Дунин-Марцинкевич отмечал, что своими произведениями стремится достичь, чтобы белорусский крестьянин «учился одновременно и польской, материнской литературе»⁵⁹. Попыткой ознакомить крестьянина и белорусскоязычного мелкого шляхтича с лучшими узорами польскоязычной культуры был перевод «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. Но в 1859 г. цензура запрещает распространение уже отпечатанного перевода, постановив «не допускать употребления польского алфавита при печатании сочинений на белорусском наречии»⁶⁰. Основанием для этого послужил правительственный циркуляр, который запрещал «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку». Интересно, что этот циркуляр был направлен против украинского языка, но его первой жертвой стала белорусскоязычная книга⁶¹.

Дунина-Марцинкевича в тогдашней польской печати обвиняли в том, что он сочиняет на никому не нужном белорусском языке. В защиту его творчества выступил один из наиболее уважаемых литераторов на белорусско-литовских землях Владислав Сырокомля (Людвик Кондратович). В 1855 г. он патетически утверждал: «Прекрасная это ветвь славянского языка – кривицкий диалект – и древняя! Ведь это язык нашего Литовского статута и законодательства в течение двух столетий – 16 и 17. И распространенная! Ведь смело можно сказать, что на нем разговаривали три четверти давней Литвы, народ, знать и помещики. Язык, избавленный письменного значения, сегодня остался только памятным в крестьянских домах»⁶². Сырокомля утверждал, что «кривицкий» язык имеет, «насколько известно», двух писателей – Чечота и Дунина-Марцинкевича. Сырокомля употреблял названия «кривицкий, белорусский и русинский язык». В одном месте он пишет, что первое произведение Дунина-Марцинкевича «Вечарніцы» написано «на белорусском, или точнее кривицком языке»⁶³. В 1856 г. он замечает, что произведения Дунина-Марцинкевича «написаны на белорусском языке – языке нашего простого народа» (64). В другом месте называет этот язык «так называемым русинским». Сырокомля, по сути, первым в польскоязычном шляхетском сообществе положительно ответил на вопрос: «Можно ли этот язык (белорусский) приспособить ко всем движениям мысли и стили и усовершенствовать до такой степени, которая заслуживает названия отдельного языка?»⁶⁵ При этом он обращался к исторической аргументации: «Русинский язык со своими главными разновидностями бело- и чернорусский (кривицкий), а также малорусский и галицийский столько имеют сходства с польским или чешским языками, сколько лица братьев, хотя похожие, однако совсем разные характером своей физиономии. Этот язык народа Литовской Руси тем более заслуживает названия отдельного диалекта, что как ветвь русинского языка имеет богатое прошлое»⁶⁶.

В Виленской и Гродненской губерниях этноним «белорусы» и термин «белорусский язык» в первой половине XIX ст. почти не употреблялись. Однако существует гипотеза, что пионерами белорусского национального возрождения являются представители униатского духовенства Белосточчины, которые уже в период короткого нахождения этой западной окраины белорусской этнической территории в прусской монархии (1795–1807) стали осознавать себя представителями отдельного от поляков и россиян народа⁶⁷. Здесь можно увидеть желание провести определенную параллель с Галицкой Украиной, где австрийское подданство предоставило возможность местным украинским деятелям, также преимущественно выходцам из духовенства, на развитие собственной культуры. Действительно, преподаватели Виленского университета, дети приходских униатских священников Белосточчины Михаил Бобровский, Игнат Данилович, Игнат Анацевич, которые получили образование в Белостокском департаменте в прусские времена, очень много сделали для популяризации в образованном сообществе белорусско-литовского края знаний о русской или старобелорусской культуре Великого княжества Литовского. Но хотя они в самом деле отмежевались от польской национальной идентичности, говорить о наличии у них уже сформированной белорусской идентичности без дополнительных фактов вряд ли представляется возможным. Минский этнолог Павел Терешкович обнаружил, что, например, Михаил Бобровский чаще всего называл себя «русином» и лишь изредка «поляком», а своего друга Игнатия Даниловича – «подлесянином»⁶⁸. Когда Бобровского сослали из Вильнюса обычным священником в поселок Шерашава Гродненской губернии, то он читал там проповеди своим прихожанам на белорусском языке. Один из его учеников, Плакид Янковский писал в 1864 г.: «И вот заслуженный профессор университета и член-корреспондент разных зарубежных и отечественных обществ (...) знаменитый философ-ориенталист, знавший при том в совершенстве все почти новейшие языки Европы, начинает аккуратно, по воскресеньям и праздникам, произносить поучения на простонародном наречии, именуемом с некоторого времени вовсе неправильно белорусским». Сам же Янковский считал, что было бы более правильно называть этот язык «червоно-русским» или галицким, «так как значительная часть Гродненской губернии входила в состав Галицкого королевства»⁶⁹.

Однако в конце 1850-х гг. в Гродненской и Виленской губерниях представители образованного общества все чаще начинают называть местных жителей, прежде всего крестьян, белорусами, а их язык – белорусским. В этом смысле интересным источником являются так называемые «приходские списки», которые оформлялись в 1857 г. местным духовенством согласно предписанию государственных властей. Священники должны были отличать национальность своих прихожан. Следует признать, что эти списки скорее указывали не столько на этническую структуру местного населения, сколько на историческое воображение и политические симпатии самого приходского духовенства. Например, в итоговых данных встречаются названия «кривичи, ятвяги, бужане» и т.д. В Виленской губернии, согласно «приход-

ских списков» насчитывалось 155381 православных белорусов и 2609 белорусов-католиков, а в Гродненской губернии – 25421 православных белорусов и 1763 белорусов-католиков⁷⁰. Католические священники редко называли своих прихожан белорусами, но иногда признавали, что последние разговаривают на белорусском языке. Например, священник Квасовский прихода Гродненского деканата писал, что его прихожане «племени (...) литовского (...) вообще разговаривают языком белорусским»⁷¹. Известный исследователь Гродненской губернии Павел Бобровский обращал внимание на тот факт, что православные крестьяне Гродненской губернии «неохотно посещают православные церкви, нередко предпочитая костелы, к которым приучила их униатская церковь». Поэтому он считал, что для улучшения ситуации «поучения на народном языке были весьма полезным орудием»⁷². Некоторые православные священники действительно пробуют это сделать. Настоятель Черновчицкого прихода в Брестском уезде Стефан Пашкевич даже описал свой опыт использования «простонародного наречия» в «Литовских епархиальных ведомостях»⁷³. В своей заметке он, кроме всего прочего, утверждал, что «многие из окрестных священников, по тому же прекрасному побуждению, также научились простонародному наречию и с большой пользою проповедают на нем слово Божье своим прихожанам». Священник отмечал, что его проповеди на «простонародном наречии» имели огромный успех у прихожан и их отношение к родному языку радикально изменилось.

Однако следует признать, что таких примеров сознательного использования в православных храмах «простого» языка в целом было немного. Большинство бывших униатских священников еще в начале 1860-х гг. пользовались в обычной жизни польским языком, а проповеди в храмах произносили на русском языке. Профессор Петербургской духовной академии и уроженец Белостотчины Михаил Каялович в 1863 г. на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» рассуждал об историческом предназначении «западнорусского» духовенства. Он писал об оторванности приходских священников от своих прихожан: «Видя в нем (священнике. – *С.Т.*) русское, но не полное, он (народ. – *С.Т.*) ставит его в один ряд с чиновниками, а видя в нем польское – зачисляет в разряд панов. А так как народ не считает своими братьями ни чиновников, ни панов (...) не мог считать своими братьями также и священников»⁷⁴. Каялович считал, что после крестьянской реформы 1861 г. духовенству «необходимо было отбросить и внешнее великорусское, похожее на чиновничество, и шляхетское польское, еще более чуждое для народа. (...) Здесь необходимо стало показать народу его чисто родное или показать совершенную пустоту»⁷⁵. Согласно Каяловичу, православное духовенство Западных губерний не сумело ответить на этот вызов времени и найти в себе силы обратиться к прихожанам на их родном языке: «Но что же вышло? Неужели в эти минуты жгучей народной жажды к живому народному слову не нашлось людей, которые оправдали б народное доверие и любовь к себе. (...) Я достоверно знаю, что во многих местностях западной России есть такие достойные православные священники, особенно в Мало-

россии и в срединной части Белоруссии. (...) Но к великому сожалению, они все вместе – очень немногочисленны»⁷⁶. Каялович объяснял, в какой сложной ситуации оказалось «западнорусское» духовенство: «Таким образом в жизни западно-русского духовенства – три направления: великорусский элемент влечет его к себе, – элемент польский тянет в свою сторону, элемент народный западно-русский тянет к себе». Сам Каялович ставит вопрос, на который не дает однозначного ответа: «Куда идти западно-русскому православному духовенству? Какому направлению из указанных нам следовать или как соединить их в одно?» А вот митрополит Иосиф Семашко проблемы выбора здесь не видел; в том же самом номере «Литовских епархиальных ведомостей» было напечатано его обращение к духовенству и к пастве: «Но какое нам дело до Польши! Мы Русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки Святого Владимира, – мы родились в России»⁷⁷.

Высшая российская администрация в Вильне и губернских городах в то время также считала белорусскоязычное население русским. Хотя в служебной записке в феврале 1862 г. виленский генерал-губернатор Назимов отметил факт индифферентности белорусского крестьянства в отношении нарастающего польско-русского противостояния в крае: «Если русское население в Западных губерниях нельзя еще назвать отжившим свой возраст, то не ошибемся, когда скажем, что в нем жизненная сила еще не пробудилась, скажем более – чувства народной самобытности находятся в таком безотрадном летаргическом усыплении, что вслед за наступающим пробуждением он с равною готовностью последует как за русско-православною, так и за польско-католическою пропагандою»⁷⁸. Попечитель Виленского учебного округа князь Ширинский-Шахматов писал осенью 1861 г. министру просвещения Путятину: «В губерниях же Виленской, Гродненской и Минской большая часть сельского населения говорит наречием белорусским, поэтому и народные училища в этих местностях должны быть чисто русскими»⁷⁹. Правда, в начале 1863 г. он уже допускал использование в народных училищах белорусского языка: «Преподавание закона Божия католического исповедания производить на местном языке: в Жмуди – на жмудском, в белорусских губерниях – на белорусском, но отнюдь не на польском. Прочие предметы преподавать на русском языке»⁸⁰. Для православных же крестьян преподавание по-белорусски в общем не предполагалось. Главную задачу государственной школы Ширинский-Шахматов видел в следующем: «Здесь следует воскресить древнюю коренную русскую народность, подавленную долголетним гнетом пришлого польского населения. В здешнем крае следует ослабить и устранить влияние польской национальности, стремящейся заглушить в народе родное ему русское начало»⁸¹. Генерал-губернатор Назимов писал в Петербург в марте 1863 г.: «Русский элемент как во время бывшего владычества поляков в этом крае, так равно и впоследствии, по возвращении оного под державу Российскую (...) сохранился доныне во всей своей чистоте и неприкосновенности. Католицизм и Уния, отторгнув его от лона Православной Церкви, успели разъединить его с русскою народною семьею в отношении только одних религиозных убеждений и верований (...), но не

коснулись ни его нравов и обычаев, ни самобытности народного характера, при-тупленного, но не погасшего в массах русского населения»⁸². Однако он же с тре-вогой сообщал в столицу, что все деревни и поселки в крае заполнены большим количеством польских букварей, катехизисов и других книжек, «в том числе и на местном белорусском наречии польским алфавитом»⁸³. Относительно белорусских книжек генерал-губернатор скорее всего имел в виду букварь на белорусском языке, изданный в Варшаве в 1862 г.

Наверное, именно эти обстоятельства повлияли на тот факт, что российские власти издадут в Вильно в 1863 г. сборник повествований для народа «Разказы на белорусском наречии»⁸⁴. Это была первая в XIX ст. книга на белорусском языке кириллической печатью. Она представляла собой небольшую брошюру размером в 30 страниц и состояла из четырех повествований и сказки. Уже названия повествований – «Кто булы наши найдавнііші диды и якая ихъ була доля до уніі?», «Ци добре мы зробили, покинувши унію?», «Великая помылка нашихъ Бѣлоруссовъ», «Розмова на цментари старосты Янка зъ братчиномъ Хвэдосемъ» – свидетельствуют, что не-известные нам авторы акцентируют внимание на исторических и религиозных во-просах. В повествования «Кто булы наши найдавнііші диды и якая ихъ була доля до уніі?», написанном на западнополесском наречии, изложена по сути наиболее основательная для всего XIX ст. мифологизированная концепция истории белору-сов как отдельного народа, хотя и «родного с народами, которые встарь жили и теперь живут в южных и восточных русских землях». Олег Латышонок выдвинул гипотезу, что авторам этого повествования мог быть вышеупомянутый историк-любитель с Гродненщины Игнат Кулаковский⁸⁵. Границы Беларуси в повествовании очерчены следующим образом: «Край, где живут теперь пинчуки, минчане, вицебцы, могилевчане, называется Белою Русью; в этом крае с очень давних времен жил на-род славянский. (...) Народ этот раньше звался кривичами или кривицкими славя-нами (...) а были еще кривичи полоцкие – вот эти кривичи были нашими предками. (...) Теперешняя Витебская, Могилевская губернии, маленький отрезок Псковской и Смоленской, значительная часть Минской губернии с Пинском, Мозырем и Туро-вом, часть Виленской до речки Дитвы и Гродненской с городами Волковыском и Брестом были теми местами, где жил белорусский народ. (...) Не мало земли занимали наши деды – кривичи полоцкие. Язык у них был русский, похожий на теперешний наш мужицкий; имели они своих князей, и, как все славяне в ту пору, и они – деды наши, жили в язычестве, не зная Бога истинного. Князья полоцко-белорусские были очень отважные, воевали с соседями своими братьями славянами»⁸⁶. Таким обра-зом, историю белорусов автор повествования начинает с языческих времен. Киев-скому князю Владимиру приписывает их завоевание и крещение. Признает также и литовское завоевание Беларуси, но совместную жизнь белорусов и литовцев ри-сует в целом положительно: «От наших прадедов-белорусов литвины перенимали и обыкновения свои, и язык. Под господством литовских князей литвины жили с белорусами в большом согласии. Встарь белорусские князья набирали литвинов в

свои дружины и вместе с ними воевали с киевскими князьями; а после также литовские князья имели целые дружины из белорусов. Со временем литвины, которые жили возле Беларуси, совсем забыли свой язык и начали разговаривать на белорусском. Вместе с обычаями и языком от славян-белорусов начала Литва переходить и к вере православной»⁸⁷. Зато отрицательно оценивались автором повествования государственная уния с Польшей и Берестейская церковная уния. В общем, главными критериями белорусской идентичности у него выступают происхождение от славян-кривичей, белорусский язык и православная вера. Именно притеснение православия в Речи Посполитой является причиной крайне отрицательной оценки этого периода белорусской истории: «Не дай Боже нам испытать то, что испытали наши деды и отцы за веру православную». Во втором повествовании «Розмова на цментари старосты Янка зь братчыкомъ Хвэдосемъ», также написанном на полесском наречии, автор вкладывает в уста старосты Янки следующие слова: «А мы сами по себе, мы совсем не ляхи: мы сами собой народ особый – Белорусы!»⁸⁸.

«Разве это не правда, что у нас мужиков-католиков называют поляками? Как это делают в Дисненском уезде. Идете вы по деревне, где живут мужики-католики и православные, спрашиваете: “Кто живет в таком-то и таком доме?” Вам говорят: “Католики или поляки”. “А в следующем доме кто живет?” Вам ответят: “Русские живут, русские или православные”. Вот здесь и большая ошибка наша и сходство с цыганами, что те из нас, которые веруют по-католически, называются поляками. Какие они поляки? У них язык простой, белорусский, обычаи простые, белорусские; и обычаи, и язык у мужиков-католиков те самые, что и у мужиков православных, или русских. Кто хорошо знает поляков, их язык и обычаи, тот никогда не скажет, что мужик-католик похож на поляка. Зачем же наши мужики-католики зовутся поляками? Неужели только потому, что они католической веры. Посмотрим на другие народы: кто считает так, как мы? Русский всегда называется русским; немец, какой бы он ни был веры, называет себя немцем; француз – французом. Что же мы за несчастный народ, что не знаем, как назвать себя, и, сделавшись католиками, отрекаемся от своего рода и племени, называемся поляками»⁸⁹. Правда, это повествование завершается строками: «Русскими, а не поляками мы должны именоваться». Таким образом, автор демонстрирует определенную амбивалентность в понимании белорусской идентичности, которая была очень характерной для российских правительственных чиновников и местных «западноруссов» в второй половине XIX и в начале XX ст. «Разказы...» предназначались для преподавания в народных училищах. Эта книга была единственной попыткой российских властей использовать печатное белорусское слово в своих целях. Как воспринимали сами крестьяне книжку на «простом языке» исследователям, к сожалению, ничего неизвестно.

В 1863 г. к белорусским крестьянам обращается на их языке и один из руководителей восстания Константин Калиновский в своей знаменитой «Мужыцкай праўдзе». Это произведение в белорусской научной и культурной традиции было по сути сакрализованно, став одним из важнейших элементов национального канона.

Но надо признать, что в тексте «Мужыцкай праўды» белорусская национальная проблематика в общем отсутствует. Не упоминается и этноним белорусы. Только в «Лістах з-пад шыбеніцы» Яська-хозяин говорит, что хочет, «чтоб знал мир Божий, как мужики Белорусы смотрят на москалей и восстание польское»⁹⁰. В этом же послании Калиновский утверждал, что «москалей» «там, где жили поляки, литовцы и белорусы, открывают московские школы, а в этих школах учат на москальском, где никогда не услышишь и слова польского, литовского и белорусского, как народ того хочет»⁹¹. Калиновскому также приписывают «Пісьмо ад Яські-гаспадара з-пад Вильні да мужыкоў зямлі польскай», где автор обращается к белорусским крестьянам: «Что же мы, ребята, сидеть будем? Мы, которые живем на земле Польской, едим хлеб польский, мы, поляки с времен вечных»⁹². Белорусские исследователи опровергали авторство Калиновского, указывая, что на этом листе стоит печать варшавской типографии. Однако, пожалуй, можно согласиться и с Ришардом Радзиком, что вышеприведенные слова Яськи-хозяина не являются «принципиально противоречащими с теми, что содержат другие документы»⁹³. Некоторые сподвижники по борьбе обвиняли Калиновского в «литовском сепаратизме». Правдоподобно, что под термином «Литва» Калиновский понимал земли бывшего ВКЛ. Это выразительно проявляется в пояснительной записке, которую Калиновский написал во время следствия: «Россия хочет полного с собою слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу. (...) Кто полагает, что Россия легкую в этом будет иметь задачу, тот судит паверхностно, тот себя обманывает. Сеть, охватывающая нас во всех классах и соединяющая с Польшею, имеет столько оснований в традициях и даже предрассудках, что распугать ее, уничтожить и воссоздать что-либо новое составляет вековой систематический и разумный труд. (...) Пока Правительство не приобретет сочувствия в действительно образованном классе здешнего населения, до тех пор слово России не найдет отголоска в сердце литовцев»⁹⁴. Тот факт, что термин «белорусы» соседствует с терминами «поляки» и «литовцы» сначала в повстанческом манифесте, а затем и в «Письмах из-под виселицы», свидетельствовал о расширении влияния белорусской идентичности. Потому и повстанцы, и царские власти обращаются к белорусскому языку в борьбе за симпатии местного крестьянского населения.

Однако расширять белорусскую идентичность, в особенности среди православного населения, не входила в планы правительства. Новый «руководитель края» Михаил Муравьев не вникал в этнографические детали, а «белорусской проблемы» для него попросту не существовало. В программных документах виленского губернатора за 1863–1865 гг. отсутствуют хоть какие-либо упоминания о белорусах. Местных белорусскоязычных крестьян Муравьев всегда называет «русскими». Российский историк Михаил Долбиллов нашел лишь одно исключение – фразу в черновом варианте отчета императору (май 1864 г.): «Бедственная идея о разъединении народностей в России, введении Малорос[сийского], Белорус[ского] и иных наречий уже глубоко проникла в обществ[енные] взгляды. Необходимо положить этому твердую преграду и вменить Мин. Народ. Просвещения в обязанность действовать

в духе единства России»⁹⁵. В июле 1863 г. был издан знаменитый циркуляр П. А. Валуева, который запрещал выпуск дидактической литературы на украинском языке. Автоматически действие этого циркуляра распространялась, как уже было в 1859 г., и на белорусский язык. Последнее делало невозможным повторение экспериментов, похожих на издание «Разказов на белорусском наречии».

С приходом Муравьева и массовым нашествием чиновников из центральных губерний империи в местной государственной администрации воцарились крайне воинственные, мессианские взгляды. Муравьев писал министру государственных имуществ А. Зеленому в феврале 1864 г.: «Здесь край искони был русским и должен им оставаться (...) польский элемент здесь есть пришлый и должен быть окончательно и решительно подавлен; теперь настоящее время с оным покончить, в противном случае Россия безвозвратно лишится Западного края и обратится в Московию, т.е. в то, во что желают поляки и большая часть Европы привести Россию»⁹⁶. Эту линию продолжил и следующий генерал-губернатор Кауфман, который заявлял: «Этот край был и должен быть навсегда русским. На то воля Государя, на то желание всей России, на то право государственное, на то и право историческое (...) в здешнем крае не должно быть и не будет места никакой другой цивилизации, кроме русской»⁹⁷. Интересно, что в то же время в российских интеллектуальных кругах уже высказывались опасения относительно возможности «белорусского сепаратизма». Правда, местная государственная администрация такой угрозы не видела. Попечитель Виленского учебного округа и горячий сторонник Муравьева Н. Корнилов писал известному российскому публицисту Каткову в апреле 1864 г.: «Опасаться политических тенденций и сепаратизма просто смешно на западной границе. Какой здесь сепаратизм, когда Белоруссия, находясь в столкновении с сильными народностями и соприкасаясь со сплоченным польским обществом, может держаться только опираясь на Россию и тяготея к ней. Она никогда не будет настолько сильна, чтобы ей пришлось в голову домогаться самостоятельности»⁹⁸. Таким образом, невозможность белорусского сепаратизма Корнилов объяснял польской угрозой, а не отсутствием у белорусов самобытных этнических черт. Позже похожая логика против суверенности Беларуси активно использовалась западноруссами местного происхождения, в частности Михаилом Каяловичем.

Эта волна российскости, которая обрушилась на Беларусь в 1860-е гг., дала толчок поискам своей идентичности в местном образованном обществе. Даже православные чиновники начали более выразительно ощущать свою белорусскость, столкнувшись с нашествием единоверцев с востока. Чиновник виленской канцелярии генерал-губернатора Масолова отмечал в своих записках: «Местные русские чиновники смотрели на нас тоже недоверчиво и даже неприязненно»⁹⁹. Мировой посредник Могилевской губернии Захарьин писал о православных урядниках местного происхождения: «Это были местные уродженцы – “белоруссы”, как они стали называть себя после усмирения восстания». Эти «белоруссы», согласно Захарьину, «вредили, насколько могли, русскому делу»¹⁰⁰. Похожие примеры формирования

новой идентичности в это время видим и в окружения католической знати. Тот же Масолов упоминал, что предводитель знати Минской губернии Евстах Прушинский написал верноподданническое послание царю от имени минского дворянства на белорусском языке: «Он высказал в нем уверенность в исторической необходимости слияния западных губерний с Россией, но в то же время необходимость этого слияния он доказывал мыслью о панславизме. Мысль эта пустила была корни в Минской губернии, так как в ней заключалась известная уловка поляков, которые на все согласны, лишь бы не быть и не называться русскими»¹⁰¹.

События 1860-х гг. имели еще один положительный момент относительно расширения белорусской идентичности. Сразу после восстания 1863 г. правительством были изданы этнографические атласы А. Риттиха и П. Эркерта¹⁰², которые показывали этническую структуру населения Западных губерний Российской империи. Впервые географическое пространство расселения белорусов было отмечено на карте. Независимо от интенций составителей это неизбежно должно было когда-то послужить на пользу белорусской национальной идеи. В это же время царские власти встали перед проблемой определения национальной принадлежности белорусскоязычных крестьян-католиков. Генерал-губернатор Муравьев утверждал в своей записке императору, что в Западных губерниях «православие соединено с понятием о русской народности, как, напротив того, католик и поляк составляет одно»¹⁰³. Также полковник Эркерт, автор исследования, посвященного этнической проблематике Западного края, писал: «Ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющие русскую народность от польской, так отчетливо и правильно, как различие вероисповеданий. Таким образом, в западной России, с сравнительно немногими исключениями, все славянские обитатели православного исповедания должны считаться русскими, а все те, которые исповедуют католическую религию – поляками»¹⁰⁴. А вообще Эркерт не придавал существенного значения языку крестьянского населения: «Католик, говорящий на белорусском или малорусском языке, не только в глазах всех жителей православного и католического вероисповедания – поляк, но и сам считает себя, да и хочет, чтобы другие считали его поляком (...) выражение католический белорус не известно ни в (русском) народе, ни у (польских) помещиков и духовенства»¹⁰⁵. Свои выводы полковник основывал на собственных наблюдениях и том практическом опыте, который приобрели российские военнослужащие в 1863 г. Но его рациональные выводы противоречили уже достаточно на то время распространенной в российских интеллектуальных кругах мифологеме, согласно которой крестьянство Святой Руси (к ней молодой русский национализм причислял и белорусские земли) представляет собой некое мистическое тело, служащее главной опорой самодержавной власти. Оппонентом Эркерта в российской печати был такой знаток Беларуси, как Павел Бобровский. Последний решительно оспорил национальный подел белорусскоязычного населения согласно религиозному признаку: «Не достаточно знать, кто ходит в костел и кто в церковь, надобно еще знать, кто говорит по-белорусски и кто по-польски,

чтобы верно разграничить соприкосновенные народности»¹⁰⁶. Бобровский даже не придавал существенного значения самоназванию крестьян: «Какое нам дело до того, что белоруссы не называют себя белоруссами, а простыми (...) но они говорят по-белорусски»¹⁰⁷. Хотя автор и признавал, что белорусы pochodят «от одного корня с великорусами», но вместе с тем утверждал: «Само собой разумеется, что белоруссы и великоруссы представляют два отдельные типа»¹⁰⁸.

Российскому правительству подход Бобровского был более приемлим, чем тот, что предлагал Эркерт. Последний был бы оправданным лишь в том случае, когда б белорусскоязычных крестьян-католиков удалось сделать православными. Но достичь этого власти не сумели. Если католическую знать имело смысл называть «наносным пришлым элементом», то признание поляками большого количества белорусских крестьян подрывало миф об «исконно русском» характере этих земель, которые в соответствии с националистическим дискурсом российской политической элиты складывали неотъемлемую часть Святой Руси. Преданное царю крестьянство было основным элементом этого мифа. Естественно, российское правительство не могло уступить польскому национализму белорусскоязычных крестьян-католиков Западного края, которые во всех официальных статистиках с 1860-х гг. фигурируют как белорусы. Проблема была только в том, как привить этим крестьянам русское самосознание? Тот же Корнилов писал: «Каждый римский католик в Западном крае есть поляк; отсюда следует, что римско-католическая религия служит здесь к ополчанию народа и определяет национальность. Полагаю, что было б весьма важно уничтожить означенное мнение и провести в народное сознание ту мысль, что русский народ, принадлежащий по вере к римскому обряду и живущий в некоторых местностях Западного края, есть такой же русский народ, как и те русские, которые исповедуют православную веру»¹⁰⁹.

В 1866 г. католические ксендзы из Могилевской и Витебской губерний обратились к властям с просьбой разрешить им перевести на белорусский язык утвержденные цензурой проповеди Филипетского и Белобжецкого и читать эти проповеди своим прихожанам на белорусском языке. К сожалению, мы не знаем, как они аргументировали необходимость в белорусскоязычных проповедях. Но фактически проповеди на белорусском языке произносились ксендзами и без официального разрешения. Высокопоставленный чиновник при виленском генерал-губернаторе А. П. Стороженко докладывал Муравьеву после поездок по Могилевской губернии летом 1864 г.: «Священники (православные. – С.Т.) по деревням никогда не говорят проповедей, а, напротив, допускают православный народ, по выходе из церкви, отправляться в костел и слушать казание (проповедь), которое ксендз-пропагандист говорит им на белорусском наречии» (110). Государственные власти обратились по этому вопросу к минскому православному епископу Михаилу Голубовичу, который в феврале 1866 г. высказал свое мнение для обер-прокурора Святейшаго Синода. Его отношение к белорусскому языку в католическом богослужении было крайне отрицательным: «В состав Белоруссии входят губернии Витебская, Могилевская,

часть Виленской, Минская и Гродненская. В двух первых замечаются поднаречия, именно: на окраинах смежных с внутренними губерниями простонародный говор приближается к Русскому. В Минской губернии в части Речицкого уезда и в Мозырском говорят полумалороссийским, а в Пинском – полесским, т.е. грубым малороссийским наречием, в Гродненской губернии в уездах Брестском, Кобринском, Пружанском и Бельском говорят по-малороссийски, в Гродненском по-над рекою Неманом по литовски, в Сокольском и Белостоцком уездах поселенцы мазуры говорят польским жаргоном. При таком разнообразии наречий, которому дать преимущество для перевода на оные проповеди? Выбор трудно сделать и потому, что говорящие по-малороссийски не терпят белорусского языка и наоборот. Белорусский язык не обработан, на нем невозможно выразить отвлеченных мыслей, евфония его весьма неприятна, зачем же его ставить на подмостки литературного наречия, когда неуклонною целью правительства должно быть обобщение чисто русского языка и когда к тому способствуют открытые народные церковные и городские училища. Да и теперь простой народ достаточно понимает русский язык. К тому же в белорусский язык в продолжение крепостного состояния вкралось много польских слов и оборотов. Кто же поручится, что ксендзы не будут пользоваться этим для поддержания хотя тени польского языка. (...) Я протестовал против печатания бывшим попечителем кн. Ширинским-Шахматовым на белорусском языке книги для чтения в народных училищах и теперь протестую против перевода на оный латино-католической проповеди. Заподозривать домогательство латинского духовенства в переводе проповеди на белорусский язык я имею исторические основания. И именно иезуиты, поселившись здесь, предварительно изучали простонародный язык и на нем соблазняли православных»¹¹¹. Короче говоря, белорус по происхождению и бывший униат Михаил Голубович решительно высказался против использования белорусского языка в католическом костеле. Похоже, что главной причиной этому была боязнь перед возможным «соблазнением» ксендзами православных прихожан. Интересно, что свой личный дневник тот же Михаил Голубович писал на польском языке.

Таким образом, с 1860-х гг. под Беларусь начинают понимать не только Витебскую и Могилевскую губернии, но и всю ту территорию, где большинство населения разговаривает на белорусском языке. Это отлично показал Адам Киркор в тексте, написанном для издания «Живописная Россия»: «Сначала Беларусь называли только нынешнюю Могилевскую и Витебскую губернии (...) но в настоящее время, с этнографической точки зрения, как в племенном, так в бытовом и народном отношении, Белоруссией справедливо называют все три губернии: Могилевскую, Витебскую и Минскую. Исключение составляют только три уезда Витебской губернии, населенные латышами. Можно б сделать еще изъятие для Пинского, отчасти и Мозырского уездов Минской губернии, где наречие более подходящее к малороссийскому. Но все другие этнографические условия ничем особенным не отличают жителей этих уездов от белорусского смежного племени. К Белоруссии принад-

лежит и часть Смоленской губернии. (...) Этого мало. К Белорусскому племени надобно причислить жителей Вилейского и Дисненского уездов Виленской губернии, юго-восточной части Ошмянского и Свенцянского уездов и юго-восточной части Лидского уезда (...) (Виленской губернии), большую часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии и большую часть Гродненской губернии. Этим не ограничиваются пределы белорусского племени. (...) Число жителей, принадлежащих к Белорусскому племени, считают до 3 миллионов, но оно в настоящее время гораздо больше»¹¹².

Поскольку существовали научные и художественные тексты, карты и статистические справочники, которые очерчивали этническую территорию и называли количество белорусов, описывали их язык, традиции, устои, а также происхождение и основные этапы истории, логично было ожидать возникновения национальной идеи как проекта построения белорусской нации. Впервые в истории такой проект был сформулирован в изданиях белорусских народников в начале 1880-х гг., причем на русском языке¹¹³. На страницах газеты «Минский листок» молодой историк Митрофан Довнар-Запольский в 1888 г. в статье «Белорусское прошлое» утверждал: «Белорусское племя имела свою историю, отличающуюся от истории соседних, родственных ему племен, свои исторические традиционные начала, которые оно некогда упрямо отстаивало. Кроме того, белорусский народ имеет этнографическое различие от соседних народностей, отличается от них складом своего развития, понятий, склонностей (...) народное наше творчество складывает наше богатство, каким беларусы могут гордиться, которое должны поддерживать и сберечь. Наконец, есть еще завещание у беларусов – свой язык»¹¹⁴. Довнар-Запольский предсказывал выход белорусского движения в сферу практической деятельности: «Народ, избавленный политической жизни, скованный внутренним угнетением, который иногда на целые столетия уходил с политической арены и как бы замирал, такой народ, когда он не потерял своего языка, этнографических особенностей и пр., опять выходит на арену, когда не политической, то, в крайнем случае, социальной и культурной жизни. Такие свойства и мощь национального организма»¹¹⁵. А в 1891 г. Франтишек Богушевич от имени Мацея Бурачка в своем предисловии к сборнику собственных стихотворений «Дудка беларуская» в поэтизированной форме пробует создать образ белорусского идеологического отечества, одним из главных символов которого выступает именно «мужицкий язык»: «Может, кто спросит: где же теперь Беларусь? Там, братья, она, где наш язык живет: она от Вильна до Мозыря, от Витебска почти к Чернигову, где Гродно, Минск, Могилев, Вильно и много поселков и деревень»¹¹⁶. Для Мацея Бурачка простой язык уже является высшей ценностью: «Наш язык для нас свят, ведь он нам от Бога дан». Впрочем, дискуссионным выглядит вопрос, имел ли сам Богушевич выразительную белорусскую идентичность. Много фактов указывает на то, что он еще оставался патриотом Речи Посполитой, как и большинство повстанцев 1863 г. Но главным было то, что Богушевич по сути первым обращается к крестьянам с призывом беречь свой родной язык, «чтоб не умерли».

Этнографические материалы второй половины XIX ст. довольно убедительно свидетельствуют, что белорусские крестьяне, как православного исповедования, так и католики, не имели сформированной национальной идентичности. Более того, часто они сознательно уклонялись от ответа на вопрос о национальной принадлежности, упрямо называя себя здешними («тутэйшыми»). Этот феномен «тутэйшасти» или сознательного уклонения от национальной самоидентификации в значительной степени был обусловлен стремлением крестьян избежать потенциальных конфликтов на религиозной и этнической почве и поэтому особенно выразительно проявился именно на православно-католическом пограничье. Один из корреспондентов этнографа Павла Шейна из Витебской губернии писал: «Зовут себя белоруссы насъкими, тутэйшыми, русскими же или белорусами – никогда. Раскольников зовут москалями, панов и мелкую знать – поляками, на вопрос же: какой они веры? отвечают – панской веры (имеется в виду католичество. – С. Т.)»¹¹⁷. Другой корреспондент, Иван Карский, отмечал практически то же самое относительно крестьян Гродненщины: «Крестьяне нашей губернии не называют себя ни русскими, ни белоруссами. Некоторые считают себя литвинами. (...) Вообще о себе и о своей стране они выражаются так: мы тутэйшыя, наша страна ни русска, ни польска, але забраны край! (...) Великоруссов крестьяне называют казаками, москалями и русаками. Поляков они не любят вообще, помещиков же польских просто ненавидят»¹¹⁸. Похожие черты самосознания белорусского крестьянина отмечал и этнограф-любитель Адам Богданович: «Но даже и теперь есть немало белоруссов, которые под словом “русские” разумеют староверов, издавна живущих в Западном крае. А если вы к таким белоруссам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и могут сказать, что они “тутэйшыя”, т.е. здешние, или что они мужики, словно бы это их национальное отличие или словно бы только одним белоруссам и свойственно быть мужиками. И к вашему заявлению, что они русские или белоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать как хочешь»¹¹⁹.

Отсутствие национальной идентичности не является отличительным свойством только белорусских крестьян. Это универсальная черта традиционных крестьянских общностей в доиндустриальную эпоху. Известный польский исследователь Л. Усталь следующим образом реконструировал типичную модель идентичности польского крестьянина в XIX ст.: «Я здешний, я крестьянин-земледелец, я католик»¹²⁰. Похожая модель, как нам представляется, была характерной и для белорусского крестьянства. Самоидентификация с более широким сообществом, чем церковный приход, трудно осваивалась крестьянином, поскольку он не выходил за пространство своей локальной коммуникации. Владислав Сырокомля писал о белорусском крестьянине: «Панский двор, ближайший городок, церковь и трактир – вот единственные места, вокруг которых душой и телом кружит он весь свой век»¹²¹. Этот локальный мир и становился основой его самоидентификации в XIX ст. Родная деревня и приход были его отечеством. Это метафору использовал польский социолог Ст. Асовский,

связывая форму идентификации в традиционном крестьянском обществе с окружающим миром, отношение к которому формируется через личное присутствие и эмоциональный контекст. Для национальной идентичности обязательным является воображение идеологического отечества, которое описывается уже при помощи абстрактных категорий и символов¹²². Важными составными элементами здесь выступают знания о географических координатах отечества, количестве соотечественников, этногенетическом мифе, главных этапах истории и национальных героях. Способ мышления и сам язык традиционной деревни не были приспособлены к восприятию подобных идеологизированных категорий и образов. Когда Дунин-Марцинкевич перевел на белорусский язык «Пана Тадеуша», то вынужден был объяснять потенциальным читателям (а перевод прежде всего предназначался крестьянам) смысл слова Отечество: «Зямля, на которой мы родились, которую обрабатываем своим трудом, в которой лежат наши отцы, деды да и прадеды, воздух, которым мы дышим, это и называется отечеством»¹²³. Легко заметить, что это толкование было адаптированным именно к крестьянскому мировоззрению, поскольку белорусские крестьяне словом «отечество» называли надел земли, который передавался в наследие от отца к сыну.

Таким образом, локальная или местная самоидентификация с «личным» отечеством была краеугольным камнем самосознания белорусского крестьянина. Она тесно связывалась с социальной идентификацией – вторым краеугольным камнем. Крестьянин называл себя мужиком-хлеборобом и осознавал тот факт, что находится на самой низкой ступени социальной лестницы общества, в котором живет. Причем «простой язык» был наиболее важным критерием этой социально-сословной идентификации. Третьим краеугольным камнем являлась конфессиональная идентичность. Последняя форма идентичности была наиболее близкой к национальной, которая и должна была замкнуть это построение. Но для этого было необходимо разрушение постфеодальных структур и этого же типа ментальных конструкций, расширение образования, выход за рамки локальной самодостаточности и идентификация с более широкими социальными структурами и сообществами. Практическую деятельность в этом направлении начнут активисты белорусского национального движения в начале следующего века. Но базовые идеологические основания для этого были созданы уже в XIX ст.

Примечания

- ¹ Brubaker, R. Beyond „identity” / R. Brubaker, F Cooper // Theory and Society. Dordrecht etc 2000. vol. 29. №. 1. P. 1–47.
- ² Миллер, А. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи / А. Миллер // <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ³ „Dziennik Wileński”. 1817. Т. VI. S. 396–408.

- ⁴ Гулицкий, Н.Ф. Языкознание / Н. Ф. Гулицкий // Очерки истории науки и культуры Беларуси X – начала XX в. / ред. П. Т. Петриков, Д. В. Карев, А. А. Гусак и др. Минск, 1996. С. 229.
- ⁵ Plater, S. Jeografia wschodniej części Europy czyli opis krajów przez wielorakie narody słowiańskie zamieszkanych / S. Plater. Wrocław, 1825. S. 199.
- ⁶ Ibid. S. 200.
- ⁷ Polska w kształcie Dykcjonariusza historyczno-statystyczno-jeograficznego opisana przez Jędrzeja Słowaczyńskiego, Paryż 1833-1838. S. XXVI.
- ⁸ Цит. по Кабузан, В.М.: Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. М., 1997. С. 6.
- ⁹ Кеппен, П. О происхождении, языке и литературе литовских народов / П. Кеппен. СПб., 1827.
- ¹⁰ Šafárik, P. Slowansky narodopis / P. Šafárik, Praha, 1842. S. 30.
- ¹¹ Ibid. S. 32.
- ¹² Четыре политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский Архив. 1885. Вып. 6. С. 181.
- ¹³ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей: НГАБ) у Гродне. Фонд 1, вопіс 27, справа 708, аркуш 58.
- ¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 15. 1840. отд. 1, 13591.
- ¹⁵ Булгарын, Ф. Выбранае / Ф. Булгарын, укл. А. Фядута. Минск, 2003. С. 193.
- ¹⁶ Там жа. С. 200.
- ¹⁷ Хаўстовіч, М. Ігнат Даніловіч і „Катэхізіс” 1835 г. / М. Хаўстовіч // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 12. S. 151.
- ¹⁸ Цыт. па: S. Świrko, Z Mickiewiczem pod rękę czyli życie i twórczość Jana Czeczota, Warszawa 1989, s. 256; Філаматы і філарэты, уклад., пераклад., прадм. К. Цвіркі, Мінск 1998, С. 194.
- ¹⁹ Цыт. па: Кісялёў, В.Г. Пачынальнікі: 3 гістарычна-літаратурных матэрыялаў XIX ст., 2-е выд., Мінск 2003, С. 99.
- ²⁰ Там жа.
- ²¹ Латышонак, А. Гутарка „царкоўнага старасты Янкі” з „Яськам гаспадаром з-пад Вільні” / А. Латышонак // Дзеяслоў. 2004. С. 198.
- ²² S. Ossowski, Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny, [w] tegoż, Dzieła, t. III, Warszawa 1967.
- ²³ Цит. по: Białokozowicz, B. Między wschodem a zachodem. Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej / B. Białokozowicz. Białystok, 1998. S. 29.
- ²⁴ Ibid. S. 30.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Beauvois, D. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich. 1803-1832, t. II / D. Beauvois. Lublin, 1991. S. 345.
- ²⁷ Ibid. S. 348.
- ²⁸ Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986. С. 173–175.
- ²⁹ Rypiński, A. Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tańcach / A. Rypiński. Paryż, 1840.
- ³⁰ Ibid. S. 18.
- ³¹ Ibid. S. 19.
- ³² Ibid. S. 21.
- ³³ Ibid. S. 11.

- 34 Хаўстовіч, М. Ігнат Даніловіч і „Катэхізіс” ..., С.147.
35 Там жа, С. 147.
36 Цит. по: Кісялёў, В.Г. Пачынальнікі... С. 8.
37 Там жа. С. 11.
38 Там жа.
39 Там жа. С. 43.
40 Там жа. С. 60.
41 Там жа. С. 61.
42 Там жа. С. 70.
43 Там жа. С. 72.
44 Там жа. С. 62.
45 Там жа. С. 79.
46 Бандарчык, В.К. т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння, / В. К. Бандарчык // Беларусы: У 8 т. Мінск, 1999. С. 37.
47 Германовіч, І.К. Беларускія мовазнаўцы / І.К. Германовіч. Мінск, 1985. С. 11.
48 Там жа. С. 32.
49 Там жа. С. 38.
50 Łatyszonek, O. Mironowicz, E. Historia Białorusi od połowy XVIII do końca XX wieku / O. Łatyszonek, E. Mironowicz. Białystok, b.r.w. S. 90.
51 Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. Минск, 2004. С. 98.
52 Там же. С. 51.
53 Там же. С. 100.
54 Там же. С. 101.
55 Там же. С. 105.
56 Цит. по: Белорусская историография в конце XVIII – начале 60-х годов XIX в. // Очерки истории науки и культуры Беларуси..., С. 31.
57 Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся, составлены генерал-майором М.О. Без-Корниловичем. СПб., 1855.
58 Цыт. по: Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. Lublin, 2000. S. 216.
59 Янушкевіч, Я. Беларускі дудар. Праблема славянскіх традыцый і ўплываў у творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча / Я. Янушкевіч. Мінск, 1991. С. 122.
60 Цит. по:Кісялёў, В.Г. Пачынальнікі... С.136.
61 А. Миллер, Язык, идентичность..., <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
62 Цит. по: В. Г. Кісялёў, Пачынальнікі..., С. 294.
63 Там жа.
64 Там жа, С. 301.
65 Цит. по: Сыракомля, У Добрыя весці: Паэзія, проза, крытыка / У. Сыракомля; уклад. і камент. У. Мархеля, К. Цвіркі. Мінск, 1993. С. 502.
66 Там же. С. 507.
67 Łatyszonek, O. Mironowicz, E. Historia Białorusi... S. 37–38.
68 Церашковіч, П. Эвалюцыя этнічай ідэнтычнасці Міхаіла Баброўскага і Ігната Даніловіча, [на сайце:] <http://www.hist.bsu.by/konference>.

- ⁶⁹ Янковский, П. Протоиерей Михаил Бобровский / П. Янковский // Литовские епархиальные ведомости. 1864. С. 65.
- ⁷⁰ Столпянский, И. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, географическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях / И. Столпянский. СПб., 1866. С. 53.
- ⁷¹ НГАБ в Гродно. Ф. 886, воп. 1, спр. 118.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Пашкевич, С. О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия / С. Пашкевич // Литовские епархиальные ведомости. 1863. С. 791–797.
- ⁷⁴ Коялович, М. Историческое призвание западно-русского Православного Духовенства / М. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. 1863. С. 65.
- ⁷⁵ Там же. С. 66.
- ⁷⁶ Там же. С. 66–67.
- ⁷⁷ Там же. С. 44.
- ⁷⁸ Цит. по: Долбилов, М. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): метаморфозы стереотипов, [на сайте:] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ⁷⁹ Русское дело в Северо-Западном крае. Вып. 1, сост. И. П. Корнилов, СПб., 1908. С. 22.
- ⁸⁰ Там же. С. 38.
- ⁸¹ Там же. С. 34.
- ⁸² Цит. по: Долбилов, М. Полонофобия и русификация... [на сайте:] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ⁸³ Zasztowt, L. Kresy 1832-1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawniej Rzeczypospolitej / L. Zasztowt. Warszawa, 1997. S. 352.
- ⁸⁴ Разказы на бѣлорусскомъ нарѣчїи. Вильно, 1863.
- ⁸⁵ Латышонак, А. Гутарка „царкоўнага старасты Янкї”... С. 200.
- ⁸⁶ Цит. по адаптированному тексту У. Казберука: Заняпад і адраджэнне: Беларуская літаратура XIX ст. / укл. У. Казберука. Мінск, 2001. С. 320-321.
- ⁸⁷ Там же. С. 322.
- ⁸⁸ Разказы на бѣлорусскомъ нарѣчїи... С. 28.
- ⁸⁹ Цит. па адаптированному тексту У. Казберука: Заняпад і адраджэнне... С. 327.
- ⁹⁰ Каліноўскі, К. За нашую вольнасць. Творы, дакументы, уклад. Г. Кісялёў, Мінск 1994, С. 40.
- ⁹¹ Там же. С. 43.
- ⁹² Там же. С. 242.
- ⁹³ Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową... S. 232.
- ⁹⁴ Каліноўскі, К. За нашую вольнасць... С. 145.
- ⁹⁵ Долбилов, М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. [на сайте:] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ⁹⁶ Письма М. Н. Муравьева к Зеленому // Голос минувшего. 1913. С. 207.
- ⁹⁷ Миловидов, А. В. Пятидесятилетие „Виленского вестника” / А. В. Миловидов. Вильна, 1914. С. 26.
- ⁹⁸ Русское дело в Северо-Западном крае... С. 71.

- ⁹⁹ Масолов, А.Н. Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время) / А. Н Масолов. Русская старина. 1883. Т. 40. С. 393.
- ¹⁰⁰ Захарьин, И.Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864-1870 гг. (Из записок мирового посредника) / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. 1884. Т. 16. С. 65.
- ¹⁰¹ Масолов, А.Н. Виленские очерки 1863-1865 гг. С. 585.
- ¹⁰² Батюшков, П.Н. Атлас населения Западно-Русского края по исповеданиям / П.Н. Батюшков, А.Ф. Риттих, СПб., 1864; Эркерт, П.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России / П. Ф. Эркерт, СПб., 1864; Carte ethnographique de la Russie occidentale et des pays limitrophes en Pologne et en Galicie, [y:] Dokuments servant a eclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. St. Petersburg 1865.
- ¹⁰³ Муравьев, М.Н. „[Записка] лично представлена Государю в Петербурге 5го апреля 1865 года” / М.Н. Муравьев // Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. С. 319.
- ¹⁰⁴ Эркерт, П.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России. С. 6.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 22.
- ¹⁰⁹ Сталюнас, Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-е годы XIX в., [на сайте:] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ¹¹⁰ Долбилов, М. Полонофобия и русификации..., [на сайте:] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.
- ¹¹¹ Миловидов, А. Распоряжение и переписка графа М. Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / А. Миловидов. Вильно, 1910. С. 12.
- ¹¹² Живописная Россия, Литовское и Белорусское Полесье, репринтное воспроизведение издания 1882 года. 2-е издание. Минск, 1994. С. 249-250.
- ¹¹³ Публицистика белорусских народников: Нелегальные издания белорусских народников (1881-1884) / уклад. С. Х. Александрович, Минск, 1983.
- ¹¹⁴ Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. Мінск, 1994. С. 394.
- ¹¹⁵ Там жа, С. 395.
- ¹¹⁶ Багушэвіч, Ф. Творы: Вершы, паэма, апавяданні, артыкулы, лісты / Ф. Багушэвіч; укл. Я. Янушкевіч. Мінск, 1991. С. 16.
- ¹¹⁷ Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края: т. 2 / П.В. Шейн. т. 2, СЧПб., 1902. С. 21.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Богданович, А.Е. Пережитки древняго миросозерцания у белорусов / А.Е. Богданович. Гродна, 1895. С. 5.
- ¹²⁰ Stomma, L. Antropologia kultury wsi polskiej w XIX wieku / L. Stomma. Warszawa, 1986. S. 63.
- ¹²¹ Сыракомля, У. Добрыя весці... С. 317.
- ¹²² Ossowski, S. Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny... S. 203.
- ¹²³ Цит. по: Кісялёў, Г.В. Пачынальнікі... С. 141.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА (1921–1939 гг.)

Введение

Рубеж XIX–XX вв. в Европе представляет особый интерес для исследователей. В это время в большинстве стран происходит бурное развитие индустрии и рыночных отношений, интенсифицируется сельское хозяйство, формируется массовая культура, утверждаются республиканские режимы. Все вышперечисленное противоречило устоям сословного общества, фундамент которого был заложен еще в средние века. В Восточной Европе сословные институты продолжали господствовать, но их авторитет таял с каждым днем. С падением монархий в Пруссии, Австро-Венгрии и России для большинства населявших эти страны народов началась эпоха конструирования новой политической, социальной и экономической реальности. Слабость гражданского общества привела к появлению на этой территории авторитарных и тоталитарных форм власти. Тем не менее опыт кратковременного переходного периода существования демократии чрезвычайно важен для народов Восточной Европы.

Динамика национальных процессов не была одинакова на всех территориях бывших монархий. Это касается и Российской империи. Здесь интенсивность трансформациям задавали крупные города и промышленные центры. В связи с этим интересен опыт территорий, которые в то же время демонстрировали противоположные тенденции. В этом смысле весьма показательны Полесье – регион, где сохранялись основы традиционной, сословной культуры. К тому же здесь пересекались национальные интересы польского, русского, украинского и белорусского национальных движений.

История национальных процессов и социальных преобразований в Полесском воеводстве Второй Речи Посполитой показательна и иллюстративна. Однако прежде чем перейти к ее описанию, следует коснуться методов исследования.

К вопросу о построении моделей национальной динамики

Вопрос динамики национальных движений зачастую соприкасается с вопросом конфигурации распространения институтов национальной культуры. Как функционирует национальный ландшафт и как он реагирует на влияния извне? Возможно ли определение параметров национального ландшафта при помощи математических методов? Чем объяснить типологическую близость некоторых национальных культур? Предложенная мною методология исследования и обслуживающая ее терминология пробуют дать ответы на эти вопросы.

Национальная культура возникает как реализация модели образа жизни определенного сообщества. Модель создается элитой и существует в потенциальном состоянии до того момента, пока ее не востребует определенная группа населения. Обычно, в начале своего становления новые национальные культуры впитывают черты (готовые механизмы, нормы, формы институтов) иных, уже существующих национальных культур. Такие «базовые» модели я предлагаю называть *материнскими национальными культурами*. Это обозначение прежде всего приемлемо в тех случаях, когда национальные стандарты используются носителем, который не идентифицирует себя целиком и полностью с выработавшей их культурой. Многие национальные авторы начинали пробовать свои силы на языке уже существовавших литератур и лишь со временем включались в процесс становления литературы на родном им языке. Подобные примеры мы находим и в прессе исследуемого периода. Корреспондент «Новогрудской жизни» в статье «О белорусской интеллигенции» называет среди одной из трех групп белорусской интеллигенции и такую: «русские, которые стали, либо только декларируют себя, белорусами, преследуя этим определенные цели»¹. В газете «Речпосполитая» автор писал: «Русские они как мотыльки: вчера – защитник царского правительства, сегодня – белорусский сепаратист, завтра – сторонник советских республик»². Материнская культура и новая модель диалектически противоположны друг другу, что позволяет последней как отрицать наследие первой, так и быть ее правопреемником.

Сформировавшаяся национальная культура представляет собой поток создаваемых ею артефактов (информация, товары, технологии и т.д.). Восприятие этого потока различное в разных регионах и социальных группах. Как описать данную восприимчивость? Динамика национальных процессов сложна, и поэтому ее описание часто грешит «газообразными» формулировками. Для того чтобы анализировать национальные процессы на уровне как макро-, так и микрорегионов

в количественных показателях, а также иметь более адекватную терминологию определения качественно-количественных показателей, мною используется в качестве синонима понятию «фактор» (географический, религиозный, языковой, хозяйственный, административный) термин *регулятор*. Регуляторы обладают разной степенью *плотности* (проницаемости, пропускной способности), определяющей в конечном итоге характер протекающих процессов. Этим обусловлена скорость и глубина проникновения новых явлений в жизнь людей и конфигурация культурных ландшафтов. Такие черты, как замкнутость, недоверчивость, недоброжелательность «попешуков» или эффект «военной тишины» (выражение болгарской исследовательницы Р. Коневой) вполне могут быть объяснены показателями регуляторов относительно внешней к ним силы. Для удобства использования коэффициент плотности представлен в диапазоне от 0 до 1. Так, в 1931 г. коэффициент плотности регулятора в отношении украинской национальной прессы был равен в гмине Поречье 0,906, гмине Кухотская воля 0,868, гмине Морочно 0,944, гмине Лемешевичи 0,963, гмине Погост-Загородский 0,963, гмине Хойно 0,982, гмине Пинковичи 0,529, гмине Логишин 0,850³. Корреляции коэффициентов плотности в отношении разных явлений позволяет оперировать близкими цифрами вне зависимости от масштабов явления. Тем самым представляется возможным более точно определить способности к потреблению продуктов любой национальной культуры конкретным микро- или макрорегионом. Наряду с исследованием культурных потенциалов и потребительской способности населения изучение плотности регуляторов позволяет создавать многоуровневые модели динамики национальных процессов. В данной статье мною лишь сигнализируется повышение и понижение плотности регулятора, поскольку изучение всего комплекса плотности регуляторов конкретного региона требует коллективных исследований.

Польская консервативная модель

Польское национальное движение в западных губерниях Российской империи имело несомненный вес. Польское дворянство предпринимало неоднократные попытки освободиться из-под царской власти. В историографии эти события получили название «польских восстаний», подавленных русскими войсками в ходе «польских кампаний», Параллельно с политической активностью, велась активная работа по созданию сети польских подпольных школ. Все эти институты прививали чувство принадлежности к польской нации. Польская идентичность была присуща многим выходцам из Полесья, о чем свидетельствует стихотворение Ф. Савича «Там близко Пинська» – один из первых памятников литературы, написанный на брестско-пинских говорах. Известно, что сознание местного духовенства также во многом определялось традициями польской историографии. В частности, при изучении истории своего края духовенство охотно руководствовалось изданиями

«Истории Польши». Наиболее ярким примером распространения польских стандартов стала деятельность пинских «краевцев». «Крайова» партия Литвы и Беларуси должна была по замыслу ее основателей Константина и Романа Скирмунтов объединить три народности региона: поляков, литовцев и «русинов». С целью формирования у «местных русинов» польской идентичности группа интеллектуалов решила даже частично поступиться собственными национальными стандартами. Для школ Полесья в 1906 г. Констанцией Скирмунт был издан специальный «Русински лементар» авторства Юзефы Куженецкой. «Лементар» был написан польской версией латинской азбуки при сохранении основных черт брестско-пинских говоров. Впоследствии (1919) Констанция Скирмунт проповедовала идею объединения в Польском государстве разнородных по этническому составу земель, противопоставляя ее концепции эндеков Р. Дмовского, который рассматривал подобные регионы как требующие реполонизации. После включения земель Полесья в состав польского государства краевцы, как и федералисты во главе с Юзефом Пилсудским, не создали организаций, которые боролись бы за право на культурную автономию непольского населения. Этническая самобытность территорий использовалась ими для тактических, а не стратегических задач.

Появление в 1918 г. Польского государства ставило вопрос о том, как будет выглядеть польская нация? Самую весомую роль в определении основных национальных характеристик суждено было сыграть консерваторам. По их мнению, современная национальная модель должна была опираться на сословную национальную культуру. Поэтому в стране сохранились дворянские владения и был заключен конкордат с католической церковью. В связи с этим повышалась плотность регулятора отделяющего местных жителей Полесского воеводства от поляков: для того чтобы стать полноценным представителем нации, необходимо было не только изучить язык отдаленной от них языковой группы, но также принять католицизм, придерживаться консервативных политических взглядов и уважительно относиться к привилегированной позиции дворянства.

Культурно-просветительский потенциал польского консервативного проекта был обеспечен административным ресурсом и государственными программами. В частности, только при центрах осадничества в Полесском воеводстве действовало 19 библиотек⁴. На 1937 г. в воеводстве функционировало 1256 польских школ и 28 польско-еврейских. Некоторые члены правительства (в частности, В. Грабский) считали, что одно присутствие польской школы в восточных воеводствах в состоянии в течение одного или двух десятилетий окончательно решить национальный вопрос в пользу польской национальности.

Чтобы облегчить восприятие польской культуры, были предприняты попытки снизить плотность религиозного регулятора: административными мерами вводился польский язык для использования в делопроизводстве и издания литературы православной церкви, предпринималась попытка перевода церкви на грегорианский календарь, проводилась ревиндикация церковного имущества, что снижало коли-

чество православных храмов. Секретарь Синода Ежи Рошински считал возможным пополнение польской нации православными Подляшья и, возможно, Полесья⁵. Промежуточной ступенью в этом направлении должна была стать группа «православных поляков». Кроме того, Пинск сделали одним из центров неоунии, целью которой было административное сближение православных и римо-католиков. Но в связи с тем, что в среде неоуниатского духовенства оказалось много сторонников русского, белорусского и украинского национальных движений, широкой административной поддержки эта идея в воеводстве не получила.

Интересы консервативной национальной модели Польши отстаивал целый ряд партий. Наиболее влиятельной общественной силой был лагерь Национальной демократии, а также Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББВР). Поскольку взгляды первого отличались излишним радикализмом, больше шансов в Полесском воеводстве имел ББВР. Особой активностью отличалось в этом отношении проправительственное Общество защиты восточных окраин⁶. Его филиалы проводили громкие пропагандистские акции. В частности, в Пинске отмечалось «950-летие первого грабежа польских восточных земель князем Владимиром»⁷. Национальное Общество опеки над окраинами составило специальный мемориал, в котором обосновывалась «необходимость польской контрпропаганды» на территориях восточных воеводств⁸. Большие надежды возлагались на потомков православной мелкой шляхты, которую стремились вовлечь в польский консервативный проект Союза «загородной» шляхты при Обществе развития восточных земель. Но усилия ББВР и связанных с ним организаций не имели особого успеха (см. Приложение 1). Административное давление вызвало ответную реакцию в виде низкой избирательной явки на выборах и роста радикальных настроений.

Польская либеральная модель

Традиции польских либеральных конспиративных организаций XIX в. нашли свое продолжение в программах Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партии (ППС). Обе организации появились на территории будущего Полесского воеводства еще перед Первой мировой войной. Выборы в Сейм и Сенат в Полесском воеводстве дали польским социалистам (ППС-Л и ПСЛ-Вызволене) значительное количество голосов. Выказанная частью избирателей поддержка может оцениваться как определенное доверие к единому либеральному национальному проекту, который был ориентирован на широкие социальные реформы и позволял привлекать в польские организации всех граждан вне зависимости от их вероисповедания и этнической принадлежности. Но в правительстве эту позицию разделяло меньшинство. В 1924 г. группа активистов ПСЛ-Вызволене во главе с Шакуном, Шапелем и Боном создала Независимую крестьянскую партию (NPCh). Отличительной особенностью ее было

то, что в выступлениях перед местным населением члены партии пользовались белорусским, украинским и русскими языками. В то же время известно, что они были против национальных белорусских и украинских партий. В 1928 г. на базе уже ликвидированной вышеупомянутой партии была образована Радикальная крестьянская партия белорусских земель. Она издавала на польском и белорусском языках газету. Посол Альфред Бон основал в г. Бресте белорусский «Крестьянский кооператив» с филиалами в 5 окрестных деревнях, 600 членами и месячным оборотом (январь 1926г.) – 50 000 злотых⁹. После выборов 1928 г. политическая оппозиция (ППС-Клуб Працы, ПСЛ-Вызволене, Стронництво Хлопске) использовала идею автономии в переговорах с национальными меньшинствами. За поддержку со стороны национальных меньшинств им в случае победы гарантировались квоты в администрации (посты школьных кураторов и инспекторов), финансирование национальных школ и т.д.¹⁰ Благодаря этому впервые удалось создать парламентское большинство, конструктивно настроенное на диалог с меньшинствами. Однако так называемые «брестские процессы» над «Центролевым», начавшиеся 10 сентября 1930 г., в очередной раз сорвали процесс автономизации края. Эта национальная модель имела более низкую плотность регуляторов, а уменьшение числа ее сторонников в Полесском воеводстве к 1928 г. связано с тем, что она не завоевала прочных позиций в самом польском национальном движении.

Русская модель

Формирование представлений о принадлежности населения Полесского воеводства к русской нации связано с тем, что раньше этот край входил в состав Российской империи. Среди материалов, затрагивающих именно эту проблему, следует отметить статью «Кто булы наши найдавніишии диды» (1905). Автор, используя один из брестско-пинских говоров, пишет, что его носители говорят на русском языке и живут в «Билой Руси». Политическую активность русские проявили, участвуя в выборах в Сейм и Сенат в 1922 г., правда, тогда они не смогли провести ни одного своего кандидата. Тем не менее впоследствии в воеводстве появились такие политические организации, как Русское национальное объединение (РНО) и Союз русских меньшинственных организаций (СРМО). Местная русская элита понимала русских даже более широко, чем в рамках концепции «триединого русского народа». В частности, РНО заявляло, что в состав русской нации входят «украинцы, белорусы, россияне, русины и полешуки»¹¹. В тесной связи с РНО действовали отделения организации Русского благотворительного общества (РБО). В Бресте последнее возглавил уроженец Седлецкой губернии П. Король. Именно его усилиями удалось наладить работу русской школы, русской гимназии и двух русских библиотек. А в целом в Полесском воеводстве действовало три русских гимназии (Лунинец, Пинск, Брест). В западной его части было организовано семь библиотек РБО. В течение по-

лугода в Пинске издавалась газета «Под небом Полесья», в Бресте и Пинске увидели свет русские газеты-однодневки «Пинский голос» и «Проблески». Однако самым примечательным был тот факт, что на выборах 1928 г. в Пинском избирательном округе русский избирательный список получил 133 тыс. голосов¹². За русского кандидата проголосовали главным образом жители севера Столинского, Лунинецкого и востока Пинского поветов. Таким образом Полесское воеводство стало местом, где был демократически избран в парламент единственный русский посол, редактор журнала «За свободу» Н. Серебрянников. Примечательно, что в этом регионе не было развитой сети ни белорусских, ни украинских организаций. Поэтому полесское пограничье оказалось благодатной территорией для действия русских организаций. СРМО провел первое заседание своего Совета в Бресте, который был назван «наиболее весомым центром русской жизни в Польше» (там же было заявлено, что «основная масса русских проживает на Полесье»¹³).

Представление о том, что в Бресте и его окрестностях живут русские, даже к концу 1930-х гг. было довольно устойчиво. Тем более что в этом городе, равно как и в Пинске, на улицах преимущественно был слышен русский язык¹⁴. Плотность регуляторов при распространении русской модели понижало то, что русским языком пользовалось православное духовенство края. Известно, что в 1937 г. Полесский епархиальный миссионерский комитет издал антисектантскую литературу тиражом 17 000 экземпляров на русском языке¹⁵. Многие из священников были членами русских организаций. Один из лидеров русского движения г. Бреста о. С. Жуковский имел достаточный организационный опыт, поскольку ранее был активистом Союза русского народа. Поддержку русскому движению оказывали также крупные землевладельцы воеводства. Русские составляли около 10%, но при этом им принадлежало 19% всех крупных землевладений. Однако слабость гражданского общества в царской России негативно повлияла на распространение русской модели среди местного населения Полесского воеводства. Ее консервативный характер привлекал к себе монархистов, духовенством и дворянство, но снижал популярность у малоимущей части крестьянства. Поскольку интересы русских и польских консерваторов зачастую совпадали, то за этим союзом закрепился негативный ярлык «русско-польская черная сотня».

Червонорусская модель

Червонорусский проект появился в среде галицких русофилов и предполагал создание польско-червонорусской федерации. Хотя в основе созданного червонорусами национального проекта лежала как русская, так и польская материнская национальная культура, приоритетными считались отношения с последней, поскольку «Червоня Русь исторически была тесно связана союзом с Польшей». Попытки создания в 1933 г. П. Мартисюком и З. Калиновским организационной структуры

червонорусов в Бресте встретили неодобрение со стороны властей, что привело к полному прекращению их деятельности на Полесье¹⁶. Плотность регуляторов для червонорусского проекта в Полесском воеводстве повышало то, что на этой территории не было условий, которые сделали бы возможным его реализацию. Здесь была организованная русская национальная жизнь, но не было традиций русофильства и всего остального, что сопутствовало этому явлению.

Украинская модель

Украинское национальное движение начало проникать в Полесье накануне Первой мировой войны. Ему симпатизировали читатели украинской прессы на Кобринщине, основатели публичной библиотеки им. Павленкова в Остромечево. Значительно расширилось число его сторонников в годы существования на части территории будущего Полесского воеводства Украинской державы гетмана П. Скоропадского. За это время здесь были основаны первые национальные кооперативы, появилась пресса, просветительские организации, были проведены курсы учителей. На выборах в Сейм и Сенат от Блока национальных меньшинств в Полесском воеводстве было избрано два посла-украинца. Прежде всего их усилиями была заложена основа структуры СельСоюза, в дальнейшем укрупнившегося в СельРоб. В состав последнего входило 114 ячеек¹⁷. Параллельно проходило становление сети просветительского общества «Просвита на Полесье». «Просвита на Полесье» открыла 127 читален, в которых насчитывалось 1754 члена¹⁸. Наряду с головной управой действовали филиалы в Бресте и Кобрине. Со временем появилась сеть украинских кооперативов, среди которых ведущую роль играли Украинские банки Бреста и Кобриня. В Ревизионный союз украинских кооперативов (РСУК) воеводства в 1931г. входило 36 кооперативов. Все эти организации действовали на территории Брестского, Кобринского, Дрогичинского, Пружанского, Пинского, Столинского, Камень-Каширского поветов. Организационным ядром украинского движения выступали первые три повета, в последних активность национальных организаций имела скорее стихийный характер. Движение прежде всего распространялось среди носителей брестско-пинских говоров. Материнской национальной культурой для этой модели выступала русская, поскольку значительная часть ее активных сторонников в прошлом в той или иной степени имела отношение к русскому образованию и русской администрации. В сравнении с белорусским национальным движением в Полесском воеводстве, здесь были более заметны правоцентристские тенденции, что нашло отражение в движении за национализацию церкви.

Белорусская модель

Национально сознательные белорусы появляются в среде читателей «Нашей Нивы» еще до Первой мировой войны. В результате выборов 1922 г. в Сейм и Сенат от Блока национальных меньшинств в Полесском воеводстве был избран один посол-белорус Фабиан Яремич. Когда белорусские парламентарии образовали Белорусскую крестьянско-рабочую грамаду (БСРГ), то именно она стала ведущей политической силой белорусского национального движения и на Полесье. В ходе отчетных собраний в Коссовском, Пружанском, Пинском, Лунинецком и части Брестского повета было зафиксировано 245 ячеек, подчиненных трем секретариатам БСРГ. Параллельно формировалась сеть находившегося под влиянием вышеупомянутой партии Товарищество белорусской школы (ТБШ). На момент его наивысшего развития в 1930 г. в Полесском воеводстве насчитывалось 58 библиотек-читален ТБШ с 1088 членами. Их деятельностью руководили, образованные в 1929 г. окружные комитеты организации в Коссово и Пинске¹⁹. Появились первые белорусские кооперативы, среди которых выделяется филиал Белорусского кооперативного банка в Пинске. Тем не менее этот город не стал центром белорусского движения, поскольку по настоянию местных деятелей КПЗБ работа иных белорусских организаций в Пинском повете была свернута. Наиболее заметной была деятельность белорусских национальных организаций в Коссовском и Пружанском поветах. Здесь собирались подписи за введение обучения на белорусском языке и были открыты смешанные польско-белорусские школы. Деятельностью белорусских организаций в Полесском воеводстве были охвачены как носители понеманских говоров, так и брестско-пинских. Последние в Пружанском повете (Березовщина) даже пытались адаптировать литературную норму к местным языковым особенностям (см. Приложение 2).

Если говорить о взаимоотношениях белорусского и украинского движений в Полесском воеводстве, то они были разными: как открыто дружественными, так и натянутыми. Украинцы Городца Кобринского повета из солидарности собрали деньги в пользу арестованных послов БСРГ²⁰. Один из лидеров БСРКП Ян Грецкий был избран в 1928 г. именно от списка СельРоб-Ливицы. Как представитель БСРКП он выступал от имени белорусов на Втором конгрессе СельРоб-Единства в 1930 г.²¹ В то же время территориальное расширение влияния БСРГ на юг было остановлено активистами украинских партий. Если на уровне белорусских и украинских Центральных комитетов предполагалось возможным передать (в случае кризиса) сферы влияния другой национальной партии, то на местах это сделать оказалось невозможно²². Типологически обе модели достаточно близкие. В обоих случаях материнской выступала русская национальная культура. Социальные постулаты белорусского и украинского движений способствовали быстрому превращению их в массовые.

Советофильская модель

Хочется отметить также национальный проект, для которого мною выбрано название «советофильский». Материнской национальной культурой этого проекта была сословная русская культура. Советофильская модель была более либеральна в сравнении с белорусской. Многие из ее представителей ориентировались на советскую культуру – как более прогрессивную. Политической организацией, в которой наиболее широко были представлены подобные взгляды, являлась Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ). КПЗБ на правах автономной организации входила в состав Коммунистической партии Польши (КПП). В отличие от КПЗУ для нее не были характерны тенденции к национальному обособлению. В первые годы существования КПЗБ в Полесском воеводстве члены партии отдавали предпочтение не польскому, а русскому языку. Со временем наметилась тенденция увеличения числа издаваемой партией литературы и материалов на белорусском языке. Кроме того, для меньшинств региона печатались материалы на идиш, украинском и польском языках. Советофильский проект КПЗБ можно считать в значительной степени проектом надэтническим, что обусловлено пропагандируемой в его рамках идеологией интернационализма. Хотя в реальности он лишь условно был ориентирован на коммунистическую идеологию и социальные преобразования в Советском Союзе. К этому проекту можно отнести также представителей протестантских деноминаций с либеральными политическими и социальными взглядами, которые охотно пользовались русским языком. Протестантизм возник как оппозиция православной русскоязычной духовной традиции. В Полесском воеводстве распространялись протестантские русскоязычные газеты религиозного характера: «Воскресная школа», «Гость», «Сеятель истины». Одна из крупнейших баптистских общин региона (община города Кобрин) печатала на русском языке издание «Христианский союз». Протестанты нелегально изучали русский язык²³.

Полесская модель

Последний из рассматриваемых нами национальных проектов может быть назван полесским, а попытка его реализации – полесизацией. Избранное название не указывает на использование при его создании этнических черт коренного населения Полесья. Он может быть назван так лишь потому, что реализовывался главным образом на территории Полесского воеводства. Впервые его предложил полесский воевода Станислав Довнар-Вич в 1923 г. Пожалуй, этот проект следует отнести к лоялистским. Он должен был сформировать группу лояльного государству населения с неопределенной или неоднозначной национальной принадлежностью. Материнской в данном случае выступала польская культура. Его носители получили в государственной статистике обозначение «тутэйшыя». Динамика присутствия этой категории населения на территории Полесского воеводства такова:

1919 г. – 94158 жителей, 1921 г. – 38565, 1931 г. – 707089. В публицистических изданиях конца 30-х гг. XX в. это число уже составляет 2 млн граждан²⁴. Последняя цифра более чем двухкратно превышает число православных жителей Полесского воеводства, т.е. к «тутэйшым» было отнесено также восточнославянское население Волынского и Новогрудского воеводств. Если первоначально этот статистический феномен вписывался в рамки статистической погрешности, то после нескольких лет деятельности белорусских, украинских, русских и польских организаций оно начинает позиционировать себя как примечательное этнонационального явления. В 1928 г. в Пинске под редакцией Ю. Логан выходила газета «Наша земля», в которой были размещены тексты на языке, приближенном к брестско-пинским говорам с элементами русского и польского языков (см. Приложение 2).

Как следует из наших исследований, «тутэйшыя» – это не только те лица, которые не были затронуты процессом национального становления, но и те, кого отнесли к этой категории в расчете на их безразличную позицию в отношении национальной принадлежности. В конечном итоге предполагалось включить данную группу в состав польской нации или ее «верных союзников» неопределенного национального характера. Манипуляции с национальной статистикой позволяли сдерживать на этой территории распространение организаций национальных меньшинств. Национальные деятели предупреждали, чтобы население не поддавалось на подобные спекуляции властей и записывало свою национальность, а не определение «местный», поскольку категория «местный язык» рассматривалась представителями администрации как «испорченный польский язык»²⁵. Этот проект был тактическим приемом «культурной парцеляции» (выражение Б. Тарашкевича) в общих рамках политики колонизации, чтобы разделить общую белорусско-украинскую территорию и, используя Вильно и Львов, заблокировать национальные центры украинцев и белорусов²⁶. Полесизация предусматривала также определенные экономические последствия. Воеводство предполагалось превратить в заповедную территорию. По замыслу Генерального штаба в стратегических целях здесь должно было сохраниться крупное польское землевладение, не предполагалось развитие крупного промышленного производства, но улучшалась коммуникация и т.д.²⁷

Выразителями интересов этой модели были главным образом польские организации, пресса, отдельные ученые и политики. Союз сельской молодежи в Полесском воеводстве распространял идею о «свободном народе полешуков», а в кругах католического клира говорилось о том, что местные католики – это всего лишь «определенной ступени белорусизированные, украинизированные, русифицированные поляки»²⁸. Отсутствие организованной в рамках данного проекта общественной жизни и его крайняя консервативность привели к тому, что он не имел продолжения после 1939 г.

Заключение

В силу внешних и внутренних причин в Полесском воеводстве были сильны как позиции консерваторов, так и прогрессистов, поэтому здесь долго сохранялись потенциальные возможности реализации нескольких национальных моделей. К тому же в этом регионе не созрели условия для конструктивного диалога между представителями противоположных лагерей, который позволил бы найти компромисс в решении назревших проблем. Процесс трансформации сословного общества на Полесье можно охарактеризовать как замедленный. Ряд признаков «назревания революционной ситуации» свидетельствовал о росте поляризации взглядов населения и радикализации настроений. Со временем указанные тенденции только усиливались, что было вызвано общеевропейским кризисом экономической ситуации, ухудшением конкурентоспособности полесских товаров и т.п.

Основными материнскими национальными культурами Полесского воеводства были польская и русская. В момент перехода от монархии к демократической форме правления здесь имела место конкуренция нескольких национальных культур. Чем ниже была плотность регуляторов в отношении явлений той или иной национальной культуры, тем большей поддержкой они пользовались у населения. Без этой поддержки национальные проекты, как полесский, могли существовать только формально.

Приложения

Приложение 1.

Нашэ задане вэдлуг народных меншинств

Близко подходячи выборы в уставодавшии палаты звращають свою увагу почти каждого чоловика на дило нарыдних меншинств, зара скажу в разрывок вси заданья, будучи значенье их, такь какь булы они и справедливы.

Кажды кто тилько попадэ на Полисье и справедливо глядыть на дило, той зрозумие добрэ, что поселянинь Полиски, идэ до установленья твэрдых подрубь подь будову, на засады свого житья, уважаючи зовсимь справедливо, что то тилько одна дорога, котра поправить свое положенье господарскэ. Безразличны булы ему до сего часу незгодность мэжь клясами, разницы нарыдни и атупанство партийны, и тои, котры при пэршихь выборахь сиялы зерно ненависти, тэпэрь збэрають хлибь захудалы, якь называють ихь ошусты. Накормлены до сыта худыми обещанками худого богатства, поселянинь Полиски зрозумивь що дорогой власной горячей працы ведущей кь порадку, взаимной выгоды, при толчк(ять) діятелювь государственныхь, потрафить найты соби указанья добра наилипшаго на далей. Для гэтого будучи настроена приворженцами идии братняго чутья всихь народних меншинств, проживаючихь вь Жечипосполитой, любящей свуй народь и самостоятельность Польщи.

Гордячись национализмомъ и высоко цѣня обычаи наридни, просв(ять) тительны и рѣлигийны иншихъ, хочимо соединытыся въ Союзъ Блока Працы Государственно-Господарски люды всихъ народовъ Полися, прихильны до Государства и готовы працюваты разомъ съ Правительствомъ. Съ тымъ лозунгомъ идемъ до народу поселянскаго съ добрымъ желаниемъ, щобъ мы булы хороше научены, бо видаемъ заданья земельны народнихъ меньшинствъ, что для насъ есть завшэ жизнено. Въ развязи своимъ гѣтыхъ заданий сомкнемся въ союзъ словянскихъ меньшинствъ, выключаячи закрасъ тыхъ жидувъ, котры не идуць по одной дороги господарчей и территориальной.

Паньство Польске кинуту мѣжъ двухъ вѣликихъ организмувъ государскихъ Росии и Нимцѣвъ, попадае каждый день что шагъ не малъ на преграды въ исполнении своей миссии диловой, съ которой Маршалокъ Юсифъ Пилсудски шовъ 1920 року на Украину за нашу и вашу свободу. Черезъ отв(ять)тственное сплочение злоумышлений Росии и Нимцѣвъ можѣмо добрѣ познаты свою сторону.

Съ часу завершения мира въ Риге 1920 року большевики прыступылы до пробуженя нацыонализму Билорусовъ и Украинцевъ, кируючи его острые противъ Польши. Алѣжъ худко зрозумели, что рухъ той, уставляе що разъ ширшии круги, наляканы начала робыты рѣпрэсии, доводячи до удаления Атамана Петлюры грознаго призрака независимости Украины. Ту саму тактыку зробылы они въ Минску съ Билорусами, удаливши Адамовича, которого замѣнылы агентами зъ Москвы. Игра Нимцѣвъ подстрыкательству ненависти Литвы до Польши есть вѣлмы ясно бачно, продолжение шагивъ своихъ пострекольства при приближаючихся выборахъ, крадучи его не тылько на независимость Польши, але поддерживаячи интэресты Украинцовъ и Билорусовъ, вѣдлугъ которыхъ выявили свое обличье империалистичнэ и ворогувъ.

Россия и Нимцы прикладають старанья, щобъ свои вражьи залиты провѣсты при проходящихъ выборахъ. Для подговору поселянъ Украинскихъ и Билорускихъ плывуть широкимъ корытомъ гроши зъ Москвы и Берлина, для покрьгтя своихъ власнызх залютовъ, названыхъ опекуновъ, а въ действительности смертельныхъ ворогувъ якъ Украинцевъ так и Билорусовъ.

Таки порядокъ дила повинны меньшинства славянски ясно запомятаты въ своемъ власномъ именью, вытягаючи братски руку Польской демократии, спохватытыся зробыты вспульны фронтъ для охраны одинаково грозныхъ интересовъ.

Крестьянин и интеллигенцы Польска, Билоруска и Украинска повинны дорогою соединеня съ союзомъ Беспартийного Блока Вспулпрацы съ Правительствомъ повернуты старанья щобы поставыты свое житье на липши дороги. Вси пробы, маючие на ц(ять)лю, чи то посредни, чи непосредни, ударивши въ муръ солидарности международностей, повинны уважаты якъ щось битое противу Панства. За такое бачимо дило п.Абрама Мазора Дыректора Гмин. Тарбуць и п.Меера Фельдмана Дыр. Жидувъ. Банка Спольдельчаго, Творцывъ Союза Меньшинствъ нариднихъ въ Пинску. До такого роду зробленя дае намъ право видома намъ ухвала Комин-

терна, котры казавъ голосуваты за союзъ зроблены черезъ п. Гринбаума, якъ нэбудэ узнаны списокъ Комунистовъ. Правительство Польске, котрэ липшь и докладній освидомлено есть як о сумм(ять) грошей такъ и мѣтодахъ праць зробленыхъ черезъ п.Гринбаума Блока меньшинствъ нарыднихъ и его агентовъ въ Пинску. п. Дыр. А.Мазора и п.Дырек. М.Фельдмана потягнэ къ отвиту въ установленомъ часу и открые всю працю большевицко-немецку.

Однако же демократія Украинцовъ, Билорусовъ и поляковъ потрафить подь тыи злоумышленье робытниковъ жидывскихъ уложити вспилжитъя въ рамкахъ Панства, зо всеми меньшинствами нарыдными, пристуаючи до розмовы въ атмосфер(ять) щирости и лояльности безъ всякихъ оговорокъ.

Инициатыва отъ насъ восходять протягаючи руку Польской демокраціи и мы готовы до розмовы.

(Наша земля. 1928. №10. С. 2–3)

Приложение 2. Промова

Граждане, мы маемо сёгоні дэн вэлікое радосці дэнь своего пробуждения од векового сна. Гэтой дэнь мусіт служиці для нас вялікимъ сьвятом, торжеством в будущем в нашэй одрождающейсѣ барацьбе з обшарнікамі і капіталістамі.

Граждане, как вам уже усім вядомо що жыцьця нашому бідному беларусу як не было у старые доваенные часы так няма ему яе і цяперъ. Наперёд старая манархическая страна царская Расея душіла нашего бідного беларуса робэчи з его покурного для сябе слугу трімала яна ёго у цемной дярэвне ня выпускала его на світ каб юнъ ня мугъ обачіці сваі належное часціны якая была у тых царскіх пановъ.

Цемнату нашу яны трымалі утумъ що нашэму беднаму беларускаму мужыку ня было доступу ні в якія высшія школы, а доступ туды быў оно для дзяцей обшарніцкі і попуўскіх.

Що-ж топіро е дорогие братья. Асвабаділісь мы ад таго царскаго ярма а папалі у бульшь апасную для сябе тяжмо у каторай асталось хвіля до векавого паденія. Чі освабаділісь мы од царя а папалі у рукі чужого для нас народа, які над намі глумітся як над скаціной. Не аднаму мусі быць із нас пріходзілось пабываць у руках буржуазных наёмников, не над однимъ уже мусіт здзенкалісь гетье наемнікі і мы цярпелі. Обдзіралі з нас перье царскіе улады а цяпер дзярут паследнюю шкуру гэта буржуазная улада гасподствующого над намі чужого народу накладваючи на нас такіе непамерные падаткі якія нашъ бідны мужык ня можэ вытрымаці.

Але падаткі гэтые за каторые забіраюць од нас паслідню з пад головы падушку марнуются понапрасну. Тымъ що буржуазная наша улада утрымлівае вуйска і паліцый у нескультко раз бульше як папярэдняя царская. На що стягаюць з насъ мінімум 40% з каждого нашего золотого каторые трацяты и выплачиваюцца тымъ лицамъ каторые

абараняюць абшарніцкіе маёнткі бяруц із гэтого податку несколько процантовъ на школу. Але чы мы мілі і чы маем гэту школу.

Як вам вядома, що у прошлом мінулом году кулько мы ня старалісь коб откриці сваю беларускую школу, но немагли таго добицца, бо нам ее ня далі.

Хаця-же праўда школа у насъ есць, але гэто школа чужая і дзеці нашы малые ходзячі до гэтое школы за 2-3 рокі навучыца ніц нямогуць, а тулькі калічац свуі рудны язык и погэтому як мы будзем моучаць и ня добывацца свого то будуўе нашэ поколеніе акажеться зоусім цёмным.

Мужык наш бідны беларусъ стогнэ страдае мучіцца просіць зямлі бо ему жыць не на чум. Мусіц ён іці да пана обшарніка і працаваці за 2 ці 1 S злота бо трэба ж яму заробіці хаця заплаціці падаток бо свого гаспадарства вун нямае каб вона яму аплацілась.

А земля якая у нас есць на так званных Кресках Усходніх заселяется асаднікамі каторые вальчілі за Ojczyzna. Але где іх Ojczyzna? Ojczyzna іх каждому із нас вядома що за Бугом.

А кроме таго що усі тые каторые вальчілі то уже тоі наділь атрымалі, бо яны завальчілі сабі по 3 аршыны.

А гэтые люді якіх до нас прісылаюць то вальчілі з бабамі за куркі яйка і млеко.

Но естъ же обшарнікі каторые маюц маенткі і за Бугом. Чаму ж яны неодаюць наділов сваім зашцітнікам там у сябе за тое що яны боронілі іх маёнткі і капіталь.

А прущ іх сюды дзе кожны з нас на гэтае з мінуты на мінуту чэкае.

Опруч гэтого нам кажуць дороге браты що у нашой Rzeczypospolitej усі раунопраўны чы руўны у правах але ж гэто естъ яўная няпраўда.

Возьмэм прікладъ ўо нашого белдаруса ныгдзе не прінімаюць ні на якія службы ни на колею ні на другіе Urzędnicze posady, акармя того возьмэм тое як прідэ нашъ мужык в якое нябудъ Urząd за якою справою то мало колі бываюць такие выпадкі коб яму яе зараз-же зробілі а яго отпусцілі але скажуць przyjdź jutro як вун прідэ на другі день то кажуць przyjdź przez para godzin і так вун бідны походитц 2-3 дні. А як прідэ які нябудз обшарнік у той жэ самы Urząd то вун ешы оно одчіняе двэры а яму ужэ кажуц Dzień dobry panie szanowny і зараз даюць яму крысло і яго справу зараз жэ залатвілі бо вун пан обшарнік а мы що мужыкі хлопы.

Вос якое у нас раўнопраўе і усё гэто із-за того що мы такие цемные неарганізованы і молчалівы і вос настаец пара що мы мусімо праснуцца і сказаць мы доўго моучалі моўчаці бульш ня будзем усі уступім у організацію БСР Громады якая зяўляецца шырой зашцітницэй і барацбіткой за інцярэсы селян і добецца для нас зямлі і волі, родноі школы щасця і долі.

Нехаі жыве БСР Громада.

(ГАБО ф. 94 оп.1 с. 178 а.72)

Примечания

- ¹ Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). Ф. 67, оп. 1 д, 962а, 36.
- ² Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4, оп. 21 д, 29а, 17.
- ³ Расчеты произведены на основе материалов о количестве поступающей прессы. ГАБО. Ф. 1, оп. 9, д. 1888а, 60, 62, 63.
- ⁴ ГАБО. Ф. 1, оп. 4, д. 1266а, 8.
- ⁵ Archiwum akt Nowych (AAN) syg. 296/II – 1, s. 154.
- ⁶ Мацко, А.Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918-1939 гг.). / А.Н. Мацко. Минск, 1972. С. 83.
- ⁷ Голос Полесья. 1931. № 2. С. 4.
- ⁸ AAN syg. 296/II – 1, s. 114.
- ⁹ Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczy Pospolitej / A. Bergman. Warszawa, 1984r. S. 19, 39, 84–85.
- ¹⁰ НАРБ. Ф. 242, оп. 1 д, 99а, 25.
- ¹¹ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 д, 136а, 8.
- ¹² Podział administracyjny państwa a zagadnienia narodowościowe // Sprawy narodowościowe T.V 1996 zeszyt. 2(9) s. 169, 179.
- ¹³ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 д, 136а, 80.
- ¹⁴ ГАБО. Ф. 1, оп. 10 с, 1507а, 97.
- ¹⁵ Государственный архив Волынской области. Ф. 46, оп. 9а, д. 138а, 63.
- ¹⁶ Мисиюк, В. «Москалефильство» и польско-украинская «Згода» / В. Мисиюк. // Молодзь Берасцейшчыны. 1999 г. С. 49–50.
- ¹⁷ ГАБО. Ф. 67, оп. 1 с, 931а, 4.
- ¹⁸ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 д, 45а, 33.
- ¹⁹ ГАБО. Ф. 2, оп. 2 д, 994а, 10.
- ²⁰ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 с, 316а, 1 об.
- ²¹ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 с, 1325а, 1.
- ²² ГАБО. Ф. 1, оп. 9 с, 807а, 36.
- ²³ ГАБО. Ф. 2004, оп. 2 д, 31а, 160, 163.
- ²⁴ F.A.Ossendowski Polesie – Poznań, Wydawnictwo Polskie R.Wegner, 1935. S. 72.
- ²⁵ Беларуская справа 1926, № 22. С. 4.
- ²⁶ Mniejszości narodowe w świetle raportu Ministerstwa spraw wewnętrznych z lat 1928-1930 // Sprawy narodowościowe T.V, 1996, Zeszyt 2(9), s. 155-164.
- ²⁷ J.Tomaszewski; Z dziejów Polesia 1921-39 / J.Tomaszewski. Warszawa, 1963. S. 170, 171, 195.
- ²⁸ ГАБО. Ф. 1, оп. 9 с, 1315а, 29.

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В УКРАИНЕ: ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

«Оранжевая революция» в украинском общественно-политическом дискурсе

Активное участие населения Украины в президентской избирательной кампании 2004 г., противостояние власти и оппозиции при поддержке сотен тысяч граждан с эпицентром на площади Независимости в Киеве, признание Верховным судом второго тура президентских выборов недействительными, назначение повторного голосования и победа оппозиционного кандидата В. Ющенко – все эти события уже прочно утвердились в общественном сознании как «оранжевая революция». Сам термин появился в последнюю неделю ноября 2004 г. в СМИ как общая характеристика приведенных выше событий, символ социальных ожиданий и визуальный образ – на площади Независимости доминировала оранжевая символика сторонников В. Ющенко. Ощущения революционности придало и то, что в неравной борьбе за власть победил оппозиционный кандидат. Но «оранжевая революция» не была уникальной. За год до этого в Грузии оппозиция пришла к власти в результате «революции роз». А первой «революцией с прилагательным», наверное, следует считать «бархатную революцию» 1989 г. в Чехии, когда оппозиция во главе с В. Гавелом смогла ненасильственным путем устранить коммунистов от власти и выйти из-под влияния Кремля.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что термин «оранжевая революция» приобрел огромную популярность. Его распространению способствовало и то, что слово «революция» имеет довольно широкий диапазон значений. Телевизионная реклама переполнена сообщениями о «революционных технологиях», начиная от сферы коммуникации и заканчивая личной

гигиеной. Изменения общественных взглядов или способов производства также широко используются с прилагательным «революционные».

Так родился дискурс революции, ставший доминантой политической лексики в Украине в период конца 2004 – середины 2006 г. В общественном сознании той части общества, которое ассоциировало себя с «оранжевыми», революция была синонимом прогресса и воспринималась исключительно позитивно. В среде сторонников «бело-синих» она вызывала негативные ассоциации, выражавшиеся словами «смута», «шабаш», «бунт», «упадок» и т.п. Динамика количественного соотношения этих двух групп хорошо прослеживается по результатам президентских выборов и уровнем общественной поддержки В. Ющенко и В. Януковича на протяжении 2005–2007 гг. Если в начале 2005 г. В. Ющенко доверяли около 60% граждан, то в мае 2007 г. всего 10–13%. В то же время поддержка В. Януковича возростала примерно с 7–10% в начале 2005 г. до 24% к маю 2007 г. Следует ли считать падение уровня поддержки президента следствием разочарования населения Украины в «оранжевой революции»? Частично да, но, на мой взгляд, здесь более выражено разочарование в действиях «оранжевых» политиков, нежели в самой «оранжевой революции».

«Оранжевая революция» в научно-публицистическом дискурсе

В своем исследовании я не пытаюсь ответить на вопрос, почему и как произошла «оранжевая революция», – эта тема уже поднималась украинскими и зарубежными авторами. Меня интересует другое – можно ли признать события ноября – декабря 2004 г. революцией в том значении, в котором принято использовать это понятие в социальных, в частности политических, работах. Если же нет, то как возможно определить сущность указанных событий с политологической точки зрения?

Я начну с обзора публикаций украинских и зарубежных авторов, посвященных интерпретации событий «оранжевой революции». Поскольку сам термин «оранжевая революция» появился с легкой руки журналистов, большинство материалов в украинских печатных и электронных СМИ освещают события ноября – декабря 2004 г. именно как революцию, не углубляясь при этом в серьезный анализ термина. Вместе с тем первые попытки выявления производных «оранжевой революции» были осуществлены именно политическими обозревателями электронных и печатных СМИ. Так, украинский политический журналист М. Колодяжный, используя в некоторой мере эклектичный перечень составляющих революцию, таких как предпосылки, цели, движущие силы, революционная ситуация, начало революции, ее развитие, результаты и характер, утверждает, что «оранжевую революцию» можно называть именно революцией. По характеру, считает он, революция была буржуазной, поскольку «она расчищала общество от тех пережитков и остатков, которые мешали нормально развиваться рыночной экономике» [1].

Заместитель редактора журнала «Сучасність» С. Грабовский в короткой заметке в интернет-издании «Украинская Правда» писал, что «оранжевая революция» 2004 г., как и «революция на граните» 1990 г., как и акции «Украина без Кучмы» или «Восстань, Украина!», как и принятие Конституции Украины 1996 г., являются всего лишь составляющими общего длительного и масштабного процесса. Этот процесс следует назвать «новейшей украинской революцией» [2].

С точки зрения более широкого, историсофского понимания перемен высказался главный редактор независимого культурологического журнала «Ї» Т. Возняк, подчеркивая потребность во «второй волне украинской революции». Первой волной, считает он, была «бархатная революция» 1991 г. [3].

Похожую мысль высказывает и британский политолог украинского происхождения Т. Кузьо, который утверждает, что «оранжевая революция» является второй и последней фазой украинской революции, которая началась в конце советской эпохи. «В 1991 г. в Украине состоялась национальная революция, а в 2004 г. страна пережила демократическую революцию. Поэтому революция 1991 г. была незаконченной до 2004 г.» [4]. Кроме того, Т. Кузьо считает, что «оранжевая революция» объединила три революции в одну: национальную, демократическую и антикоррупционную. Очевидно, что Т. Кузьо использует понятие «революция» в довольно широком значении, как знаменатель перемен в важных сферах общественного развития.

Социолог Ю. Саенко, анализируя состоявшиеся в период между двумя турами выборов события, осторожно замечает: «...прямо сейчас достаточно полно оценить и объяснить то, что произошло, принципиально невозможно», однако он утверждает, что «действительно, состоялась революция в общественном сознании – но пока только в намерениях к переменам. До революции в социальной структуре еще далеко» [5].

Историк С. Кульчицкий в газете «День» опубликовал две обширные статьи, посвященные анализу событий, предшествовавших «оранжевой революции» 2004 г. Предметом анализа первой публикации является оценка предпосылки ноябрьских событий 2004 г. По глубине перемен и скорости, с которой они состоялись, автор называет их революцией [6].

В следующей публикации, посвященной реконструкции планов Л. Кучмы остаться при власти, С. Кульчицкий отмечает, что «оранжевая революция – это всего лишь эпизод, пусть даже самый важный в двухсотдневном марафоне президентских выборов 2004 г. Взгляд на революцию должен формироваться в ходе анализа этих выборов» [7].

На страницах газеты «День» своим мнением о драматических событиях конца 2004 г. поделился и политолог А. Галчинский. Ссылаясь на работу П. Сорокина «Революция и социология», в которой мэтр социологии выделяет три фазы революции – эмоциональную, деструктивную и конструктивную, А. Галчинский подчеркивает: «Очень важно лидерам оранжевой революции осознать специфику момента,

чтобы период выхода из революционного состояния и вхождения общества в конструктивную фазу наступил как можно быстрее» [8].

Свой тезис о том, что Украина действительно пережила революцию, А. Галчинский развил в книге «Помаранчева революція і нова влада» («Оранжевая революция и новая власть»). Используя заимствованное из советского обществоведения деление революций на политические и социальные, ученый утверждает, что ноябрьские события 2004 г. в Украине были началом социальной революции и по своей сути составляют второй, демократический этап общественных трансформаций [9]. Первый этап, считает он, длился с 1991 по 2004 г. и заключался в демонтаже основных атрибутов административно-командной системы и формировании институциональных основ нового политического строя государства. Такое высказывание вызывает вопрос: корректно ли говорить о революции как об этапе или фазе трансформации? Следует признать, что некоторые исследователи, называя падение авторитарных режимов «бархатными революциями» дают положительный ответ на этот вопрос. Но при этом они отходят от объяснения сущности революции как общественного явления.

Тщательный анализ «оранжевой революции» на фоне предшествующих и последующих событий в Сербии, Грузии и Киргизстане осуществил харьковский исследователь А. Романюк. Автор внимательно анализирует предпосылки и динамику политических трансформаций в этих странах, однако не достаточно глубоко рассматривает проблему революции как политического феномена.

На основании того, что смена власти в Сербии, Грузии, Украине и Киргизстане произошла «без применения вооруженного насилия», А. Романюк предлагает выделить данные процессы в «особенный, посткоммунистический тип революций» [10]. Подобная аргументация создает методологическую проблему рамок употребления понятия «революция», используя его в слишком широком смысле. Кроме того, следует иметь в виду, что смена власти в Грузии и Киргизстане сопровождалась если не вооруженным, то политическим насилием. В Грузии состоялся захват правительственных зданий, а в Киргизстане, кроме того, имели место массовые столкновения протестующих с отрядами милиции. Поэтому, на мой взгляд, события в этих странах не совсем корректно считать ненасильственными или «бархатными» революциями.

Серьезная попытка обоснования того, что в Украине произошла именно революция, была предпринята двумя известными академическими политологами А. Колодий и В. Якушиком. Независимо друг от друга эти ученые утверждают, что в Украине в конце 2004 г. состоялась политическая революция. В отличие от насильственной социальной революции, которая является характерным признаком эпохи модерна, политическая революция – новый феномен, и она возможна без насилия [11].

Альтернативный взгляд на события ноября – декабря 2004 г. в Украине представлен в сборнике текстов украинских и зарубежных критиков под названием

«Оранжевая революция. Украинская версия». Сборник редактировал М. Погребинский – украинский политический технолог, обслуживающий властные партии и политиков, поддерживающих Л. Кучму. Типичной для авторов этого сборника является мысль, высказанная украинским политическим комментатором В. Маленковичем, который утверждал, что основной целью оппозиции был приход к власти, а не системные перемены в обществе [12].

Среди западных украинистов, посвятивших свои работы вопросу «оранжевой революции», кроме выше упомянутого Т. Кузьо следует отметить Э. Вильсона, Д. Ареля, А. Аслунда и М. Макфола.

Однако вынужден признать, что среди множества публикаций западных исследователей, посвященных анализу «оранжевой революции», мне не встретилась работа, где бы вопрос «Была ли «оранжевая революция» – революцией?» оказался поставленным во главу угла. Несмотря на то что каждый из упомянутых выше ученых представил свою интерпретацию событий в Украине, ни один из них не использовал понятия «революция» в смысле фундаментальных политических изменений.

Так, известный британский украинист Э. Вильсон в своей книге «Украинская Оранжевая революция», изданной в 2005 г., осторожно замечает, что все его выводы имеют не более чем предварительный характер, и пока непонятно, перейдет ли «оранжевая революция» в настоящую социальную революцию, т.е., по классическому определению Т. Скокпол, «быструю и фундаментальную трансформацию классовых и институциональных структур общества... которую сопровождает и отчасти осуществляет классовое восстание снизу».

Хотя Э. Вильсон признает, что «оранжевую революцию» следует рассматривать как воистину революционное событие, он не удерживается от соблазна дать ему свое название. Э. Вильсон утверждает, что в сравнительной перспективе украинская революция была абсолютно новаторской по стилю и методам. «Возможно, это была первая «ситуационистская революция» [13].

Основной идеей книги Э. Вильсона, как мне представляется, была попытка представить общую картину состояния украинского общества на фоне драматических событий конца 2004 – начала 2005 г. Его внимание сосредоточено на таких явлениях и процессах, как региональные различия политических культур, проблемы федерализации Украины, использование электоральных технологий и действия политических элит. Для развития этих сюжетов события «оранжевой революции» являются, согласно Э. Вильсону, не более чем «точкой отсчета».

Заведующий кафедрой украинистики Торонтского университета Д. Арель интерпретирует события «оранжевой революции» с точки зрения региональных различий, национальной идентичности и национализма [14]. Для него следствием «оранжевой революции» было рождение украинской политической нации и гражданского общества. Д. Арель не просто повторяет хорошо известный тезис о неполном характере украинской политической нации (которая пока что не выходит за пределы Западной и Центральной Украины). Он идет дальше, утверждая, что не-

принятие идей «оранжевой революции» на Востоке и Юге Украины объясняется страхом исключения из национального проекта. Здесь следует согласиться с Д. Арелем, что наибольшим вызовом для Украины в последующие годы будет преодоление региональных различий и расширение политической нации на Восток и Юг Украины.

Наконец, в сборнике под редакцией известного экономиста А. Аслунда и профессора отделения политологии Стенфордского университета М. Макфола «Революция в оранжевом: происхождение украинского демократического прорыва» предпринята попытка представить различные взгляды западных, украинских и российских экспертов на события «оранжевой революции» [15]. Сборник издан Фондом Карнеги в Вашингтоне и, надо полагать, предназначался для поддержания позитивного имиджа «оранжевой революции» у западного читателя.

Судя из подзаглавия сборника, а также из содержания последней главы, где М. Макфол сравнивает события в Украине с событиями в Сербии, Грузии и Киргизстане, «цветные революции» – это электоральные или демократические прорывы, расчищающие дорогу демократизации в странах бывшего коммунистического блока.

Как видно из представленного обзора публикаций западных ученых, никто из них не использует понятие «революция» в буквальном смысле.

Характерным для этой тенденции является определение, предложенное одним американским политологом. «Использование слова «революция» не предусматривает указания на какие-либо длительные последствия этих событий [в Сербии, Грузии, Украине и Киргизстане], а всего лишь подчеркивает, что продемократические движения в каждом случае фактически достигли успеха в свержении существующих режимов» [16].

Предложенный краткий обзор публикаций не исчерпывает всего, что было написано об «оранжевой революции». Здесь я представил рецепцию дискурса революции научным сообществом, учитывая точки зрения представителей разных общественных дисциплин. Как видим, большинство украинских ученых в той или иной степени склоняются к мысли о том, что события ноября – декабря 2004 г. в Украине дают основания считать их революцией, в то время как западные исследователи предпочитают использовать термин «революция» в качестве синонима массовых акций политического протеста, способствующих падению существующего режима.

Сушностные характеристики революции

На мой взгляд, большинство отечественных ученых, которые пытались определить сущность событий конца 2004 г. в Украине путем сопоставления с «классическими» революциями или даже с новейшими «революциями» 1980-х гг. XX в., пошли обманном путем. Дело в том, что не существует «идеального типа» революции, с

которым можно было бы сравнивать все остальные. Некорректно также говорить о том, что революции происходят во время выборов. Наконец, ни один из тех авторов, которые считали, что в Украине состоялась революция, не смог объяснить ход событий исходя из какой-либо теории революции. Нежелание или неспособность поместить украинские события в более широкий теоретический контекст, с одной стороны, может свидетельствовать о недостаточном «методологическом оснащении» большинства украинских исследователей, а с другой – то, что украинские события не укладываются в методологию теорий революции. С этими обстоятельствами связаны трудности большинства авторов, которые определяют драматические события конца 2004 г. в Украине через категорию революции. С целью более тщательного рассмотрения сущности и особенностей революции ниже я привожу определения революции, взятые из нескольких авторитетных изданий.

«Политическая революция – это общественное движение и переворот, целью которых является устранение старого режима путем насильственного завоевания политической власти и осуществление коренных изменений политической жизни общества» [17].

«Политическая революция – насильственный способ принципиального, качественного изменения политической системы общества в результате прихода к власти новых социально-политических сил и коренного изменения курса социально-политического развития страны в их интересах» [18].

«Революция – это быстрое, фундаментальное и насильственное внутреннее изменение господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, а также политической деятельности правительства» [19].

Несомненно, что предложенные определения не включают всех особенностей революции. Однако все они подчеркивают наиболее существенные характеристики данного явления:

- насильственный характер;
- глубокие, фундаментальные изменения существующего строя и социальной структуры общества;
- радикальную трансформацию политических институтов и всей политической системы.

Авторитетный американский исследователь проблематики революции Дж. Голдстоун выделяет три ключевых аспекта революции – **развал государства (!)**, борьбу между претендентами за центральную власть и формирование новых институций [20].

Если к сказанному добавить, что революции – это длительные процессы – от нескольких месяцев до нескольких лет, т.е. макрособытия, активизирующие все слои общества, особенно наименее обеспеченные, в первую очередь крестьян, то становится понятно, что признать события конца 2004 г. в Украине революцией крайне проблематично.

Некоторые критики могут возразить, что предложенные определения не учитывают такие особенности революции, как массовая политическая мобилизация, смена правящей элиты или смена политического режима, которые видимо присутствовали в украинской революции.

Другие могут расширять само понятие революции, как это делают например, А. Романюк, Т. Кузьо или американский философ Б. Акерман. Последний называет революцией «увенчанные успехом усилия, опирающиеся на коллективную и сознательную мобилизацию, целью которых является смена господствующих принципов и практик, касающихся основных сфер жизни» [21]. Такое гибкое определение дает возможность этому автору назвать революциями события 1989 г. в Восточной Европе. Данный тип революций он называет «либеральным» на том основании, что они состоялись без насилия и их целью не было тотальное изменение всех сфер жизни.

Подобные идеи высказывали и некоторые украинские авторы, называя события конца 1980-х гг. в странах Восточной Европы, а также события в Украине и Грузии «постмодерными», «посткоммунистическими» или «ненасильственными революциями». Эти интеллектуальные упражнения, безусловно, являются интересной попыткой интерпретировать драматические вехи исторического процесса, однако у меня возникают значительные сомнения по поводу того, что они улучшат понимание сущности событий, происходивших в Украине и других постсоветских республиках в 2003–2005 гг.

С целью более внимательного рассмотрения сущности революции как аналитической категории предлагаю краткий обзор наиболее влиятельных теорий революции, предложенных в основном западными исследователями на протяжении XX в.

Теоретические объяснения революции

Как утверждает Дж. Голдстоун, изучением феномена революции в XX в. занимались три генерации исследователей. Первые теоретические объяснения революции принадлежат представителям «естественной истории революции», которые в 1920–1930 гг. сформулировали исчерпывающий перечень особенностей революции. Анализируя революционные события из доступного им материала, ранние исследователи феномена революции смогли довольно точно реконструировать последовательность революционного процесса [22].

Типичная последовательность революционных событий выглядит следующим образом:

- увеличение роли «интеллектуалов», которые отказываются поддерживать существующий режим;
- попытки правительства провести существенные реформы;

- острый политический кризис и падение режима, вызванного неспособностью правительства справиться не столько с действиями оппозиции, сколько с политическими, военными, экономическими или другими внутренними проблемами;
- возникновение конфликтов в среде революционеров после победы революции, деление на радикалов, консерваторов и умеренных;
- первыми к власти после победы революции приходят умеренные революционеры;
- путем частичных реформ они пытаются укрепить власть, а тем временем радикалы организуют массовую мобилизацию населения для протеста;
- смена общественного строя и господствующей идеологии наступает не в момент падения старого режим, а в то время, когда радикалы, обеспеченные поддержкой масс, меняют «умеренных»;
- наведение порядка осуществляется силовыми методами, что, как правило, является началом революционного «террора»;
- борьба между «радикалами» и «умеренными», а также между сторонниками революции и внешними врагами способствует приходу к власти военных (Дж. Вашингтон, О. Кромвель, Наполеон, К. Ататюрк, Мао Цзе-Дун, Й. Б. Тито);
- радикальная фаза революции заканчивается с повторным приходом к власти прагматических «умеренных», которые способствуют установлению порядка в новых условиях (внимание концентрируется на экономических проблемах, а не на политических).

Следующими генерациями исследователей можно считать представителей теорий политического насилия, написавших свои работы в 60-х и 70-х гг. XX в., и авторов новейших «плюралистических» интерпретаций революции, исследования которых появились в конце 1970-х и в 1980-х гг. XX в. [23].

Влиятельной теорией 1960–1970-х гг. XX в. была психологическая теория насильственных форм социальной активности, предложенная американским исследователем Дж. Девисом [24]. Для объяснения насильственных действий Дж. Девис использовал два понятия – революция и бунт, хотя их четкого разделения не предложил. Как на единственное отличие революции от бунта он указывает на то, что революция «охватывает больший сегмент населения, чем бунт» (rebellion).

Анализируя несколько классических революций, приход к власти фашистов в Германии в 1933 г., а также негритянские и студенческие бунты 1960-х гг. XX в. в США, Дж. Девис предложил интересную гипотезу объяснения причин революции. Согласно его выводам, революция наиболее вероятна тогда, когда длительный период роста ожиданий удовлетворения потребностей и их реальной компенсации сменяется коротким периодом резкого разочарования, на протяжении которого разница между ожиданиями и реальными возможностями удовлетворения потребностей резко увеличивается. Если неудовлетворение (фрустрация), вызванное действиями правительства, локально, то оно может проявиться в форме бунта, а если

же крайнее неудовлетворение распространяется на все общество, то приобретает признаки революции.

Для иллюстрации своего тезиса Дж. Девис использовал схему в которой разница между ожидаемым и реальными возможностями удовлетворять свои потребности напоминает перевернутую английскую букву J. По характерному изгибу этой буквы, гипотеза сделалась известной как «кривая J». Тезис Дж. Девиса стал эмпирично обоснованной альтернативой «естественным» объяснениям революций. Ученый подчеркивал, что вероятность социального взрыва является наибольшей не тогда, когда ситуация с удовлетворением потребностей широких масс населения постоянно ухудшается (что мы могли наблюдать на протяжении длительного времени в Украине), а только тогда, когда на протяжении достаточно длительного периода их ситуация улучшалась, но неожиданно прервалась периодом резкого ухудшения. Это наблюдение свидетельствует еще и о том, что требования населения уменьшаются, если усугубление ситуации происходит постепенно.

Гипотеза Дж. Девиса хорошо объясняет тот факт, что в Украине на протяжении всего периода независимости не было значительных акций протеста, однако она не объясняет массовую и ненасильственную мобилизацию значительной части населения Украины в конце 2004 г.

Альтернативная версия политического насилия была предложена социологами. Так, Н. Смелзер утверждал, что вместо изучения массового недовольства ученым необходимо исследовать социальные институты. Н. Смелзер подчеркивал, что если разные подсистемы общества меняются с одинаковой скоростью, управление остается стабильным. Однако когда одна из подсистем начинает трансформироваться независимо от других, создается дисбаланс, который подталкивает население к изменению системы ценностей. Если дисбаланс между очередными изменениями отдельных подсистем становится острым, происходит распространение радикальных идеологий, которые подрывают легитимность существующего строя. Во время таких обострений война, правительственный кризис или голод могут привести к падению правительства [25].

Попытку объединить психологическое и социологическое объяснение революции осуществил С. Хантингтон исходя из распространенной в 1970-е гг. XX в. теории модернизации.

С. Хантингтон утверждал, что ключевым аспектом модернизации является увеличение запроса на массовое политическое участие граждан. Революции, с точки зрения Хантингтона, не случаются в традиционных обществах. Они не случаются также и в развитых современных обществах. Революции имеют наибольшую возможность возникновения в тех обществах, которые прошли определенное социальное и экономическое развитие, однако их политическое развитие и модернизация отстает от процесса социальных и экономических трансформаций. Политической сущностью революции является рост политического сознания новых групп населения с такой скоростью, которая не позволяет существующим институтам удовлет-

ворять их требования. Хантингтон выделяет два условия революции. Первое – политические институты неспособны обеспечить участие новых социальных групп в политике и новых политических элит во власти. Второе – желание исключенных из политики социальных групп принимать в ней участие с целью получения определенных материальных или других преимуществ. Одна группа, ощущающая себя отчужденной от власти, может стать причиной переворота, бунта или восстания, однако только объединение неудовлетворенных групп может привести к революции. Возможность революции в модернизирующейся стране зависит от: а) уровня отчуждения городского среднего класса – интеллектуалов, профессионалов, буржуазии от политической жизни; б) уровня отчуждения крестьян и в) уровня объединения городского среднего класса и крестьян не только в борьбе против общего врага, но и за победу национализма [26].

Психологические и системные теории революции пытались объяснить, почему появляется неудовлетворение и при каких обстоятельствах оно может привести к насильственному падению режима. С критикой такого подхода выступил британский социолог Ч. Тилли.

Ч. Тилли не принял объяснения революции с точки зрения модернизации и предложил теорию мобилизации ресурсов. Ученый обратил внимание на то, что само неудовлетворение не может привести к революции, если неудовлетворенное население остается неорганизованным и не располагает необходимыми ресурсами. Утверждая, что неудовлетворение и конфликты являются неотъемлемыми составляющими политики, он подчеркивал, что политическое насилие возможно только тогда, когда неудовлетворенные группы располагают необходимыми ресурсами и достаточно организованны для осуществления своих целей. С этой точки зрения, модернизация может вызвать неудовлетворение, однако она необязательно приведет к революции.

Общие теории революции исходили из психологических объяснений относительной депривации и фрустрации, учитывали неравномерность институциональных изменений и мобилизацию ресурсов контрэлитами. Они анализировали не только индивидуальное неудовлетворение, но и изменения в существующих институтах и деятельности оппозиционных групп.

Однако, как отмечает Дж. Голдстоун, все общие теории революции имели определенные проблемы, объясняя, как и где случаются революции [27].

Во-первых, общие теории рассматривали революцию как направленное движение оппозиции с целью получения власти в государстве. Но, как показала практика, часто революции начинались не вследствие деятельности мощной оппозиции, а из внутреннего коллапса органов государственного правления, которые были неспособны исполнять надлежащие им функции. Общие теории не давали ответа, почему происходит распад государства и как он связан с возникновением революций.

Во-вторых, дискутируя о проблеме модернизации, западные ученые поняли, что модернизация не является одинаковым для всех процессом. Она имеет свои осо-

бенности в каждой отдельно взятой стране. Ведет ли модернизация к революции и какой тип революции может произойти в результате модернизации – зависит от взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами, между городским и сельским населением и даже от скорости роста населения.

Все это подтолкнуло исследователей к изучению особенностей политической, экономической и социальной структуры государства и определению влияния разных факторов на его стабильность.

Так появилась структурная теория революции, предложенная Т. Скокпол и Э. Тримбергер [28]. Структурная теория революции исходит из того, что государства имеют разную структуру и поэтому подвержены различным влияниям, которые могут привести к распаду государства. Эта теория утверждает, что революции начинаются с сочетания разных факторов, в первую очередь конфликта между государством и элитами, проявлением гражданского недовольства и соревнования между государствами на международной арене. Т. Скокпол обратила внимание на то, что государства с отсталой экономикой ощущают значительное давление международной среды, вследствие чего могут начать распадаться государственные институты и вспыхивать революции. Ярким примером является Россия во время Первой мировой войны, Франция XVIII в., которые проигрывали перед более экономично развитой Англией, а также Японией, Китаем и Турцией, боровшимися с мощными западными государствами в XIX и XX вв.

Как утверждают Т. Скокпол и Э. Тримбергер, государства могут распадаться и без поражения в войне. Вероятность внутреннего распада зависит от взаимоотношений государства и господствующих политических элит. Если государство, пытаясь уменьшить внешнее давление, идет на ограничение традиционных источников дохода элит или их политического статуса, между ними неизбежен конфликт. А когда последние имеют достаточно ресурсов, чтобы парализовать деятельность государства, его распад становится еще более вероятным. Если политические элиты принимают решение не поддерживать государство перед угрозой растущего внешнего давления, они могут прийти к власти в результате «элитарной революции», как называет это явление Э. Тримбергер, или, другими словами, государственного переворота. С приходом к власти новая администрация может прибегнуть к радикальным мероприятиям с целью стабилизации кризиса. Подобные примеры дает революция Мейджи 1868 г. в Японии, приход к власти К. Ататюрка в 1923 г. в Турции и государственный переворот 1952 г. в Египте, осуществленный А. Насером.

Некоторые государства, которые принято называть неопатримониальными, функционируют на основании патронажно-клиентельских отношений. В таких государствах глава исполнительной власти может разобщать бюрократию и военных, взаимно их ослаблять и поощрять коррупцию, чтобы государственных служащих поставить в зависимость от собственной воли. Такие государства, как отмечает Т. Скокпол, глубоко ощущают внешнее экономическое и военное влияние. Периоды экономической стабильности дают им возможность построить сеть патронажных

отношений, однако времена экономического спада способны лишить главу исполнительной власти возможностей контролировать свое окружение. Тогда к власти может прийти контрэлита, целью которой является свержение предыдущей элиты, а не смена системы правления. Т. Скокпол относит такие события к революциям особого типа. В пример она приводит мексиканскую, кубинскую и никарагуанскую революции, однако, необходимо подчеркнуть, что в литературе подобные события принято называть переворотами.

Так или иначе, паралич государства является лишь одним из компонентов революции. Полномасштабная революция происходит только тогда, когда недовольствие элит усиливается массовыми движениями городских рабочих и крестьян.

События ноября – декабря 2004 г. в Украине имели определенные признаки революционности (политический кризис, который длился от оглашения результатов второго тура выборов до принятия решения Верховным судом о признании результатов этого тура недействительными и назначения повторного голосования, политическая мобилизация значительного количества граждан, противостояние власти и оппозиции, поляризация в обществе), однако это не дает оснований назвать их революцией, потому что:

1. Несмотря на политический кризис декабря 2004 г. и правительственный кризис сентября 2005 г., коллапс в функционировании ключевых институтов, отвечающих за поддержку автономной безопасности в государстве, не было. Автономную безопасность я понимаю как способность государства решать свои собственные проблемы мирно, без какого либо внешнего или военного вмешательства.

Институтами, отвечающими за поддержание автономной безопасности, считаются следующие:

- а) эффективная полиция /милиция и система исправительных заведений;
- б) действенный бюрократический аппарат или государственная служба;
- в) независимая судебная система;
- г) профессиональные вооруженные силы, пребывающие под гражданским контролем [29].

Указанные институты, хотя никогда не были и еще не скоро станут полностью автономными в Украине, т.е. независимыми от политических партий и кланов, а также от политических элит, но и не были полностью подконтрольными данным группам. Следовательно, не было и нет оснований утверждать, что в Украине в конце 2004 г. произошел распад государства.

2. Смена власти осуществилась ненасильственным путем.

3. События конца 2004 г. хотя и были экстраординарными, включительно с повторным голосованием второго тура выборов, однако не вышли за рамки правового поля.

4. На протяжении двух лет после смены власти не произошло глубоких перемен ни в системе власти, ни в социальной структуре общества, что в целом свидетельствует о сбережении существующего строя в государстве.

5. С начала 2006 г. в Украине вступила в действие политическая реформа, изменившая соотношения полномочий в функциях основных институтов политической системы в пользу парламента и кабинета министров, происходят трансформации в некоторых социальных и политических институтах. Хотя эти изменения осуществляются не системно, к тому же сопровождаются усилением политического противостояния и кризисами, они являются следствием политического компромисса, достигнутого 8 декабря 2004 г. Таким образом, политический кризис к 2004 г. был преодолен мирным путем.

События в Украине не были также и пугчем, мятежом или переворотом. Возникает вопрос – а чем же они были? Я предлагаю взглянуть на указанные события сквозь призму «транзитологии». В этой сфере политических исследований главное внимание уделяется тому, как происходит процесс трансформации политических режимов. Здесь выделяют несколько типов политической трансформации: реформа, революция, переворот и переход. Если революция – это насильственное изменение действующих институтов, то переход (транзит) – это такой тип политической трансформации, для которого характерно изменение институтов без нарушения правовых норм.

Переход рассматривают как длительный процесс, который состоит из нескольких этапов [30]. Изменения начинаются с либерализации старого режима, для которого характерны попытки сберечь остатки легитимности путем расширения политической конкуренции. Следующий этап характеризуется углублением требований демократической оппозиции и усилиями властей сдерживать демократическое движение путем заигрывания, угроз, уступок, переговоров и компромиссов с оппозицией.

Если к власти приходит демократическая оппозиция, в таком случае есть основания говорить о начале решающего, третьего этапа общественных трансформаций, для которого характерны перемены в политической, экономической, правовой и других подсистемах общества.

Поступательность и неизбежность реформ дает возможность перейти к последнему, четвертому этапу трансформаций, который должен закончиться укреплением демократических институтов, формированием политической культуры гражданского типа и рыночной экономики. Движение от консолидированного авторитаризма к консолидированной демократии может длиться от 9–10 до 30 и более лет [31]. Такая длительность перехода объясняется целым рядом факторов, которые в одних странах могут ускорять, а в других замедлять процессы перемен.

События в Украине лучше объяснять через призму транзита, который, на мой взгляд, начался в конце 1980-х гг. XX в. и будет длиться еще примерно от 5 до 15 лет. Переход в Украине не похож на уже известные примеры демократических трансформаций. Здесь произошла ненасильственная ротация властных элит при массовом участии населения в период президентской избирательной кампании. Однако

со сменой элит в верхних эшелонах власти изменения политического режима не произошло*.

Политический режим, сформировавшийся в Украине с 1994 по 2004 г., был симбиозом неопатримониального авторитарного правления президента Л. Кучмы и господства клановой олигархии. Этот политический цикл, который длился 13 лет, закончился. В начале 2005 г. мы вернулись к исходной точке 1991 г., правда, на совершенно другом уровне.

В Украине политический процесс не вышел за рамки правового поля, несмотря на то, что был очень близок к этому. Выборы завершились хотя и экстраординарно, однако легитимно. Политический кризис, вызванный нарушениями избирательного законодательства и массовыми акциями протеста, также был решен компромиссным путем.

С начала 2005 г. в Украине происходит смена институтов. К подобным изменениям можно отнести: кампанию по борьбе с коррупцией, которая приобрела систематический характер и считается институтом, характерным для авторитарного и переходного обществ [32]; осуществление политической реформы, которая предусматривает изменения в полномочиях основных ветвей власти; подготовку административно-территориальной реформы. Данные реформы, при условии их успешной реализации, могут повлиять на изменение всей политической системы.

Следовательно, президентские выборы, сопровождающиеся массовым участием граждан в акциях политического протеста, заложили начало третьего этапа перехода.

Следует обратить внимание и на то, что на протяжении двух лет после событий «оранжевой революции» демократические изменения в Украине не приобрели необратимого характера. Поскольку рассмотрение последствий президентских выборов 2004 г. не является задачей данной публикации, ограничусь только перечнем авторов, которые обосновывают подобный взгляд более подробно [33].

Украинский переход в сравнительном контексте

Падение коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 1980-х гг. XX в. произошло мирным путем в результате нарастания массовых политических забастовок и акций протеста, ставших следствием системного кризиса коммунистических режимов. Причины кризиса – неспособность правительств эффективно взаимодействовать с оппозицией, экономический упадок и потеря легитимности коммунистических режимов.

Падение авторитарных режимов в Польше, Чехословакии и Венгрии было следствием действия самых разных внутренних или внешних катализаторов, таких как резкий экономический кризис, вмешательство во внутренние дела извне и т.п.

* Этот тезис более подробно будет развит в отдельном исследовании.

Что же касается Сербии, Грузии, Украины и Киргизстана, то здесь катализатором массовых акций протеста стали выборы, а точнее сфальсифицированные результаты выборов [34]. В постсоветских республиках начало перехода, или либерализация авторитарных коммунистических режимов, не сопровождалось нарастанием демократического потенциала в обществе, как это было в восточноевропейских государствах. Теперь уже очевидно, что можно говорить о второй волне демократических преобразований, наступивших с падением современных авторитарно-олигархических режимов. Хочется надеяться, что общественность этих стран найдет в себе силы удержать демократический курс и не допустит возврата авторитаризма. Даст ли приход к власти оппозиции в этих постсоветских странах основания говорить об успехе демократического транзита, будет зависеть от умения преодолевать внутренние кризисы, умело распоряжаться народным доверием и последовательно проводить демократические преобразования.

К сожалению, в Украине после парламентских выборов 2006 г. пришедшая к власти оппозиция не смогла эффективно распорядиться значительным кредитом народного доверия, погрязла во внутренних распрях и в результате снова оказалась не у власти. В случае неудачи украинской оппозиции на досрочных парламентских выборах осенью 2007г. перспективы евроатлантической интеграции Украины и завершение процесса перехода опять отодвигаются на неопределенное время.

В восточноевропейских странах власть использовала различные методы сдерживания оппозиции – от выборочных репрессий (арест В. Гавела в Чехословакии, З. Буяка и других лидеров оппозиции в Польше) до сотрудничества с оппозицией (проведение «круглых столов» в Польше и переговоров об условиях передачи власти в Венгрии).

В транзитологии различают два типа перехода – радикальный и умеренный. Радикальный вариант используется в тех странах, где старая элита полностью утратила легитимность. Тогда смена режима происходит либо путем абдикации (отказ от власти), как это случилось в 1989 г. в Чехословакии и ГДР и в 1993 г. в Грузии, либо насильственным путем, как это было в 1989 г. в Румынии и в 2005 г. в Киргизстане.

Умеренный тип перехода предполагает победу оппозиции на выборах, которая либо ведет переговоры со старой элитой о методах проведения реформ, либо допускает проникновение представителей старой элиты во властные структуры. Последний из указанных вариантов наиболее длительный. К тому же при сохранении властных позиций старой элиты возможны отклонения и остановки процессов демократизации. Именно этим путем развивались события в Украине и большинстве постсоветских стран после 1991 г., а сейчас, очевидно, что и после 2004 г.

Хронологически, с некоторой долей условности, переход в Украине можно рассматривать следующим образом:

I. Начало либерализации режима – конец 1980-х гг. – 1991 г.

II. Сосуществование (частично сотрудничество, частично скрытая, а то и открытая борьба) старой и новой элит – 1991–2004 гг.

III. Демократический прорыв в конце 2004 г. Начиная с 2005 г. перед Украиной стоят новые вызовы, связанные, прежде всего, с преодолением политической нестабильности. В зависимости от того, как будут складываться отношения между властью и оппозицией и от того, какая из политических групп сможет укрепиться у власти, длительность данного этапа может растянуться от 5 до 15 лет. Логически переход должен закончиться консолидацией демократии, что будет означать необратимость демократических изменений.

Либерализация во всех сферах жизни началась в СССР в 1985 г. с приходом к власти М. Горбачева. Однако в Украине ослабление авторитарного режима стало ощутимым только к концу 1980-х гг., свидетельством чего было распространение сети гражданских организаций и появление первых политических партий.

Вследствие окончательного распада СССР, вызванного неудачной попыткой государственного переворота в августе 1991 г., независимость получили все бывшие республики СССР. Власть в новых государствах попала в руки бывшей советской номенклатуры, которая под воздействием демократических трансформаций смогла поменять политический «макияж». Способность старой партийно-комсомольской номенклатуры оставаться при власти, меняя имидж, – пример постсоветской политической мимикрии. Именно благодаря сбережению позиций старой номенклатуры в Украине стало возможным формирование сложного симбиоза семейной власти и клановой олигархии в период десятилетнего президентства Л. Кучмы.

Процессы демократизации начали сворачиваться в середине 1990-х гг. В это время в стране формируется псевдodemократический режим. В транзитологии такие режимы принято называть гибридными. Они имеют некоторые институты демократии, такие как выборы и оппозицию, но при этом сохраняют авторитарные приемы реализации власти [35].

Однако трансформационные процессы, происходившие в Украине, не следует рассматривать в линейной плоскости. На мой взгляд, более корректно было бы говорить о зигзагообразном характере политических трансформаций. В этой связи можно рассматривать два разновекторных процесса. Первый связан с изменениями политических институтов в направлении демократизации. Второй – с движением в обратном направлении: сохранением и развитием институтов авторитарного режима. Иными словами, эволюцию политического режима в Украине с 1991–2004 гг. следует рассматривать сквозь призму одновременных процессов демократизации и олигархизации.

С 1991 до 2004 г. мы были свидетелями особенного варианта общественных трансформаций – формирования новейшей постсоветской разновидности авторитаризма, который вырос за фасадом слабо выраженных демократических институтов. Более того, в некоторых среднеазиатских республиках мы наблюдаем возврат к традиционным (авторитарным) режимам или конструирование современных, как в России и Беларуси «полицейских» государств. Поэтому модель перехода должна быть дополнена опытом бывших советских республиках.

Теперь вернемся к событиям ноября – декабря 2004 г. и попробуем определить особенности новейшего этапа украинского транзита. На мой взгляд, важной чертой является то, что украинский вариант перехода не похож ни на один из прежде известных типов. В Украине старая власть была полностью лишена легитимности, но не решилась ни на применение силы, после начала массовых акций протеста, ни на отказ от исполнения полномочий.

Первый и особенно второй тур выборов состоялись с массовыми фальсификациями результатов в пользу провластного кандидата. Такие действия власти в политических исследованиях называются «украденными выборами» [36].

Следующей особенностью является то, что со сменой власти в Украине начался новый этап политических трансформаций. В этот период в Украине советский номенклатурный авторитаризм трансформировался в новейшую кланово-олигархическую разновидность авторитаризма.

Избрание президентом страны оппозиционного кандидата можно рассматривать как начало третьего этапа перехода в Украине. Определяющей чертой этого этапа является борьба элит. Не смотря на избрание В. Ющенко президентом, полной смены политических элит не произошло. Именно неэффективными действиями руководства страны и борьбой конкурирующих политико-промышленных групп за власть объясняется несколько политических кризисов 2005–2007 гг. и потребность проведения внеочередных парламентских выборов в сентябре 2007.

Тем не менее победа оппозиционного кандидата на президентских выборах 2004 г. в Украине стала возможной благодаря массовому участию граждан в политической забастовке, политической поддержке западных государств, международных организаций, независимой позиции Верховной Рады и Конституционного Суда. Решающим фактором победы оппозиции следует считать прямое участие граждан в ненасильственных акциях протеста. Без сотрудничества разных слоев украинского общества и демонстрации гражданского мужества, победа оппозиции была бы невозможной, даже если бы все знали, что результаты выборов были сфальсифицированы.

Литература

1. Колодяжний, М. Чи була революція революцією? / М. Колодяжний // *www.pravda.com.ua* от 12.01.2005.
2. Грабовський, С. Так, революція / С. Грабовський // *www.pravda.com.ua* от 24.01.2005.
3. Возняк, Т. Між двох революцій // Т. Возняк / “І”. № 34. 2004.
4. Kuzio, T. From Kuchma to Yushchenko. Ukraine’s Presidential Election and the Orange Revolution / T. Kuzio // *Problems of Post-Communism*. Vol.52, № 2. March-April 2005. P.15.
5. Саєнко, Ю. Україна: динаміка змін у суспільній свідомості / Ю. Саєнко // *Універсум*. №10–12. 2004.

6. Кульчицький, С. Визрівання помаранчевої революції / С. Кульчицький // День. № 54–56, 58. 2005.
7. Кульчицький С. Помаранчева революція: розщеплення “адміністративного ресурсу”. // День. № 88. 20 травня. 2005.
8. Гальчинський, А. Фази революції / А. Гальчинський // День. № 7. 19 січня. 2005.
9. Гальчинський, А.. Помаранчева революція і нова влада / А. Гальчинський. Київ, 2005. С. 6–11.
10. Романюк, А. Посткомуністичні революції / А. Романюк // Політичний менеджмент. №4(13). 2005. С. 17.
11. Колодій, А. Від „Сірої зони” до кольору сонця: Помаранчева революція і демократичний перехід в Україні / А. Колодій // Agora. Вип.1.<http://www.kennan.kiev.ua/kkr/publications.htm>; Якушик, В. Українська революція 2004–2005 років. Спроба теоретичного аналізу / В. Якушик // Політичний менеджмент. 2006. № 2. С. 19–36.
12. Маленкович, В. О причинах «Оранжевой революции» в Украине / В. Маленкович // Оранжевая революция. Украинская версия. М., 2005.
13. Wilson, A. Ukraine's Orange revolution / A. Wilson. Yale University Press, 2005.
14. The “Orange Revolution”: Analysis and Implications of the 2004 Presidential Election in Ukraine Third Annual Stasiuk-Cambridge Lecture On Contemporary Ukraine. Cambridge University 25 February 2005// www.ukrainiancambridge.org/Images/Arel_Cambridge_english.pdf
15. Aslund, A. Revolution in Orange:The origin of Ukraine’s Democratic Breakthrough / A. Aslund, M. Mcfaul // www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18051&prog=zru
16. Joshua, A. Taker Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and the “2nd Wave” of Post-Communist Democratic Revolutions. Paper presented at the first annual Danyliw seminar in contemporary Ukrainian studies / A. Joshua // www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/P_Tucker_Danyliw05.pdf
17. Політологічний енциклопедичний словник. Київ, 1997. С. 293.
18. Политическая Энциклопедия. М., 2002. Т. 2. С. 330.
19. Hantington, S. Revolution and Political Order / S. Hantington, // *Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies*. ed. By Jack Goldstone. HBS publishers. 1986. p. 39. (перевод мой).
20. Голдстоун, Дж. Революції теорії / Дж. Голдстоун // Енциклопедія політичної думки. Київ, 2000. С. 326.
21. Акерман, Б. Майбутнє ліберальної революції/ Б. Акерман // “І”. № 34.
22. Подробнее об этом см.: *Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies*. edited by Jack A. Goldstone. HBJ Publishers, 1986. P. 2–17.
23. Ibid. P. 5.
24. Davies, J.C. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. № 27. P.5–19.; См. также: Davies, J.C. The J-Curve of Rising and Declining Satisfactions as a Cause of Some Grate Revolutions and a Contained Rebellion J. C. Davies // H. D. Graaham and T. R. Gurr (eds.), *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives*, Vol. I. June 1969. P. 547–575.
25. Smelser, N.J. *Theory of Collective Behavior* / N.J Smelser. New York, 1963.
26. Huntington, S. *Revolution and Political Order*. P. 39–47.
27. *Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies*. P. 6.

28. Scocpol Theda, Ellen Kay Trimberger. Revolution: A Structural Analysis // *Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies*. P. 59–65.
29. *An Analytical Model of Internal Conflict and State Collapse: Manual for Practitioners*. The Fund for Peace. Washington D.C., 1998.
30. Подробнее об этом см.: Колодій, А. Політичний режим в Україні. Спроба транзитивного підходу / А. Колодій // *Сучасність*. 1999. №7–8. С. 84–96.
31. *Політологія посткомунізму. Політичний аналіз посткомуністичних суспільств*. К., С.106.
32. См.: Філл, М. Політична корупція, демократизація і реформа / М. Філл // *Політична корупція перехідної доби*. К., 2004. С. 51–72.
33. См. например: The Future is Orange // *The Economist*. 2005. 1 January. P.10–11.; Мартинович, М. Уже не “осанна”, але ще не “розпни” / М. Мартинович // *Д.Т.* № 31. 2005. С. 3.; R. Christensen, R. The Ukrainian Orange Revolution Brought More Than a New President: What Kind of Democracy Will the Institutional Change Bring? / Christensen R. // *Communist and Post – Communist Studies*: 38 2005. P. 207–230.
34. Taker, J. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and the “2nd Wave” of Post-Communist Democratic Revolutions / J. Taker // Paper presented at the first annual Danyliw seminar in contemporary Ukrainian studies. www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/P_Tucker_Danyliw05.pdf
35. См. например: Carothers, T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // *Journal of Democracy*. Vol. 13 № 1, 2002; Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes / L. Diamond. *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2, 2002. Levitsy S. The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 13 №2, 2002.
36. См.: Thompson, M. Stolen Election: The Case of the Serbian October / M. Thompson, P. Kuntz // *Journal of Democracy*. Vol. 15. № 4, October 2004. Они определяют понятие следующим образом: «Выборы считаются украденными, когда существующий режим препятствует победе оппозиции через откровенные манипуляции с подсчетом голосов или через аннулирование результатов выборов». (перевод мой. Цит. по Suleymanov M. The Orange Revolution / M. Suleymanov [http:// www. monitor. upace. org](http://www.monitor.upace.org).

Сергей Глебов

ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ПОГРАНИЧЬЕ (Внешнеполитический опыт Украины)

Политическая двусмысленность и «туманность» украинской внешней политики – это не только «марка» современной Украины на европейской арене, но уже и составная часть глобальных международных отношений. Двойственность политики Украины сопровождается острой дискуссией о том, где должна быть Украина – в интегрированной Европе или в рамках политических, экономических и военных структур, возглавляемых Россией. Историческая дилемма для Украины (Восток или Запад) сопровождается не менее острой дискуссией о возможности нейтрального и внеблокового статуса в эру глобализации и интеграции: «А должна ли быть Украина где-либо вообще?» Но это не просто еще одна дискуссия, это стратегическая проблема, которая влияет на внутреннюю и внешнюю политику Украины напрямую. Более того, ее последствия могут серьезно изменить европейское и евразийское пространства в долгосрочной перспективе, поскольку в международно-политическом смысле исчезнет то пространство, которое сегодня с севера на юг простирается по территории Беларуси, Молдовы и Украины от белорусского кургана Дружба до украинского мыса Сарыч, иначе говоря – Восточноевропейское Пограничье. Несмотря на стремление концепта «пограничье» деконструировать геополитику, в рамках глобальной системы геополитическое соперничество великих акторов остается ключевым элементом межгосударственной политики, при которой сильные государства стремятся деконструировать само «пограничье». И, прежде всего, не как концепт, а как геополитическое пространство.

Украина как «пограничный шов» на стыке России и Европейского Союза

Нынешняя неопределенность внешней политики Украины является результатом традиционного для страны сценария, который уходит вглубь истории самого украинского государства. Украина исторически была расположена между Западом и Востоком, Европой и Евразией. Будучи одновременно частью Восточной Европы и западной Евразии, Украина всегда делилась между европейскими империями и Россией. Поэтому украинцы постоянно были вынуждены решать важную, иногда трагическую для своей государственности и национального существования, дилемму: чью сторону выбрать, чтобы обеспечить собственную независимость. Учитывая тот факт, что украинские земли были полностью лишены независимого статуса уже в XIV в., но не потеряли традиций государственности, борьба за восстановление независимости оказывалась возможной лишь через стратегическое партнерство с одним из соседей. Особенность такой политики заключалась в том, что «отзывчивые» соседи стремились взять украинские земли под собственный контроль. Поэтому вместе с возрождением независимости всегда существовала опасность лишиться ее сразу же после возрождения.

Логику развития именно такого сценария можно проследить, например, на событиях XVII в. Первый раунд украинской революции за независимость начался в середине XVII в. под руководством Богдана Хмельницкого в ходе войны против польско-литовского государства Речь Посполитая. Гетманская Украина на пути к независимости была вынуждена согласиться на московский протекторат, но переоценила искренность и альтруизм помощи Москвы. Шаткое геополитическое положение Украины привело к борьбе за украинские земли между основными центрами силы того времени в Восточной Европе. Вот почему украинским гетманам после Богдана Хмельницкого постоянно приходилось выбирать между Варшавой, Москвой и даже Стамбулом в процессе поиска стратегического партнера. При этом гетманы, прежде всего Правобережья, неоднократно вынуждены были менять внешнеполитическую ориентацию в своих устремлениях к независимости. В результате Украина была поделена на две части между Москвой и Польшей (фактически Востоком и Западом) в конце XVII в. Так было положено начало формированию двух противоположных геополитических предпочтений, которые углублялись и укреплялись в период с XVIII по XX в. Эти разновекторные предпочтения, исповедуемые в Западной и Восточной «Украинах», остаются конфликтными атрибутами единой Украины и сегодня.

Более того, именно раскол страны между Западом и Востоком, инициированный несколько столетий назад, все еще оставляет не решенным до конца вопрос о независимости и целостности Украины. При этом после распада СССР проблема сохранения независимости в большей степени зависит от решения внутриукраинских конфликтов, нежели от внешних факторов (хотя различные силы извне все

еще пытаются воспользоваться неустойчивостью внутри страны и время от времени щелкают «геополитическими ножницами»).

Показателем новой ситуации является тот факт, что «историческая трансформация конфликтных украино-польских отношений в добрососедские поставила Украину относительно России в положение, которого она до сих пор никогда не занимала: теперь, когда Украина разрешает свои противоречия с Россией, ей не надо бояться угроз со стороны Польши»¹. Это стало возможным в связи с тем, что, встав на путь демократии, современная Польша – член Европейского Союза и НАТО – больше не проповедует идеологию возрождения «Великой Польши» в границах 1772 г. на манер государственной идеологии времен Юзефа Пилсудского. Однако внешнеполитическое «самочувствие» Украины, хотим мы этого или нет, и впредь будет зависеть – прежде всего в силу ее географического расположения – от России, поэтому доминирующий «российский фактор» в геополитической борьбе за Украину не теряет своей актуальности и сегодня. А значит, «историческая» подоплека взаимозависимости этих стран еще не сыграла свою последнюю роль.

Иначе говоря, полностью уйти от «историзации» политики (в свое время породившей «Переяславский синдром» «младшего брата») в рамках двусторонних украино-российских отношений пока не представляется возможным. В отличие, например, от единой Европы, конструкция которой в рамках ЕС стала возможной благодаря готовности европейских держав если не забыть полностью прежние ссоры и войны, то, по крайней мере, не вводить их в актуальный дискурс при решении политических проблем. В случае же Украины, Молдовы и Беларуси «историзация» их отношений с Россией, да и между собой, пока является объективным фактором. Обретение Украиной суверенитета в 1991 г. было связано не столько с борьбой националистических сил за независимость (их победа в условиях тоталитаризма была нереальной), сколько с распадом Российской империи как таковой, последним этапом существования которой был СССР. Поэтому новая парадигма двусторонних отношений Украины с Россией не может не учитывать еще «свежие» воспоминания о недавнем историческом прошлом. Американский историк украинского происхождения, профессор Гарвардского университета Р. Шпорлюк справедливо ставит под сомнение возможность сближения Украины и России в стратегической перспективе, логично задавая вопрос: «...призыв к более тесным отношениям Украины с Россией мотивирован желанием помочь обоим народам стать частью Европы или речь идет о чем-то совсем ином, а именно о возрождении некогда существовавшей имперской модели украинско-российских взаимоотношений? Одним словом, о лишении Украины независимости»².

Вот почему Украина, в широком теоретическом смысле, сегодня полностью попадает в концептуальную модель Пограничья, где вопросы обретения и сохранения суверенитета и независимости, территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ еще долго не потеряют свою актуальность. В книге известного западноевропейского исследователя международных отношений

М. Эмерсона «Слон и медведь» Украина тоже рассматривается как государство, находящееся у границ интегрированной Европы³. Идентификация регионов Приграничья Европы в данном источнике проводится через три категории: интегрированные периферии, разделенные периферии и накладывающиеся периферии. Первая категория относится к тем государствам, которые преследуют цель присоединения к одной или к другой империи. Во вторую попадают те страны, которые разделены по отношению к этим предпочтениям, – исповедуют и западную, и восточную ориентацию, одновременно развивая отношения с двумя империями. Третья категория охватывает те общества, которые, стремясь к одной империи, застряли в рамках другой⁴. Исходя из такого теоретического подхода, мы можем предположить, что Украина фактически абсорбировала характеристики всех трех категорий одновременно, что делает ее политическую стратегию размытой.

Кроме того, поскольку Украина разместилась в Приграничье Европы, то она естественно оказалась в Приграничье России, где для определения государств «российского приграничья» из числа бывших республик СССР используется устойчивый термин «ближнее зарубежье». В определенной степени гиперболизируя «российский фактор», журналист В. Пфафф в своей статье «Другой России у нас нет», опубликованной в «International Herald Tribune», пишет: «Новые члены ЕС, являющиеся соседями России, – страны Балтии и Польша – и такие кандидаты на членство в ЕС, как Грузия, уверяют, что Россия возвращается к прежней неприязни относительно либерального Запада, которая была для нее характерна на протяжении значительной части ее истории, и жертвой чего в XX в. стали эти страны. Негодуя на Россию и активно поддерживая сторонников жесткого курса из администрации Буша, они склонны забывать, что путинская Россия – это единственная Россия, которая есть у них, да и у всех нас. Это та Россия, с которой придется иметь дело, какой бы она ни стала. А страны, которые являются ее соседями, прокляты географией. Переселиться в иное место они не в силах. Их американские друзья живут на другом континенте. Более того, в Америке администрации сменяются, и следующая вашингтонская власть, вполне возможно, откажется от курса Буша по отношению к России. Такова уж сила национальных интересов»⁵. Сразу стоит подчеркнуть, что для русофилов соседство с Россией часто воспринимается как благо Украины, но это уже вопрос тех самых геополитических предпочтений.

«Проклятая» или «осчастливленная» географией, но на современном этапе Украина является разделенной периферией, которая находится в поиске статуса интегрированной периферии через преодоление синдрома накладывающейся периферии. Поэтому независимо от избранного политического курса стратегической целью Украины должно оставаться стремление изменить свой статус «периферии» на статус интегрированного «центра». Достижение этой цели будет возможно лишь в том случае, если Украина сможет интегрироваться в демократический конгломерат юридически равных партнеров, где деление на «периферию» и «центр» будет иметь только техническое значение, избавленное всяческих имперско-колониальных

каннотаций. Глядя на современную модель интеграционных процессов в Европе, не трудно предположить, что Украина должна активно развивать европейский вектор внешней политики.

Но на практике дело обстоит несколько иначе, возможно, потому, что Украина все еще находится в статусе «разделенной периферии». Однако такое неопределенное положение Украины в случае негативных геополитических сценариев может привести не только к виртуальной дезинтеграции, но и к реальному внутреннему разлому по, условно говоря, Днепру. Все еще актуальный вопрос о федерализации унитарной Украины и не менее болезненный вопрос о статусе русского языка как втором государственном отражают уязвимость ее геополитического положения в Восточноевропейском Пограничье. Оставаясь там и дальше, она всегда может быть «раздавленной» неповоротливыми и медлительными, но сильными «слоном»-ЕС и «медведем»-Россией.

Пограничье в контексте современных международно-политических процессов

Ситуация Беларуси, Молдовы и Украины (Приграничья Европы, или Приграничья Евразии) вписывается в те международные процессы, которые начались после 1991 г. Появление отдельных географических и политических пространств-регионов после краха биполярной системы международных отношений определяет два противоположных по своим конечным результатам процесса – глобализацию и фрагментацию мирового пространства. Регионализация международных отношений занимает особое место в спектре общемировых процессов и в практическом проявлении весьма неоднозначна. В научной литературе существует несколько теоретических подходов в определении регионализма как политического явления. Основная дилемма в научно-методологическом плане заключается в том, что в регионализме объективно существуют два противоположных начала: объединение государств в определенных географических рамках и обособление той или иной группы государств от других государств или от сообщества государств как единого целого⁶. В значительной степени это и создает проблему оптимального сочетания универсального и регионального, тем более что сосуществование этих тенденций (объединительной и разъединительной) свойственно как ряду региональных государств, так, в частности, и межсистемным объединениям⁷. Отталкиваясь от подобных противоположных тенденций, можно выделить, по крайней мере, три подхода к определению места регионализма в современных международных отношениях.

Как отмечает польский исследователь Л. Зубликевич, регионализм представляет собой «среднеуровневый подход к решению проблем, находящийся между радикальными унитаризмом и универсализмом»⁸. По мнению Я. Кларка, заместителя директора Центра международных исследований Кембриджского университета, «ре-

гионализм трудно расположить в спектре между фрагментацией и глобализацией. В отличие от националистической фрагментации, регионализму присуща определенная степень многосторонности и интеграции. А в отличие от глобализации ему характерна тенденция к созданию региональных блоков, что усложняет вынесение вопроса о создании глобалистских институтов на повестку дня».⁹ Третий подход, выработанный такими исследователями, как Гэмбл и Пэйни, представляется, на наш взгляд, наиболее верным: современный регионализм должен определяться «скорее как шаг в сторону глобализма, чем как альтернатива ему»¹⁰.

Однако появление Восточноевропейского Пограничья в том виде, в котором оно существует со времен Беловежских соглашений, не привело к формированию устойчивой системы межгосударственных отношений в треугольнике Украина – Молдова – Беларусь. Если восточноевропейское Пограничье еще долго будет существовать как географическая и культурная константа, то с геополитической точки зрения оно рано или поздно окажется размытым глобализацией. Дело в том, что в отношениях Беларуси, Украины и Молдовы нет общего интереса, основанного на схожих стратегиях, которые развивали бы идею «объединения государств в определенных географических рамках и обособления той или иной группы государств от других государств». Поэтому тут и не произошло образования региональной организации с общими интересами, подобной ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). Беларусь во внешней политике ориентируется на Россию и не оставляет идею политической и экономической интеграции в рамках Союзного государства. Украина, как уже отмечалось, пытается реализовать (другое дело, успешно или нет) свой внешнеполитический вектор на интеграцию в западные политические, экономические и военно-политические структуры. Молдова, имея европейские амбиции, находится под угрозой дезинтеграции в связи с «приднестровской проблемой» и является объектом активной внешней политики России, с одной стороны, и Румынии, с другой, что деструктивно влияет на выработку единого стратегического курса развития. Между прочим, непризнанная Приднестровская Молдавская республика тоже является субпродуктом Восточноевропейского Пограничья с его характеристиками разносторонней нестабильности, и в случае ее отделения от Молдовы (в качестве независимого субъекта или в составе Украины или России) мы сможем говорить о «расширении» Пограничья.

Безусловно, существует и целый ряд общих характеристик, которые объединяют Минск, Киев и Кишинев в решении схожих проблем постсоветского развития, но их явно мало для превращения Восточноевропейского Пограничья в устойчивую политическую систему-регион. Нельзя сказать, что вовсе не предпринимаются попытки стратегического сближения как на межгосударственном, так и на общественно-политическом уровнях. Но поскольку ни одно из этих государств не является центром силы, то попытки «дружить» против кого-то¹¹ и координировать свою внутреннюю и внешнюю политику на этой платформе разбиваются о разные стратегические курсы. Даже спорадическое сближение Беларуси и Украины

на фоне общей энергетической зависимости от России не имеет серьезной перспективы для обеих держав, предпочитающих решать свои вопросы с Москвой один на один.

Таким образом, рано или поздно возможная интеграция Молдовы, Украины или Беларуси в западное или евразийское цивилизационное пространство поставит вопрос об интеграции (но не обязательно институализации) всего восточноевропейского Пограничья в системы более высокого порядка. Но до тех пор пока этого не произойдет, Восточноевропейское Пограничье будет ассоциироваться с той «серой зоной», которая возникла после дезинтеграции СССР на просторах СНГ и в которую сегодня входят пока еще нестабильные Украина, Беларусь и Молдова. Оказавшись исключенными из первой волны активной фазы интеграционных процессов, завершившейся для многих стран Центральной и Восточной Европы членством в ЕС и НАТО, Украина, Молдова и Беларусь оказались на геополитическом «распутье», которое диктовало логику возвращения в Евразию. Не случайно противники и критики курса на вступление Украины в ЕС из числа сторонников реинтеграции Украины в единое экономическое, а в перспективе и политическое пространство с Россией отмечают, что незачем унижительно напрашиваться туда, где никто Украину не ждет, и тем более игнорировать братское государство, которое ждет Украину с распростертыми объятьями уже сегодня.

Кроме того, «оторвавшись» от Евразии в лице России и не присоединившись к Европе, восточноевропейское Пограничье оказалось на границе двух крупных географических пространств, для которых сегодня снова актуальным является вопрос делимитации своих собственных границ. Здесь будет уместно сослаться на авторитетное мнение Р. Уокера, который полагает, что все ключевые проблемы современных международных отношений упираются в регулятивную по своей природе категорию границы: «Мы находимся здесь, вы – там, они – еще где-то. Мы можем впустить вас к себе, а они будут отосланы домой. Каждый должен знать свое место, не только в иерархиях статусов, классов и социальных порядков, но и в территориальном пространстве»¹². Так, расширившийся в 2004 и 2007 гг. ЕС закрыл для Украины ранее открытые «безвизовые» границы с ее западными соседями по Центральной и Восточной Европе. Кроме того, в 2003–2004 гг. ЕС разработал Европейскую политику добрососедства, в результате которой Украина оказалась *соседам* Европы. Экс-министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк, критикуя пассивность ЕС по отношению к Украине, в марте 2007 г. отметил, что Европейская политика добрососедства, которая предлагается сегодня Украине, по определению является неверной, поскольку такой можно называть политику, которая касается соседних с Европой стран¹³. Транслитерация отношения ЕС к Украине через политику добрососедства «как бы исключает» Украину из Европы, которая по определению является ее географической частью. К тому же попытка выдвинуть на концептуальном уровне Украину за рамки Европы и отказ предоставить стране европейскую перспективу не способствуют повышению авторитета ЕС в Украине и объективно

толкают Киев в объятия Москвы. Как, впрочем, и посягательства отдельных российских политиков на территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины толкают ее и в НАТО, и в ЕС.

«Вакуум силы», возникший после 1991 г. в независимых государствах, провоцирует региональные сверхдержавы к агрессивной политике по отношению к Восточноевропейскому Пограничью. В связи с этим Украина не может не учитывать вызовы и риски своей безопасности, которые исходят из центросилового противостояния России, НАТО, США, ЕС, энергетических ТНК и т.д. для национальной и региональной безопасности. Попытка превратить Восточноевропейское Пограничье в своеобразный межевой знак, эдакую новую постбиполярную «Берлинскую стену» из живых государств явно идет вразрез с представлениями о национальных интересах этих стран. Но пограничье – это скорее не стена, которая возвышается над Востоком и Западом, а овраг, куда попали украинцы, белорусы и молдаване и из которого нужно выбираться как можно быстрее. Какой «склон» выбрать, для того чтобы выкарабкаться – это уже личное дело каждого.

Вместе с тем странам Восточноевропейского Пограничья следовало бы рассматривать себя не как объект преломления внешних «центров силы», а самим конструировать свой путь развития, выбирая наиболее подходящий для этого вектор. Украина уже делает решительные внешнеполитические шаги, которые, правда, замедляются действиями финансово-промышленных группировок, именующих себя политической и экономической «элитой» страны и находящихся в постоянной борьбе за власть и собственность друг с другом.

Внешняя политика Украины: в поисках своего «Я»

Дискуссия о роли и месте Украины в современных международных отношениях отражает особенность становления молодого независимого государства. Она напрямую связана с болезненным процессом превращения Украины из объекта международных отношений в его субъекта. К концу XX в. формальная внешнеполитическая правоспособность Украины вышла за рамки своеобразной «ролевой игры» времен Советского Союза (напомним, с 1944 г. в советской Украине действовал Наркомат иностранных дел УССР, страна являлась одним из государств-основателей ООН, с 1958 г. она имела Постоянное представительство при ООН и т.п.). К 1991 г. сформировались определенные условия для реализации украинской государственности не только в советском пространстве, но и на внешней арене («перестройка», принятие Верховным Советом УССР 16 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Украины, окончание «холодной войны» и т.д.). После провозглашения Акта независимости 24 августа 1991 г., подтвержденного всеукраинским референдумом 1 декабря 1991 г., Украина начала движение от внешнеполитической правоспособности к внешнеполитической дееспособности.

Превращение Украины в равноправного субъекта международных отношений и respectable актора постбиполярной системы было сопряжено с поиском своей «проукраинской» роли как на региональном, так и субрегиональном уровне. Этот процесс продолжается и сегодня. На наш взгляд, для любого государства поиск своей роли на международной арене – это попытка выхода из той предопределенности, в которую оно попадает в силу разнообразных причин (войны, революции, социальные кризисы, политика сверхдержав и т.п.). При этом в случае с Украиной сами интересы не меняются (стремление к сохранению независимости и суверенитета, территориальной целостности, стабильной системе безопасности и экономическому процветанию). Меняются лишь инструменты их достижения (выбор вариантов интеграционного развития), что, впрочем, меняет не столько содержание интересов, сколько их смысл.

После 1991 г. роль и место Украины на постсоветском и евроатлантическом пространствах были предопределены самим фактом геополитической дезинтеграции СССР. Как следствие, Украина приобрела не только новое политическое качество, но и унаследовала старые формы ведения политических дел, далекие от демократических. К этому необходимо добавить экономическую зависимость от России, де-факто общую систему безопасности со странами СНГ и, конечно, исторический комплекс «младшего брата». Фактически с 1991 г. история уже независимой Украины развивалась по инерции (в отличие от стран Балтии, например). Инерционность поддерживалась постсоветским синдромом партийно-кланового мышления, которое за текущими тактическими задачами не смогло увидеть стратегическую цель развития украинского государства.

Только в 2004 г. обществу стало понятно, что посттоталитарная инерционность завела Украину в тупик. На следующих, беспрецедентных в Украине президентских выборах, где общество голосовало скорее не «за» конкретного политика, а «против» старого политического режима, был поставлен вопрос о новой роли страны в Европе и в мире. При этом сама по себе постановка вопроса о новой политической роли Украины возвращала страну в период 1989–1991 гг., когда эта новая роль, в противовес инерционной, и должна была определять стратегию развития государства. Сегодня Украина все еще находится на этапе политического самоопределения, свойственном периоду «бархатных революций» стран Восточной Европы 1989–1990 гг., когда произошла фундаментальная переоценка их места и роли на континенте. Украина фактически затянула этот процесс переоценки на шестнадцать лет, но зато сегодня она может по достоинству оценить и использовать достижения своих центральноевропейских соседей, значительно дальше продвинувшихся по пути демократических и цивилизационных преобразований.

Тест «вестернизацией»

Украина имеет достаточно исторических оснований, чтобы претендовать на повторение успешного пути политической и экономической трансформации своих непосредственных западных соседей. Возможность перцепции как западного опыта, так и западных демократических ценностей у Украины достаточно высока. По мнению известного украинского историка, профессора Львовского национального университета имени Ивана Франко Я. Грицака, называющего Украину «дочерью Европы», она, «как и Польша, географически и исторически была страной, непосредственно граничащей с Западом. А поэтому здесь западные влияния имели раннюю природу... Более того, без этого влияния Украина вообще бы не возникла... Украина является продуктом вестернизации... самым прозападным восточно-христианским пространством...»¹⁴. Р. Шпорлюк подчеркнул исторически свойственную Украине «европейскость» даже в контексте российского фактора, который в определенные периоды общей истории не только не противоречил формированию европейского духа у украинцев, но и укреплял его. Особенно заметно это было в конце XVIII в. в период правления Екатерины II, когда, по понятным причинам, превалировала европейская ориентация самой России. По мнению Р. Шпорлюка, «украинцы “русифицировались” еще и потому, что для них это был способ стать европейцами»¹⁵.

Кстати, сегодня идея движения в Европу с Россией для определенной части украинского общества может выглядеть достаточно логичной на фоне воспоминаний о нашей «общей европейскости». Но при этом следует отличать сам процесс приближения к европейским демократическим стандартам от институциональной интеграции в Европейский Союз. Для Украины оба эти приоритета являются неотъемлемой частью стратегического курса. А вот российская действительность не переключается с историей периода Екатерины Великой, и Россия (при всей спорности этого тезиса) сегодня уже не «идет в Европу» даже через углубление демократии, не говоря о ее принципиальном отмежевании от ЕС.

Естественно, сравнение современной Украины, одной из основательниц СССР, со странами Центральной и Восточной Европы не совсем корректно ввиду того, что эти страны хоть и были социалистическими, но все же имели свой политический суверенитет и не стояли перед геополитическим выбором дальнейшего пути развития. А Украина даже не смогла повторить путь Литвы, Латвии и Эстонии, которые сыграли особую роль как в дезинтеграции СССР, так и в новом обустройстве восточноевропейского пространства. Тем не менее сократить расстояние между более «продвинутыми» восточноевропейскими демократиями возможно, но лишь в случае успешного воплощения в жизнь новой политической модели.

Переломным моментом в пересмотре внешнеполитической роли Украины стала так называемая «оранжевая революция». Она превратила Украину из страны, «без которой Россия не сможет стать империей»¹⁶ и родины Чернобыля в страну, которая интересна миру сама по себе. Как отмечает Я. Грицак, главное отличие Украины

от Беларуси и России «заключается собственно в степени западного влияния. Когда вестернизация затрагивает не только верхушку просвещенной элиты, как, скажем, в России, а все общество от самых низов в ежедневной жизни»¹⁷. Что и произошло с украинским обществом в 2004 г., когда родилась украинская политическая нация. По мнению Я. Грицака, то, «что произошло в 2004 году, на самом деле было тестом для Украины: принадлежит ли она к западной сфере практически или только риторически».¹⁸ Исходя из перманентного политического кризиса в Украине в связи с незавершенностью «революционного процесса» (о чем свидетельствуют президентско-премьерские войны 2006–2007 гг., приведшие к досрочным выборам в парламент Украины 30 сентября 2007 г.), тестирование Украины продолжается и по сей день. Кроме того, параллельно с тестом на «вестернизацию» страна тестируется на «россификацию» (готова ли Украина выйти из политической, экономической и энергетической сферы влияния России).

Тем не менее «оранжевая революция» позволила Украине выйти на уровень международных отношений уже не в качестве объекта, а в статусе одного из главных субъектов европейских политических процессов. «Оранжевую революцию» можно сравнить с падением Берлинской стены. Украина открылась миру как совершенно новый актер постсоветского пространства. И дело не только в том, что украинский президент стал желанным гостем на Западе и были отменены въездные визы в страну для определенной категории иностранных граждан – был осуществлен прорыв в глобальное информационное пространство. Медийный, а значит, и политический интерес к Украине в иностранных СМИ возрос на несколько порядков, что проявилось и в качественно ином уровне материалов о стране. Безусловно, Украина может и должна использовать глобальное информационное поле для пропаганды своей новой политической роли как минимум на просторах СНГ. Не случайно некоторые лидеры этих стран увидели в «оранжевом» примере Украины определенную угрозу для собственной политической системы¹⁹, что подчеркивает наличие качественно новой политической роли Украины.

«Украинский феномен» на определенное время стал ключевым в европейских и евразийских отношениях. В связи с этим был поставлен вопрос о более интенсивном участии Украины в евроатлантических и евроинтеграционных процессах.

«Дилемма безопасности» как основной фактор определения внешнеполитической стратегии Украины

После «оранжевых» трансформаций Украина не могла не оказаться вовлеченной в новый виток глобального соперничества. Запад и непосредственно США были заинтересованы в торможении российских амбиций на пути возвращения статуса сверхдержавы, а Россия стремится стать реформированным, но реальным наследником СССР не только в границах постсоветского пространства. Обе стороны

пытаются расширить свою позицию, в том числе и за счет украинских интересов. Естественно, все это не способствует укреплению украинских позиций, особенно в ситуации отсутствия коренных внутривластных и социально-экономических реформ в самой Украине.

В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы и стран Балтии, Украина не могла демонстрировать агрессивную антироссийскую политику, чтобы создать заметную политическую дистанцию между Киевом и Москвой в пользу европейской интеграции как гаранта своей независимости. Находясь в экономической зависимости от России и имея с ней самую длинную общую границу из всех соседних держав, Украина в начале 1990-х гг. могла лишь укреплять политическую независимость от России на двустороннем уровне и в рамках СНГ. Кроме того, Запад и сам не очень-то спешил удовлетворять украинские потребности ни в инвестициях, ни в политической поддержке.

Поэтому Украине было необходимо проводить взвешенную международную политику, чтобы не настроить Россию против себя, развивая тесные отношения с Западом. Иначе говоря, было важно не утратить необходимую политическую и экономическую поддержку с обеих сторон.

В истории страны было немало примеров, когда Украина успешно пользовалась непростым геополитическим положением, пребывая в тисках более сильных держав. Вспомним пример эффективной внешней политики одного из наиболее авторитетных предводителей Войска Запорожского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного в начале XVII в. Понимая всю значимость возросшей силы запорожских казаков, Речь Посполитая и Московское государство не прочь были союзничать с тогда уже грозным Запорожьем. Этим и воспользовался Петро Сагайдачный, включившись в геополитическую игру своих соседей. Стремясь добиться большей самостоятельности Запорожья, Сагайдачный заигрывал то с Москвой (одарившей его войско деньгами и тканями), то с Речью Посполитой, от которого он добился увеличения казацкого реестра в три раза – с одной до трех тысяч²⁰. Залогом такой во многом эффективной политики стала ориентация не на российский, или польские интересы, а на сугубо украинские. Не случайно имя Конашевича-Сагайдачного вписано золотыми буквами в историю Украины как выдающегося политического деятеля, который немало сделал для национального возрождения украинской государственности и культуры.

Украина с самого начала своего политического возрождения остановила свой выбор на нейтралитете, провозглашенном в Декларации о государственном суверенитете от 16 июля 1990 г. и подкрепленном законом «Про оборону» от 6 декабря 1991 г. «Многовекторность» и стратегическое партнерство с различными геополитическими акторами заложили основу внешнеполитического курса Украины. Защищая свои интересы в переговорах с Россией, США, НАТО, ЕС, ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Украина превращалась в заметного субъекта международных отношений. Но уже очень скоро стало понятно, что, не имея необходимых политических, эко-

номических и дипломатических ресурсов, Украина не может успешно защищать свои интересы сразу на нескольких направлениях. И хотя идея нейтралитета все еще широко дискутируется в политических кругах Украины (например, 10 июня 2004 г. в Верховной Раде был даже предложен законопроект о государственном нейтралитете Украины²¹; эта идея оказалась достаточно популярной и в период выборных кампаний как 2004, так и 2006 г.²²), эволюция внешней политики Украины свидетельствует, что на протяжении всего периода независимости Украина не смогла оставаться нейтральной. Но что еще более важно, в силу объективных причин она не сможет придерживаться реального нейтралитета и в будущем (глобализация, слабая энергетическая безопасность, незавершенность демократических процессов и политической трансформации, новые вызовы национальной и международной безопасности, с которыми в одиночку уже не справиться, и т.д.). Все это вместе требовало выбора основного (фактически одного) стратегического вектора развития.

Когда политика «многовекторности» начала давать сбой, метание между Россией и Западом сделалось системным для Украины в решении «дилеммы безопасности». С 1994 г. начинается постепенный отход от намерения закрепить нейтральный статус и берется курс на идентификацию Украины как европейской державы. Чему свидетельство и Конституция Украины, принятая 28 июня 1996 г., где фиксируются демократические нормы европейского образца и отсутствует даже упоминание о нейтралитете. Вместе с тем предпринимаются первые попытки приобщения к евроатлантической интеграции уже через принцип внеблоковости – на уровне двусторонних договоренностей (например, подписание Договора о партнерстве и сотрудничестве с ЕС в 1994 г. и Хартии об особом партнерстве с Североатлантическим альянсом в 1997 г.). Напомним, что к моменту подписания Договора с ЕС и приобщения к программе НАТО «Партнерство во имя мира» в 1994 г. (Украина первой из стран СНГ присоединилась к этой программе) вопрос о подписании широкомасштабного политического Договора о дружбе и сотрудничестве с Россией только обсуждался, все время отодвигаясь в будущее из-за невозможности решить проблему Черноморского флота и Севастополя. Становилось все более очевидно, что сложность выбора между Западом и Россией прежде всего обусловлена геополитической двусмысленностью самого украинского общества. Но в любом случае этот выбор будущего нужно было делать от имени всей украинской нации.

«Внешинополитические зигзаги» Украины в условиях бифуркального Пограничья

Эволюция внешней политики в середине 1990-х гг. не прошла даром и дала конкретные результаты. В период 1998–2004 гг. происходит официальное провозглашение стратегической цели Украины по вхождению в универсальные и региональные системы безопасности и сотрудничества через вступление в ЕС и НАТО. 11

июня 1998 г. указом № 615 президент Украины Леонид Кучма утвердил Стратегию интеграции Украины в ЕС, а 23 мая 2002 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение присоединиться к НАТО. Уже 10 июля 2002 г. президент Украины Леонид Кучма подписал указ о намерении Украины вступить в НАТО.

Курс Украины на евроатлантическую интеграцию был расценен в России, прежде всего, как конкретный шаг «против» России, а не как формальный и достаточно неуверенный шаг Украины «навстречу» Североатлантическому альянсу. Некоторые российские СМИ в этих решениях Украины увидели «стратегическую измену»²³, которая вернула ситуацию к началу XVIII в., когда подобные отношения сложились между «петровской» Россией и гетманской Украиной.

Напомним, тогда гетман Левобережной Украины Иван Мазепа, в начале Северной войны со шведами воевавший на стороне русского царя Петра Первого, позже перешел на сторону противника. Таким образом князь Иван Мазепа, кавалер ордена Андрея Первозванного, действительный тайный советник, самый богатый человек Украины, считавшийся до измены одним из ближайших друзей Петра Первого, пытался противостоять планам ликвидировать казачество как сословие и основу украинской нации (этот план российского государя был только отсрочен Северной войной).

В отношениях Украины с ЕС и НАТО началось плотное взаимодействие на институциональном уровне. Украина переименовала свое Министерство экономики в Министерство экономики и европейской интеграции, ввела миротворческий контингент в Ирак в знак солидарности с США и их европейскими союзниками в борьбе против международного терроризма, подготовила проект нефтепровода Одесса – Броды в рамках нацеленного на ЕС энергетического проекта Одесса-Броды – Гданськ... Даже конфликт с Россией по поводу Тузлы в 2003 г. сигнализировал Брюсселю и Вашингтону о надеждах Украины на адекватную реакцию со стороны западных партнеров. Но время шло, а ожидаемых движений со стороны Запада не было, впрочем, и сам Киев не спешил с подачей заявки на вступление ни в НАТО, ни в ЕС. Как вскоре стало понятно, Киев определялся, Запад выжидал, а Россия действовала. К тому же внутривластная ситуация накануне президентских выборов диктовала политической власти необходимость принесения в жертву прозападного внешнеполитического курса Украины с целью сохранения своих властных позиций в державе. Текущий политический момент и всесторонняя политическая поддержка северного соседа оказались более важными, чем пассивная позиция Запада.

Среди наиболее резонансных индикаторов смены курса украинской властью отметим следующие: 19 сентября 2003 г. было принято решение о присоединении к ЕЭП, новая Военная доктрина Украины от 15 июля 2004 г. исключала возможность присоединения к НАТО и ЕС, нефтепровод Одесса – Броды был переориентирован на российскую нефть в реверсном режиме, уже не говоря о том, что Россия где только можно поддерживала пророссийского кандидата Виктора Януковича накануне первого и второго тура президентских выборов 2004 г. Фактический отказ

от стратегического курса на европейскую и евроатлантическую интеграцию подкрепился недвусмысленным заявлением президента Украины Леонида Кучмы 29 июня 2004 г. на Стамбульском саммите НАТО о неготовности Украины стать членом НАТО²⁴, и на саммите Украина – ЕС в Гааге, где он же 8 июля 2004 г. заявил о том, что Украина пока не готова вступить в ЕС²⁵.

Такая достаточно резкая смена курса не осталась незамеченной на Западе. Например, решение Украины про реверсивное использование нефтепровода Одесса – Броды было воспринято в Польше как отказ Украины от присоединения к европейской интеграции²⁶. А подписание Украиной договора с ЭП Брюссель расценил как отступление Украины от ЕС²⁷. Политическое сближение Украины с Россией в 2003–2004 гг. настолько обеспокоило Запад, что в октябре 2004 г. прозвучала целая серия признаний стратегического характера в отношении Украины.

После прохладных заявлений Романо Проди, тогда еще президента Европейской Комиссии, по поводу перспектив членства Украины в ЕС²⁸, бывший министр иностранных дел Австрии Бенита Ферреро-Вальднер во время своего утверждения на должность комиссара ЕС по вопросам внешних связей и политике добрососедства 5 октября 2004 г. подчеркнула, что ЕС должен быть заинтересован, чтобы Украина не попала в сферу российского влияния, поскольку Россия идет в противоположном от демократии²⁹ направлении. Соединенные Штаты также проявили свою озабоченность. Пол Вульфовиц, тогда еще первый заместитель министра обороны США, на встрече с польскими студентами в Варшаве 6 октября 2004 г. отметил, что цель создания единой Европы не будет достигнута до тех пор, пока к НАТО не присоединится Украина³⁰. По его мнению, США были обязаны уделять больше внимания Украине. «НАТО должно протянуть руку Украине и дать ей членство, в конце концов», – добавил он³¹. В свою очередь Польша и еще десять стран-членов ЕС во время встречи 10 октября 2004 г. попросили ЕС предоставить Украине европейскую перспективу для того, чтобы держать Украину поближе к ЕС³². К сожалению, подобные позитивные сигналы со стороны Запада звучат лишь тогда, когда Украина сближается с Россией, но их совсем не слышно в то время, когда Украина сама ищет контактов с Западом.

«Секьюритизация» Пограничья: между «жесткой» и «мягкой» безопасностью

Без преувеличения можно сказать, что реализация внешнеполитического процесса в Украине напрямую связана с вопросами национальной и международной безопасности. Поэтому дискурс бифуркальности и «зигзагообразности» внешней политики Украины выходит далеко за рамки научного или околонуучного обсуждения квазифилософских проблем. Он непосредственно касается прикладных задач безопасности общества и государств как в пространстве восточноевропейского

Пограничья, так и на его сопредельных мегапространствах. Более того, этот дискурс включает в себя как проблемы сохранения целостности этих мегапространств, так и их однородности. Между тем «нет ничего более характерного для распада структур, нежели постоянное ощущение опасности»³³. Проблема «обезопасивания» как внутри, так и вне восточноевропейского Пограничья осложняется еще и тем фактом, что в современных условиях безопасность понимается значительно шире, чем связанная с ней традиционалистская «жесткая» трактовка, предопределяющая примат военной силы. Трансформация угроз с их постепенным сползанием с глобального на региональный и локальный уровни заставила мировое сообщество искать принципиально иные методы защиты государственных границ и граждан и все чаще заниматься «мягкой» безопасностью.

Под «жесткой», фактически военной безопасностью обычно понимается такое состояние безопасности, «когда суверенитет национального государства не подвергается угрозам военного характера, или, по крайней мере, государство способно защитить свой суверенитет. Основным фактором безопасности признается обороноспособность государства»³⁴.

Такой вид государственной безопасности преимущественно был характерен для периода «холодной войны», хотя он по-прежнему остается актуальным в тех регионах мира, где сохраняется опасность силового столкновения на межгосударственном уровне с применением военных средств ведения борьбы. То есть там, где сохраняется источник возникновения традиционной войны. О «мягких» угрозах безопасности в Европе заговорили в середине 1990-х гг. в связи с тем, что угроза прямого военного столкновения между европейскими государствами отошла на второй план. А на передний план выходит обеспечение безопасности в контексте главного права человека – права на жизнь.

Как отмечает российский исследователь проблем безопасности профессор А. Макарычев, «концепт “мягких” (то есть негосударствоцентричных) форм безопасности основан на убеждении в том, что “безопасность лежит в основе нашего индивидуального и коллективного существования”. В отличие от сторонников «жесткой» трактовки безопасности, их оппоненты полагают, что суверенитет – это источник опасностей, поскольку борьба за него традиционно лежала в основе войн между государствами. Благодаря влиянию школы конструктивизма произошло постепенное расширение сферы и форм безопасности – появились такие формы как “географическая”, “гендерная”, “культурная”, “психологическая”, “этническая”, “лингвистическая” и т.п. И все же соотнесенность безопасности с публичной политикой наиболее очевидно проявляется в “человеческой безопасности” (human security). Она базируется на помещении человека или коллектива (но не института) в основной референтный объект безопасности, который в результате принимает социетальный характер. К такому пониманию очень близка «гражданская безопасность» (civic или civilian security) и «всеобъемлющая безопасность» (comprehensive или overall security)»³⁵.

Среди наиболее деструктивных угроз безопасности в условиях глобальной международной системы, не признающей ни границ, ни наций, ни идеологий, выделяются: нелегальная миграция, торговля людьми, контрабанда наркотиков, оружия, химикатов, радиоактивных веществ, подделка и распространение медпрепаратов и алкогольных напитков, деятельность международной организованной преступности, внутренний и международный терроризм, информационный терроризм, этническая преступность, последствия техногенных и экологических катастроф, футбольный хулиганизм и многое другое. Вот эти «мягкие», в основном нетрадиционные угрозы и сформировали проблемы национальной системы безопасности после 1991 г.

Концептуальная разница между «традиционными», «жесткими», и «нетрадиционными», «мягкими», угрозами безопасности, прежде всего лежит в плоскости восприятия агентов и контрагентов угроз. «Жесткие» угрожают таким идеальным понятиям, как «национальная безопасность», «национальные интересы», «внешняя политика», «баланс сил» и т. п. «Мягкие» в большей мере имеют дело с «личной безопасностью», «персональными интересами», «правами человека», «семейными ценностями». «Жесткие» угрозы обезличены, имеют общий характер и ассоциируются с термином «война» в традиционном понимании. Они направлены не против конкретно мистера Смита, мистера Ли или мистера Иванова (как говорится: «ничего личного»), но против народа, идеологии или государственной системы в целом (кстати, Саддам Хусейн, который лично символизировал государственный режим и систему, может быть исключением из этого правила). «Мягкие» угрозы, наоборот, избирательны и персонифицированы. Они, как правило, связаны с покушением на жизнь и личную безопасность в широком смысле этого слова. К тому же здесь объектом угрозы может быть как отдельный человек, так и группа лиц, которые лично не несут ответственности за акты агрессии, направленные против них. «Жесткие» угрозы случаются как вследствие незапрограммированных причин (например, экологическая катастрофа), так и по сугубо субъективным действиям отдельных носителей таких угроз (например, деятельность международной организованной преступности). Но несмотря на концептуальную разницу, «жесткие» и «мягкие» угрозы одинаково касаются национальной безопасности как универсального концепта, объединяющего государственную и персонально-общественную составляющие безопасности.

Процесс реформирования и усиления национальных армий, трансформация военно-политических блоков, создание новых структур быстрого реагирования – это только внешние проявления формирования новой парадигмы функционирования современной системы международной безопасности. Она должна учитывать весь комплекс угроз «жесткой» и «мягкой» безопасности. Несмотря на то что Восточноевропейское Пограничье не имеет общей политической системы, оно не лишено отдельных признаков структурности. Внешняя политика Украины, Молдовы и Беларуси проблематизирует вопрос об «опасности» в пограничье (а также

в сопредельной Европе) и, как следствие, о его «секьюритизации». Под секьюритизацией (термин разработан представителями копенгагенской школы в рамках конструктивистской теории международных отношений) понимается превращение того или иного объекта в референт дискурса безопасности³⁶. Восточноевропейское Пограничье вбирает в себя целый комплекс проблем, уже упомянутых выше, которые делают его референтом такого дискурса. В этом отношении оно является реципиентом всевозможных угроз, исходящих из внешней среды и, в свою очередь, представляет и «продюсирует» угрозу для нее. Более того, именно здесь сохраняется благодатная почва для процветания «жестких» и «мягких» угроз безопасности.

На наш взгляд, Украина в обеспечении своей национальной безопасности прежде всего должна учитывать тот факт, что Восточноевропейское Пограничье оказалось между ЕС и Россией, то есть между пространствами, где, с одной стороны, преобладают уже «мягкие», а с другой – все еще «жесткие» подходы к определению угроз и, соответственно, обеспечению защиты от них. Сегодня ЕС смотрит на Украину как на источник «мягких», по крайней мере, не военных угроз для себя. Когда советская военная угроза исчезла, на первое место в повестке дня встали проблемы «мягкой» безопасности, проистекающие из слабости государств Центральной и Восточной Европы как результат десятилетиями длящегося коммунистического хаоса³⁷. Вместе с тем в 1990-е гг. стремление стран Центральной и Восточной Европы как можно быстрее интегрироваться в НАТО и ЕС во многом было связано с желанием как можно дальше дистанцироваться от Москвы и обеспечить себе «жесткую» безопасность от России, укрывшись за военным щитом НАТО и «ядерным зонтиком» США. В результате всех этих трансформаций Украина попала в «серую зону», где обкатываются стратегии военной и оборонной политики НАТО, США и России в контексте их глобального противостояния.

Пограничье между Западом и Россией: Украина как транзитирующая страна на Границе

Пребывание между Западом и Востоком – это серьезная проблема, но одновременно и оптимистическая возможность для восточноевропейского Пограничья. Украине еще предстоит проделать долгий путь в достижении баланса между преимуществами своего географического местоположения и геополитическими рисками. Дело в том, что, несмотря на ряд актуальных проблем «внутри» Запада, сигнализирующих о появлении линий разлома общей идентификации (непростые отношения между США и ЕС и, как следствие, раскол Европы на «старую» и «новую», трансформация НАТО и попытка ЕС играть собственную роль в сфере безопасности, «многоликость» самого ЕС), новые угрозы, а также разочарование в «путинской» России и непредсказуемость ее развития в «постпутинский» период после президентских выборов 2008 г. заставляют Запад консолидироваться на долгосроч-

ную перспективу. В этой связи стержневым элементом консолидации становятся общие ценности и принадлежность к единому цивилизационному пространству. Ситуация актуализирует вопрос о делимитации и демаркации границы даже не столько материальной, сколько ценностной, цивилизационной с определением «своих» и «чужих», порядка и беспорядка (примерами построения стен на границе в прямом смысле этого слова служат Великая китайская и Берлинская стены, стена, возводимая Израилем на отдельных участках границы с Палестиной, а США – по мексикано-американской границе; в сентябре 2007 г. Саудавская Аравия также заявила о намерении построить «стену безопасности» на всем протяжении границы с Ираком³⁸). Существует опасение, что ЕС тоже «идет в сторону модели пространственной организации, известной как «gated community» или «отгороженное сообщество», предполагающее выстраивание – в той или иной форме – стен между «своими» и «чужими», «нашими» и «не нашими»³⁹. В этой связи уместно вспомнить С. Жижека, который через концепцию «Большого Другого» точно определил вызовы безопасности странам, находящимся в «пограничном» состоянии. С. Жижек считает, что любые формы порядка неизбежно сопровождаются созданием границ, отделяющих «наших» от «чужих», вопрос стоит только в том, кто, где и как проводит эти границы⁴⁰. По мнению С. Жижека, «Большой Другой» – это синоним разрыва между нами и не-нами⁴¹, стена для тех, чей жизненный опыт радикально отличается от нашего⁴². Современному Западу нужен «безопасный забор», чтобы отгородиться от наших проблем; мы можем вступать в отношения с ним только в том случае, когда между нами существует гарантированная дистанция⁴³.

В случае вхождения России в ценностное пространство Запада (через демократические реформы) разговор о границе как о межцивилизационном размежевании потеряет свою актуальность, поскольку Запад с Россией станут «своими» друг для друга. Тогда даже без интеграции в ЕС Украина как минимум потеряет свою главную отличительную черту – быть «между», что крайне положительно скажется на ее геополитическом положении. Если же Запад и Россия останутся «Большими Другими», то страны восточноевропейского Пограничья и далее будут рассматриваться ими в качестве составляющих «безопасного забора». Не случайно именно ЕС наиболее активно артикулирует вопросы взаимодействия с Восточноевропейским Пограничьем, так как из всего Запада он наиболее близок к «Большому Другому» и больше всех подвергается как «мягким», так и «жестким» угрозам своей безопасности со стороны России.

А) ЕС – Украина – Россия. Феномен украинской «транзитности» в отношениях между Украиной, ЕС и Российской Федерацией проявляется в трех главных сюжетах: транзитная миграция (по некоторым оценкам, от 60 до 70% нелегальных мигрантов стремятся попасть в Западную Европу именно с территории Украины⁴⁴), транзитная энергетика (например, Россия поставляет в Европу более 40% газа⁴⁵) и Приднестровье (целый спектр угроз количественного и качественного характера). Кратко рассмотрим эти сюжеты.

Сюжет первый. Проникновение нелегальных мигрантов из Азии и России через восточноевропейское Пограничье и, в частности, через территорию Украины в ЕС в силу незавершенности общественно-политической трансформации в странах пограничья создает условия для такого относительно нового явления, как антропопоток⁴⁶. Нелегальная миграция и связанные с ней проблемы торговли людьми, контрабанды оружия, наркотиков с территории Украины с новой силой приобретают актуальность в контексте последнего расширения ЕС. Не случайно ЕС усиливает финансовую помощь Украине с целью укрепления границ, проводит «чистку» в рядах «не чистых на руку» пограничников и таможенников, работающих на границе с Украиной в Польше, Словакии, Венгрии, Румынии. Однако такая «обеспокоенность» представителей ЕС пограничными вопросами вовсе не однозначно положительная. С одной стороны, хорошо, что контроль приграничной территории как на западе, так и на востоке страны становится более надежным. С другой – это ужесточение контроля, ограничительного по своей сути, направлено также и на законопослушных граждан Украины, поскольку новые страны ЕС закрывают свои границы и вводят визовый режим для всех украинцев (в сентябре 2007 г. ЕС фактически в ультимативной форме потребовала от Украины отменить въездные визы для граждан новых членов ЕС – Румынии и Болгарии⁴⁷, что украинской стороной было расценено на иначе как шантаж⁴⁸). Однако куда более серьезная угроза для Украины заключается в том, что при достаточной защищенности европейских границ нелегалы все активнее будут оставаться в Украине. Для России проблема нелегальной миграции выглядит несколько иначе – антропопоток движется в направлении с относительно неблагоприятного Востока на относительно благоустроенный Запад и никак не наоборот. Поэтому и в том, и в другом случае Украина испытывает двусторонние перегрузки, а ЕС и Россия – односторонние. Еще в 2000 г. первый заместитель председателя Государственного комитета по делам охраны государственной границы Украины Павел Шишолин отметил: «Нелегальная миграция, как вид организованной транснациональной преступности, приобрела в Украине угрожающий характер. За последние полтора года Украина превратилась из страны-транзита в страну-накопитель нелегальных мигрантов»⁴⁹.

Сюжет второй. Энергозависимость ЕС от российских энергоносителей в контексте транзита заслуживает более пристального внимания, так как касается не только вопросов трансграничного сотрудничества в географической Европе, но и глобальных трансрегиональных политических проблем. Этот, казалось бы, крайне выгодный с точки зрения бизнеса транзитный фактор приобретает, к сожалению, не такое однозначное значение для Украины в связи с чрезмерной заполитизированностью энергетической проблемы. Объединенная Европа уже видит в Украине неотъемлемый фактор своей энергетической безопасности, который будет играть ключевую роль в транзите российской нефти и газа в ЕС как минимум еще 5–7 лет. Однако даже после вступления в действие «обходных» российских энергомаршрутов на севере и юге Европы значение украинского транзита не потеряет свою

актуальность в связи с увеличением потребления энергоносителей и стремлением ЕС диверсифицировать и демонополизировать свой энергетический рынок. Для ЕС значение Украины в контексте энергетической безопасности стало понятно на рубеже 2005–2006 гг., когда в отношениях между Россией и Украиной разгорелся энергетический кризис.

Конечно, и до этого момента ЕС учитывал уязвимость своего энергетического сектора, но реальное переосмысление роли и значения энергетического фактора в отношениях с Россией началось после вышеупомянутого кризиса. Определенные шаги Украины в направлении НАТО и ЕС заставили Россию прибегнуть к резкому пересмотру цен на энергоносители, после чего в Европе заговорили об энергетическом шантаже и энергетической экспансии, которая потенциально угрожает и ЕС. Тем не менее ЕС по-прежнему заинтересован в стабильности транзита российских энергоносителей через территорию Украины. Более того, он прагматически будет вести переговоры с Россией напрямую, отодвигая на второй план неэкономические вопросы в отношениях с Россией и странами Восточноевропейского Пограничья. Фактическое отсутствие у ЕС геополитических амбиций и его увлечение экономическим прагматизмом может привести к реализации наиболее неблагоприятного сценария для Украины, когда ЕС пообещает России не давать Украине европейскую перспективу и не вмешиваться в российско-украинские отношения. В свою очередь Россия будет гарантировать стабильность транзита российских энергоносителей через территорию Украины. При этом ослабление «демократического давления» на Киев со стороны ЕС может создать благоприятную среду для укрепления недемократических профилей любого политического режима, и тогда Украина окажется на стороне глобальных интересов России. Тогда мы получим следующую схему: а) ЕС укрепляет свою энергетическую безопасность и не поддерживает Киев в его стремлениях к евроинтеграции; б) Россия сохраняет Украину в своей сфере влияния, за счет чего получает дополнительные возможности восстановления своей сверхдержавности; в) недемократический режим в Украине делает акцент на теневой бизнес «под прикрытием» долгосрочных «секретных протокольных» договоренностей между ЕС и Россией.

Конечно, реалистичность такого сценария будет зависеть и от многих других факторов мировой и европейской политики. Однако его потенциальность уже несет прямую угрозу суверенитету и независимости Украины, превращая ее в объект прагматических договоренностей между ЕС и Россией. Украинский политолог В. Малинкович в свое время заметил, что Виктор Янукович своим брюссельским «антинатовским» демаршем в сентябре 2006 г. заморозил процесс интеграции в НАТО, что «даст Украине возможность получить приемлемые цены на российский газ»⁵⁰. Политическую составляющую «газового вопроса», как всегда, достаточно прямо и открыто подтвердил и посол России в Украине Виктор Черномырдин накануне досрочных выборов в Верховную Раду в сентябре 2007 г.⁵¹ «Все будет зависеть от того, кто придет, как будет вести переговоры», – подчеркнул он⁵².

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на одну из угроз всем странам Восточноевропейского Пограничья, транзитующим российский газ по своей территории. Речь идет о намерении российского газового гиганта «Газпром» актуализировать процесс передачи газотранспортной системы Беларуси и Украины под свой контроль. В этой связи недавний пример белорусско-российского газового кризиса поучителен и для Украины. Очередная «газовая атака» «Газпрома» в конце июля – начале августа 2007 г. на Беларусь (по причине долга Беларусь оказалась под угрозой снижения в два раза объемов поставки газа из России) имела целью и передел белорусской собственности. Напомним, в начале 2007 г. «Газпром» стал владельцем 12,5% акций белорусской компании Белтрансгаз, перечислив за них 625 млн дол.⁵³ Согласно подписанному в мае 2007 г. соглашению, «Газпром» в течение следующих трех лет должен увеличить свою долю в белорусской компании до 50%, покупая по 12,5% акций ежегодно⁵⁴. Таким образом, в ближайшее время газотранспортная система Беларуси фактически может перейти если не в собственность, то по крайней мере, под контроль и управление «Газпрома».

Кроме того, в начале 2007 г. белорусские власти обещали провести приватизацию крупных белорусских предприятий. Они даже гарантировали продажу почти всех крупных нефтехимических предприятий «Газпрому», ЛУКОЙЛу и другим российским промышленным корпорациям⁵⁵. Но до августа 2007 г. правительство Беларуси не объявило ни одного приватизационного конкурса⁵⁶. Поэтому «давления газом» было, вполне вероятно, инициировано российскими олигархами, чтобы подтолкнуть белорусские власти к обещанной приватизации.

В современных политических и экономических условиях потеря пресловутой «газовой трубы» и стратегических предприятий фактически означает потерю суверенитета, политической и экономической независимости. Не случайно Президент Беларуси, комментируя конфликт с «Газпромом» в дни кризиса, заявил, что Россия стремится не только бесплатно «прихватить» некоторые белорусские предприятия, но и приватизировать всю республику⁵⁷. Так или иначе, но переход газотранспортной системы Беларуси под контроль Москвы исключит ее из энергетической системы поставок газа по линии Россия – ЕС, что сделает Россию более агрессивной в переговорах с Европой.

«Белорусский» урок не должен пройти зря и для Украины, которая оказалась в схожем положении в конце 2005 г., когда Киев на себе ощутил все прелести энергетической зависимости от России. Важно понимать, что по объективным глобальным экономическим причинам цены на энергоносители, в том числе для Украины, сегодня не могут быть без причины заниженными. За это приходится платить свободой в принятии государственных решений и национальными интересами. И даже судьбами целых регионов. Британское издание Financial Times в начале августа 2007 г. отметило, что если Россия сумеет восстановить свой контроль над Украиной, манипулируя потоками энергоносителей из России и Средней Азии, то Западу будет еще сложнее поддерживать становление демократии в молодых странах Европы⁵⁸.

Но и Россия вправе устанавливать для независимой Украины рыночные цены и не дотировать чужие экономики в ущерб своим экономическим интересам. Украина обязана привыкать к среднемировым ценам на энергоносители, поскольку должна войти в мировое экономическое пространство Всемирной торговой организации как дееспособный конкурент. Только тогда утихнут разговоры об энергетическом оружии России, а в «газовых вопросах» останется лишь экономический прагматизм.

Конечно, все это возможно лишь при условии, что Россия откажется от спекуляций на тему общего исторического славянского прошлого. Об этом часто вспоминают в Кремле, предостерегая Украину от вступления в НАТО, но напрочь забывают о братской любви, когда холодной зимой грозят отключить газ, шантажируя значительным повышением цены с явным политическим подтекстом. Безусловно, для этого нужна и политическая воля украинских олигархов, которые на дешевых российских энергоносителях зарабатывают сверхприбыли в обмен на политическую и геополитическую зависимость.

Третий актуальный сюжет в треугольнике ЕС – Украина – Россия – это «замороженный» конфликт в Приднестровье на границах Украины и Молдовы. Проблема заключается в том, что само Приднестровье в качестве непризнанной республики является своеобразной «черной дырой», притягивающей и производящей как «мягкие», так и «жесткие» угрозы безопасности. Например, контрабанда товаров в этом регионе становится чуть ли не единственным источником существования людей, проживающих в приграничных районах как со стороны Молдовы и Украины, так и со стороны Приднестровья. Парадоксально, но тотальная война с контрабандой товаров в этих бедных районах может нанести гораздо больший вред и спровоцировать более тяжкие преступления, чем те, которые являются следствием самой контрабанды. У одного из современных мыслителей, Р. Дорендорфа, есть понятие «правового оазиса»⁵⁹. Эти зоны в тех географических районах, где теоретически действующее право на практике не является обязательным⁶⁰. Однако подобные «оазисы» «подрывают гражданские институты, а вместе с ними и общественные связи».⁶¹ «Бытовую» контрабанду товаров еще можно принять как данность, но нет никаких гарантий, что «правовым оазисом» в Приднестровской зоне не пользуются контрабандисты крупных партий товаров, оружия или наркотиков, контролирующего опасный трафик в Украину и страны ЕС. В связи с этим скорейший выход из Приднестровского кризиса в интересах жителей и Молдовы, и Украины, и ЕС. Не случайно Брюссель, через представительство Миссии ЕС по оказанию приграничной помощи Молдове и Украине со штаб-квартирой в Одессе⁶², в последние годы уделяет огромное внимание этой «черной дыре». Но ситуация осложняется тем, что в Приднестровье пересекаются геополитические интересы многих держав, включая и Россию, войска которой находятся там с миротворческой миссией уже более десяти лет. К тому же ЕС и Россия по-разному смотрят на будущий статус непризнанной Приднестровской Молдавской республики. Короче говоря, Приднестро-

вье – это одна из самых взрывоопасных территорий восточноевропейского Пограничья, которая может стать транзитным пунктом для «мягких» и «жестких» угроз европейской, в самом широком смысле этого слова, безопасности.

Б) НАТО – Украина – Россия. Основная проблема украинской «транзитности» в отношениях между Украиной, НАТО и Россией заключается в попытках, как НАТО, так и России, использовать территорию Украины для «транзитного» продвижения своих стратегических концепций безопасности. Как и в прежних сценариях, Украина опять попадает в «перекрестный огонь» своих соседей. К тому же материализация этих стратегий может иметь вполне прикладной характер – вплоть до размещения на территории Украины хоть и союзнических, но войск иностранных держав. В случае с реализацией стратегии НАТО – это дальнейшее расширение на Восток, вплоть до включения Украины в ряды Североатлантического альянса. С другой стороны, российское военное присутствие в Украине не прекращалось со времен существования СССР. С 1992 по 1997 г. крайне болезненно проходил переговорный процесс по поводу раздела Черноморского флота и мест его базирования. Но достигнутая договоренность об аренде Россией военно-морской инфраструктуры в наиболее удобных бухтах Севастополя до 2017 г.⁶³ может быть и не выполненной в связи с тем, что Россия не оставляет надежду сохранить свое военно-морское присутствие в Крыму и позже этого срока. К сожалению, разговоры о выводе российских военных кораблей часто переходят в плоскость политических спекуляций вплоть до угроз пересмотра Договора о дружбе и сотрудничестве двух стран от 31 мая 1997 г.⁶⁴ Последний скандальный случай по этому поводу произошел во второй половине августа 2007 г., когда советник посольства России в Украине Владимир Лысенко заявил, что в случае продолжения давления Украины на Черноморский флот РФ (возможное повышение платы за аренду) Россия может начать пересмотр договора от 1997 г., который закрепляет украинский статус полуострова⁶⁵. А по словам помощника военно-морского атташе посольства Российской Федерации Дмитрия Албузова, Россия намерена добиваться продления базирования Черноморского флота в Крыму⁶⁶. Примером подобных спекуляций с украинской стороны может служить предложение лидера Коммунистической партии Петра Симоненко сформировать на основе украинских и российских военно-морских сил общий Черноморский военный флот как альтернативу системе коллективной безопасности НАТО⁶⁷.

Судя по поведению как Брюсселя, так Москвы, перетягивание Украины из одной сферы влияния в другую не скоро прекратится, хотя в силу объективных причин Украина пока все еще входит в сферу влияния России. О чем свидетельствует и безапелляционное заявление бывшего (с 1992 по 1999 г.) первого заместителя главнокомандующего ВМФ РФ адмирала Игоря Касатонова, сделанное в июле 2007 г.: «Севастополь останется главной базой ЧФ и после 2017 года. На мой взгляд, это не подлежит сомнению, хотя договор об аренде Севастополя заканчивается именно в этом году. Этот договор будет продлен или перезаключен на новый, еще больший срок. Черноморский флот пробудет в Севастополе столько, сколько это будет необходимо для

России»⁶⁸. И это при том, что в Украине уже давно существует твердое убеждение о нецелесообразности продления срока аренды после 2017 г. «Я уже сбился со счета, сколько раз Президент Украины, министр иностранных дел Украины, министр обороны Украины, другие высокие должностные лица, которые отвечают за это направление, говорили о том, что после 2017 года никакого продолжения этого договора не будет», – заявлял первый заместитель министра иностранных дел Украины Владимир Огрызко в сентябре 2007 г.⁶⁹ Для России вопрос вступления Украины в НАТО, достаточно реальный даже в краткосрочной перспективе, выглядит болезненно со многих точек зрения, но прежде всего потому, что Украина тогда выйдет из российской «зоны ответственности».

Россия демонстрирует большую «расслабленность», когда речь идет об Украине и ЕС, поскольку ЕС, в отличие от НАТО, не открыта для Украины институционально не только сейчас, но и в обозримом будущем. Поэтому для Украины сегодня важно, чтобы Россия развивала с ней тесные экономические и политические отношения, подчеркивая неоспоримость украинского суверенитета и ее курса на европейскую интеграцию при выведении вопроса об энергообеспечении за рамки политического диалога. Когда российское доминирование не будет определяющим при принятии решения о вступлении или невступлении Украины в НАТО, тогда Киев сможет сделать выбор исходя исключительно из своих внутренних приоритетов.

Сверхдержавность в XXI в. обеспечивается не через исторические спекуляции и механистическое присоединение территорий, а путем влияния на принятие решений в реально независимых и суверенных правительствах, осознанно идущих в сферу влияния того или иного сверхдержавного центра силы, чтобы жить по тем правилам и стандартам, которые предлагает сильный центр и разделяет присоединившаяся периферия. В этом случае Украина, даже вступив в НАТО, вправе будет ставить вопрос о реализации такого сценария, при котором интересы России могут быть защищены с большей вероятностью, чем в случае Украины вне НАТО.

Например, решение проблемы военно-морского флота России в Севастополе. Согласие украинских властей продлить срок аренды и после 2017 г., в случае если Украина к 2017 г. не станет членом НАТО, будет свидетельствовать о фактической реинтеграции Украины в единое оборонное пространство с Россией. А значит, Украина должна будет отстаивать договор и вывести российский флот со своих баз к 2017 г. Однако если к этому времени Украина вступит в НАТО, то по ее просьбе альянс может согласиться с пребыванием Черноморского флота РФ на ее территории и после 2017 г., несмотря на то что устав этой организации не предполагает присутствие войск иностранных держав на территории своих стран (еще в 2002 г. генсек альянса Джордж Робертсон заметил, что вопрос об отсутствии иностранного военного формирования на территории государства, которое хочет стать членом альянса, должен решаться в отдельном порядке⁷⁰). Кстати, как было озвучено и со стороны Украины, и со стороны НАТО, пребывание ЧФ РФ на территории Украины не является препятствием для вступления Украины в НАТО⁷¹.

Пример мирного сосуществования ВМФ Украины и Черноморского флота России на территории Украины как члена НАТО (даже при отказе Украины разрешить базирование ВМФ стран НАТО на своей территории на постоянной основе) мог бы стать новым направлением построения общей системы безопасности в Евроатлантическом регионе. При реализации такого сценария Украина впервые получила бы шанс сделать не только самый важный в истории ее современной внешней политики дипломатический ход, но и сама, пусть на некоторое время, стала центром силы, в высшей мере реализовав свою акторскую субъектность. Если подобный сценарий считать априори нереалистичным и даже наивным, тогда мы вынуждены будем признать, что за Украину и далее будет вестись геополитическая война, а значит ей не обойтись без стратегического партнера, что безальтернативно предполагает существование «чужого» и возможной угрозы, исходящей от него.

В) США – Украина – Россия. Отношения между Украиной, США и Россией затрагивают глобальный уровень взаимодействия мировых центров силы. Среди прочего США развивают свое глобальное превосходство и через «вытягивание» Украины из российской сферы влияния. Знаменитый тезис Збигнева Бжезинского о том, что «без Украины Россия никогда не станет империей», не теряет свою актуальность и по сей день. Поэтому США заинтересованы в укреплении демократических институтов в Украине, содействуют антикоррупционным реформам, усиливают сотрудничество по военно-политической линии, полностью поддерживают стремление Украины присоединиться к НАТО. Часто усилия Белого Дома в отношении Украины болезненно воспринимаются в Кремле, особенно когда они напрямую затрагивают стратегические интересы России. Это хорошо заметно по риторике с той и другой стороны. Ярчайшим примером может служить «почти фултонская речь» вице-президента США Дика Чейни, произнесенная им 4 мая 2006 г. в Вильнюсе⁷² на саммите государств-участниц созданной 2 декабря 2005 г. в Киеве Балто-Черноморской инициативы «Содружество демократического выбора». Новая политическая роль Украины в Европе, стратегически направленная на интеграцию в НАТО, оказалась востребованной США, но в то же время спровоцировала Москву на ответные действия (чему свидетельством «мюнхенский спич» Владимира Путина в феврале 2007 г.⁷³) и по-новому актуализировала проблему энергетической безопасности. Более того, она по-новому заставила переосмыслить цивилизационные взаимоотношения Запада с Россией, поставив вопрос о начале новой «холодной войны». При этом, как и в период с 1949 по 1991 г., самыми острыми выявились две сферы глобального противостояния США и России – ядерное оружие и права человека.

Обострение отношений между США и Россией после 2007 г. только подчеркнуло уязвимость восточноевропейского Пограничья в связи с планами размещения американских систем противоракетной обороны в Чехии и Польше. Кремль негативно отреагировал на намерения США приблизить свою оборонную инфраструктуру к границам России. Не вдаваясь в подробности полемики и смысл данной инициативы США, подчеркнем крайне опасную угрозу для стран Восточноевропейского Погра-

ничья быть втянутыми в потенциальный конфликт ядерных сверхдержав. Самым ярким примером тому может служить заявление посла России в Минске Александра Сурикова (сделанное в конце августа 2007 г.) о возможности размещения в Беларуси новых российских военных объектов, «имеющих отношение к ядерному оружию», в ответ на установку элементов американской системы ПРО в Европе⁷⁴. Несмотря на то что президент Академии геополитических проблем российский генерал-полковник Леонид Ивашов отметил, что «размещение на территории Беларуси российского ядерного оружия не делает Минск ядерной державой и не нарушает его международных обязательств», а также то, что в этом «заинтересована и Беларусь, о чем неоднократно говорил президент Александр Лукашенко»⁷⁵, речь идет о возвращении ядерного оружия туда, откуда оно было вывезено. А это по-новому ставит вопрос о ядерной безопасности и подрывает договоренности 1990-х гг., которые, как казалось, решили проблему ядерного наследия СССР раз и навсегда. Станислав Шушкевич прокомментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Россия все больше возвращается на позиции бывшего СССР и хочет быть империей, которая угрожает миру своими ядерными боеголовками»⁷⁶. Иначе говоря, почему бы и не возобновить сценарий «холодной войны» после пятнадцатилетнего антракта? (Кстати, Владимир Путин в середине сентября 2007 г. в ходе встречи с западными журналистами в резиденции «Бочаров ручей», заявив, что Западу стоит отказаться от «глупой атлантической солидарности» для улучшения отношений с Россией, отметил, что западные страны и Евросоюз придерживаются устаревших позиций времен «холодной войны»⁷⁷. На наш взгляд, ряд внешнеполитических шагов России и заявлений Владимира Путина свидетельствуют о том, что как раз Россия и исходит из тех «устаревших позиций времен “холодной войны”».

Украина, как первая страна, добровольно отказавшаяся от ядерного оружия, не может стоять в стороне от новых угроз Восточноевропейскому Пограничью, которое превращается в транзитную территорию для перевалки ядерного оружия с перспективой размещения этого оружия здесь же на постоянной основе. Не случайно появились разговоры о возможном участии Украины в американской программе противоракетной обороны вплоть до размещения элементов американской ПРО уже в самой Украине⁷⁸.

И еще один краеугольный камень американской внешней политики – «демократия». Провозглашая права и свободы человека, каждая страна берет на себя обязательство развивать и укреплять демократический строй. Особенность Восточноевропейского Пограничья заключается в том, что оно оказалось между различными пониманиями (западным и российским) демократии (хотя демократия либо есть, либо ее нет, а появление подвидов ведет к подмене понятий). При всем разнообразии атрибутов демократии, как концептуальных, так и институциональных, ее ключевая характеристика – отношение к свободе. В западной демократии свобода – это некий абсолюте в рамках демократичных по своей сути законов, в то время как российская демократия всегда требует прилагательных: «авторитарная»,

«суверенная», «управляемая»... Не случайно Запад не перестает критиковать Россию за ослабление демократических процессов, которые не должны смешиваться с национально-государственными задачами. Но президент В. Путин пытается отстаивать некий «особый путь» России к демократии и свободе. Красноречиво в этом смысле выглядит его высказывание, сделанное 26 сентября 2003 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке относительно упреков по поводу ущемления свободы слова: «...у нас не было никогда свободы слова в России, так что я не очень понимаю, что можно попить. У нас было, как известно, тоталитарное государство в течение ста лет, до этого тоже царизм все попирали»⁷⁹.

Более того, Владимир Путин в сентябре 2007 г. в ходе встречи с западными журналистами призвал Запад «прекратить читать России лекции о демократии»⁸⁰. Он имел в виду, что конструирование демократии в России учитывает национальные особенности и поэтому предполагает «особый путь». Но что означает этот «особый путь», российские власти не объясняют, а только противопоставляют его западной демократии (опасная тенденция). Согласно результатам опроса, проведенного «Левада-Центром» летом 2007 г., у россиян существенно ухудшилось отношение к Западу⁸¹. Число сторонников «особого пути России» за шесть лет выросло с 53 до 74%⁸². По мнению экспертов, эти данные – «свидетельство растущего в России национального изоляционизма»⁸³. Какое все это отношение имеет к Украине? Самое непосредственное. Украина, находясь «между», может пойти по пути симбиоза концептов как западной, так и российской демократии. В основе этого симбиоза будут находиться институты демократии, но реально они не смогут влиять на принятие политических решений. При этом Украина с такой псевдодемократией будет вынуждена использовать «чужие» идеи, которые не опираются на ментальные основы нации. Вариант появления особой «украинской» демократии не представляется реалистичным в силу хотя бы дуалистичности украинского общества, где, в отличие от Западной цивилизации и России, нет общенационального консенсуса по стратегическим вопросам развития. И здесь опять возникает вопрос выбора своего пути демократического развития. Должна ли Украина ориентироваться на «российскую демократию», ведущую к «национальному изоляционизму», на некую «украино-российскую» или на западную? На наш взгляд, у Украины свой демократический путь развития, аутентичный европейскому, – путь на «демократию» без всяких прилагательных. Для этого у Украины есть и историческая основа. В разные периоды своей истории, блестяще подытоженные Конституцией Пилипа Орлика 1710 г., Украина имела «демократии» даже больше, чем некоторые европейские державы. В этом отношении примечательно разочарование Владимира Путина в Украине, который, оценивая события украинской демократической трансформации весны – лета 2007 г., сказал: «Была одна надежда на ребят с Украины, но и те просто полностью себя дискредитировали, там дело идет просто к сплошной тирании»⁸⁴. Подобное заявление главы российского государства свидетельствует о том, что Украина находится на правильном пути. Официальное издание Министерства обороны Украины

«Флот Украины» в ответ российскому президенту заметило: «Ясно лишь одно: Украина, отдаляясь от “демократии” российского толка, стремительно приближается к европейской “тирании”⁸⁵».

Таким образом, сегодня в Восточноевропейском Пограничье идет открытое противостояние демократических и посттоталитарных тенденций, старых и новых подходов к формированию национальной безопасности. На наш взгляд, представляется очевидным, что Украина не заинтересована быть на острие взаимоотношений между Западом (ЕС – НАТО – США) и Россией, а тем более являться раздражителем для обеих сторон одновременно. Но и попадание в «серую зону» означает для Украины нестабильность политического, военного и экономического развития. Поэтому для Украины крайне важно снижение уровня конфронтации между Западом и Россией, сближение их стратегических позиций в решении ключевых проблем современности, успешные демократические реформы внутри страны, активная внешняя политика, планомерная интеграция в те структуры экономической и военно-политической безопасности, которые гарантируют Украине содействие в защите ее национальных интересов, уважают неприкосновенность ее государственных границ и территориальную целостность.

***Единая внешнеполитическая стратегия Украины
в контексте перманентного внутривнутриполитического кризиса:
быть или не быть?***

В попытке ответить на поставленный вопрос вернемся к центральной теме. Стратегический вектор внешней политики Украины остается одним из наиболее спорных и будоражит как постколониальное сознание руководителей украинского государства, так и «массовое сознание» всего украинского общества. С одной стороны, такой дискурс исторически естественен для Украины, и именно поэтому конструктивно влияет на украинское общество, поскольку ведет к демонтажу бессознательного в перцепции приоритетов внешней политики (т.е. раз западный украинец – значит автоматически «европеец», и наоборот, если восточный – то стопроцентно «российский»). С другой – спекуляции о том, какое направление выбрать, усложняет реализацию внешней политики страны. В отличие от обычных граждан, руководители государства и профессионалы в правительстве должны следовать принятой стратегии развития государства. Здесь не должно быть места для дискуссии. Любые попытки пересмотреть ранее принятую стратегию без соответствующих конституционных процедур могут привести политическую систему к краху и отбросить страну на периферию международных процессов. Тем более что стратегическое направление определено. В 1998 г. в Украине была принята к реализации «Стратегия интеграции Украины в ЕС»⁸⁶, подтвержденная на новом политическом уровне после драматических президентских выборов 2004 г. К тому же

в 2002 г. было решено стать частью европейской и трансатлантической системы безопасности через интеграцию с НАТО.

Тем не менее вместо четкой стратегии и единого вектора внешней политики, направленного на европейскую и евроатлантическую интеграцию, Украина продолжала сталкиваться с геополитической дилеммой, что привело к самому разрушительному в истории современной внешней политики кризису на уровне принятия решений. В декабре 2006 г. началась открытая политическая борьба между президентом и министром иностранных дел, с одной стороны, и премьер-министром с политическим большинством в правительстве и парламенте, с другой стороны, что в конечном итоге обернулось досрочными выборами в парламент Украины 30 сентября 2007 г.

Основная проблема здесь заключается в дисбалансе между внешней и внутренней политикой Украины. Прозападно ориентированный президент Виктор Ющенко и пророссийски ориентированный премьер-министр Виктор Янукович в 2006–2007 гг. демонстрировали отличное друг от друга отношение к государственной политике. Такая несбалансированность позиций лидеров превратила Украину в субъект, которому трудно доверять в рамках двусторонних и многосторонних отношений.

Примером этому может служить «Меморандум по случаю визита премьер-министра Януковича в Вашингтон, округ Колумбия»⁸⁷, подготовленный американской организацией «Коалиция за безопасную и демократическую Украину». Документ четко демонстрирует обеспокоенность США по поводу раздвоения украинской внешней политики: «Премьер-министр Янукович и Президент Ющенко обязаны иметь общее видение во имя демократического будущего Украины в Европе. Это видение должно быть в интересах Украины, реалистичное и понятное для партнеров Украины. Оно должно уважать конституционные роли президента и премьер-министра. Появление двух конкурирующих внешних политик в Киеве, как это было в последние несколько месяцев, вызывает недоумение среди партнеров Украины и серьезно подрывает ее международный авторитет»⁸⁸. Один из авторов «Меморандума», бывший посол США в Украине Стивен Пайфер тогда же отметил, что соревновательный процесс в сфере внешней политики приводит к снижению доверия и к президенту, и к премьер-министру, и к Украине⁸⁹.

Такой «соревновательный процесс» действительно имеет место, и не только во внешней политике. Противостояние двух политических лидеров не теряет свою актуальность с 2004 г. Для президента Ющенко и премьер-министра Януковича президентская кампания 2004 г. фактически длится непрерывно. Особенно с учетом того, что сторонники Виктора Януковича считают победу на выборах президента 2004 г. украденной, а рейтинг Виктора Ющенко падает. Если бы выборы президента проводились в начале сентября 2007 г., то победа была б за Виктором Януковичем⁹⁰.

С тактической и стратегической точек зрения Украина должна быть заинтересована как можно скорее решить свою геополитическую дилемму, по крайней

мере, по двум причинам. Во-первых, в интересах внутренней стабильности и национальной консолидации. Во-вторых, в интересах международного сообщества, которое хочет, чтобы Украина была предсказуемой, транспарентной, безопасной, демократической и открытой для сотрудничества. Между прочим, последнее отображается в унижительных визовых процедурах и жестком пограничном режиме между странами ЕС и Украиной.

Кроме того, превращение Украины в предсказуемую, безопасную, демократическую державу соотносится и с ее внешнеполитическими интересами. Тогда она будет иметь дополнительные козыри в преодолении субъективных нападков со стороны тех стран, которые заинтересованы в давлении на Украину.

Один из способов избежать острых противоречий между разными ветвями власти в условиях парламентско-президентской республики (к чему Украина сейчас и идет) – принять новую внешнеполитическую концепцию. В нашем случае это будет означать смену евроатлантического вектора на российский с последующей интеграцией в ЕЭП и Организацию Договора о коллективной безопасности стран СНГ (Ташкентский пакт).

Но разве Украина готова официально изменить свои внешнеполитические приоритеты? Нет, даже сторонники Виктора Януковича не ставят под сомнение евроинтеграционные устремления Украины, по крайней мере в теории. Чему свидетельством Универсал национального единства, подписанный Виктором Ющенко и Виктором Януковичем 3 августа 2006 г. с целью консолидации расколотого на две части общества. Более того, во время подписания документа Виктор Янукович еще не был премьер-министром и выступал как лидер победившей на выборах партии регионов, а выполнение положений Универсала стало условием выдвижения Виктора Януковича на должность премьер-министра со стороны Виктора Ющенко. Среди положений Универсала значился и курс на продолжение европейской интеграции Украины с перспективой присоединения к ЕС, и немедленное начало переговоров о создании зоны свободной торговли с ЕС. Сам Виктор Янукович в конце июня 2007 г. в очередной раз отметил, что для Украины остается неизменным курс на европейскую интеграцию. И подчеркнул: «по этому вопросу нет разногласий между разными ветвями власти и лидерами политических сил»⁹¹.

Но на практике сохраняется жесткое сопротивление реализации выбранного ранее вектора евроатлантического развития. Выразительным примером этого «несоответствия» является риторика премьер-министра Украины Виктора Януковича относительно НАТО, которая помешала в 2006 г. выйти двусторонним отношениям Украины с НАТО на качественно новый уровень и обернулась скандалом. Тогда, в ходе сентябрьского заседания комиссии Украина – НАТО в Брюсселе, Виктор Янукович заявил, что Украина пока не готова присоединиться к Плану действий по членству в НАТО⁹². И здесь дело даже не столько в том, что были перечеркнуты прежние политические договоренности, а в том, что от имени Украины Виктор Янукович фактически отказался от реализации стратегического курса. Даже его

мотивация, что население Украины не поддерживает вступление Украины в НАТО, не должна была вести к ревизии внешнеполитической стратегии. Во-первых, само присоединение к Плану действий, хоть и является первым конкретным шагом к обретению членства в НАТО, не провозглашает сам факт вступления в эту структуру. Во-вторых, если даже Украина не готова к вступлению, то присоединение к Плану действий должно было подготовить ее к этому, то есть помочь Украине держаться своей стратегической цели.

Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк отметил в марте 2007 г., что внутренними препятствиями на пути Украины к ЕС является несоответствие деклараций о стремлении вступить в ЕС и игнорирование европейских ценностей и стандартов⁹³. Кстати, сама отставка Бориса Тарасюка, покинувшего свой пост во второй раз за политическую карьеру из-за курса на евроатлантическую интеграцию, красноречиво подчеркивает этот вывод. Характерно, что в России обрadowались отставке Бориса Тарасюка⁹⁴.

Все это подтверждает существование не просто разных приоритетов, а программных различий внешнеполитической деятельности украинского государства. «Украина балансирует между двумя концепциями отношений с Евросоюзом. Концепция президента Ющенко, которая ориентируется на будущее членство в Сообществе, и концепция премьера Януковича, который, хотя и говорит о необходимости интеграции, все же предпочел бы ничего не делать в этом направлении, и, по сути дела, тянет страну в сторону Москвы», – сказал польскому изданию «Dziennik» политолог из Института глобальных стратегий Вадим Карасев⁹⁵. Он считает, что до тех пор, пока Киев не справится с политическим балаганом в собственном огороде, он будет не в состоянии уверенно держать курс на Брюссель⁹⁶.

Сегодня Украина одновременно разрабатывает новый договор о сотрудничестве с ЕС, ведет подготовку к референдуму о внеблоковом статусе Украины, спорит о вступлении в НАТО, спекулирует на идее создания славянского союза государств и готовится к вступлению в ВТО. Отсутствие консолидации в обществе, чем постоянно пользуются практически все украинские политики, существенно тормозит поступательное развитие страны. Очередные внеочередные выборы, на этот раз в Верховную Раду, которые прошли 30 сентября 2007 г., только еще раз подчеркнули, что главная проблема Украины – внутри самой Украины.

Заключение

Внешиполитический опыт независимой Украины показывает, что становление государства в условиях глобализации и постбиополярного мироустройства связано как с принципиально новыми возможностями, так и с множеством новых рисков и угроз. При этом тотальная взаимозависимость предопределяет примат интеграции над фрагментацией, ставит под сомнение традиционные трактовки государствен-

ности и ее атрибутов. Сама власть оказывается всего лишь инструментом общества, а не самоцелью элит. Но Украина все еще находится на этапе поиска баланса между своей внутренней и внешней политикой. Чрезмерная политизация и историзация усложняет реализацию стратегических реформ, затрудняет поиск консенсуса как между политическими элитами, так и отдельными слоями населения, излишне проблематизирующими культурно-географические особенности страны. Между тем сегодня можно обрести свое «Я» только через добрососедские отношения, высокие стандарты экономической жизни, политическую стабильность, национальную безопасность, неукоснительное соблюдение прав и свобод человека. Все это предполагает интегрирование Украины в общемировые политические и экономические процессы, которые стирают границы и делают доступными ранее скрытые возможности. Пребывание в Восточноевропейском Пограничье между двух глобальных систем значительно ограничивает возможности Украины, поскольку она постоянно испытывает давление то с Запада, то с Востока. В силу своей транзитности, как и транзитной сущности всего восточноевропейского Пограничья, Украина вынуждена трансформироваться в направлении одного из своих более влиятельных соседей. Речь не идет о немедленном интегрировании Украины в ЕС и НАТО, но ориентация на конгломерат демократических государств с теми характеристиками, которые отвечают национальным интересам Украины, естественно интегрируют страну в ценностное пространство единой Европы. Уже одно это выделяет ее из пространства *пограничья* и делает страной Приграничья, где она, будучи частью определенного целого, представляет свои интересы. А взаимное проникновение общих демократических ценностей в отношениях между Западом и Россией поможет Украине почувствовать себя еще комфортнее, сделавшись частью «большого общего», которое вместе образуют и ЕС, и Украина, и Россия. Однако исчезновение Восточноевропейского Пограничья можно будет приветствовать только в том случае, когда оно не приведет к исчезновению ни Беларуси, ни Молдовы, ни Украины как независимых и суверенных держав.

Примечания

- ¹ Шпорлюк, Р. Формирование современной Украины: западное измерение / Р. Шпорлюк // Перекрестки. 2006. № 1–2. С. 28.
- ² Там же. С. 30.
- ³ Emerson, M. “The Elephant and the Bear”. The European Union, Russia and their Near Abroad / M. Emerson. Brussels, 2001. P. 63.
- ⁴ Ibid. P. 65
- ⁵ Pfaff, W. The Russia we have / W. Pfaff // International Herald Tribune. 2007. August, 3 // <http://www.ihf.com/articles/2007/08/03/opinion/edpfaff.php>
- ⁶ Высоцкий, А.Ф. Морской регионализм (международно-правовые проблемы регионального сотрудничества государств) / А.Ф. Высоцкий.К., 1986. С. 15.

- ⁷ Актуальные проблемы деятельности международных организаций: теория и практика / А.Н.Калядин, В.И.Маркушина, Г.И.Морозов и др.; отв. ред. Г.И. Морозов. М., 1982. С. 30.
- ⁸ Zyblikiewicz, L. Globalism versus Regionalism in Contemporary World: the Environment for Change in Europe / L. Zyblikiewicz // *The Transformational Future of Europe*. Lublin, 1992. P. 164.
- ⁹ Clark, I. *Globalization and Fragmentation* / I. Clark. N.Y., 1997. P. 30.
- ¹⁰ Gamble, A. *Regionalism and World Order* / A. Gamble, A.Payne. Houndmills, 1996. P. 251.
- ¹¹ Лукашенко готов дружить с Ющенко против России? // <http://news.tut.by/48196.html>
- ¹² Макарычев, А. Критические подходы к безопасности: российско-украинские дебаты / А. Макарычев // <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1212>
- ¹³ Тарасюк: «ЕС предложил Украине политику, неправильную по определению» (6 марта 2007) // <http://www.korrespondent.net/main/181780>
- ¹⁴ Грицак, А. «Украина, словно улитка: медлительная, но уверенная». Интервью / Я. Грицак // *Зеркало недели*. 2007. № (632). 27 января. С. 21.
- ¹⁵ Шпорлюк, Р. Формирование современной Украины: западное измерение. С. 17.
- ¹⁶ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / З. Бжезинский. М., 2000. С. 114–115.
- ¹⁷ Грицак, А: «Украина, словно улитка: медлительная, но уверенная». Интервью. С. 21.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ У Лукашенко «оранжевая революция» не пройдет. Майдана нет. 29 января 2006 г. // <http://frazz.com.ua/news/29.01.06/19328.html>
- ²⁰ Subtelny, O. *Ukraine: a history*. 3d edition / O. Subtelny. Toronto, 2000. P. 115.
- ²¹ Зубанов, В. Государственный нейтралитет – это национальная идея / В. Зубанов // *Миг*. № 23 (73). 21 июня 2004 г. // <http://regions.org.ua/?do=articles&cat=pubs&id=6359&page=8>
- ²² План развития страны. К., 2005. // <http://www.viche.org.ua/planrus>
- ²³ Стратегическая измена. Заявление высших официальных лиц Украины о намерении вступить в НАТО освобождает Москву от моральных обязательств по поддержке режима Леонида Кучмы // *Независимая газета*. 2002. 27 мая. // <http://for-ua.com/world/2002/05/27/134425.html>
- ²⁴ Кучма исключил из Военной доктрины цели вступить в НАТО и ЕС, 26 июля 2004 (<http://www.podrobnosti.com.ua/power/2004/07/26/135508.html>)
- ²⁵ Кучма заявил Евросоюзу, что Украина не готова к вступлению, 8 июля 2004 (<http://korrespondent.net/main/97758>)
- ²⁶ Реверс евроинтеграции, 11 июля 2004 // <http://www.podrobnosti.com.ua>
- ²⁷ European Parliament, *Wider Europe – Neighbourhood: A new framework for relations with our Eastern and Southern Neighbours*. Committee on Foreign Affairs, resolution. Pay attention on page 51 concerning future Ukraine-EU relations in terms of Ukraine's participation in the Single Economic Space (Euro-Atlantic Cooperation Institute, Kiev, Ukraine, http://ieac.org.ua/pics/content/15/1068458394_ans.pdf)
- ²⁸ Романо Проди не видит перспектив Украины в ЕС (<http://www.tribuna.com.ua/news/2004/05/05/8299.html>)

- ²⁹ Будущий комиссар ЕС по международным отношениям Бенита Ферреро-Вальднер заявила о том, что Европейский Союз должен хотя бы удержать на своей стороне Украину, 5 октября 2004 (<http://www.korrespondent.net>)
- ³⁰ Замглавы Пентагона: Украина должна быть в НАТО, 6 октября 2004 (<http://www.korrespondent.net/main/103618>)
- ³¹ Там же.
- ³² ЕС согласился дать Украине «европейскую перспективу», 11 октября 2004 (<http://www.korrespondent.net/main/103983>)
- ³³ Дорендорф, Р. У пошуках нового устрою: Лекції на тему політики свободи у XXI столітті / Р. Дорендорф; переклад з німецької Анастасії Орган. К., 2006. С. 33.
- ³⁴ Яровой, Г. Международное сотрудничество в сфере обеспечения «мягкой» безопасности в циркулярном пространстве / Г. Яровой // <http://cua.karelia.ru/report12.doc>
- ³⁵ Макарычев, А. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на балтийский регион / А. Макарычев // http://megaregion.narod.ru/articles_text_2.htm
- ³⁶ Морозов, В. Теория секьюритизации: учебно-методическое пособие / В. Морозов; отв. ред. проф. С.М. Виноградова. СПб., 2006. С. 19.
- ³⁷ Batt, J. The Enlarged EU's external borders – the Regional Dimension / Partners and Neighbors: a CFSP for a wider Europe / J. Batt // Chailot Papers, Institute for Security Studies, Paris. 2003. № 64. P. 103.
- ³⁸ Саудовская Аравия стеной отгородится от Ирака, 18 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/207821/>)
- ³⁹ Макарычев, А. Критические подходы к безопасности: российско-украинские дебаты // <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1212>
- ⁴⁰ Жижек, С. 13 опытов о Ленине. С. Жижек; пер. с англ. М., 2003. С. 125; Zizek, S. Organs without Bodies. On Deleuze and Consequences / S. Zizek. New York; London, 2004. P.106.
- ⁴¹ Zizek, S. The Fragile Absolute, or Why is the Christian Legacy Worth Fighting for? / S. Zizek. New York; London, 2000. P.60.
- ⁴² Zizek, S. Conversations with Zizek / S. Zizek, G. Daly. Cambridge, 2004. P. 118.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Андреева, Г. Правовое регулирование миграции в Украине / Г. Андреева, Т. Титова // Институт стран СНГ. Институт диаспоры и интеграции. Информационно-аналитический бюллетень. 2001. № 41 // <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/041/12.shtml>
- ⁴⁵ Велетминский, И. Лучше по дну Балтики, чем через Украину. Новый проект «Газпрома» снижает для России экономические риски / И. Велетминский // Российская Газета. Федеральный выпуск. № 3873. 2005. 14 сентября // <http://www.rg.ru/2005/09/14/gazoprovod.html>
- ⁴⁶ Щедровицкий, П. Государство. Антропоток / П. Щедровицкий [и др.] // http://antropotok.archipelag.ru/dok/dok03.htm#_Точ38958478
- ⁴⁷ ЕС призывает Украину отменить визы для граждан Румынии и Болгарии, 20 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/208157>)
- ⁴⁸ В Украине возмутились «шантажом» и «ультиматумом» ЕС, 20 сентября 2007 (<http://www.pravda.com.ua/ru/news/2007/9/20/64143.htm>)

- ⁴⁹ Страна-отстойник // Зеркало недели. 2000. № 29 (302). 22–28 июля // <http://www.zn.ua/1000/1050/27901/>
- ⁵⁰ Степаненко, С. Премьер иностранных дел / С. Степаненко // Время новостей. 2006. № 172. 21 сентября // <http://mej.ru/digest/5258.html>
- ⁵¹ Цена на газ будет зависеть от нового состава Кабмина. Черномырдин, 27 сентября 2007 (<http://www.pravda.com.ua/ru/news/2007/9/27/64403.htm>)
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Отключающий маневр. «Газпром» вдвое сокращает поставки в Белоруссию // Коммерсант. 2007. № 136 (3712). 2 августа // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=791840>
- ⁵⁴ «Газпром» почти вдвое сокращает поставки газа в Белоруссию из-за долга, 1 августа 2007 (<http://delo.ua/news/economics/world/info-45015.html>)
- ⁵⁵ Отключающий маневр. «Газпром» вдвое сокращает поставки в Белоруссию // Коммерсант. 2007. № 136 (3712). 2 августа // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=791840>
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Лукашенко считает, что Россия стремится приватизировать всю Белоруссию, 3 августа 2007 (<http://utro.ua/news/2007/08/03/55553.shtml>)
- ⁵⁸ Smith, K. Comment: Ukraine needs to lower barriers to the west / K. Smith // Financial Times. 2007. August, 2 // Украине необходимо поменьше отгораживаться от Запада // <http://news.lugansk.info/2007/ukraine/08/71020.shtml>
- ⁵⁹ Дорендорф, Р. У пошуках нового устрою: Лекції на тему політики свободи у XXI столітті. С. 35.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² European Union Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine // <http://www.eubam.org/>
- ⁶³ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского Флота Российской Федерации на территории Украины, 28 мая 1997 г. / Россия-Украина. 1990–2000: Документы и материалы: в 2 кн. – Кн. 2: 1996–2000 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Украины. М., 2001. С. 125–133.
- ⁶⁴ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, 31 мая 1997 г. / Россия-Украина. 1990–2000: Документы и материалы: в 2 кн. Кн. 2: 1996–2000 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Украины. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 145–156.
- ⁶⁵ Россия открыто заявила, что может пересмотреть статус Крыма, 23 августа 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/204337>)
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Симоненко предлагает сформировать общий с Россией военный флот, 29 августа 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/204973>)
- ⁶⁸ Российский адмирал: Севастополь еще долго будет базой ЧФ, 23 июля 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/199880>)
- ⁶⁹ МИД считает нереальным пребывание ЧФ РФ в Крыму после 2017 года, 19 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/208063/>)

- ⁷⁰ Гетманчук, А. Черноморский якорь для натовского плавания / А. Гетманчук // Киевские ведомости. 2002. № 143 (2657). 8 июля
// http://old.kv.com.ua/index.php?rub=8&number_old=2657
- ⁷¹ МИД: ЧФ РФ не является препятствием для вступления Украины в НАТО, 14 февраля 2006 (<http://www.rbc.ua/rus/newsline/2006/02/14/4469.shtml>)
- ⁷² Vice President's Remarks at the 2006 Vilnius Conference (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html>)
Президент России. Официальный сайт. Выступление Президента РФ В.В.Путина и дис-куссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007г. (http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376t уре63377type63381type82634_118097.shtml)
- ⁷⁴ Интервью посла России в Беларуси Сурикова: о ядерных объектах, кредите и ценах на российских газ (Полный текст), 27 августа 2007 (<http://www.charter97.org/rus/news/2007/08/27/surikov>)
- ⁷⁵ Российские генералы хотят разместить ядерное оружие в Беларуси, 28 августа 2007 (<http://www.charter97.org/rus/news/2007/08/28/weapon>)
- ⁷⁶ С. Шушкевич: Россия все больше возвращается на позиции бывшего СССР, 27 августа 2007 / С. Шушкевич // <http://www.charter97.org/rus/news/2007/08/27/ussr>
- ⁷⁷ Путин предложил Западу отказаться от «глупой атлантической солидарности», чтобы говорить с Россией, 15 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/207431>)
- ⁷⁸ Вопрос о размещении элементов американской ПРО в Украине не рассматривается, заверяет Ющенко. Об этом он заявил сегодня на пресс-конференции в «Украинском доме» (<http://obkom.net.ua/news/2007-04-12/1425.shtml>)
- ⁷⁹ Президент России. Официальный сайт. Выступление и ответы на вопросы в Колумбийском университете, 6 сентября 2003 года, Нью-Йорк (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/09/52826.shtml>)
- ⁸⁰ Путин предложил Западу отказаться от «глупой атлантической солидарности», чтобы говорить с Россией, 15 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/207431>)
- ⁸¹ Государство-особист. От редакции, 13 августа 2007 (http://www.gazeta.ru/comments/2007/08/13_e_2035912.shtml)
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Президент России. Официальный сайт. Интервью журналистам печатных средств массовой информации стран – членов «Группы восьми», 4 июня 2007 года (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/132615.shtml>)
- ⁸⁵ Флот Украины ответил Путину угрозами, 26 июня 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/196348>)
- ⁸⁶ Strategy of Integration of Ukraine with the EU, adopted by the Ukrainian President Leonid Kuchma on June 11, 1998 (<http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/content/2990.htm>)
- ⁸⁷ Memorandum on the occasion of the visit by Prime Minister Yanukovych to Washington, DC. Coalition for a Secure and Democratic Ukraine, December 4, 2006 (<http://www.usukraine.org/memorandum.htm>)
- ⁸⁸ Ibid.
- ⁸⁹ Stephen Pifer: Activity of the Ukrainian government doubts Prime Minister's (<http://ukraine.radiosvoboda.org/article/2006/12/6888d458-8177-4db3-9bb5-310c4fa80c6a.html>)

- ⁹⁰ В парламент проходят ПР, БЮТ, НУ-НС, КПУ и Блок Литвина – опрос, 13 сентября 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/207186>)
- ⁹¹ Янукович не ограничится соседством с ЕС, 27 июня 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/196548>)
- ⁹² Ющенко жестко поправил премьера, 18 сентября 2006 (<http://mej.ru/digest/5233.html>)
- ⁹³ Тарасюк: ЕС предложил Украине политику, неправильную по определению, 6 марта 2007 (<http://www.korrespondent.net/main/181780>)
- ⁹⁴ В России обрадовались отставке Тарасюка, 31 января 2007 (<http://www.proua.com/news/2007/01/31/181206.html>)
- ⁹⁵ Прус, Ю. Брюссель не хочет Украины, 14 сентября 2007 / Ю. Прус // <http://www.uk2watch.com/security/article.jsp?14093>
- ⁹⁶ Там же.

СТРАСТИ ПО УКРАИНСКОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ

Для тех, кто знаком с интеллектуальной ситуацией в Украине, имя Ярослава Грицака вряд ли нуждается в комментариях. Одна из крупнейших фигур украинского интеллектуального пространства, директор Института исторических исследований Львовского национального университета, профессор Львовского католического и Центральноевропейского университетов, автор большого количества научных работ, в том числе книг *«Дух, що тіло рве до бою: спроба політичного портрету Івана Франка»*, *«Нарис історії України: формування модерної української нації століття»*, *«Страсті за націоналізмом»** (сборник публицистических статей, которые печатались в различных изданиях на протяжении 1994–2003 гг.)

«Страсті за націоналізмом» – это книга историка, написанная о современности. Но автора волнует не столько история сама по себе, сколько будущее Украины и та роль, которую история может сыграть в его создании.

Магистральная тема книги – украинский национализм, его роль в создании современной Украины, степень влияния национализма на интерпретации истории и общество в целом. Вообще, подчеркивает Грицак, проблема не в том, сколько национализма нужно Украине. Она «имеет как раз достаточное количество национализма, чтобы обеспечить нужный минимум политической стабильности в государстве» (с. 6).

Но национальный вопрос – не единственная, а одна из многих проблем, определяющих судьбу завтрашней Украины (и, разумеется, не только Украины). Вообще, *«Страсті...»* – это диагностика нерешенных проблем, а не сборник рецептов их

* Грицак, Я. Страсті за націоналізмом: історичні есеї/ Я. Грицак. Київ, 2004.

решения. Ибо «мы слишком часто страдаем не столько от недостатка хороших ответов, сколько от недостатка точно сформулированных вопросов» (с. 9).

Книга открывается статьей «*Як викладати історію України після 1991 року?*», которая задает тон всему сборнику. Проблематику статьи, пожалуй, можно очертить следующими вопросами: какова роль историка и исторической науки в современной Украине, нужно ли историку претендовать на роль национального пророка, как современному исследователю интерпретировать прошлое и какие инструменты для этого использовать? Грицак предлагает отказаться от господствующей сегодня в образовании одномерной схемы, сводящей модерную историю Украины к деятельности элиты национального возрождения, в которой история начинается «с Котляревского, проходит через Шевченко и кирилло-мефодиевских братчиков к Грушевскому и Центральной Раде, а далее через героев “украинизации” 1920-х гг. в Советской Украине и украинских националистов в Западной Украине перетекает в национально-освободительную борьбу во время Второй мировой войны и диссидентское движение 1960–1980-х гг., чтобы наконец достичь кульминации в провозглашении независимости Украины в 1991 году» (с. 20). Автор предлагает отказаться от национальной телеологии и выявлять вклад в развитие «украинского проекта» различных политических сил и национальных групп (включая те, которые были принципиальными противниками независимости Украины), а также учитывать случайные исторические обстоятельства и нереализованные возможности: «Ученик украинской школы должен понимать, что если бы не сложились определенные, иногда достаточно случайные исторические обстоятельства, то он сегодня мог бы в качестве основного исторического предмета изучать “Историю Польши”, или “Историю России”, или “Историю Малороссии”. Или же ученик из Закарпатья изучал бы сегодня совсем другую национальную историю, нежели, скажем, ученик с Черниговщины. И национальное единство Закарпатья и Черниговщины – это не предзаданный факт, а результат целенаправленной деятельности многих поколений деятелей, которые хотели видеть эти земли составными частями единого целого» (с. 21–22).

Грицак критикует многие стандартные постулаты национальной парадигмы в историографии и формулирует вопросы, требующие современных ответов: каков на самом деле был характер украинской революции («*Українська революція, 1914–1923: нові інтерпретації*», «*Чому зазнала поразки українська революція?*»), деятельность Украинской повстанческой армии («*Тези до дискусії про УПА*»), причины и характер антисемитизма в Украине («*Нами знову маніпулюють?*», «*Українці в антиєврейських акціях у роки Другої світової війни*», «*Українсько-єврейські стосунки в постсоветській українській історіографії*»). Статьи «*Тяжке примирення*» и «*Ще раз про ставлення українців до поляків*» анализируют проблемы украинско-польских отношений – от ненависти 1920–1940-х гг. (вызвавшей взаимную резню в годы Второй мировой войны) до полонофильства в Западной Украине в

1960–1980-х гг. (вызванного тем, что Польша в это время стала каналом проникновения в Украину западных культурных влияний).

Несколько работ посвящены проблемам регионализма и национальных идентичностей в современной Украине и ее политического единства («*Про сенсовність і безсенсовність націоналізму в Україні*», «*Дилеми українського націотворення, або Ще раз про старе вино в нових міхах*», «*Двадцять дві України*», «*Про важливість бути галичанином: проблема ідентичностей на пограниччі*»). Последний блок в сборнике составляют статьи, посвященные проблеме идентичности Украины в общеевропейском контексте («*Недоевропа: Західні мандрівки Східною Європою*», «*Регіон уявний і наявний: Східна Європа на мапі цивілізації*», «*І ми в Європі?**»).

Отдельно следует отметить эссе «*Ігри з кочергою: всерйоз і по-українськи*», посвященное проблеме роли интеллигенции/интеллектуалов в Украине. Вместо того чтобы полностью погрузиться в сферу своих профессиональных интересов, а в публичное пространство выходит лишь с целью «артикулировать новую ситуацию в соответствии с изменившимися условиями существования общества» (с. 262), украинские интеллектуалы, как и интеллектуалы других лишенных государственности народов, должны были исполнять функцию строителей нации: «выходить за рамки своей специальности и переходить в соседнюю, чтобы так с(т)имулировать структурную полноценность украинской культуры. Не секрет, что такая универсальность достигается ценой качества» (с. 261). В этом и заключается главная причина, по которой украинские интеллектуалы (Грицак подробно рассматривает пример Ивана Франко) не смогли подняться до тех интеллектуальных высот, которых достигали их западноевропейские коллеги.

Энергичная острополемиическая манера изложения сочетается у автора с прекрасным владением историческим и социологическим материалом, благодаря чему знакомство с книгой может доставить истинное удовольствие не только специалистам по восточноевропейской истории, но и всем любителям качественной интеллектуальной литературы.

* Эссе «*И мы в Европе?*» в переводе на русский язык опубликовано в № 1–2 «Перекрестков» за 2004 г.

ПО СТРАНИЦАМ НОВЫХ ИЗДАНИЙ

В последние годы в странах Восточной Европы растет количество публикаций, связанных с исследованием Пограничья, эта тема становится одной из самых обсуждаемых в интеллектуальном пространстве. Вот и восьмой выпуск украинского историко-культурологического сборника «Схід/Захід», вышедший в издательстве «Критика» под редакцией доктора исторических наук Владимира Кравченко, специально посвящен этой теме.*

Статьи в сборнике не распределены по разделам (специально выделены лишь рецензии), но по содержанию их можно разбить на три группы, условно назвав их «теоретической», «исторической» и «социоантропологической».

К «теоретической» части относятся три первых материала. Статья *Беньямина Цимана (Бохум, Германия)* «Лінгвістичний поворот» у культурно-історичному дослідженні» стоит несколько особняком по отношению к другим работам, поскольку не посвящена непосредственно теме Пограничья. Ее назначение скорее методологическое. На примере подхода к конкретной теме – истории современного (с XIX в.) антисемитизма – автор стремится показать значение для историка теории лингвистического поворота и связанных с ней лингвистических и дискурсивно-исторических методов анализа языка как инструмента конструирования и репрезентации социальной реальности. Теоретическими основаниями при этом служат постмарксистская теория дискурса Эрнесто Лакло и социологическая теория коммуникации Никласа Лумана. Суть подхода к

* «Схід /Захід». Історіко-культурологічний збірник. Вип. 8. Харків; Київ, 2006; “Interstitio”. East European Review of Historical Anthropology. Vol. I. Nr. 1. June 2007.

проблематике антисемитизма с точки зрения лингвистического поворота состоит не в рассмотрении социальных причин и мотивов возникновения антисемитских взглядов и тех социально-психологических функций, которые они выполняют, а в исследовании структуры смысла антисемитских текстов, ибо «неистинные утверждения, приведенные в таких текстах, могут исполнять роль “доказательств” и “свидетельств” только благодаря тому, что они расположены в рамках специфической смысловой структуры». Антисемитизм, с точки зрения такого подхода, не является реакцией на реальную обстановку, а представляет собой дискурсивную конструкцию, в рамках которой конституируется идентичность «мы-группы» (немцев, французов и т.д.), противопоставленной «враждебной группе» (евреям). Таким образом, «языковой анализ антисемитизма дает возможность подключить его к исследованию национализма, где центральная роль отведена вопросам языковой и культурной конструкции нации».

Лидия Стародубцева (Харьков) рассматривает феномен билингвизма в культуре Пограничья, определяемого как «контактная зона языков». Она выделяет пять моделей билингвизма в зависимости от степени определенности границы «свой/чужой» и от особенностей языковой идентификации населения «контактной зоны»: противостояние (лингвистическая ксенофобия, резкое противопоставление «своего» языка «чужому»); разъединение (два языка существуют в сознании жителя контактной зоны автономно, не смешиваясь, их сферы употребления строго разделены); поглощение (граница между «своим» и «чужим» перемещается внутрь доминантного языка, подчиняющего себе второй язык в качестве дополнительного, второстепенного); перекрещивание (два языка скрещиваются в лексиконе говорящего, образуя некую переходную форму); слияние (идеальная ситуация лингвистической гармонии, когда оба языка занимают равноправное положение в лексиконе говорящего, оба признаются «своими», но при этом не смешиваются).

Семиологический подход к исследованию пространства Пограничья предлагает *Иван Митин* (Москва). Исследователь именуется его мифогеографией и определяет последнюю как «интенцию к продуктивному симбиозу географии и мифологии». При этом пространственный миф рассматривается через призму концепции Ролана Барта как вторичная семиологическая система, которая опирается на реальность, но создает принципиально новую интерпретацию последней. Таким образом, предметом исследования становится не пространство, а образы пространства, «специфические пространства представлений, пространства восприятия, ибо только в них может быть сформулирована Пограничность-как-Идея». Мифогеография имеет дело с множеством реальностей, противоречащих друг другу образов и ценностных установок, позволяет понять способы их сосуществования в конкретном месте и «сформировать необходимый контекст-реальность места, выступая, таким образом, инструментом презентации места-на-границе». Работа мифогеографического подхода демонстрируется автором на примере презентаций образов Лебединского края Украины и Елецкого края России.

«Историческую» часть выпуска открывает *Татьяна Сабурова* (Омск). Через анализ изменений границы между прошлым и настоящим в темпоральных представлениях русского общества конца XVIII – начала XIX вв. она рассматривает процесс зарождения исторического сознания в России. Если во второй половине XVIII в. образ прошлого в сознании русского общества формировался через освоение античности в контексте идей Просвещения, то в начале XIX в., с появлением «Истории» Н.М. Карамзина, в центр темпоральной карты сознания русского общества переходит образ национального прошлого, однако в социокультурных условиях тогдашней России и он оказывается разделенным: допетровская Русь противопоставляется новой, европеизированной России, возникшей в XVIII в. в результате реформ Петра I. Анализируются также взаимоотношения образов прошлого, настоящего и будущего в противоборствующих интеллектуальных лагерях (западническом и славянофильском) русского общества.

Дмитро Чорный (Харьков) исследует характер украинско-российских взаимоотношений в больших городах украинско-российского пограничья (прежде всего, в Харькове и Екатеринославе) в XVII – начале XXI в. В качестве доминант развития используются понятия «анклав» (закрытое самодостаточное пространство, враждебное окружающему миру и противостоящее ему) и «контактная территория» (пространство, открытое для взаимодействия с окружающим миром). При этом подчеркивается, что в разные исторические периоды на одном и том же пространстве одерживал верх то один, то другой из этих, говоря веберовским языком, идеальных типов.

Предметом исследования *Александра Лысенко* (Киев) являются взаимоотношения украинцев и поляков в Западной Украине во время Второй мировой войны – тема трагическая и весьма неприятная для обеих наций, поскольку, несмотря на неоднократные попытки с обеих сторон достигнуть компромисса, поляки и украинцы находились в состоянии непримиримой вражды, результатом которой были десятки тысяч жертв с обеих сторон. Эту вражду не могло остановить даже наличие двух общих и для поляков, и для украинцев опаснейших врагов: нацистской Германии и большевистской Москвы.

К «исторической» части выпуска примыкает и статья *Ирины Олюниной* (Минск) «Досвід вивчення Білоруського Полісся в польській історіографії». Из анализа работ польских историков второй половины XIX–XX в. следует, что население Полесья рассматривается ими как приграничная этническая группа, которая находится на переходном этапе своего развития, а ее бытие характеризуется процессами, свойственными начальному этапу формирования нации.

Остальные статьи сборника основаны на результатах полевых исследований с применением социологических и социоантропологических методов. *Екатерина Мельникова* (Санкт-Петербург) избрала темой своего исследования «переселенческое пограничье». Статья представляет собой соединение исторического экскурса о процессе присоединения Карельского перешейка и Северного Приладожья к Со-

ветскому Союзу в 1940 г. и советизации этих территорий с анализом материалов, полученных в ходе экспедиций в бывшую Финскую Карелию. Автор выделяет причины и формы миграции населения из других регионов СССР на эту территорию, выясняет специфику «особенностей социальных отношений, которые, хотя и проявляются на пограничных территориях, непосредственно с существованием границ не связаны».

Несколько авторов работают с белорусским материалом.

Иоанна Гетка (Варшава) и *Ольга Коновалова* (Санкт-Петербург) исследуют язык, самосознание и национальную принадлежность населения белорусско-русского пограничья (Могилевская и Витебская области). На противоположной границе Беларуси работает *Мария Луцевич* (Варшава), изучая социолингвистическую ситуацию на белорусско-польском пограничье (Гродненская область).

Валерия Колосова (Санкт-Петербург) в статье «Межа між своїм і чужим» рассматривает национальные стереотипы на украинско-румынском пограничье в Черновицкой области. Группа исследователей из Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина анализирует материалы анкетирования студентов-первокурсников Харькова на предмет выяснения взаимодействия новой национальной и гражданской идентичности, возникающей в процессе строительства независимого украинского государства, с локальными и транснациональными формами идентичности. *Татьяна Журженко* (Харьков) в работе «Нове пострадянське прикордоння» анализирует постсоветский социальный опыт жителей приграничных деревень Харьковской области. *Николай Вахтин*, *Оксана Жиронкина* и *Екатерина Романова* (Санкт-Петербург) в статье «Калампощання над долею українській мови» рассматривают языковую ситуацию в Киевской и Харьковской областях, выявляя противоречия между декларируемыми языковыми предпочтениями и реальным выбором языка в различных ситуациях (когда люди, заявляющие о своих симпатиях к украинскому языку, во многих реальных ситуациях, когда отсутствует необходимость репрезентировать себя как украинца, переходят на русский язык или «суржик»). Причины этих несоответствий авторы усматривают в неразвитости украинского языка в коммуникативном плане и в условиях противоречивой языковой политики. *Галина Карнаушенко* (Харьков) исследует русские диалекты Слободской Украины.

На страницах сборника помещено также несколько рецензий на научные издания по темам, затронутым в статьях выпуска. В числе прочих изданий рецензируется и журнал «Перекрестки» (№ 1–2 за 2004 г.).

* * *

В июне 2007 г. в Кишиневе вышел первый номер журнала «Interstitio», позиционирующего себя как «восточноевропейское обозрение исторической антрополо-

гии». Журнал имеет интернациональный характер (в редакции участвуют специалисты из Молдовы, Германии, США, Польши, России, Беларуси, Румынии, Италии), материалы печатаются на румынском и английском языках. Основные темы первого номера – проблема коллективной исторической памяти, переосмысление истории в посткоммунистическом обществе, властное конструирование, историческая память и дискурс власти.

Проблему властного конструирования исторической памяти «сверху» рассматривают польские исследователи *Дорота Мальчевска-Павелец* и *Томаш Павелец* в работе «False Memory Syndrome». Предметом исследования является попытка радикальной трансформации исторической памяти поляков, предпринятая после Второй мировой войны коммунистической властью. Эмпирическим материалом послужили школьные программы и учебники по истории, изданные в 1951–1956 гг., когда действия властей по отношению к истории и исторической памяти носили наиболее радикальный характер.

Молдавский исследователь *Людмила Кожокари* также обращается к проблеме коллективной памяти, но уже в посткоммунистической Республике Молдова, рассматривает новые перспективы переосмысления исторической науки, исследует источники коллективной памяти, механизма запоминания и забывания.

Единственный западноевропейский автор этого номера, итальянка *Габриэла Попа* в статье «No One Is Forgotten, Nothing Is Forgotten» разрабатывает тему властного конструирования исторической памяти на примере строительства и открытия мемориального комплекса «Capul de Pop Serpeni», посвященного освобождению Молдовы от немецкой оккупации. Идея строительства комплекса возникла еще в советское время, в начале 1990-х она была забыта и вновь воскрешена коммунистическим правительством в 2002 г. Автор показывает монополизацию памяти о Второй мировой войне просоветским дискурсом, поддерживаемым властью, рассматривающей память о тех событиях как средство социальной мобилизации. При этом замалчиваются «неудобные» стороны этой войны, в частности тот факт, что территория Молдовы тогда находилась под управлением Румынии и молдаване участвовали в этой войне (в том числе в сражении под Серпени) с обеих сторон. Властный же дискурс относит все прорумынское к «фашистскому» и «оккупационному».

Польский историк *Марек Возняк* в работе «How Is a Historical Story about the Revolution [or the Past] Possible?» обращается к внутренним проблемам поля исторической науки, разрабатывая проблему отношений между реальным прошлым и его картинами, которые являются результатом исторических исследований (а также тех культурных предпосылках, которые детерминируют работу историка, определяя его видение прошлого).

Статья румынского исследователя *Мариуса Ротара* «Murire și moarte on Romvnia, astăzi» о восприятии смерти и умирания в современной Румынии выделяется по тематике на фоне других материалов, поскольку носит скорее не исторический, а социально-психологический характер. Ротар рассматривает изменения в восприя-

тии смерти в румынском обществе, связанные с переменами, произошедшими после падения коммунистического режима в 1989 г.: отменой смертной казни, легализацией аборт, изменениями медицинского дискурса, дискуссией об эвтаназии и позицией Румынской Православной Церкви по этой проблеме и т.д.

Румынский историк *Виктор Тудор Рошу* опять возвращает нас к проблеме исторического школьного образования, но уже в Румынии XIX в. В работе «*Rorul formativ al istoriei on școală on secolul al XIX-lea*» он рассматривает роль истории в системе образования, и значение учебников по истории в формировании национального самосознания.

Молдавский историк, один из редакторов «*Interstitio*» *Виргилию Бирладеану* анализирует отношения между историей, идеологической мифологией и национальным строительством в постсоветской Молдове, исследует мотивы и содержание идеологических мифов о прошлом (мифа о «Золотом веке» Молдовы и др.), показывает социальные функции этих мифов, их роль в социальной мобилизации и легитимации власти.

Еще одна статья номера, принадлежащая перу румынского историка *Аделины Оаны Штефан*, посвящена проблеме отношения социалистического государства к досугу рабочих в Румынии 1950-х гг. Исследовательская гипотеза автора состоит в том, что идеология и политика досуга в социалистическом государстве функционирует идентично идеологии и политике «всеобщего благосостояния» в западном обществе.

Следующий номер «*Interstitio*» редакция предполагает посвятить теме «Историческое исследование и политическая идеология».

НАШИ АВТОРЫ

Артёменко Александр – украинский историк, социолог, историк права. Занимается историей правового сознания, проблематикой региональной идентичности. Стипендиат CASE.

Баженова Ольга – белорусский искусствовед, историк искусства. Стипендиат CASE.

Бреская Ольга – белорусский социолог, кандидат социологических наук, доцент Брестского государственного университета. Стипендиат CASE.

Глебов Сергей – украинский политолог, историк. Занимается проблемами современной украинской внешней политики. Стипендиат CASE.

Кауненко Ирина – молдавский историк, этнолог. Занимается проблематикой этнической идентичности, межкультурной коммуникации. Стипендиат CASE.

Корзун Франц – белорусский культуролог, историк идей, переводчик.

Матиевский Юрий – украинский политолог. Занимается анализом современных политических процессов в контексте транзитологии. Стипендиат CASE.

Миснюк Владимир – белорусский историк. Занимается проблематикой региональной истории. Стипендиат CASE.

Олюнина Ирина – белорусский историк, антрополог. Занимается современной устной историей, проблематикой культурного пограничья. Стипендиат CASE.

Пелин Александр – украинский историк, этнолог. Занимается проблематикой этнической и национальной идентичности. Стипендиат CASE.

Станишкис Ядвига – польский социолог. Профессор Института социологии Варшавского университета, сотрудник Института политических исследований ПАН. Переведенный текст является частью книги «Посткоммунизм» (Варшава, 2001).

Токть Сергей – белорусский историк, доктор исторических наук, занимается историей белорусского национального движения.

Филатов Александр – белорусский философ. Занимается современной социальной теорией, постколониальными исследованиями, исследованиями пограничья. Стипендиат CASE.

Харитонович Сергей – белорусский политолог, доцент Брестского государственного университета. Занимается проблемами политической и культурной идентичности пограничья.

Чакрабарти Дипеш – индийский постколониальный историк и теоретик. Преполагает в Университете Чикаго.

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- Интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;

- Организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
- Создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- Содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- Проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- Осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- Проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- Издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- Издание сборника работ стипендиатов CASE;
- Издание монографий по проблематике CASE;
- Создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- Создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- Теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- Исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- Политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- Национальная идентичность в условиях Пограничья;
- Социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- Регионы Пограничья в условиях глобализации.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВИЛЬНЮСЕ

*предлагает широкие возможности получения
образования европейского уровня в сфере
социальных и гуманитарных наук*

Бакалаврские программы – высшее четырехлетнее образование очной и заочной формы обучения (на базе среднего или незаконченного/законченного высшего образования) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- визуальный дизайн и медиа;
- история Беларуси и культурная антропология;
- культурное наследие и туризм;
- массовые коммуникации и журналистика;
- международное право;
- политология и европейские исследования;
- социальная и политическая философия;
- теория и практики современного искусства.

Магистерские программы – высшее двухлетнее образование второго уровня (на базе высшего образования) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- гендерные исследования;
- европейские исследования;
- международное право и европейское право;
- охрана и интерпретация культурного наследия;
- публичная политика;
- социальная теория и политическая философия;
- сравнительная история стран Северо-Восточной Европы.

Дистанционные программы – дополнительное образование для взрослых через Интернет. Широкий спектр курсов дистанционного обучения различной длительности в таких областях, как:

- дизайн;
- туризм и рекреация;
- современное искусство;
- право;
- коммуникация и информация;
- политология;
- философия;
- история.

Все о программах ЕГУ:

www.ehu.lt